

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Институт проблем информационной безопасности МГУ
Аппарат Национального антитеррористического комитета
Академия криптографии Российской Федерации

Четвертая международная научная конференция по проблемам безопасности и противодействия терроризму

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, 30–31 октября 2008 г.

Том 1

Материалы пленарных заседаний

***Материалы Первой всероссийской научно-
практической конференции «Формирование
устойчивой антитеррористической позиции
гражданского общества как основы
профилактики терроризма»***

Москва
Издательство МЦНМО
2009

ББК 00.00В0
М00

М00 Четвертая международная научная конференция по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 30–31 октября 2008 г. Том 1. Материалы пленарных заседаний. Материалы Первой всероссийской научно-практической конференции «Формирование устойчивой антитеррористической позиции гражданского общества как основы профилактики терроризма». — М.: МЦНМО, 2009. — 000 с.

© Коллектив авторов, 2009.

© МЦНМО, 2009.

Содержание

Общая информация о Четвертой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму . . .	7
Программа Четвертой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму (заседания по тематике профилактики терроризма)	10
I Пленарные доклады	23
В. А. Садовничий. Основные направления и приоритетные проблемы научных исследований в области профилактики терроризма	24
А. Е. Сафонов. Современное мировое информационное пространство и способы его защиты от идеологии терроризма	33
В. П. Шерстюк. Проблемы противодействия компьютерной преступности и кибертерроризму	39
Е. П. Ильин. Участие институтов гражданского общества, бизнес-структур и средств массовой информации в противодействии идеологии насилия в рамках системы противодействия терроризму	47
T. L. Thomas. Deterring extremist use of the Internet	59
II Семинар «Социально-философское обоснование методов противодействия религиозному экстремизму»	73
Аналитическая справка по итогам проведения семинара «Социально-философское обоснование методов противодействия религиозному экстремизму»	74
Д. В. Сочнев. Деятельность исламистских экстремистских организаций в системе вызовов и угроз безопасности России	76
В. Н. Найдено. Этнонациональный экстремизм в России: проблемы и пути противодействия	87
М. А. Кочубей. Философия войны Ивана Ильина и современность	96
Е. В. Брызгалина. Совершенствование системы подготовки специалистов в учебных заведениях философского образования, направленного на воспитание у молодежи основ толерантности	102
Е. В. Орёл. Исламский терроризм в свете психологии религии: возможные направления исследования	106
З. П. Трофимова. Английские философы XX века о религиозном экстремизме	110
М. А. Смирнов. Общественная безопасность и противодействие религиозному экстремизму	114
III Семинар-круглый стол «Роль средств массовой информации в профилактике терроризма»	119
Аналитическая справка по итогам проведения семинара-круглого стола «Роль средств массовой информации в профилактике терроризма»	120

В. Е. Петрищев. Роль СМИ в профилактике терроризма 123

IV Семинар-круглый стол «Социально-психологические технологии профилактики терроризма» 130

Аналитическая справка по итогам проведения семинара-круглого стола «Социально-психологические технологии профилактики терроризма» 131

В. В. Барабанщикова. Психологические методы повышения устойчивости личности к негативным воздействиям стресса 134

Б. Б. Величковский. Диагностика уровня индивидуальной устойчивости к стрессу как фактор снижения террористической опасности . 139

А. Г. Караяни. Анализ концептуальных моделей терроризма 143

А. А. Кисельников. Профилактика терроризма с помощью социально-психологического инструментария 148

Н. В. Кожина. Образ террориста в сознании молодых людей 153

А. Е. Раевский. Проблема выявления причин формирования террористов: историческая перспектива 157

А. М. Рикель. Особенности представлений об экстремизме у молодежи 160

О. А. Тихомандрицкая. Информация о терроризме в СМИ и изменение социальных установок 163

А. Ш. Тхостов, К. Г. Сурнов. Психологические причины терроризма . 165

Р. С. Шилко. Методологические основы построения классификаций в исследованиях по проблемам безопасности и противодействия терроризму 170

V Семинар «Формирование идеологии антитерроризма: поиск оснований» 175

Аналитическая справка по итогам проведения семинара «Формирование идеологии антитерроризма: поиск оснований» 176

И. Б. Котловский, Е. И. Яرمىзина. Оценка и страхование риска террористического акта 179

Е. Л. Варганова, О. В. Смирнова. Социальная ответственность журналиста в контексте антитеррористической деятельности 186

А. Ш. Тхостов. Психологические факторы формирования идеологии антитерроризма 192

VI Семинар-круглый стол «Мировая культура против идеологии терроризма» 196

Аналитическая справка по итогам проведения семинара-круглого стола «Мировая культура против идеологии терроризма» 197

Ю. В. Петров. Спасет ли красота мир? По поводу агрессии Грузии в Южной Осетии и Абхазии 203

М. В. Ботя. О толерантности этносов Приуралья 217

В. Б. Кошаев. Аксиоматический конфликт рода и цивилизации (искусство надежней свинца)	222
В. Е. Буденкова. Коммуникативный потенциал культуры	233
О. И. Георгиев. Развитие национальных культур как фактор профилактики терроризма и экстремизма	241

VII Первая всероссийская научно-практическая конференция «Формирование устойчивой антитеррористической позиции гражданского общества как основы профилактики терроризма» 244

Приветственное слово первого заместителя руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета, кандидата юридических наук, генерал-лейтенанта Е. П. Ильина	245
В. И. Орлов. Современный терроризм. Роль политических и идеологических факторов в причинах его возникновения и сохранения. Меры противодействия	248
О. Н. Астафьева. Межкультурный диалог в условиях расширения миграционных процессов	260
Ю. И. Авдеев. О некоторых теоретико-методологических вопросах противодействия идеологии терроризма	272
В. П. Баранов. Терроризм. История развития и современность	282
В. А. Бошук. О некоторых аспектах формирования антитеррористической политики государства	289
С. В. Васильев, В. В. Ткаченко. О некоторых актуальных проблемах в деятельности областной антитеррористической комиссии при разработке и внедрении региональных программ профилактики терроризма и экстремизма (на примере Нижегородской области)	297
Г. Г. Грузин. Развитие национальных культур как фактор профилактики терроризма и экстремизма	304
А. С. Дакаев. Об опыте внедрения в Чеченской Республике программы профилактики терроризма и экстремизма	308
А.-Н. З. Дибиров. Современный политический экстремизм: общее, особенное и единичное	314
М. Г. Дмитриев. Вузовский потенциал в решении проблем обеспечения общественной безопасности: социологические измерения, тематическое моделирование, региональные прогнозы	328
В. П. Журавель. Актуальные социально-педагогические проблемы противодействия идеологической составляющей терроризма	333
Ю. П. Зинченко. Методологический анализ причин и условий, способствующих вовлечению в террористическую деятельность	339
А. Х. Кажаров. Предложения по совершенствованию федерального и регионального законодательства с целью повышения эффективности работы по противодействию терроризму и экстремизму	347

Т. В. Корнаухова. Опыт внедрения в Саратовской области долгосрочной областной целевой программы «Профилактика терроризма и экстремизма в Саратовской области на 2008–2010 годы»	351
В. Б. Коробов. Сотрудничество правоохранительных органов с институтами гражданского общества в сфере противодействия радикализации населения, формирования молодежных группировок экстремистской направленности	358
О. В. Кудрявцев. Трансформация идеологии терроризма	368
Н. Ю. Лопаткин. Организационно-правовые аспекты информационного противодействия терроризму	373
В. В. Миронов. Философское обоснование антитеррора	379
В. Н. Нозиков, А. В. Печерский. Организация системы антитеррористической безопасности Пензенской области	386
В. В. Попов. Межнациональные и межконфессиональные противоречия и конфликты как фактор, способствующий формированию и развитию экстремистских и террористических проявлений в Российской Федерации	398
А. Т. Рагимов. Практика контроля за исполнением законодательства в сфере межнациональных отношений и свободы совести	406
Р. В. Романов. Изменение уголовного законодательства Российской Федерации о взрывчатых веществах и взрывных устройствах в аспекте предупреждения терроризма	411
А. П. Садохин. Дискурс толерантности в межкультурной коммуникации	417
А. В. Сурин. Антитеррор: научные и образовательные измерения . . .	436
П. М. Сюкасов. Опыт внедрения в Свердловской области программы профилактики терроризма и экстремизма	444
А. З. Уразбаев. К вопросу формирования комплексной системы мер профилактики терроризма в странах СНГ	450
В. С. Шукшин. О некоторых исторических аспектах борьбы с терроризмом в современной России	454

Общая информация о Четвертой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму

Мероприятия конференции:

- Семинар «Социально-философское обоснование методов противодействия религиозному экстремизму».
- Семинар-круглый стол «Роль средств массовой информации в профилактике терроризма».
- Семинар-круглый стол «Социально-психологические технологии профилактики терроризма».
- Семинар «Формирование идеологии антитерроризма: поиск оснований».
- Семинар-круглый стол «Мировая культура против идеологии терроризма».
- Международный круглый стол «Противодействие использованию сети Интернет в террористических целях».
- Первая всероссийская научно-практическая конференция «Формирование устойчивой антитеррористической позиции гражданского общества как основы профилактики терроризма».
- Седьмая общероссийская научная конференция «Математика и безопасность информационных технологий» (МаБИТ-2008), включающая секции по следующим тематическим направлениям:
 - математические проблемы информационной безопасности;
 - математическое и программное обеспечение информационной безопасности компьютерных систем.

Сопредседатели конференции:

- В. А. Садовничий — ректор МГУ имени М. В. Ломоносова;
- В. П. Шерстюк — помощник Секретаря Совета Безопасности РФ;
- С. М. Буравлев — заместитель Директора ФСБ РФ, президент Академии криптографии РФ;
- Е. П. Ильин — первый заместитель руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета.

Оргкомитет конференции:

- В. В. Белокуров — сопредседатель Оргкомитета, проректор МГУ;
- Н. В. Семин — сопредседатель Оргкомитета, проректор МГУ;
- В. Н. Сачков — сопредседатель Оргкомитета, вице-президент Академии криптографии РФ;
- В. В. Яценко — сопредседатель Оргкомитета, зам. директора ИПИБ МГУ;
- А. А. Стрельцов (аппарат Совета Безопасности РФ);
- М. М. Глухов (Академия криптографии РФ);
- В. К. Левин (Академия криптографии РФ);
- В. И. Орлов (аппарат Национального антитеррористического комитета);
- В. Ю. Соколов (аппарат Национального антитеррористического комитета);
- В. В. Миронов (философский факультет МГУ);
- А. В. Сурин (факультет государственного управления МГУ);
- Ю. П. Зинченко (факультет психологии МГУ);
- Е. Л. Варганова (факультет журналистики МГУ);
- В. Б. Алексеев (факультет ВМиК МГУ);
- В. А. Васенин (ИПИБ МГУ);
- Г. М. Кобельков (механико-математический факультет МГУ);
- И. Б. Котлобовский (экономический факультет МГУ);

- А. П. Лободанов (факультет искусств МГУ);
- О. А. Логачёв (ИПИБ МГУ);
- А. А. Сальников (ИПИБ МГУ);
- В. В. Соколов (ИПИБ МГУ);
- Д. И. Григорьев (ИПИБ МГУ);
- С. Г. Тер-Минасова (факультет иностранных языков и регионоведения МГУ);
- Е. Н. Мошелков (общественно-политический центр МГУ);
- Р. Перл (ОБСЕ);
- Р. Госенда (университет штата Нью-Йорк, США);
- Ш. Кросс (Центр им. Джорджа К. Маршалла);
- Г. Бехманн (университет г. Карлсруэ, Германия);
- Э. фон Штудниц (германско-российский форум);
- В. Марковский (ICANN — корпорация Интернета для специализированных адресов и номеров).

Секретариат конференции:

- Р. А. Шаряпов — отв. секретарь Оргкомитета (ИПИБ МГУ);
- Т. В. Крюкова — зам. отв. секретаря Оргкомитета;
- В. И. Солодовников (Академия криптографии РФ);
- А. В. Меркулов (аппарат Национального антитеррористического комитета);
- М. И. Анохин
- Т. А. Браташ
- О. В. Казарин
- Н. Н. Костина
- А. В. Соколова
- Н. В. Табаченко

**Программа Четвертой
международной научной конференции
по проблемам безопасности и
противодействия терроризму
(заседания по тематике
профилактики терроризма)**

Четверг, 30 октября 2008 г.

Зал конференций Интеллектуального Центра — Фундаментальной библиотеки МГУ.

9.00–10.00. Регистрация участников

10.00–14.00. Пленарное заседание

Открытие конференции

- В. А. Садовничий (ректор МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАН). Основные направления и приоритетные проблемы научных исследований в области профилактики терроризма.
- А. Е. Сафонов (специальный представитель Президента Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и транснациональной организованной преступностью). Современное мировое информационное пространство и способы его защиты от идеологии терроризма.
- В. П. Шерстюк (помощник Секретаря Совета Безопасности РФ, директор Института проблем информационной безопасности МГУ, член-корреспондент Академии криптографии РФ). Проблемы противодействия компьютерной преступности и кибертерроризму.
- Е. П. Ильин (первый заместитель руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета). Участие институтов гражданского общества, бизнес-структур и средств массовой информации в противодействии идеологии насилия в рамках системы противодействия терроризму.

11.30–12.00. Кофе-брейк

- Р. ПЕРЛ (Raphael Perl, руководитель Департамента по противодействию терроризму Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе). Будущее терроризма и необходимость разработки адекватных мер противодействию ему.
- Ш. КРОСС (Sharyl Cross, профессор Европейского центра по изучению проблем безопасности имени Дж. Маршалла, г. Гармиш-Партенкирхен, Германия). Российско-американское сотрудничество в области безопасности на пути в XXI век: ответ на общие угрозы безопасности от воинствующей экстремистской/террористической идеологии.
- Т. ТОМАС (Tim Thomas, аналитик Министерства обороны США). Обзор методов противодействия использованию сети Интернет в экстремистских целях.

14.00–15.00. Обед

15.00–18.10. Семинары, круглые столы и секционные заседания (проводятся параллельно)

Семинар «Социально-философское обоснование методов противодействия религиозному экстремизму»

Место проведения: Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, I учебный корпус МГУ, аудитория Е-317.

Председатель: В. В. Миронов (член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета МГУ).

Сессия 1. Этнорелигиозные корни современного терроризма

- Д. В. СОЧНЕВ (главный научный сотрудник Научного центра Академии управления МВД России, доктор социологических наук, доцент). Деятельность исламистских экстремистских организаций в системе вызовов и угроз безопасности России.
- В. Н. НАЙДЕНКО (кандидат юридических наук, старший научный сотрудник). Этнонациональный экстремизм в России: проблемы и пути противодействия.

Сессия 2. Проблематика террора и терроризма в философии

- М. В. СИЛАНТЬЕВА (зав. кафедрой философии Государственной Академии Славянской Культуры, доктор философских наук, профессор). Н. А. Бердяев об истоках экстремизма.
- М. А. КОЧУБЕЙ (ст. инспектор по особым поручениям Антитеррористического центра СНГ, доктор юридических наук). Философия войны Ивана Ильина и современность.

- А. П. КОЗЫРЕВ (доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, кандидат философских наук). Проблема терроризма в русской философии начала XX века.
- А. А. КОСТИКОВА (доцент кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ, кандидат философских наук). Современная западная философия: как можно философствовать после 11 сентября.

Сессия 3. Общественный диалог как способ противодействия терроризму

- И. Н. ЯБЛОКОВ (зав. кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета МГУ, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ). Толерантность и диалог как способы достижения согласия в религиозных отношениях.
- Б. М. СИНЕЛЬНИКОВ (ректор Северо-Кавказского государственного технического университета, доктор химических наук, профессор). Совершенствование системы подготовки специалистов в учебных заведениях высшего и послевузовского профессионального образования, направленной на воспитание у молодежи основ толерантности.
- Е. В. БРЫЗГАЛИНА (доцент кафедры философии и методологии науки философского факультета МГУ, кандидат философских наук). Совершенствование системы подготовки специалистов в учебных заведениях философского образования, направленного на воспитание у молодежи основ толерантности.
- Митрополит Смоленский и Калининградский КИРИЛЛ (постоянный член Синода Русской Православной Церкви, Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата). Опыт и проблемы межрелигиозного сотрудничества в России.
- Дж. МАНДЛ (Jonathan Mandle, доктор философии, зав. кафедрой философии Университета Олбани, СУНИ, США). Толерантность и справедливость.
- Шейх ФАРИД АСАДУЛЛИН (заместитель председателя совета муфтиев России). Деяние добра в традициях мусульман России.
- В. А. АЛЕКСЕЕВ (президент Международного Фонда Единства Православных Народов, главный политический советник Международной Ассамблеи Православия, доктор философских наук, профессор). Угроза религиозного экстремизма и опыт православного миротворчества.
- Е. В. ОРЁЛ (доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ, кандидат философских наук). Исламский терроризм в свете психологии религии: возможные направления исследования.
- З. А. ТАЖУРИЗИНА (доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ),

- З. П. ТРОФИМОВА (доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ). Гуманизм *contra* религиозный экстремизм.
- ДАМИР ХАЗРАТ (муфтий Восточно-европейской части России, кандидат философских наук). Задачи диалога в мусульманском пространстве.
- К. И. НИКОНОВ (доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ) Философско-антропологические аспекты межрелигиозного диалога.
- А. Н. КРАСНИКОВ (доктор философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ). Роль религиоведения в смягчении межрелигиозных конфликтов.
- В. Г. ГОРОХОВ (доктор философских наук, в. н. с. ИФ РАН), Г. БЕХМАНН (Gotthard Béchmann, доктор философии, Центр научных исследований г. Карлсруэ, Германия). Современная наука против угрозы терроризма.

Сессия 4. Философские основания противодействия религиозному экстремизму

- В. Н. САВЕЛЬЕВ (зам. директора ЗАО технологий и инноваций, доктор философских наук). Противодействие религиозному экстремизму в условиях процессов глобализации.
- Д. В. АЛЕКСЕЕВ (Генеральный директор ФАВОРИТ-МЕДИА, главный редактор журнала «К единству», кандидат философских наук). Современное законодательство стран ЕС по вопросам противодействия религиозной агрессии и межрелигиозной вражде.
- М. А. Смирнов (ответственный редактор Приложения «НГ-Религии» к «Независимой Газете»). Общественная безопасность и противодействие религиозному экстремизму.
- Священник Владимир Шмалый (проректор по научной работе Московской Православной Духовной Академии и семинарии), А. И. Кырлежев (помощник Председателя Богословской комиссии РПЦ). Религиозный экстремизм в православной перспективе.
- В. Л. Шульц (член-корреспондент РАН, научный руководитель ВШ ССН МГУ, доктор философских наук, профессор). Специфика противодействия информационному терроризму.

Семинар-круглый стол «Роль средств массовой информации в профилактике терроризма»

Место проведения: трансформируемый зал Интеллектуального центра — Фундаментальной библиотеки МГУ.

Сопредседатели: Е. Л. Вартанова (декан факультета журналистики МГУ, доктор филологических наук, профессор), Р. Перл (Raphael Perl, ру-

ководитель Департамента по противодействию терроризму ОБСЕ — Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе).

Вопросы для обсуждения:

- Взаимодействие государства, общества и СМИ в противодействии террористической угрозе.
- Международные и российские документы (хартии, конвенции, договоры), определяющие процедуры взаимодействия журналистов и силовых структур в экстремальных ситуациях, формы взаимоотношения журналистов с силовыми структурами.
- Социальная ответственность СМИ как фактор стабильности общества.
- Ситуация выбора «право людей на жизнь или право общества на информацию»: ответственность силовиков и журналистов.
- Ограничение на распространение информации и конституционные права граждан на информацию.
- Российская и зарубежная практика действий СМИ и правоохранительных органов в экстремальных ситуациях.
- Подготовка журналистов для работы в экстремальных условиях.

Доклад:

В. Е. ПЕТРИЦЕВ (член Экспертного совета Комитета Госдумы по безопасности, доктор юридических наук, профессор). Роль СМИ в профилактике терроризма.

К участию в семинаре-круглом столе приглашены: И. Яковенко (Союз журналистов России), М. Федотов (Союз журналистов России), Н. Ажгихина (Союз журналистов России), П. Гутионтов (Союз журналистов России), А. Рихтер (факультет журналистики, Центр «Право и СМИ»), А. Симонов (Фонд защиты гласности), О. Панфилов (Центр экстремальной журналистики), В. Познер (Ассоциация Российского телевидения), Э. Сагалаев (Национальная ассоциация телерадиовещателей), А. Любимов (Медиасоюз), М. Максимовская (РЕН ТВ), В. Фефилов (НТВ), А. Поборцев (НТВ), А. Мамонтов (РТР), С. Брилев (РТР), А. Степаненко (Первый канал), С. Гапонов (Первый канал), И. Колосов (ТВЦ), Л. Млечин (ТВЦ), А. Вендиктов (Эхо Москвы), Ю. Калинина (Московский комсомолец), В. Яков (Новые известия), О. Алентова (Коммерсант), М. Мурадов (Коммерсант), Д. Муратов (Новая газета), А. Качкаева (Радио «Свобода»), В. Фронин (Российская газета), В. Умановский (Радио «Россия»).

В семинаре-круглом столе участвуют также профессора, преподаватели и сотрудники факультета журналистики МГУ: Я. Н. Засурский, С. С. Смирнов, Г. Г. Щепилова, С. Э. Некляев, О. В. Смирнова, Е. Е. Проница, С. Ю. Гладун, Д. В. Дунас, О. А. Бакулин, М. И. Макеенко, М. В. Блинова и др.

Семинар-круглый стол «Социально-психологические технологии профилактики терроризма»

Место проведения: трансформируемый зал Интеллектуального центра — Фундаментальной библиотеки МГУ.

Председатель: Ю. П. Зинченко (декан факультета психологии МГУ, доктор психологических наук, профессор).

Вопросы для обсуждения:

- Психологический портрет террориста: психологическое определение предмета и методов исследования и воздействия.
- Причины и условия, способствующие вовлечению в террористическую деятельность.
- Мотивация террориста: структура, типология, генезис.
- Социально-психологические технологии выявления склонности к террористической деятельности.
- Психологические особенности детей и подростков и проблема формирования у них устойчивости к идеологии терроризма.
- Особенности использования социально-психологических технологий при подготовке телевизионных передач, разъясняющих преступную суть идеологии терроризма и ее распространителей.

Доклады:

А. Г. КАРАЯНИ (начальник кафедры психологии Военного университета Министерства обороны РФ, полковник, доктор психологических наук, профессор). Анализ концептуальных моделей терроризма.

М. Г. ДЕВОЛЬСКИЙ (зам. начальника управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными Федеральной службы исполнения наказаний). Психологические особенности осужденных за террористическую деятельность и их поведение в местах лишения свободы.

К участию в семинаре-круглом столе приглашены: А. Л. Журавлев (директор Института психологии РАН, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор), В. В. Рубцов (директор Института психологии РАО, академик РАО, доктор психологических наук, профессор),

Ю. С. Шойгу (директор Центра экстренной психологической помощи МЧС России, кандидат психологических наук), А. Г. Караяни (начальник кафедры психологии Военного университета Министерства обороны РФ, полковник, доктор психологических наук, профессор), М. Г. Дебольский (зам. начальника управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными Федеральной службы исполнения наказаний).

В семинаре-круглом столе участвуют также профессора, преподаватели и сотрудники факультета психологии МГУ: Г. М. Андреева, А. Ш. Тхостов, Т. Г. Стефаненко, Г. У. Солдатова, А. М. Черноризов, В. Ф. Петренко, А. Б. Леонова, Б. Б. Величковский, В. В. Барабанщикова, А. А. Кисельников, Р. С. Шилко, А. И. Подольский, О. А. Карабанова, С. В. Молчанов.

Семинар «Формирование идеологии антитерроризма: поиск оснований»

Место проведения: Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, 1-й учебный корпус МГУ, аудитория Е-834.

Председатель: А. В. Сурин (декан факультета государственного управления МГУ).

- В. Л. БАБУРИН (доктор географических наук, профессор географического факультета МГУ). Естественно-исторические и социокультурные факторы терроризма.
- И. Б. КОТЛОВОВСКИЙ (зав. кафедрой экономического факультета МГУ, кандидат экономических наук, доцент). Терроризм и финансовые риски.
- В. С. КОМИССАРОВ (зав. кафедрой юридического факультета МГУ, доктор юридических наук, профессор), В. Г. СТЕПАНОВ-ЕГИЯНЦ (юридический факультет МГУ). Организационно-правовые меры противодействия терроризму в США.
- Л. В. МИНАЕВА (зав. кафедрой факультета государственного управления МГУ, доктор филологических наук, профессор). Культурные стереотипы восприятия терроризма.
- А. В. СИДОРОВ (зав. кафедрой факультета государственного управления МГУ, доктор исторических наук, профессор). Исторические основы формирования идеологии антитерроризма.
- Е. Л. ВАРТАНОВА (декан факультета журналистики МГУ, доктор филологических наук, профессор), О. В. СМИРНОВА (зам. декана факультета журналистики МГУ, кандидат филологических наук, доцент). Социальная ответственность журналиста в контексте антитеррористической деятельности.
- А. И. СОЛОВЬЁВ (зав. кафедрой факультета государственного управления МГУ, доктор политических наук, профессор). Идеология антитеррора: политико-управленческие приложения.
- А. Ш. ТХОСТОВ (доктор психологических наук, профессор факультета психологии МГУ). Психологические факторы формирования идеологии

антитерроризма.

Семинар-круглый стол «Мировая культура против идеологии терроризма»

Место проведения: трансформируемый зал Интеллектуального центра — Фундаментальной библиотеки МГУ.

Председатель: А. П. Лободанов (декан факультета искусств МГУ, доктор филологических наук, профессор).

Вопросы для обсуждения:

- Деятели искусства России против идеологии терроризма.
- Развитие национальных культур как фактор профилактики терроризма и экстремизма.
- Значение культуры в развитии диалога религий.
- Психология искусства: снятие противоречий.

1. Идеология терроризма

- базируется прежде всего на сознательном игнорировании объективных, исторически обусловленных различий между национальными культурами. Провоцируемое таким образом непонимание между народами в большинстве случаев является корнем агрессии;
- характеризуется навязыванием этических и моральных норм одной культуры другим прочим как единственно возможных в устройстве миропорядка;
- основывается на физическом, образовательном, информационном и эмоциональном вандализме.

2. Искусство в его различных видах служит целям объединения людей ради налаживания совместной деятельности в обществе. Искусство — открытая структура деятельности, способная к оптимизации взаимопонимания между народами, снятию угроз терроризма в межэтнических и международных конфликтах.

Профилактической мерой в противодействии терроризму обычно и надежно служит обмен ценностями культуры и искусства, проведение совместных мероприятий (фестивалей, концертов, спектаклей, выставок и т. д.). Искусство — более действенный партнер в трудных переговорах, чем стол заседаний, поскольку влияет непосредственно на чувственно-эмоциональные структуры человека.

3. В рамках борьбы с идеологией терроризма средствами искусства необходимо прежде всего:

- выявление и описание толерантных архетипов в национальных культурах и искусстве с целью выделения их нравственных основ и сходств в вопросах сохранения жизни;
- определение роли искусства в сохранении духовного опыта народов (в литературе, языке, изобразительном искусстве, театре, танце, музыке), поскольку процесс творчества — не разрушительный, а созидательный по своему существу.

4. Главная функция искусства есть воплощение замыслов позитивной деятельности и передачи другим членам общества, искусство — социально значимая ценность, так как связана с оптимизацией устройства современного общества. Искусство ориентирует в поисках национальной идеи, снимает наносные идеологические противоречия, приводящие к актам вандализма и терроризма.

Доклады:

- А. П. ЛОБОДАНОВ (доктор филологических наук, профессор, декан факультета искусств МГУ). Культура в борьбе за безопасный мир.
- Ю. В. ПЕТРОВ (директор Института искусств Томского ГУ, профессор). Агрессия как способ разрешения национальных и геополитических конфликтов.
- Н. К. СОЛОВЬЕВ (проректор Московского государственного художественно-промышленного университета имени С. Г. Строганова, профессор). Дом человека — территория мира.
- М. В. БОТЯ (директор института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета). О толерантности этносов Приуралья.
- Г. В. ЕСАУЛОВ (академик, главный ученый секретарь РААСН). Архитектура Северного Кавказа — толерантность архетипа.
- В. Б. КОШАЕВ (доктор, профессор факультета искусств МГУ). Аксиоматический конфликт рода и цивилизации (искусство надежней свинца).
- О. А. ЗИНОВЬЕВА (кандидат культурологических наук, руководитель центра России и США МГУ-СУНИ). Московский архитектурный ландшафт начала XX века как пример творческой и культурной толерантности.
- С. И. РЕСНЯНСКИЙ (зав. кафедрой истории культуры Московского государственного университета сервиса, профессор). Искусство и культура против терроризма.
- К. Н. ГАВРИЛИН (зав. кафедрой истории искусств Московского государственного художественно-промышленного университета имени С. Г. Строганова). Интернациональные коммуникации искусства.
- Т. А. ШУТОВА (ст. преп. факультета искусств МГУ). Терроризм в современной литературе и искусстве.

Е. Н. САВЕЛЬЕВА (зам. директора Института искусств ТГУ, доцент). Фактор толерантности в границах религиозного текста кино.

В. Е. БУДЕНКОВА (председатель методической комиссии Института искусств ТГУ, профессор, доцент). Рациональные основания границы толерантности.

К участию в семинаре-круглом столе приглашены: М. В. Ботя (директор института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета), В. В. Ковычев (художественный музей Удмуртского государственного университета), С. Г. Стасюк (ректор Московского государственного художественно-промышленного университета имени С. Г. Строганова, профессор), Н. К. Соловьев (проректор Московского государственного художественно-промышленного университета имени С. Г. Строганова, профессор), К. Н. Гаврилин (зав. кафедрой истории искусств Московского государственного художественно-промышленного университета имени С. Г. Строганова), Г. В. Есаулов (академик, главный ученый секретарь РААСН), Е. И. Пивовар (ректор Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН), К. Ф. Затулин (директор института СНГ), Б. И. Ноткин (член Российской академии телевидения), Ю. В. Петров (директор Института искусств ТГУ, профессор), Е. Н. Савельева (зам. директора Института искусств ТГУ), В. Е. Буденкова (председатель методической комиссии Института искусств ТГУ), С. И. Реснянский (зав. кафедрой истории культуры Московского государственного университета сервиса), С. Гардзонео (зав. кафедрой русского языка и литературы Болонского государственного университета, профессор), Г. В. Денисова (доцент кафедры русского языка и литературы Болонского государственного университета).

В семинаре-круглом столе участвуют сотрудники факультета искусств МГУ: проф. Н. А. Барабаш, проф. Б. А. Зурабов, проф. Е. Я. Александрова, проф. В. П. Яйленко, проф. О. С. Крюкова, проф. Т. Ф. Владышевская, проф. Г. В. Зубко, проф. В. Б. Кошаев, доц. Г. В. Заднепровская, доц. О. К. Винокурова, доц. Л. С. Наумова, доц. Н. А. Мухутдинов, ст. преп. В. В. Яхненко, ст. преп. М. Е. Семина, ст. преп. Т. А. Шутова, ст. преп. С. Л. Лебедев, ст. преп. А. Б. Елисеев.

Международный круглый стол «Противодействие использованию сети Интернет в террористических целях»

Место проведения: зал Президиума Интеллектуального центра — Фундаментальной библиотеки МГУ.

Сопредседатели: А. А. Стрельцов (аппарат Совета Безопасности РФ), В. Марковский (Veni Markovski, ICANN — корпорация Интернета для специализированных адресов и номеров), Н. Малишевич (Nemađa Malisevic, ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе).

Вопросы для обсуждения:

- Международно-правовые аспекты вопросов противодействия использованию сети Интернет в террористических целях.
- Проблемы интернационализации управления Интернетом в контексте противодействия угрозе кибертерроризма.
- Пути и возможности дальнейшей консолидации международных усилий в борьбе с подстрекательством к терроризму в сети Интернет.
- Нормативно-правовое регулирование международного сотрудничества в области противодействия экстремизму и терроризму.

К участию в круглом столе приглашены: А. А. Стрельцов (аппарат Совета Безопасности РФ), В. Марковский (Veni Markovski, ICANN — корпорация Интернета для специализированных адресов и номеров), Н. Малишевич (Nemanja Malisevic, ведущий эксперт Департамента по противодействию терроризму ОБСЕ — Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе), Р. Рогозинский (Rafal Rohozinski, университет Оттавы, Канада), С. Гоел (Sanjay Goel, университет штата Нью-Йорк, США), Т. Томас (Tim Thomas, аналитик Министерства обороны США), Я. фон Кноп (Jan von Knoop, университет Дюссельдорфа, Германия), А. Н. Курбацкий (Белорусский государственный университет), А. А. Кульпин (ИПИБ МГУ), представители федеральных органов исполнительной власти РФ, представители других заинтересованных организаций.

Пятница, 31 октября 2008 г.

10.00–15.00. Первая всероссийская научно-практическая конференция «Формирование устойчивой антитеррористической позиции гражданского общества как основы профилактики терроризма»

Место проведения: зал конференций Интеллектуального Центра — Фундаментальной библиотеки МГУ.

Открытие конференции

В. И. Орлов (заместитель руководителя аппарата — начальник Управления «И» аппарата Национального антитеррористического комитета, кандидат юридических наук). Современный терроризм. Роль политических и идеологических факторов в причинах его возникновения и сохранения. Меры противодействия.

А. В. Журавский (директор Департамента межнациональных отношений Минрегиона России). Взаимодействие федеральных и региональных органов государственной власти с институтами гражданского общества, бизнеса, средств массовой информации в профилактике терроризма.

- В. П. ЖУРАВЕЛЬ (член Экспертного совета комитета Государственной Думы Российской Федерации по безопасности, кандидат педагогических наук, доцент). Актуальные социально-педагогические проблемы противодействия идеологической составляющей терроризма.
- В. В. МИРОНОВ (член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета МГУ). Философское обоснование антитеррора.
- В. С. ШУКШИН (заместитель руководителя аппарата Мэра и Правительства г. Москвы, руководитель аппарата АТК, доктор политических наук). Опыт профилактики экстремистских проявлений в г. Москве, гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений, предупреждение ксенофобии как фактора усиления терроризма.
- П. Н. ЕРМАКОВ (первый проректор ЮФУ, доктор биологических наук, профессор). Профилактика терроризма в условиях кризисных трансформаций личности в постконфликтных регионах Южного Федерального округа.
- А. Т. РАГИМОВ (министр юстиции Республики Дагестан). Практика контроля за исполнением законодательства в сфере межнациональных отношений и свободы совести.
- А. Э. УРАЗБАЕВ (представитель Республики Казахстан в АТЦ СНГ, кандидат юридических наук). К вопросу формирования комплексной системы мер профилактики терроризма в странах СНГ.

11.30–12.00. Кофе-брейк

- А.-Н. Э. ДИБИРОВ (доктор политических наук, профессор Дагестанского государственного университета). Современный политический экстремизм: общее, особенное и единичное.
- А. П. ЗИНЬКО (заместитель директора Департамента межнациональных отношений Минрегиона России). Роль государства, общества, семьи, школы и религии в защите молодежи в республиках Северного Кавказа от влияния экстремистской идеологии.
- Е. Л. ВАРТАНОВА (декан факультета журналистики МГУ, доктор филологических наук, профессор). Интерактивное взаимодействие журналистов и аудиторий в контексте борьбы с терроризмом.
- В. Б. КОРОБОВ (доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры Академии управления МВД России). Сотрудничество правоохранительных органов с институтами гражданского общества в сфере противодействия радикализации населения, формирования молодежных группировок экстремистской направленности.
- А. В. СУРИН (декан факультета государственного управления МГУ, кандидат философских наук, доцент). Антитеррор: научные и образовательные измерения.

А. П. ЛОБОДАНОВ (декан факультета искусств МГУ, доктор филологических наук, профессор). Культура в борьбе за безопасный мир.

13.30–14.00. Кофе-брейк

М. Г. ДМИТРИЕВ (заведующий кафедрой Российского государственного социального университета). Вузовский потенциал в решении проблем обеспечения общественной безопасности: социологические измерения, математическое моделирование, региональные прогнозы.

Ю. О. ДМИТРИЕВ (руководитель Сектора по обеспечению деятельности АТК Администрации Санкт-Петербурга). Опыт внедрения в субъектах Российской Федерации программ профилактики терроризма и экстремизма.

Т. В. КОРНАУХОВА (зам. начальника Управления регионального мониторинга, прогнозирования и организации противодействия терроризму Саратовской области). Опыт внедрения в Саратовской области долгосрочной областной целевой программы «Профилактика терроризма и экстремизма в Саратовской области на 2008–2010 годы».

Ю. П. ЗИНЧЕНКО (декан факультета психологии МГУ, доктор психологических наук, профессор). Методологический анализ причин и условий, способствующих вовлечению в террористическую деятельность.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА (декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, доктор филологических наук, профессор). Межязыковая и межкультурная коммуникация как средство противодействия ксенофобии и терроризму.

Часть I
Пленарные доклады

Основные направления и приоритетные проблемы научных исследований в области профилактики терроризма

В. А. Садовничий¹

Уважаемые участники конференции!

В современных условиях противодействие терроризму становится важнейшим направлением государственной политики по обеспечению национальной и международной безопасности.

Терроризм в настоящее время стал крупной социальной проблемой, негативно влияющей на многие важные аспекты развития государства. Российская Федерация, столкнувшаяся в 90-е годы с прямой масштабной атакой международного терроризма, была вынуждена отразить эту атаку сначала военными средствами, а потом и начать систематическую работу по профилактике терроризма и всеми другими, невоенными методами. В стратегической перспективе после снятия прямой военной угрозы целостности государства и прекращения масштабных боевых действий именно гуманитарные, а не силовые методы противодействия терроризму приобретают решающее, определяющее успех значение. Метафорически эту борьбу можно назвать борьбой «за души, сердца и умы людей», и полем битвы является информационно-психологический континуум современного российского общества.

Для России, как и для других стран, система противоборства с терроризмом должна иметь *общенациональную* основу и аккумулировать в себе скоординированные действия органов государственной власти, бизнес-сообщества, научно-образовательных центров, институтов гражданского общества.

Терроризм действительно стал общемировым злом. Об этом свидетельствуют как масштабы его деятельности, так и формы, методы террористических проявлений. Так, по данным международных экспертов, если в 2004 г. в мире было осуществлено 3100 терактов (в результате которых погибли, были ранены и похищены более 28 тыс. человек), то в 2005 г. эти цифры возросли до 11 тыс. террористических акций (вследствие которых

¹Ректор МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАН.

пострадало более 74 тыс. человек), а в 2006 году — до 14 с половиной тысяч (погибло около 75 тыс. человек). Примерно в таких же пропорциях эти показатели возросли и в последние два года.

На проходившей в июне 2007 г. в Махачкале Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму» руководители федеральных министерств отмечали, что отличительной чертой политического и религиозного экстремизма является способность к быстрому видоизменению и выработке новых форм и путей деятельности.

Сейчас наметилась опасная тенденция к объединению неформальных экстремистских объединений между собой и близкими по идеологии политическими организациями. Происходит активное укрепление межрегиональных связей, принимаются усилия не только в выработке единых стратегий, но и согласование вопросов тактики поведения. Наряду с использованием электорального ресурса экстремистских организаций со стороны легально действующих политических партий предпринимаются попытки создания из таких организаций новых политических партий. Отмечается ухудшение ситуации с распространением экстремистских идеологий, специфической средой для проявления экстремизма стали средства массовой информации и особенно сеть Интернет, представляющая возможность многим экстремистски настроенным лицам и структурам открыто и практически бесконтрольно пропагандировать свои взгляды и идеи. При таких условиях нам необходимо также оперативно менять и правовую базу противодействия этому явлению, и правоприменительную практику, форму организации и межведомственного взаимодействия.

Для эффективного противодействия современным террористическим и экстремистским проявлениям необходимы консолидированные усилия всех органов государственной власти, местного самоуправления, а также общественных организаций, гражданского общества и религиозных объединений. Важно не только выявлять и пресекать преступления экстремистского характера, но и предупреждать их. По нашему мнению, особым и немаловажным аспектом противодействия экстремизму является ликвидация идеологических основ его существования и распространения. Экстремизм не может существовать в вакууме, ему постоянно необходима подпитка новыми кадрами, которые заражаются человеконенавистническими идеями через религиозную, образовательную, культурную и благотворительную среду. Именно системная работа государственных органов и институтов гражданского общества может сыграть в этом значительную роль.

Сознавая постоянно возрастающую угрозу терроризма, у нас в стране в последние годы разрабатывается комплекс мер по противодействию терроризму. В принятом в марте 2006 г. Федеральном законе «О противодействии терроризму» деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления нацеливается, прежде всего, на предупреждение терроризма, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов. Эти действия определяются в законе как *профилактика терроризма*.

Профилактика терроризма является составляющей государственной политики в области противодействия терроризму, затрагивающей политическую, социальную, экономическую, духовную, культурную и иные сферы.

Ключевыми направлениями государственной политики Российской Федерации в области профилактики терроризма, на наш взгляд, являются:

- противодействие (профилактическими, превентивными методами) угрозам международного и транснационального терроризма;
- совершенствование и формирование качественно новых социально-политических и социально-экономических условий для разрешения противоречий общественного развития;
- поддержание норм и правил общественного поведения, исключающих использование экстремистских и террористических методов решения проблем социальной и личной жизни;
- всесторонняя поддержка антитеррористической профилактической деятельности органов государственной власти, институтов гражданского общества и предпринимательского сообщества.

Необходимо сознавать, что комплекс профилактических мер создается нами в условиях небывалой активности террористических центров по разработке и применению в своей деятельности постоянно обновляющихся пропагандистских, технологических и организационных методик и подходов.

Важной предпосылкой успешной реализации практических мероприятий по профилактике терроризма является их научная проработка. В связи с этим в последнее время вполне обосновано на передний план выдвигаются проблемы научных исследований в данной области. От правильного выбора приоритетов в этих научных исследованиях, разработки адекватных научных моделей и подходов во многом будет зависеть эффективная государственная политика в области профилактики терроризма.

В последнее время среди специалистов развернулась дискуссия по вопросу о принципах выделения приоритетных направлений научных исследований в области профилактики терроризма. От правильного выбора этих направлений зависит оптимизация целей и задач научных исследований в этой области, что в свою очередь позволит более точно и эффективно объединить усилия ученых и специалистов.

При определении указанных приоритетных научных направлений мы должны исходить из двух важнейших принципов:

Во-первых, целостное изучение и интерпретация сложной проблемы невозможно сразу и непосредственно без анализа отдельных частей и аспектов ее составляющих.

Во-вторых, проблема профилактики терроризма является новой и нетрадиционной для современной науки и поэтому объединение ученых для

создания интегральной модели возможно только после того, как специалисты детально разберутся с реальными процессами и явлениями через призму своей науки.

В связи с этим представляется более оптимальным выделение научных приоритетов в сфере профилактики терроризма *по областям наук*.

Само по себе выделение научно-исследовательских приоритетов является обязательным исходным этапом организации любого научного исследования как в фундаментальной, так и в прикладной областях. Перечни таких приоритетных направлений ежегодно составляется как в системе Российской академии наук, так и в научных исследованиях, которые проводятся учеными, занятыми в системе образования. С 1998 г. Перечень приоритетных направлений фундаментальных научных исследований ежегодно утверждается Ученым Советом Московского университета.

Так вот, во всех указанных выше случаях в основе выделения научных приоритетов — область науки. Другое дело, что на различных стадиях научных исследований неизбежно возникает необходимость объединения усилий. Но появление междисциплинарных научных программ и проектов — это следствие фундаментальных исследований в конкретных областях отдельных наук, а не наоборот.

Исходя из указанного выше подхода мы выделяем следующие двенадцать приоритетных направлений научных исследований в области профилактики терроризма:

1. *Философские и религиозоведческие основы профилактики терроризма.*
2. *Политологические и социально-экономические основы профилактики терроризма.*
3. *Основы управления и механизмы профилактики терроризма.*
4. *Коммуникативные основания профилактики терроризма.*
5. *Филологические основы профилактики терроризма.*
6. *Психологические основы и социально-психологические технологии профилактики терроризма.*
7. *Криминологические основы профилактики терроризма.*
8. *Правовые основы профилактики терроризма (национальные и международные).*
9. *Педагогические основы профилактики терроризма.*
10. *Культурологические основы профилактики терроризма.*
11. *Медико-биологические основы профилактики терроризма.*

12. *Использование информационно-коммуникационных технологий в профилактике терроризма.*

Позвольте кратко остановиться на характеристике каждого из этих направлений и обозначить основные научные проблемы, которые могли бы войти в каждое направление. Кстати, ярким подтверждением правильности и актуальности выделения указанных направлений является Программа нашей конференции. В ней есть доклады как ученых-теоретиков, так и специалистов-практиков практически по всем выделенным направлениям.

В рамках приоритетного направления «*Философские и религиоведческие основы профилактики терроризма*» необходимо определить содержание и взаимосвязи базовых понятий («террор», «противодействие терроризму», «борьба с террором», «профилактика терроризма» и др.). Профилактика терроризма должна быть проанализирована как комплексная научная проблема. Важным аспектом этой проблемы является интерпретация профилактики терроризма как важнейшего сегмента упреждающего системного ответа (реакции) современного общества на возникающие глобальные угрозы.

Ученые должны также разработать концептуальные принципы и основания антитеррористической идеологии, исследовать и обосновать механизмы формирования мотивации антитеррористического поведения граждан Российской Федерации, особенно в регионах, где отмечается наибольшее влияние экстремистских взглядов и воззрений.

Злободневной научной проблемой является исследование причин, факторов и условий, способствующих вовлечению российских граждан в террористическую деятельность, а также разработка методов и приемов борьбы с идеологической поддержкой экстремизма и терроризма.

Необходимо разрабатывать научно-методологическую базу для разоблачения ложных стереотипов в общественном сознании о соотношении традиционных религий и терроризма.

В рамках приоритетного направления «*Политологические и социально-экономические основы профилактики терроризма*» ученым предстоит исследовать эволюцию понятий «террор» и «терроризм», «радикализм» и «экстремизм» в истории мировой и отечественной социально-политической мысли.

Важной проблемой является выделение и обоснование международного и национально-регионального уровней противодействия идеологии терроризма и взаимосвязей этих уровней.

Далее необходимо исследовать соотношения и взаимосвязи терроризма и геополитики, терроризма и этнополитических противоречий, терроризма и недостатков государственной политики в сфере межнациональных отношений.

Целый пласт научных проблем связан с исследованием и выявлением причин проявлений терроризма как реакции на перекосы (различия) в уровне жизни отдельных социальных групп и регионов, как реакции на недостатки государственной молодежной политики и государственной полити-

ки в регулировании миграционных процессов.

Предстоит системное и глубокое изучение действующих и потенциальных очагов террористической деятельности в среде протестных движений, которые имеют предпосылки к экстремизму, в молодёжной среде, в среде мигрантов.

В рамках приоритетного направления *«Основы управления и механизмы профилактики терроризма»* предстоит разработка и обоснование сбалансированного комплекса распределения полномочий по профилактике терроризма (в системе государственной власти и местного самоуправления), механизмов мотивированного партнерства государства, бизнеса и гражданского общества в области профилактики терроризма.

От ученых ждут разработки научно-методологической базы для поддержки экспертных сообществ и общественных объединений, ставящих своей целью формирование «российской мусульманской идентичности» в качестве альтернативы различным концепциям «глобального исламского сопротивления».

Отдельной и сложной научной проблемой является исследование современного международного терроризма как разновидности сетевых сообществ и выявление особенностей применяемых в них управленческих технологий.

В рамках приоритетного направления *«Коммуникативные основания профилактики терроризма»* предстоит формирование научных основ государственной медиаполитики, направленной против идеологии терроризма, разработка концепции, принципов и методик реализации системы само- и сорегулирования СМИ, исследование и обоснование механизмов и технологий пресечения распространения в СМИ и информационно-коммуникационных сетях материалов с признаками пропаганды идеологии терроризма и оправдания террористической деятельности.

В рамках приоритетного направления *«Филологические основы профилактики терроризма»* усилия ученых должны быть направлены на выявление диспропорций и недостатков государственной политики в сфере языковой культуры, которые могут быть основой для экстремистских настроений, а также на разработку методики проведения лингвистической экспертизы текстов публикаций, материалов теле- и радиопрограмм, и выпуск учебно-методической литературы на наличие в них признаков пропаганды идеологии терроризма и оправдания террористической деятельности.

В рамках приоритетного направления *«Психологические основы и социально-психологические технологии профилактики терроризма»* должно быть проведено исследование терроризма как психологического феномена, классифицированы причины и факторы, способствующие вовлечению представителей различных возрастных и социальных групп населения в террористические организации и распространению идеологии терроризма.

Другой важной задачей является исследование и выявление личностных особенностей, связанных с риском формирования протеррористических установок и терпимости в отношении явлений терроризма и экстре-

мизма.

Специалисты-психологи должны разработать и апробировать комплекс психологических диагностических методик по выявлению групп риска к воздействию пропаганды терроризма, комплексные батареи психофизиологических методик выявления соответствующих групп риска, исследовать компенсаторные идентификационные модели механизмов формирования террористических установок личности и разработать психологические технологии противодействия асоциальному поведению.

Усилия ученых должны быть сосредоточены также и на разработку методики проведения психологической экспертизы публикаций в СМИ, в том числе в Интернете, учебной и методической литературы на наличие в них признаков пропаганды идеологии терроризма и оправдания террористической деятельности, на разработку и обоснование социально-психологических технологий по противодействию идеологии терроризма в средствах массовой коммуникации и в образовательных учреждениях общего и высшего образования.

В рамках приоритетного направления *«Криминологические основы профилактики терроризма»* специалистами должна быть исследована природа преступности террористической направленности, определить особенности, состояние этого вида преступности. Необходимо также выявить особенности личности преступника в сфере террористической деятельности, а также способы использования этих особенностей для профилактики терроризма.

Большую актуальность представляет определение эффективности действующего в стране антитеррористического законодательства.

В рамках приоритетного направления *«Правовые основы профилактики терроризма (национальные и международные)»* стоит задача разработки и обоснования предложений по совершенствованию правового регулирования вопросов информационного противодействия терроризму и экстремизму, по совершенствованию контроля за исполнением законодательства в сфере межнациональных отношений и свободы совести, по совершенствованию правового регулирования взаимоотношений государства и религиозных организаций.

Кроме того, необходимо разработать и обосновать международные правовые механизмы противодействия использованию среды Интернет в террористических целях, а также разработать концепцию гражданского противодействия распространению идеологии терроризма в общедоступных компьютерных сетях.

В рамках приоритетного направления *«Педагогические основы профилактики терроризма»* актуальным является формирование учебно-методической и нормативной базы для открытия ряда новых гуманитарных специальностей высшего профессионального образования по проблематике профилактики терроризма, разработка и обоснование рекомендаций для учителей средних школ и колледжей по «встраиванию» в учебный процесс элементов антитеррористической идеологии.

Отдельной проблемой является исследование и выявление причин экс-

тремистских настроений, обусловленных недостатками в системе гуманитарного образования и воспитания, в том числе преподаванием фальсифицированной истории.

В рамках приоритетного направления *«Культурологические основы профилактики терроризма»* необходимо сконцентрировать усилия на исследование и выявление причин экстремистских настроений, обусловленных, *во-первых*, потерей идеалов и системы ценностно-мировоззренческих ориентаций у целых социальных слоев общества, *во-вторых*, межконфессиональными разногласиями, в том числе на основе искусственно создаваемых доктринальных и идеологических различий между исламом и христианством, католицизмом и православием, и *в-третьих*, игнорированием ментальных и культурно-бытовых традиций и особенностей отдельных групп населения.

Злободневным является разработка и обоснование предложений по более эффективному влиянию культуры на развитие диалога религий, а также на разработку методик формирования у молодежи антитеррористической позиции, в том числе по вопросам равноправия национальных культур и религий.

В рамках приоритетного направления *«Медико-биологические основы профилактики терроризма»* предстоит разработка и обоснование комплексных психофизиологических методик выявления групп риска (асоциальное поведение, а также склонность к экстремизму).

В рамках приоритетного направления *«Использование информационно-коммуникационных технологий в профилактике терроризма»* необходимо провести большую работу по разработке и обоснованию механизмов выявления в информационном пространстве страны материалов с признаками пропаганды экстремистской и террористической идеологии, по разработке эффективных методов противодействия информационным ресурсам террористической направленности в компьютерных сетях.

Необходима также разработка и внедрение новых математических моделей и информационных технологий для повышения эффективности мониторинга электронных СМИ с целью выявления контента террористической направленности, разработка и обоснование новых информационно-коммуникационных механизмов, позволяющих выявлять целевые аудитории информационных ресурсов террористической направленности.

Выделенные двенадцать приоритетных направлений научных исследований в области профилактики терроризма свидетельствуют о том, что эти исследования имеют междисциплинарный, комплексный характер и требуют привлечения ученых из разных областей гуманитарного знания.

Вместе с тем необходимо, чтобы предложенный комплекс исследований проводился под единым научным руководством. Московский университет как крупнейший учебно-научный центр страны, имеющий в своем составе факультеты, кафедры и центры, специализирующиеся во всех основных разделах современных естественных и гуманитарных наук, вполне может стать базовым учреждением для проведения указанных научных исследований, тем более, что по каждому из выделенных направлений уже имеются

существенные заделы.

В МГУ на протяжении ряда лет ведутся научно-исследовательские работы по формированию учебно-методической и нормативной базы для открытия нескольких гуманитарных специальностей высшего профессионального образования. Эти работы своей конечной целью имеют создание многоуровневой системы подготовки кадров, обладающих необходимыми знаниями и квалификацией для реализации государственной политики Российской Федерации в области профилактики терроризма.

Уважаемые участники конференции! Рассмотренные выше направления научных исследований наглядно свидетельствуют о том, что профилактика терроризма является новым и очень сложным, многоплановым объектом междисциплинарных научных исследований. Понять природу, механизм функционирования этого объекта возможно только с привлечением понятийно-концептуального аппарата и инструментария разных гуманитарных и естественных наук — философии, социологии, психологии, права, политологии, биологии, фундаментальной медицины, вычислительной математики и др. Причем, особенно важно, чтобы была оптимальная корреляция фундаментальных научных исследований, с одной стороны, и прикладных разработок (мониторинги, опросы, контент-анализы и т. д.), с другой.

Исходя из этого понимания статуса и роли профилактики терроризма, данная сфера должна стать темой серьезного и развернутого междисциплинарного научного проекта, поддержанного на государственном уровне.

Спасибо за внимание.

Современное мировое информационное пространство и способы его защиты от идеологии терроризма

А. Е. Сафонов¹

Уважаемые участники конференции!

Рад принять участие в столь представительном мероприятии, посвященном, как мне видится, самым актуальным задачам противодействия терроризму, предполагающим борьбу с террористической идеологией и подключение к этой борьбе возможностей гражданского общества.

Особое удовлетворение вызывает ведущее организаторское и содержательное участие в подготовке и проведении мероприятия со стороны не только компетентных российских ведомств и структур, прежде всего Национального антитеррористического комитета — главного координатора противодействия терроризму в Российской Федерации, но и со стороны российских академических кругов.

Честно говоря, до сих пор такой — инициативной, энергичной, полной идей и предложений — роли отечественных научных кругов российскому участию в международном антитеррористическом сотрудничестве существенно не хватало.

Уверен, что теперь данная ситуация будет исправляться, и кому кроме как всемирно знаменитому Московскому Государственному Университету внести в такую задачу решающий вклад.

Начну свое выступление с известной и по-прежнему тревожной констатации: несмотря на все более масштабные и системные, все более многоплановые и организованные усилия государств, международного сообщества, а также гражданского общества, на направлениях противодействия терроризму, глобальная террористическая опасность не становится в современном мире меньше.

Тому, понятно, есть целый ряд причин. В том числе, объективного характера: современный мир действительно по-прежнему во многом несправедлив — исторически, политически, социально и экономически, и, соответ-

¹ Специальный представитель Президента Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и транснациональной организованной преступностью.

ственно, у проповедников терроризма остается еще предостаточно возможностей и ярких, часто сильных аргументов для убеждения людей, особенно из «обиженных» слоев населения или целых стран в приемлемости и эффективности упрощенных, радикальных, насильственных решений имеющих несправедливостей.

Появляются, действуют и причины сугубо субъективные. Например, откровенные ошибки государств в сфере противодействия терроризму и в более широких внешнеполитических вопросах, их противоправные, нарушающие международное право действия в отношении тех или иных конфликтных ситуаций. Таким образом, как это было в Ираке, фактически создаются очаги терроризма, все больше способные питать международную террористическую активность по всему миру — будь то боевиками, либо радикальными идеями насилия и ненависти, идеями противостояния цивилизаций, якобы притеснения исламского мира и пр.

Среди других причин того, что терроризм до сих пор не побежден, а по ряду параметров может и набирать свой преступный потенциал — сохраняющаяся в политике государств пресловутая практика «двойных стандартов», практика деления террористов на «своих» и «чужих», разыгрывания террористических опасностей конкретным государствам в собственных узкополитических интересах.

С другой стороны, и это — не менее важная составляющая ситуации в сфере противодействия терроризму — нам всем не следует преуменьшать достигнутое в данной сфере, недооценивать то, что мировое сообщество, государства и, все в большей степени, институты гражданского общества сумели на настоящий момент сделать в борьбе с терроризмом, в его предупреждении и преодолении его последствий.

Напомню тут главное, и это, я уверен, впишет нашу дискуссию в правильную, так сказать, «большую картину». Создана международная система противодействия терроризму — с признаваемым всеми идейным и организационным центром в лице главной международной организации современного мира, ООН. Сформирована и продолжает совершенствоваться мощная правовая база международного антитеррористического сотрудничества — это, прежде всего, 13 глобальных антитеррористических конвенций и протоколов ООН, но также и серия стратегически важных резолюций Совета Безопасности ООН и решений Генеральной Ассамблеи ООН, включая основное ее, уникальное политико-нормативное достижение последнего времени — Глобальную контртеррористическую стратегию ООН, принятую Генассамблей ООН 8 сентября 2006 года.

На этой правовой базе запущены и активно развиваются процессы международного сотрудничества, нацеленные на практические результаты — основывающиеся на однообразно понимаемых целях и приоритетах, использующие эффективные механизмы сотрудничества (КТК, Контртеррористический исполнительный директорат КТИД), в том числе совершенно уникальные — например, механизм глобальных антитеррористических санкционных списков «Комитета 1267». Особый акцент правильно делается на всяческое поощрение межгосударственной технической помощи в ин-

тересах повышения антитеррористического потенциала государств, по их собственным, естественно, запросам.

Антитеррористические стратегии, основанные на солидной договорной и политической базе, выработаны и осуществляются буквально всеми авторитетными региональными международными организациями современного мира — ОДКБ, ШОС, СНГ, АСЕАН, АРФ, АТЭС, ОАГ, европейскими, естественно, включая Совет Европы, ОБСЕ, Евросоюз, НАТО.

В ряде таких организаций антитеррористической сотрудничеству в последние годы, кстати, превратилось в важнейшую «несущую конструкцию», во многом определяющую жизнеспособность организации как таковой, оправдывающую ее существование тем, что приносит, так сказать, добротную «добавочную стоимость» на приоритетном направлении международного сотрудничества. Имею в виду, например, ОБСЕ.

Эти достижения я напоминаю для того, чтобы уж точно в данной аудитории мы не исходили в своих дискуссиях из мысли, что международный антитеррор не налажен должным образом, что в нем одни проблемы и недоработки. Это совсем не так. Международная антитеррористическая коалиция создана и действует на благо антитеррористической защищенности нашего мира, а над преодолением проблем и недостатков ведется напряженная работа.

В ЕС полагают, что сложившаяся ситуация требует создания национальных (или общих для нескольких государств ЕС) систем оповещения о нарушениях в Интернете, которые будут управляться как государственными органами, так и негосударственными организациями. Кроме того, может быть учреждена Европейская система оповещения, которую предложено сформировать на базе Интерпола.

По замыслу авторов проекта, основной задачей национальных систем оповещения станет накопление данных о киберпреступлениях. При этом общественность получит возможность сигнализировать о незаконном содержании сайтов через доступный Интернет-сайт. Наряду с первичным анализом и принятием соответствующих мер по поступившей информации на национальном уровне, предусматривается ее направление в Европейскую систему оповещения.

К уже упомянутым мною объективным и субъективным трудностям, стоящим на пути окончательного преодоления терроризма, необходимо добавить трудности — как известные давно, так и «нововыявленные» — связанные с опасными внутренними чертами современного терроризма.

Среди них на первом месте — умение современных террористических группировок адаптироваться к действительности, в частности, выживать в обстановке активной против себя работы государств и мирового сообщества, находить новые факторы для своего усиления.

Один из таких факторов — последовательное и существенное повышение идеологической составляющей активности современного терроризма.

Предстоит еще разобраться во всех аспектах ситуации, в которой в результате неких концептуальных, стратегических решений современный терроризм выбрал для своего идеологического оформления знамя ислама —

мировой религии, имеющей особенное распространение в тех государствах, которые в силу исторических, политических и прочих причин находились и находятся в ущербном положении в рамках целого ряда давних и новых конфликтных ситуаций, начиная с Ближнего Востока. Естественно, говоря об исламе, я говорю об извращенных интерпретациях террористами и их идеологами великой религии, но факт остается фактом — насилию и извращениям подвергается именно ислам.

Соответственно, противодействие террористической идеологии, прежде всего, применяемым террористическими лидерами и идеологами лозунгам и постулатам агрессивного исламизма — одна из важнейших ныне задач антитеррора в национальных и международных масштабах.

В рамках этой задачи важнейшую роль играют, естественно, государства. Они — были и остаются основными ответственными за пресечение военной и силовой активности террористических группировок, они же должны и единственно способны организовать в общенациональных масштабах, а также на межгосударственном уровне принятие мер по пресечению террористической пропаганды.

Роль государств и их международных организаций весьма велика, более того, системообразующа в вопросах выработки международно-правовых стандартов, составления и универсализации участия в международных договорах по противодействию терроризму и распространению его идеологии.

Напомню для примера важнейшие в этом плане решения международного масштаба, прежде всего, Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 года, впервые криминализировавшую подстрекательство к терроризму, вербовку и подготовку террористов. Это — огромный шаг в деле налаживания эффективного международного сотрудничества и активизации национальных усилий в деле борьбы с террористической идеологией. Кстати, подчеркну в полном соответствии с требованиями соблюдения прав человека и свободы слова, например.

Очень важно, что противодействие подстрекательству, публичным призывам к терроризму — фактически на основе указанной Конвенции Совета Европы — потом было возведено в глобальную норму резолюцией СБ ООН 1624 от 14 сентября 2005 года.

Повторюсь, однако, что при всей важности государственных усилий в борьбе с терроризмом — их, этих усилий не может быть достаточно, нужно эффективное, инициативное, заинтересованное подключение к антитеррору институтов гражданского общества.

И в деле противодействия террористической идеологии, в том числе в деле выполнения Конвенции СЕ о предупреждении терроризма или резолюции СБ ООН 1624, такое подключение может внести решающий вклад в достижение успеха.

Самые очевидные тому примеры.

Какой бы выверенной и точной ни была информационно-разъяснительная работа государств с населением, с общественными аудиториями, в том числе, через СМИ, через сайты государственных

ведомств в Интернете, такой работе не достичь тех результатов в разоблачении истинного лица и смысла терроризма, в пресечении и преодолении террористических пропагандистских кампаний, которых может добиться свободная профессиональная журналистика, только и способная в задачи антитеррора вложить весь свой талант и профессиональные возможности. Наконец, не секрет, что доверие общества к свободной авторитетной прессе бывает и повыше, чем к государственным источникам.

Другой пример, весьма эффективно противодействовать использованию террористами ислама как своего идеологического прикрытия может именно религиозная иерархия, структуры, умеющие работать с паствой, знающие лучше террористов как настроения прихожан, так и, что не менее важно, религиозное учение как таковое. А часто бывает необходимо текстуально, на примере коранических текстов разоблачить передергивание террористическими идеологами постулатов великой религии.

Несколько слов о ключевой роли в антитеррористической идеологической и пропагандистской работе образовательных учреждений. Кому как не преподавателям вузов хотеть и уметь выявлять первые признаки так называемой «радикализации» среди молодежи, остающейся приоритетной целью террористических вербовщиков. Кому как не учителям уметь пресекать «в зародыше» такие экстремистские происки — убеждением, разъяснением, системной идеологической работой и просто человеческим общением, воспитанием собственным примером у студентов на всю жизнь стойкого отторжения экстремизма и терроризма.

Особые слова, с учетом состава нашей аудитории сегодня — о роли науки, научных кругов в антитеррористической работе и международном антитеррористическом сотрудничестве. Государственных усилий на все не хватает и не может хватить и здесь — нужна солидная, все более солидная научно-аналитическая база. При разработке новых международных инструментов, даже практических решений, при обобщении имеющегося опыта — национального и международного. Системный научный подход, прежде всего, позволяет не допускать ошибок, учитывать уроки прошлого. Знание истории, кстати, также важно в простой пропагандистской борьбе «за умы людей», позволяя не дать террористическим идеологам передергивать историю, ссорить государства, народы.

Все мною сказанное прекрасно понимают мои коллеги по ключевым мероприятиям международного антитеррористического сотрудничества. Ряд из них я вижу и в этом зале. Поэтому тематика идеологического противодействия с терроризмом и подключения к этим усилиям, в том числе в международном плане, возможностей гражданского общества — все больше в повестке дня работы многосторонних антитеррористических форматов.

И, повторюсь, российская сторона весьма заинтересована во все более активном и инициативном участии в таких усилиях отечественной обществу, гражданского общества, науки. Процедуры такого участия часто еще только предстоит выработать, но на данном этапе важно обоюдное желание сотрудничать и контакты конкретных представителей государ-

ственных и негосударственных структур.

Очень важно в этом плане иметь конкретный адрес, откуда черпать и конкретную экспертизу, и опыт знающих людей. Теперь в МИД России и, думаю, в НАК еще один такой адрес, связанный с организацией большого международного авторитета — с МГУ имени Ломоносова, отныне есть и нас это весьма радует.

Мы уже сотрудничали с МГУ и возглавляемым Дмитрием Игоревичем Григорьевым Центром международного научного сотрудничества по проблемам безопасности и противодействия терроризму в целом ряде международных форматов, рассчитываем на дальнейшее продолжение такого взаимодействия.

В заключение позвольте пожелать этой конференции насыщенных дискуссий и плодотворной работы.

Благодарю за внимание.

Проблемы противодействия компьютерной преступности и кибертерроризму

В. П. Шерстюк¹

**Уважаемые участники конференции!
Дамы и господа!**

Нам всем хорошо известно, что особенностью современного этапа развития, в который вступило человечество, является существенное увеличение влияния современных информационных технологий на образ жизни человека, развитие экономики, социальной и духовной сферы общества.

Мы являемся свидетелями быстрого роста темпов развития рынка услуг связи в нашей стране, совершенствования её информационной инфраструктуры.

Сегодня индустрия информационных технологий обеспечивает значительный вклад в рост валового внутреннего продукта и развитие экономики страны.

Начиная с 2000 года она растет темпами, в четыре раза превышающими средние показатели экономического роста. В 2008 году доля этого сектора в экономике России впервые достигла 5%.

Количество пользователей сети Интернет в 2007 году по сравнению с 2006 годом возросло на 40% и к началу 2008 года достигло 35 млн. человек. Количество широкополосных подключений к сети Интернет возросло в России более чем на 50%. Общее количество эксплуатируемых в стране персональных компьютеров увеличилось по сравнению с предыдущим годом более чем на 35% и в настоящее время превышает 31 млн. штук. Объем экспорта информационных технологий, прежде всего программного обеспечения и услуг по его разработке, превысил 1,5 млрд. долларов.

Информационные технологии начинают использоваться в экономической, политической, социальной и духовной жизни общества, в научно-технической сфере и сфере образования.

Принят ряд концептуальных, доктринальных и программных документов по развитию отдельных составляющих информационной инфраструктуры, совершенствованию системы управления наукой и системы образования, внедрению информационных технологий в деятельность органов го-

¹Помощник Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации, директор Института проблем информационной безопасности МГУ имени М. В. Ломоносова.

сударственной власти, использованию информационных технологий в важных областях деятельности человека, общества и государства.

Однако принятые меры пока не привели к качественным позитивным изменениям в информационной сфере страны.

По оценкам международных организаций, отслеживающих рейтинги, Россия занимает место в шестом десятке стран, как по использованию информационных технологий, так и по развитию информационной инфраструктуры.

В стране сохраняется неравенство в доступе к информации и информационным технологиям по регионам и различным группам населения, которое все более превращается в фактор, тормозящий социально-экономическое развитие общества.

Рынок информационных технологий в России характеризуется рядом структурных диспропорций. Преобладающую долю стоимости этого рынка сегодня составляют импортируемые оборудование и программное обеспечение, и лишь в секторе услуг доминируют отечественные компании.

Сохраняется зависимость российской информационной инфраструктуры от зарубежных информационных технологий вследствие невысокой конкурентоспособности продукции отечественной микроэлектронной промышленности, российского телекоммуникационного оборудования, средств вычислительной техники и программных продуктов. Более 95% всех информационных и телекоммуникационных систем, эксплуатируемых в Российской Федерации, создано на базе зарубежных информационных технологий. Растет зависимость российской радиоэлектронной промышленности от поставок зарубежной элементной базы.

Телерадиовещательная сеть во многих регионах России выработала свой ресурс, устарела физически и морально.

В настоящее время три миллиона наших граждан не имеют возможности пользоваться телевидением.

Все более усиливается тенденция простого «потребления» импортных технологий и услуг, наукоемких промышленных изделий. Вовлечение же в торговый оборот результатов научных исследований в области создания информационных технологий, выполненных в России, весьма незначительно. Россия по-прежнему отстает от передовых государств в сфере производства высокотехнологичных продуктов. Доля высокотехнологичной продукции в товарном экспорте не превышает 4%, что значительно меньше, чем в развитых странах мира. В перспективе реальна угроза дальнейшего снижения конкурентоспособности российской продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Инновационная активность предприятий российской промышленности растет медленно. Удельный вес предприятий промышленности, осуществляющих технологические инновации, в общем числе составляет 11,5%. По этому показателю Россия по-прежнему существенно отстает от передовых стран.

Сохраняется отрицательное сальдо по технологическим платежным балансам: импорт технологий (ноу-хау, лицензии, патенты, услуги в области

научных исследований, промышленные образцы и др.) более чем в 2 раза превышает экспорт, в то время как в развитых странах наблюдается обратное соотношение.

В здравоохранении внедрение информационных технологий идет медленно. Только 44% лечебных учреждений России имеют выход в сеть Интернет. По данным Роспотребнадзора, укомплектованность учреждений здравоохранения компьютерами в среднем по России составляет не более 30%.

Крайне медленно ведутся работы по использованию информационных технологий для сохранения культурного наследия. Объем электронных каталогов в библиотеках России составляет около 5% от общего объема фондов, тогда как в большинстве европейских стран значение этого показателя превышает 50%. Объем оцифрованных изображений музейных предметов даже в г. Москве составляет менее 3% от общего объема фондов, а оцифровка аудио-, видео- и кинофондов не превышает 1%. Работы по переводу фондовых материалов в цифровой формат сдерживаются из-за отсутствия телекоммуникационной инфраструктуры в архивах, острой нехватки компьютерной техники и средств на производство работ.

Особо ценные объекты культурного наследия народов Российской Федерации находятся в критическом состоянии. Так, 98,5 % единиц хранения аудио-, аудиовизуальных и фотоматериалов (из более 1,5 млн.), находящихся в Государственном фонде телевизионных и радиопрограмм, записаны на магнитную ленту, которая произведена в середине 40-х годов прошлого столетия. Идет процесс ее неизбежного разрушения. К настоящему времени более 2% материалов уже практически безвозвратно утрачены. Анализ показывает, что полное разрушение более 45% оригиналов произведений, в случае непринятия соответствующих мер по их переводу в цифровой формат, наступит в течение ближайших пяти лет.

Как показывает мировой опыт постиндустриального развития, важным фактором интенсификации формирования информационного общества является объединение усилий и ресурсов государства, общества и бизнеса для достижения общепризнанных целей — повышения конкурентоспособности страны, благосостояния и качества жизни ее граждан, укрепления обороноспособности и безопасности.

В этих условиях стала ясна необходимость принятия политического документа, который, с одной стороны, интегрально определил бы основные направления деятельности по формированию информационного общества, а с другой — позволил бы подключить на основе партнерства возможности и потенциал частного капитала и гражданского общества, без которых эта задача решена быть не может.

И такой документ сегодня есть. Он утвержден Президентом Российской Федерации в феврале 2008 года и называется Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации.

Стратегия направлена на активизацию постиндустриального развития страны, интенсификацию участия России в создании и использовании информационно-коммуникационных технологий, на интеграцию существующей

щих хозяйственных систем в экономику знаний, в которой не вещи, не движимое и недвижимое имущество и не природные, в том числе энергетические ресурсы, составляют главные богатства общества, они уступают место новому приоритету — информации и интеллекту, производящему и обрабатывающему эту информацию.

В настоящее время Правительство Российской Федерации завершает разработку плана реализации Стратегии, скоро с ним можно будет ознакомиться, но уже сегодня можно сказать он будет амбициозным.

Формирование информационного общества включено в приоритеты высокотехнологического прорыва, которого должна добиться наша страна в 21 веке.

Значительная роль в Стратегии отводится обеспечению безопасности киберпространства России.

Очевидно, что интенсивное развитие информационных технологий приводит к появлению новых угроз национальной безопасности. Проникновение Интернета во все сферы государственной и общественной жизни повлекло формирование нового поля деятельности и для преступников. Появились такие термины как «киберпреступность», преступления в «сфере высоких технологий», «компьютерные преступления».

По данным МВД России, общее количество преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, в том числе связанных с неправомерным использованием информационных и коммуникационных систем и сетей, продолжает ежегодно расти.

За первые 6 месяцев 2008 года количество зарегистрированных преступлений в информационной сфере составило 5740. Это на 37% больше, чем за тот же период предыдущего года.

Количество заведенных уголовных дел на 35% больше данных предыдущего года.

На 72% возросло количество уголовных дел по преступлениям в сфере компьютерной информации.

Значительно увеличилось количество заведенных уголовных дел по фактам электронного мошенничества — 420 против 222 в прошлом году.

В телекоммуникационной сфере за указанный период зафиксировано 991 преступление, связанное с неправомерным использованием телекоммуникационных ресурсов, и возбуждено 332 уголовных дела (2007 год — соответственно 242 и 161).

В значительной степени остается криминализированным российский рынок радиоэлектронных и специальных технических средств. За 6 месяцев 2008 года за незаконный оборот радиоэлектронных и специальных технических средств возбуждено 46 уголовных дел. Кроме того, по решениям судов было конфисковано около 700 таких изделий, а к административной ответственности привлечено более тысячи правонарушителей.

Процесс противодействия высокотехнологичным преступлениям со стороны российских правоохранительных органов постоянно развивается и совершенствуется.

Анализ имеющихся в Бюро специальных технических мероприятий МВД России статистических данных позволяет судить о тенденциях в этой сфере.

Половина зафиксированных преступлений относится к несанкционированному доступу к компьютерной информации. Растет корыстная направленность компьютерных преступлений вместе с наносимым материальным ущербом. Увеличивается количество преступлений, совершенных группами. Растет количество трансграничных компьютерных преступлений. По-прежнему, высока их латентность.

Все чаще компьютерные преступления становятся лишь первым шагом в цепочке криминальных деяний, направленных на другие, традиционные преступления — хищения, вымогательство и т. д.

Аналогичные тенденции отмечаются и в других странах мира.

Так, количество инцидентов в области информационной безопасности в финансовом секторе экономики развитых стран в последние годы существенно возросло. Только в США в 2007 году было совершено около 20 взломов информационно-телекоммуникационных систем банков и страховых компаний.

Хотим мы или не хотим, информационная война в сети идет и к ней надо относиться серьезно. Вместе с благами, которые принесли нам новые технологии, возникли и проблемы, их необходимо в достаточной мере осознавать и уметь преодолевать.

Несколько лет назад в широкий оборот вошло понятие «вредоносное программное обеспечение» или «вредоносный программный код». Этим термином объединяются вирусы, черви, троянские программы, средства для сетевых атак, фишинга, фарминга, рассылки спама и других противоправных действий. Хакерский арсенал пополняется с высокой скоростью.

Современные вирусы уже не содержат в себе исключительно функции заражения файлов. Сейчас они стали мощными компонентами инструментов, ориентированных, в том числе, на кражу пользовательских данных и организацию «распределенных атак» (DDoS-атак).

Главная тенденция последних пяти лет развития сети Интернет заключается в бурном росте социальных сетей — виртуальных объединений пользователей по интересам.

В глобальном масштабе аудитория этих сетей составляет около 580 миллионов человек. Неудивительно, что социальные сети оказались благодатной средой для распространения вредоносных программ, полем применения различных вирусных и спамерских технологий.

Из зарубежных социальных сетей наибольшему числу атак подверглись MySpace и Facebook. Российских пользователей атаковали черви и троянские программы, распространявшиеся через ссылки в «Одноклассники.ру» и «ВКонтакте.ру», заразив, по экспертным оценкам, до нескольких сотен тысяч компьютеров.

По данным аналитиков «Лаборатории Касперского», в первом полугодии 2008 года было обнаружено более 360 тысяч новых вредоносных программ — в 2,9 раз больше, чем во втором полугодии 2007 года.

Не могу не остановиться еще на одном явлении, центральная роль в котором принадлежит сети Интернет. Оно получило название флэш-моб (flash mob) — «мгновенная толпа». Его можно квалифицировать как эксперимент по внедрению психотехнологий сверхскоростного управления массами. В соответствии с концепцией эксперимента по адресам e-mail незнакомым людям в строго назначенное время (синхронизация до десятков секунд) предлагается собраться в определенном месте, совершить некое абсурдное действие и быстро разойтись в разные стороны, руководствуясь правилами: все делать серьезно, не вступать между собой в контакт, не причинять никому вреда и не иметь никакой осмысленной цели.

Такие «мгновенные толпы» собираются по управлению через сеть Интернет во многих городах России. Можно, например, наблюдать, как внезапно появившись на платформе станции метро толпа молодых людей замирает в разных позах и через минуту исчезает, либо одновременно появившись в людном месте и проявив повышенный интерес к малозначимому объекту, снимают его на фото и кинокамеры, зарисовывают в блокнотах и также синхронно удаляются.

Участники сходок не склонны оценивать свое присутствие в акциях как нечто серьезное, а видят в этом лишь способ развлечься.

Однако настораживает фундаментальность подхода организаторов. В Рунете создан целый ряд специальных сайтов для организации флэш-мобов. Все они профессионально структурированы, оформлены, основательно наполнены информацией, что указывает на их достаточное финансирование.

Совершенно очевидно, что в Москве и других городах России с помощью сети Интернет отрабатываются технологии управления массами (прежде всего, молодежи), которые могут быть задействованы различными силами в различных целях. Представляется, что эти не столь безобидные эксперименты должны попасть в поле зрения специалистов — ученых и практиков.

В настоящее время в сети Интернет существует масса анонимных интернет-ресурсов, предлагающих все что угодно: от эксплуатации уязвимостей до троянских программ для построения ботнетов, а также готовые ботнеты «в аренду». При этом не требуется высокий уровень технической подготовки исполнителей для того, чтобы применить данные средства.

Увеличение масштабов социальной опасности противоправных деяний в информационной сфере обуславливает необходимость повышения защищенности критически важных объектов информационной инфраструктуры, усиления противодействия угрозе распространения компьютерной преступности и ее крайней формы — кибертерроризма.

Известно, что для ведения подрывной деятельности террористы пользуются компьютером и сетью Интернет. Сюда входит: связь друг с другом, планирование, изыскание денежных средств, сбор разведывательной информации, вербовка, распространение инструкций, информационных и пропагандистских материалов и т. д.

В середине 80-х годов Бэрри Колин, научный сотрудник одного из ин-

ституты США, ввел термин «кибертерроризм», чтобы обозначить террористические действия в виртуальном пространстве. Тогда этот термин был бесполезен и использовался лишь для составления прогнозов на будущее. К сожалению, это будущее быстро пришло.

Известно, что уже 12 сентября, на следующий день после теракта в Нью-Йорке Национальный центр защиты инфраструктуры при ФБР провел чрезвычайное заседание для оценки возможных угроз кибертерроризма.

Защита объектов критически важных инфраструктур от деструктивных воздействий в террористических целях является одной из актуальных задач современной цивилизации. Осознавая важность ее решения, многие государства мира проводят скоординированную деятельность в этом направлении с учетом национальных интересов, экономических и технологических возможностей.

Следует учитывать, что для организации деструктивных компьютерных воздействий на критически важные объекты, которые могут привести к негативным последствиям национального масштаба, в настоящее время достаточно усилий даже небольшой группы лиц, обладающих навыками использования передовых информационно-телекоммуникационных технологий и действующих, возможно, из разных точек мирового информационного пространства.

О масштабах возможных убытков от успешных атак на национально значимые сферы хозяйственного комплекса можно судить, например, по результатам инцидентов, связанных с кратковременными перебоями в электроснабжении крупных регионов США и Канады или нарушениями в системе авиaperевозок в Англии. Потери измерялись сотнями миллионов долларов, при этом возросла социальная напряженность в этих странах. К числу таких примеров можно отнести массовые веерные аварии в системе РАО ЕЭС в России в 2005 году в четырех областях Центрального федерального округа.

Ясно, что надежную гарантированную защиту многочисленных, потенциально уязвимых для такого рода угроз критически значимых для государства объектов можно обеспечить только при условии существования отлаженной системы национального масштаба.

Такая система должна не только распознавать возможные угрозы, но и противодействовать различным формам их проявления и реализации, а также минимизировать возможный ущерб от атак. Исследования по решению этой сложной и важной задачи ведутся во многих странах мира, в том числе и в России.

Здесь я хотел бы обратить Ваше внимание на имеющуюся у Вас в раздаточных материалах книгу в двух частях, написанную сотрудниками Института проблем информационной безопасности МГУ имени М. В. Ломоносова под руководством профессора В. А. Васенина. Она называется «Критически важные объекты и кибертерроризм» и издана при поддержке Национального антитеррористического комитета. В ней впервые в России на системной основе сделана попытка изложить методологические основы и

практические аспекты подхода к разработке национальной системы мер по противодействию кибертерроризму.

Ясно, что характер новых, стратегически значимых угроз информационной безопасности, в том числе — компьютерный терроризм и компьютерная преступность, вызывают необходимость ужесточения политики обеспечения безопасности информационных систем и сетей страны. Во-первых, такая политика должна быть ориентирована на обеспечение безопасного функционирования информационной инфраструктуры страны, в том числе систем управления критических инфраструктур. Во-вторых, должно обеспечиваться максимальное снижение числа присущих таким объектам уязвимостей и угроз, должно быть минимизировано количество возможных атак и их последствия. В-третьих, политика информационной безопасности в отношении критически важных объектов должна обеспечивать непрерывность, адекватность и своевременность мер противодействия возможным угрозам, непрерывный контроль и анализ их защищенности.

Постепенный переход к такой политике обеспечения информационной безопасности происходит в настоящее время в России.

Развивается законодательная база, закрепляющая правовые механизмы регулирования отношений в области информационной безопасности.

Сформированы основы государственной политики в области использования информационных технологий в органах государственной власти. В соответствии с решениями Совета Безопасности Российской Федерации

проводятся работы по формированию государственной системы обеспечения информационной безопасности информационно-телекоммуникационных систем и сетей критически важных объектов.

Развивается система обеспечения защищенности государственных информационных систем от вредоносных программ, выявления информационных атак на эти системы и минимизации последствий их осуществления.

Принимаются меры по обеспечению безопасности использования сети Интернет государственными органами в качестве транспортной системы для обеспечения доступа к государственным информационным ресурсам.

В то же время, всем нам ясно, что успех каждой страны по защите национальных секторов инфраструктуры в значительной степени будет зависеть от усилий всего мирового сообщества по созданию защищенного и безопасного мирового информационного пространства.

Только технологии и только внутренняя политика не могут обеспечить эффективную защиту от компьютерной преступности и кибертерроризма. Данное обстоятельство показывает необходимость широкого международного взаимодействия и сотрудничества в решении проблем обеспечения международной информационной безопасности.

В рамках семинаров — круглых столов и секционных заседаний конференции планируется рассмотреть ряд направлений совместной деятельности в области международной информационной безопасности.

Участие институтов гражданского общества, бизнес-структур и средств массовой информации в противодействии идеологии насилия в рамках системы противодействия терроризму

Е. П. Ильин¹

**Уважаемые участники конференции!
Уважаемые коллеги!**

Более двух с половиной лет прошло со дня вступления в силу Федерального закона «О противодействии терроризму» и Указа Президента Российской Федерации «О мерах по противодействию терроризму», в соответствии с которыми образован Национальный антитеррористический комитет и сформирована принципиально новая общегосударственная система противодействия терроризму.

В составе Комитета эффективно работает Федеральный оперативный штаб. Возрастает роль созданных на постоянной основе антитеррористических комиссий и оперативных штабов в субъектах Российской Федерации, руководителями которых являются, соответственно, высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и начальники территориальных органов безопасности.

Активная и целенаправленная деятельность указанных структур позволила повысить эффективность реагирования на изменения оперативной обстановки и возникающие угрозы в сфере противодействия терроризму. Накоплен положительный опыт организации взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов.

Благодаря скоординированным действиям федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления в области профилактики терроризма и повышению эффективности ситуационного реагирования на террори-

¹Первый заместитель руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета, кандидат юридических наук, генерал-лейтенант.

стические вызовы, наметилась устойчивая тенденция к снижению количества террористических актов: в 2005 году — 251 теракт; 2006 году — 112; 2007 году — 48; в 2008 — пока не допущено ни одного масштабного теракта. Этому способствовала и общая активизация скоординированной работы по противодействию терроризму.

Только в текущем году в ходе проведения контртеррористических операций и оперативно-боевых мероприятий в Северо-Кавказском регионе нейтрализовано более 170 бандитов, в том числе 13 главарей.

Вместе с тем, несмотря на определенные положительные результаты в области противодействия терроризму, террористическая угроза продолжает оставаться реальным фактором, влияющим на безопасность граждан Российской Федерации.

И здесь важно заметить, что по мере снижения общего числа активных участников террористической деятельности на первый план выдвигается задача ликвидации каналов вовлечения в ряды бандформирований новых членов. Важнейшей составляющей процесса рекрутирования являются инструменты идеологической обработки потенциальных кандидатов для участия в террористической деятельности.

Как справедливо заметил исследователь Института обороны и стратегических исследований Наньянгского технологического университета (Сингапур) Мухаммад Ханиф бин Хассан: «Терроризм осуществляется, когда присутствуют одновременно *возможность, мотивация и способность*, а идеология — один из многих важных элементов, которые мотивируют человека к его осуществлению ... Предотвращение терроризма требует устранения как минимум одного из трех упомянутых элементов. Один из них — мотивация, которая может стимулироваться идеологией». Таким образом, важно добиться, чтобы у людей, входящих в т. н. «группы риска», не возникало мотивации прибегнуть к террористическим методам для реализации стоящих перед ними задач.

Очевидно, что силовые методы борьбы с терроризмом, снижая в определенной степени остроту террористической угрозы, не могут устранить ее в полной мере. Она будет сохраняться до тех пор, пока существует система воспроизводства инфраструктуры терроризма, ключевыми звеньями которой являются идеология терроризма, вдохновители и носители террористической идеи, а также каналы ее распространения. Подавить деятельность террористических структур сложно, но еще сложнее победить терроризм идеологически.

Иными словами наша основная задача заключается в том, чтобы на фоне сохранения и укрепления силовой составляющей борьбы с конкретными террористическими проявлениями кардинально повысить эффективность противодействия идеологии терроризма, поставить надежные барьеры на путях ее проникновения в общественное сознание. Конечная цель этой работы — изменить правовую психологию людей, добиться отторжения самой мысли о возможности применения террористических методов для решения территориальных, социальных, конфессиональных, культурных и любых других проблем и противоречий.

Очевидно, что качественное решение указанной задачи вряд ли возможно без реализации основ государственной политики в рассматриваемой сфере, а также мобилизации на этом фронте всех имеющихся в стране ресурсов.

Хотел бы напомнить, что в принятом в 2006 году Федеральном законе «О противодействии терроризму» заложено принципиально новое определение понятия «терроризм», включившее в свой состав термин «идеология насилия», что фактически послужило законодательным и теоретическим обоснованием необходимости существования наряду с институтами борьбы с терроризмом институтов предупреждения и профилактики терроризма.

В рамках информационного противодействия терроризму нужно бороться не с самими идеологиями (т. е. системами общественных теорий, взглядов и идей), а, прежде всего, с теми их элементами, которые оправдывают насилие. Указанные элементы сами по себе также образуют относительно целостную систему идей и взглядов, в связи с чем их можно обозначить термином, принятым в российском законодательстве — идеология насилия или терроризма. В этом смысле идеология насилия (терроризма) универсальна, а элементы насилия в разное время обнаруживали себя в различных традиционных идеологиях: левых (например, «Красных бригад» в Германии), национальных (организации ЭТА в Испании), правых (террора периода Великой Французской буржуазной революции) и т. д.

В настоящее время террористами для создания идеологической платформы своей деятельности используется преимущественно идеология исламизма (т. н. радикального ислама), но за всей ее ангажированностью не следует забывать о том, что терроризм используется и многими другими течениями: неофашистскими, национал-сепаратистскими, религиозными.

Поэтому, повторюсь, содержание задачи противодействия идеологии терроризма заключается, на наш взгляд, в искоренении элементов насилия *из широкого спектра идеологий*, которые оправдывают его использование для достижения стоящих перед конкретными людьми или группами граждан политических и любых иных целей.

Вместе с тем, противодействие идеологии насилия в условиях современного демократического строя, характерного для многих стран, безусловно, не может быть задачей только самого государства. Идеология насилия — это тот комплекс идей, который воспроизводится именно внутри общества. Для того чтобы конкретный человек или группа людей восприняли эти идеи, нужен целый комплекс факторов, носящих как объективный (состояние экономики, уровень преступности, занятость населения и т. д.), так и субъективный характер (психические девиации, личная неудовлетворенность, сложная жизненная ситуация).

Безусловно, значительную часть указанных проблем может и должно решать государство, но следует признать, что оно не может и не должно безгранично вторгаться во все ниши общественной жизни. На определенном уровне, как показал, к примеру, советский этап развития российского государства, подобное вторжение начинает вызывать неприятие и противодействие само по себе, даже если оно осуществляется для достижения

благородных социально значимых целей.

Восприятие государства как института, находящегося в ответе за все происходящее в стране, характерно для авторитарных режимов и в корне противоречит идее демократии. Демократия предполагает активную позицию общества; при этом государство выступает как регулятор общественных отношений, его задача — создавать организационные и правовые условия, а также выполнять ряд публичных функций, неотъемлемо связанных с его природой.

Вместе с тем отечественный и мировой опыт противодействия терроризму показывает, что идеология насилия начинает широко распространяться тогда, когда она находит поддержку в обществе. К примеру, система массового террора Гитлера стала возможной еще и потому, что значительная часть общества поверила в его обоснованность и справедливость, поскольку была недостаточно информирована о всей совокупности обстоятельств и последствий от действий фашистского режима.

Таким образом, наша основная задача в современных условиях — создать самовоспроизводящуюся систему идей, субъектов-носителей и каналов их распространения, которая сможет автономно от государства способствовать формированию позитивного общественного сознания, исключая само использование насилия для достижения каких-либо целей. Такой системой могут и должны стать институты гражданского общества, научного и бизнес-сообщества, образовательные структуры и средства массовой информации.

Указанные институты, являясь органической частью общества, имеют неизмеримо больший набор инструментов воздействия на общественное сознание, нежели государство. Кроме того, привлечение общества к рассмотрению чувствительных вопросов противодействия идеологии насилия позволяет максимально выверять применяемый инструментарий, не допускать нарушений прав и интересов граждан.

Позиция Национального антитеррористического комитета на современном этапе заключается в том, что институты гражданского общества, научного, образовательного и бизнес-сообщества, СМИ могли бы более активно подключиться к антитеррористической деятельности государства и внести свой значимый вклад в дело защиты наших граждан от террористических посягательств.

В связи с этим хотел бы раскрыть работу Комитета по организации противодействия идеологии терроризма и показать возможности и перспективы подключения к этому процессу институтов гражданского общества.

Как уже было сказано, в настоящее время при оценке обстановки в области противодействия терроризму НАК исходит из того, что бандподполье не снижает активности по рекрутированию в свои ряды новых членов, прежде всего за счет молодежи, недовольной сложной социально-экономической ситуацией в регионах своего проживания и подвергшейся целенаправленной идеологической обработке преимущественно на основе идей религиозного экстремизма.

Идейная обработка и вербовочная работа ведется не только на терри-

тории республик Северного Кавказа. Эмиссары зарубежных террористических и религиозно-экстремистских организаций стремятся активизировать подпольную антироссийскую деятельность в Поволжье и на Урале, где вскрыта и пресечена деятельность ряда подпольных ячеек «Хизб-ут-Тахрир-аль-Ислами» и «Исламского движения Узбекистана».

В немалой степени этому способствует инспирирование неправительственными организациями ряда зарубежных стран при поддержке так называемых «ичкерийских информационных агентств» — «Кавказ-центр», «Чечен-пресс», «Чечен-тайм», «Даймокс», антироссийских кампаний, направленных на информационно-пропагандистскую поддержку бандподполья в Российской Федерации.

Располагая значительными финансовыми ресурсами, некоторые зарубежные НПО и религиозные организации через средства массовой информации осуществляют фактически гуманитарную экспансию, направленную на формирование идеологически ориентированных на них групп населения и, в конечном итоге, на создание на территории России зон управляемых извне конфликтов. Данные организации активно сотрудничают с российскими т. н. правозащитными структурами.

Параллельно наряду с конструктивными оценками происходящих позитивных изменений в области противодействия терроризму, в том числе в Чеченской Республике, сохраняется стремление ряда стран использовать «чеченскую тему» для подрыва международного авторитета России и оказания выгодного им политического давления.

В последнее время на ряде публичных мероприятий предприняты попытки внедрить в общественное сознание аналогии между ситуациями в Косово и Чеченской Республике и реализовать т. н. план «Косово плюс», суть которого сводится к организации при посредничестве ООН референдума по вопросу о суверенитете Чеченской Республики с последующим развитием ситуации по косовскому сценарию и созданием независимого от России т. н. «Кавказского эмирата».

Подводя итог первой части выступления, следует сказать, что терроризм и его идеология используется различными общественными и политическими силами для реализации своих политических и геополитических целей. Сами террористы готовы, как правило, взять в качестве основы для оправдания своих насильственных идей любую идеологию (религиозную, национальную, политическую и т. д.), под распространение которой обеспечивается их внешнее либо внутреннее финансирование. Так, например, идеология исламизма, в том числе «построения Кавказского эмирата», стала активно использоваться бандформированиями на территории Чеченской Республики именно с того момента, когда в республику было направлено масштабное финансовое подкрепление по линии международных и зарубежных исламистских фондов; до этого бандформированиями использовалась идеология создания т. н. «независимой Ичкерии».

Учитывая накопленный опыт, можно на современном этапе выделить несколько направлений информационного противодействия терроризму, в реализации которых институты гражданского общества, научного, обра-

зовательного и бизнес-сообщества, средства массовой информации могли бы активно участвовать наряду с государственными институтами:

- информационно-аналитическое (выпуск всевозможных памяток, брошюр, книг, обращений, плакатов, социальной рекламы, публикации в прессе о деятельности правоохранительных органов и антитеррористических комиссий, создание тематических документальных фильмов и видеороликов и т. д.);
- пропагандистское (отдельно — для гражданского населения, отдельно — для участников незаконных вооружённых формирований);
- контрпропагандистское (адекватная реакция на дезинформацию, выступления, высказывания главарей бандформирований, распространённые листовки и пропагандистскую литературу);
- идеологическое (формирование религиозной и межнациональной терпимости, патриотизма, здорового образа жизни, приоритетов общечеловеческих ценностей и т. д.);
- организационное (содействие деятельности общественных и религиозных объединений конструктивной антитеррористической направленности; взаимодействие со СМИ, проведение конкурсов на лучшие материалы антитеррористической направленности, конференций, слётов, «круглых столов» и т. д.);
- образовательное (создание системы подготовки специалистов в области информационного противодействия терроризму).

Значительное внимание должно также уделяться совершенствованию предупреждения антироссийских политических и информационно-пропагандистских акций, прежде всего за рубежом, проводимых с использованием т. н. «чеченского фактора», которые негативно влияют на обстановку в Северо-Кавказском регионе, общественно-политическую ситуацию в России в целом и на ее международный авторитет.

Федеральные органы исполнительной власти, в соответствии с их компетенцией, призваны уделять и уделяли серьезное внимание проблеме информационного противодействия терроризму в Российской Федерации.

Так, 7 апреля 2005 года в Комитете по культуре Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации были проведены парламентские слушания «Культура против терроризма. Законодательное обеспечение мобилизации культурного потенциала общества на борьбу с терроризмом».

6 июня 2006 г. состоялось совещание у в то время первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д. А. Медведева «О взаимодействии с мусульманскими религиозными организациями».

5 июня 2007 г. на восьмом заседании НАК рассмотрен вопрос «О состоянии и мерах по повышению эффективности противодействия идеологии

терроризма». Для практической реализации мероприятий по противодействию данному явлению с участием представителей творческой интеллигенции, духовенства, СМИ и бизнес-сообщества выработано соответствующее коллегиальное решение. В рамках его реализации осуществляется:

- создание рабочей группы при НАК по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области противодействия идеологии терроризма;
- реализация в Южном федеральном округе проекта создания на базе существующих исламских учебных заведений двух крупных исламских образовательных центров: в г. Махачкале — на базе Северо-Кавказского университета им. Муххамада Арипа, и в г. Нальчике — на базе Исламского института, а также о рассмотрении возможности создания аналогичных центров в Приволжском федеральном округе — на базе исламских университетов в городах Казани и Уфе;
- подготовка предложений по повышению эффективности и объективности в оценке содержания различных информационных материалов и созданию с этой целью государственной системы осуществления экспертизы (органов, учреждений) для проведения лингвистических исследований текстов публикаций и аудиовизуальных материалов теле- и радиопрограмм, и многие другие мероприятия, на предмет наличия в них элементов пропаганды терроризма и экстремизма.

Антитеррористическими комиссиями в субъектах Российской Федерации разработаны региональные программы профилактики терроризма и экстремизма, предусмотрены меры, направленные на поддержку традиционных религиозных конфессий, развитие национальных культур, активизацию информационно-пропагандистской работы через региональные и муниципальные средства массовой информации.

Представляется, что при дальнейшем формировании и реализации стратегии информационного противодействия терроризму следует также учитывать следующие моменты.

Во-первых, в обществе постепенно созревает понимание того, что информационное противодействие терроризму не исчерпывается объявлением в транспорте о повышенном внимании к бесхозным вещам. Это — комплексный, системный, разносторонний труд высококлассных специалистов, занимающихся антитеррористическим процессом.

Во-вторых, пропаганда срабатывает лишь тогда, когда в её основе лежит правдивая, достоверная информация.

В-третьих, как уже было сказано, правительства ряда зарубежных стран уделяют пристальное внимание Кавказскому региону, активно пытаются обосновывать и реализовывать идею создания т. н. «независимого государства» на Северном Кавказе, используя для этих целей представителей зарубежных этнических диаспор и эмигрантских обществ.

В-четвертых, значительно возросла роль Интернета как средства пропаганды террора. Террористы беспрепятственно распространяют информацию через «Всемирную паутину», открыто пропагандируют свои идеи, вербуя новых сторонников, закупают оружие и снаряжение, общаются друг с другом.

На проблеме использования сети Интернет хотел бы остановиться подробнее. Практически все террористические, другие экстремистские, включая так называемые «повстанческие» организации и группировки (в мире их около 500), имеют собственные сайты (в настоящее время их свыше 5000, в 1998 г. их было всего 12), посредством которых пропагандируется идеология терроризма и в целом экстремизма, обосновывается необходимость и правомерность насильственной деятельности этих структур, распространяются практические пособия и рекомендации по организации подпольной деятельности, сборке взрывных устройств, выбору объектов и тактических приемов совершения диверсионно-террористических актов.

Представляется, что с учетом современной роли телекоммуникационных сетей целесообразно разработать механизм государственного регулирования общественных отношений, связанных с использованием сети Интернет, в том числе о порядке регистрации доменных имен в российском сегменте сети Интернет, исключающем возможность создания сайтов под вымышленными установочными данными, а также о порядке прекращения функционирования сайтов, с позиций которых распространяется противоправная информация, пропагандирующая идеологию терроризма, экстремизма, насилия и расовой нетерпимости.

В то же время, хотел бы обратить внимание на то, что для пресечения террористической и экстремистской пропаганды в сети Интернет необходимо активное международное сотрудничество государств, прежде всего, создание необходимой договорной правовой базы, а также выработка механизма реализации такого взаимодействия в соответствии с положениями пункта 12 Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Введение только национальных запретительных правовых норм малоэффективно из-за того, что сайты террористической направленности создаются, как правило, в доменной зоне на территориях других стран.

Разработка и реализация общего комплекса информационно-пропагандистских мер по противодействию идеологии терроризма должны быть ориентированы на различные слои населения и возрастные группы и, с учетом современной тактики террористов, прежде всего на молодежь.

Большое значение уделяется привлечению к информационному противодействию терроризму общественных объединений, научно-исследовательских центров и других общественных институтов.

Так, для привлечения внимания творческой интеллигенции к важности освещения темы противодействия терроризму в рамках международного кинофестиваля «Золотой витязь» проведена презентация спецпрограммы «Кинематографисты мира против терроризма» (май 2007 г., г. Кисловодск). Совместно с Союзом журналистов Москвы и Ассоциацией военной прессы

подготовлен фильм «Работа журналистов в экстремальных условиях».

По инициативе Национального антитеррористического комитета с начала текущего года организованы международная конференция «Ислам победит терроризм», молодежный фестиваль «Мир Кавказу» и выставка «Терроризм — главная угроза человечеству»; в стадии подготовки находится телемарафон «Скажи террору — нет!».

Особое внимание должно уделяться информационно-разъяснительной работе среди населения, направленной на повышение бдительности граждан, воспитание у них отношения заинтересованности и сопричастности к деятельности государства по противодействию террористическим угрозам, побуждение граждан к применению широко распространенной во многих странах Запада и США практики сообщения федеральным органам исполнительной власти о ставших известными сведениях о террористической деятельности и о любых других обстоятельствах, которые могут способствовать предупреждению террористических проявлений или минимизации их последствий, т. к. это действительно представляет угрозу не только для отдельного человека, но и для больших групп граждан.

Российская Федерация положила начало движению по этому пути. Так, в январе 2007 г. впервые в истории российских спецслужб НАК сделал официальное заявление в средствах массовой информации об угрозе совершения террористических актов в ряде российских городов. В результате, только в первую неделю в ходе оперативной отработки поступивших сведений было проведено свыше 60 тысяч проверок по поступившим информации от граждан. Большинство из них с пониманием отреагировали на сообщение Федерального оперативного штаба и одобрили принятые меры. Чтобы делать это более квалифицированно, нами совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти подготовлена и утверждена на заседании НАК Концепция государственной системы реагирования на террористические угрозы, предполагающая создание пятиуровневой системы террористических угроз. В ближайшей перспективе данная Концепция будет установленным порядком внесена в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации для принятия соответствующих изменений и дополнений в законодательство.

Помимо проведения указанных выше мероприятий аппаратом Национального антитеррористического комитета осуществляется системная работа по организации повседневной деятельности в сфере противодействия идеологии терроризма. В аппарате готовятся аналитические материалы по различным проблемам противодействия идеологии насилия, на основании которых принимаются соответствующие организационно-управленческие решения на всех уровнях властной вертикали.

Для регулярного информирования и обмена опытом используется издаваемый ежеквартально Информационный бюллетень НАК, который пока выпускается в закрытом формате и предназначен для членов Комитета, антитеррористических комиссий и оперативных штабов в субъектах Российской Федерации. С учетом интересов гражданского общества ведется работа по подготовке к изданию Вестника Национального антитеррори-

стического комитета — нового открытого сборника, который в перспективе сможет стать интеллектуальной площадкой для научного обсуждения всех проблем в сфере антитеррористической деятельности.

Для информирования граждан нами подготовлена информационная брошюра «Противодействие терроризму в Российской Федерации и личная безопасность граждан», в завершающей стадии находится издание книги «ФСБ России в борьбе с терроризмом (1998–2008 гг.)».

Также в этом году создан и начал свою работу сайт Национального антитеррористического комитета, на котором размещается актуальная информация по вопросам противодействия терроризму.

Еще одно из направлений решения указанных выше задач нам видится в создании при Национальном антитеррористическом комитете Экспертно-консультативного совета и нескольких экспертно-консультативных групп.

Цель их создания — сформировать институты, позволяющие обеспечить двустороннюю связь между государством и обществом, в том числе взаимный обмен информацией по вопросам противодействия терроризму, привлечь внимание экспертного сообщества к этой проблеме.

Вопрос о создании Экспертно-консультативного совета и экспертно-консультативных групп предполагается рассмотреть на одном из ближайших заседаний Национального антитеррористического комитета.

Наряду с этим считаем, что задача государства, в том числе и НАК, состоит в расширении информационного обеспечения участников антитеррористической деятельности и привлечении к интеллектуальному участию в противодействии терроризму широких научно-педагогических кругов.

На одном из заседаний НАК представителями Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации было высказано предложение образовать при Минобрнауки России Федеральный научно-исследовательский центр по информационному противодействию терроризму (ФНИЦИПТ), укомплектовать его лучшими отечественными учеными и практиками, которые занимались бы выработкой и формированием идеологии антитерроризма и контрпропаганды, созданием общих подходов к информационно-пропагандистской работе, форм, методик и внедрением их в деятельность НАК, ФОШ, АТК и ОШ в субъектах Российской Федерации, заинтересованных министерств и ведомств. Кроме того, Центр можно было бы использовать в качестве обучающей площадки для региональных специалистов. Предложение, на наш взгляд, заслуживает внимательного рассмотрения.

Безусловно, что деятельность гражданского общества, научного, образовательного и бизнес-сообщества, СМИ в сфере противодействия терроризму требует соответствующего материального и финансового обеспечения со стороны государства. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. В прошлом году успешно завершены мероприятия, предусмотренные федеральной целевой программой (ФЦП) «Антитеррор (2005–2007 годы)». С учетом ее положительных результатов в августе с. г. постановлением Правительства Российской Федерации утверждена ФЦП «Антитеррор (2009–2012 годы)». Государственным заказчиком-координатором програм-

мы является Федеральная служба безопасности Российской Федерации, а ее участниками — более 10 министерств и ведомств.

По итогам реализации ФЦП «Антитеррор (2005–2007 годы)» был сделан вывод о необходимости усиления предупреждения терроризма за счет более интенсивной работы с населением. С учетом этого федеральной целевой программой «Антитеррор (2009–2012 годы)» впервые предусмотрен комплекс мероприятий в области предупреждения (профилактики) терроризма, в том числе по развенчанию идеологии терроризма.

Отдельно хотелось бы сказать несколько слов о международном сотрудничестве в области противодействия идеологии терроризма.

Представляется, что на этом направлении должны быть консолидированы усилия всех стран антитеррористической коалиции по информационному противодействию международному терроризму, с использованием потенциала всех федеральных органов исполнительной власти, поддерживающих партнерские международные связи. Необходимо и далее продвигать на международной арене предложенные Россией перспективные инициативы создания и развития антитеррористического партнерства государств и бизнеса, запрещения использования киберпространства в террористических целях.

В настоящее время предложена новая форма сотрудничества. В соответствии с решением Совещания руководителей специальных служб, органов безопасности и правоохранительных органов, в котором ежегодно принимают участие делегации более 50 стран и международных организаций, создан Международный банк данных по противодействию терроризму. Его основная цель заключается в формировании единой межгосударственной информационной системы обеспечения антитеррористической деятельности. В указанном банке данных созданы самостоятельные разделы, в которых накапливается информация о средствах идеологического воздействия террористов, а также об инструментах для осуществления контрпропаганды. Доступ к банку данных смогут иметь спецслужбы и правоохранительные органы любого государства, заключившего соответствующее соглашение с Национальным антитеррористическим комитетом.

В заключение хотел бы еще раз обратить внимание на то, что институты гражданского общества, научного, образовательного и бизнес-сообщества, средства массовой информации могут и должны активнее участвовать в противодействии идеологии терроризма, в том числе в рамках международного сотрудничества.

Ярким свидетельством правильности подобного подхода является практика международного сообщества, в частности принятие 30 ноября 2006 года на Глобальном Форуме по партнерству государств и бизнеса в противодействии терроризму соответствующей Стратегии партнерства государств и бизнеса. В ней констатируется, что посредством взаимного и эффективного обмена информацией, знаниями и опытом, а также совместных или скоординированных действий правительства и бизнес могут разработать, усовершенствовать и осуществить меры по предотвращению терроризма и противодействию ему.

Отмечается, что наряду с бизнес-структурами академические и коммерческие научные сообщества призваны сыграть ключевую роль как в разработке и внедрении новых технологий для усиления мер охраны и безопасности, так и в проведении исследований по вопросам, связанным с терроризмом, включая изучение структурных и других факторов, которые могут способствовать радикализации и вербовке террористов. Правительствам следует поощрять проведение совместных, самостоятельных или скоординированных научных исследований академическими сообществами и бизнесом по вопросам, связанным с терроризмом. Правительства и бизнес могут также поощрять умеренные настроения, терпимость и социальную интеграцию посредством соответствующих образовательных и иных программ, в частности программ обмена учащимися.

В качестве позитивного примера можно привести инициативный проект российской металлургической компании «Норильский никель», принятый в развитие данной Стратегии. Его основная суть заключается в выработке мер по пресечению контрабанды сырья драгметаллов, как средства финансирования оргпреступности и терроризма. В настоящее время указанный проект получил одобрение со стороны российского государства и проходит обсуждение в международных структурах, в том числе в рамках ООН.

Этот и другие приведенные примеры показывают, что институты гражданского общества, научного, образовательного и бизнес-сообщества, СМИ могут и должны сыграть основную роль в борьбе с распространением идеологии терроризма. Указанные структуры являются теми здоровыми социальными силами, которым по плечу внести существенный вклад в победу над идеологией насилия, содействуя искоренению источников терроризма в самом его первичном проявлении.

Государству и общественным институтам необходимо сообща воздействовать на правосознание граждан таким образом, чтобы сформировать абсолютное, почти физиологическое, неприятие идеи насильственного решения любых стоящих перед ними задач. Только победив идеологию терроризма мы сможем окончательно и бесповоротно искоренить одну из самых масштабных угроз нашего времени.

Deterring extremist use of the Internet

T. L. Thomas¹

Disclaimer

The views expressed in this report are those of the author and do not necessarily represent the official policy or position of the Department of the Army, Department of Defense, or the U.S. government.

The Foreign Military Studies Office (FMSO) assesses regional military and security issues through open-source media and direct engagement with foreign military and security specialists to advise army leadership on issues of policy and planning critical to the U.S. Army and the wider military community.

Please forward comments referencing this study to:

FMSO
ATIN-F MR. THOMAS
731 MCCLELLAN AVENUE
FT LEAVENWORTH KANSAS 66027-1350
COM: (913) 684-5957
DSN: 552-5957
FAX: (913) 684-5960/5959
E-MAIL: TIM.L.THOMAS@US.ARMY.MIL.

Introduction

Unless the US crafts a strategy that stymies long-term ideological radicalization among large numbers of Muslim youth, America's 'long war' against terrorism is likely to be just that.²

Several issues of seemingly benign importance eventually emerged as significant activities when the US and its coalition partners went to war in Iraq and Afghanistan in 2003 and 2001. One of those issues was extremists' use of the Internet, that transnational communication device. Warning signs of this emerging capability and its influence on events were observed earlier during the Chechen-Russian conflict in the 1990s and in early 2000. Chechen use of the

¹Т. Томас, аналитик Министерства обороны США. Обзор методов противодействия использованию сети Интернет в экстремистских целях.

²Jarret M. Brachman, "High-Tech Terror: Al-Qaeda's Use of New Technology," *The Fletcher Forum of World Affairs*, Vol. 30:2, Summer 2006, p. 163.

web had enabled it to win over public opinion in the early stages of the conflict and secure an information warfare victory.

Extremists' use of the Internet has developed rapidly since the Chechen-Russian conflict. Now they are more creative and, more importantly, more persuasive in their methods to recruit members, gain financial support, and provide proof of success. The extremists' task has been made easier since coalition forces are stationed in countries where their understanding of culture and the means of spreading information is less informed. Extremists, on the other hand, tap into both culture and media methods.

Extremists have demonstrated their military capabilities online (their use of video to demonstrate the effectiveness of improvised explosive devices and sniper attacks against coalition forces come to mind) and in their use of clerics and imams to justify their actions to the Arab world. Internet videos, postings on YouTube, recruiting on MySpace, and other such methods have been effective. CDs and DVDs of key speeches and events have been handed out at low or no cost, further supporting this cognitive movement.

The coalition response to these measures has been constant but sporadic in the types of organizations involved. First, there is the usual list of players with information operations expertise that have been involved since the beginning: the First IO Command, psychological operations groups, the Joint Information Operations Command, the National Security Agency, DIA and CIA analysts, US think tanks such as RAND, and many others. Second, there has been a constant effort by non-government and government agencies to relook the problem of extremist organizations for decades now. A host of new measures and efforts have joined this group since 1989:

- In 1989 Ben Venzke developed IntelCenter, which has monitored Al-Qaeda and other terrorist movement worldwide both before and after 9/11.
- In 1998 the Middle East Media Research Institute (MEMRI) was founded. It monitors and analyzes various trends, to include terrorism, in the Middle East press. It has an Islamist Website Monitoring project.
- In 1999 the job of Undersecretary of State for Public Diplomacy and Public Affairs was created (occupied by Charlotte Beers, Margaret Tutwiler, and Karen Hughes, three very powerful but marginally effective undersecretaries, from October 2001-November 2007) to develop a State Department effort to put out the US message to the Arab world via TV and radio stations they formed.
- In 2002 Rita Katz and Josh Devon formed the Search for International Terrorist Entities (SITE) intelligence group to follow terrorist activities.
- In 2003 the Counterterrorism Center was developed at West Point to follow extremist thought by looking at the books they put online.
- In 2004–2005 the Defense Department hired contractor groups such as the Lincoln group to find stringers to write pro-Western stories.

- In 2005–2006 Human Terrain Teams were conceived and developed, teams that are tasked to interact with the population to better understand the culture and traditions of the area.
- In 2006 an Internet Radicalization Task Force was created at the Homeland Security Policy Institute to develop a report on how to de-radicalize the web; the report was delivered to Congress.
- The development of specific web sites to combat terrorist use of the Internet such as info@stopterroristmedia.org.
- The development of a strategic communications plan.

Some of these groups have been more successful than others. Some merely monitor the situation while others make recommendations to deter or neuter extremist use of the Internet.

The difficulty in successfully neutering extremist use of the Internet is evident from our daily experiences. For example, in spite of all of these resources plus all of the money the west has thrown into information (read Internet) security, an individual sitting in a room in London in front of a monitor, known as Irhabi 007, still operated and was effective until the time of his capture. The advantages of the Internet (anonymity, use of cut outs, masking of server use, movement from personal computer to cyber café, etc.) enable extremists to make it very difficult to find them.

This article will examine briefly the environment in which extremists now operate (ideological and technical), will outline what issues must be countered, and will summarize/review the efforts to date to deter, neuter, or cauterize extremists' use of the Internet by coalition forces and governments worldwide. Progress is being made but it is uncertain if the restrictions on Western democracies (legal, moral, etc.) and the difficulties in countering the advantages of the Internet will ever be able to fully contain extremists online.

The Environment

Information technologies have enabled extremists to achieve many goals that would have been unimaginable in the 1970s. These technologies have been used to initiate IEDs, to communicate (via cell phones or on the Internet), to employ high-tech deception operations, to filter news and information for the people of the Middle East, and to influence Western opinion among other uses. New uses are developed as required. It will be the influence aspect of information technologies on which this article focuses its attention.

There are several elements of the environment that have changed dramatically since the 1970s and strongly support an extremist's influence of cognitive activities. First, information laboratories (computers) inhabit our work place, homes, and relaxation stops (coffee houses, etc.). It is in the information lab that extremists' influence operations take place. A lab used to be a place in a

scientific research organization or a university where one went to test theories and make discoveries using Bunsen burners and microscopes. Entire buildings were assembled to run simulations. The modern day “information lab” consists of a desk or laptop. Experiments can be run on real life situations (via SIMS, Second Life, etc.) and perform much of the work that simulation labs used to do. Images can be manipulated according to the creator’s wish or to fit a product. Information labs move the individual from being just a consumer of information (as TV, radio, and newspapers used to do) to producers, users, and interpreters (through interactions such as blogs) of information that shape or socialize the world views of followers.³ Theories are tested and discoveries made that have real world consequences which may or may not be in line with the common good. Access to these devices empowers extremists’ active operations. One can even use the computer monitor to watch Al-Qaeda TV in your home or to download videos.

The labs can explain why, how, when, and even where to fight in an open or anonymous manner. These labs serve as cyber mobilizers of people of like thought and they cyber mobilize fence sitters as well. This is performed through personal messages or mass circulation Internet journals or papers. The lab is an environment where cultural knowledge of the target audience is vitally important in developing the technological support and know-how appropriate for each target. Information labs in the right hands provide sustenance to the cause, offer meaning to one’s existence, provide proof of success, and offer personal examples of heroism and martyrdom. These labs are the combustion chambers that revolutionize interest in events and motivate supporters to extraordinary actions. It is a form of effects-based operations of the mind.

Second, there is minimal or no cost involved in using tools to shape the environment. The tools used in laboratories in the past were expensive. Now information laboratory tools are available free of charge and video outlets or software packages such as Windows, Movie Maker, and Adobe Acrobat can be downloaded at will or purchased at minimal cost. They do not require the expense of a college course to access them, just access to the web. The systems that run the extremists experiments were created by others and provided free of charge. Extremists not only share our networks but exploit them. It would be fair to state that extremists go by the law of “we can use your systems, you can’t use ours” as witnessed by extremists use of Yahoo’s free online newsgroups (to distribute communiqués),⁴ MySpace, and YouTube among many others. Stateless information labs bypass censorship and regulations as well as traditional cultural norms of restraint and do what they can to prevent non-sympathizers from accessing their net niche.⁵

Third, just as plants need fertile soil, the environment must possess a rich and adaptive ideological atmosphere. Without this atmosphere, it is not possible to fertilize the cognitive aspects of their target audience. They create this

³Ibid.

⁴Evan F. Kohlmann, “The Real Online Terrorist Threat,” *Foreign Affairs*, September/October 2006, p. 120.

⁵Ibid.

atmosphere by developing specific images and messages in their information labs that offer their slanted and prejudiced perceptions of reality to selected target audiences. Sophisticated tools mentioned above (Movie Maker, etc.) make this job easy. Filters are used to ensure that only certain viewpoints are available on some sites. Cognitive activities are sprinkled with warnings about the dangers of “other thoughts or ideologies” to one’s soul and afterlife. Al Qaeda and other insurgent groups are offered specific and unique ideologies that fit selected organic social movements.⁶

Fourth, the environment is organized differently than in the past. The formation of jihadi media brigades indicates the formation of a new combat space wherein the rules of civilized news organizations do not apply. For that reason, the propaganda videos and photos are often of a shocking nature in regard to beheadings, throat slitting, and other online slaughter techniques. This new combat space is a cognitive battle space without rules and regulations and operates via manipulation, filters, and fear.

Further, the environment in question is a transnational communication and influence network. It empowers anyone with an opinion on anything to post their thoughts and perhaps be read by one individual or by millions. Revered authority figures such as religious leaders can lead followers to specific websites or postings. However, anonymous postings can also have tremendous impact on entire groups of people if presented in the proper fashion (that is, with a message that strikes a nerve in a specific cultural setting). These postings can be found in chatrooms or bulletin boards on the net.

The lab in your living room has other uses as well. It can intimidate or taunt rivals with the click of a mouse, persuade the fence sitters to accept a cause based on the evidence (even if not factually based) presented, allow access to some information but deny access to other sources, and allow for the social networking of criminals and other extremists. These virtual transnational labs have eliminated much of the need for the development of a physical training camp (due to the spread of online training material) and thus inhibits law enforcement agencies from detecting where and in what form extremist groups are taking.

What must be countered?

To deter terrorist use of the web, it helps to understand why they fight and the logic that informs an extremist’s use of technology. To interpret the latter, one could examine hundreds of books and speeches. Since the purpose of this work is to examine ways to deter an extremist’s use of the Internet and not to examine everything that must be countered, only one example will be used here. It is the work of jihadi ideologue Abu Musab al-Suri (also known as Mustafa ‘Abd alQadir Mustafa Husayn, Umar ‘Abd al-Hakim, and Mustafa Setmariam Nassar) and is utilized here because it is fairly representative of this ideology. Al-Suri believes jihad must be comprehensive and utilize military, political, media,

⁶Brachman, p. 149.

civil, and ideological tools. Media resources can be used to establish “resistance blockades” that keep the enemy (Western countries) from corrupting Islamic institutions, organizations, and ideas while radicalizing Muslim masses.

In addition to the main platforms of the Internet and satellite TV, al-Suri recommends sending written statements that call on Muslims to join the Global Islamic Resistance; to publish works on military and training curricula (e-mail contact lists, CD-ROMs, DVDs, etc.); to translate works into other languages; and to disseminate scholarly writing that supports the spirit of resistance, including opinions regarding the enemies of jihad. Obviously analysts should conduct an in-depth study of al-Suri’s rhetoric and ideological reasoning instead of the short, truncated list offered here.

Jarret Brachman, Director of Research at the Combating Terrorism Center at the United States Military Academy, West Point New York, wrote an interesting article on a terrorist’s use of technology. The following list represents key points distilled from the article. Most concern extremist Internet and cell phone issues.

1. Extremist posts of jihadi job openings on the web.
2. Extremist posts of motivational imagery that cyber mobilizes insurgents or wanna-be insurgents.
3. Extremist downloads of scripted talking points about religious justifications for waging jihad.
4. Breaking news posted from a jihadist point of view.
5. Extremist posts of links to attack videos.⁷
6. Al-Qaeda friendly news cast calls that criticize Arab governments collaborating with Jews and Christians and discuss goals of the jihadi movement or establishment of the Voice of the Caliphate.
7. Mobile Internet services offering selected news content via cell phones.
8. Extremist access links to several Al-Qaeda magazines containing instructions on communications, tactics, and explosives.
9. Extremists access to instructions on jihadi websites on how to use software packages and encryption devices and video editing.
10. Jihadi computer programmer launches of stand alone web browsing software that allows searches only on particular sites. These efforts to bound jihadi ideological space by intellectually separating them from other areas of cyberspace allows them to become more extremist.⁸

⁷Ibid., p. 151 for items 1–5.

⁸Ibid., p. 152 for items 6–10.

11. Extremist protocol offers on how to safely use the Internet. These jihadi counter measures help identify how other governments penetrate their use of software chat programs (such as Microsoft Messenger and PalTalk), and advise readers not to use Saudi Arabian e-mail addresses but rather use anonymous Hotmail and Yahoo accounts.⁹
12. Extremist posts on how to utilize jihadi video games to reach the young and instill in them the hope of reaching extremist goals such as a global Islamic caliphate. The more realistic the game, the less dissonance players feel between the game and the world around them. Video games harmonize reality with the need to catalyze awareness of the Muslim requirement to resist.¹⁰

In addition to these twelve methods, Brachman notes, it is also necessary to find ways to counter jihadi-themed books, recruitment, and propaganda material that can be downloaded onto cell phones.¹¹

Another good reference for pointing out how extremists use technology is Remy Mauduit, editor of the US Air Force's *Air & Space Power Journal* (French edition). Mauduit spent five years in an insurgency and guerrilla leadership position during the Algerian War of 1954–1962. He published a book on *Insurgency and Counterinsurgency* based on his hands-on experience. In 2008 he wrote on the effects-based information battle in the Muslim world and included in his work some issues that Westerners must learn to counter such as seemingly benign Islamic rhetoric that serves as a cover for nationalist, anti-imperialist, and reformist objectives. This rhetoric includes denunciations of the injustices, corruption, and tyranny that have characterized the reigning oligarchies in the Islamic world. In this sense, Islamism is one of the few outlets for effective protest and action.¹²

Methods to deter or neuter extremists' use of the Internet

There is no shortage of ideas on how to deter or neuter an extremists' use of the Internet. None, of course, can be designed to totally eliminate their use. The best that law enforcement can do is limit or deter their use of the Internet. Listed below are the ideas of several sources. Each offers the reader a different perspective on how to counter Internet use by extremists.

A 2008 *New York Times* article indirectly offered some methods for deterring extremists' use of the Internet. Authors Eric Schmitt and Thom Shanker discussed the following weaknesses of insurgent movements (the authors did not

⁹Ibid., p. 156.

¹⁰Ibid., pp. 153–159.

¹¹Ibid., p. 153.

¹²Remy M. Mauduit, "Effects-Based Information Battle in the Muslim World," *Air & Space Power Journal*, Summer 2008, at <http://www.aripower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/apj08/spr08/mauduit.html>.

specify that each could be used to deter insurgent use of the Internet, although as the list below demonstrates, they could):

1. Muting Al-Qaeda messages (ways to do so were not offered).
2. Turning jihadi movements own weaknesses against the movement.
3. Illuminating Al-Qaeda errors.
4. Planting bogus e-mail messages and web site postings to sow confusion, dissent, and distrust among militant organizations.
5. Amplifying the speeches and writings of prominent Islamic clerics who renounce terrorist violence; persuading Muslims not to support terrorists through messages such as that from Abdul-Aziz el-Sherif, who wrote a book renouncing violent jihad on legal and religious grounds.
6. Identifying territory that terrorists hold dear, to include emotional territory such as a terrorists reputation or credibility with Muslims, and damaging that territory.
7. Identifying and manipulating or destroying terrorist terrain, which at the moment is the Web.
8. Using captured computer hard drives to learn how to develop counter-messages to extremists plans or speeches.
9. Releasing seized videotapes showing terrorist brainwashing sessions with children (extremist "camps" for children, hate cartoons, etc.) and training sessions with children teaching them to kidnap or kill.
10. Releasing letters that demonstrate poor morale within their organization.
11. Looking at a militant's culture, families, or religion to determine what dishonors them and undermines their rhetoric on the web.
12. Taking away extremists' popular or theological legitimacy for actions such as the moral legitimacy of using weapons of mass destruction.
13. Persuading "extremist support networks" to stop offering assistance to extremists and holding these support networks accountable if they do not.
14. Perfecting technical systems that identify the source of unconventional weapons or their components.¹³

¹³Eric Schmitt and Thom Shanker, "U.S. Adapts Cold-War Idea to Fight Terrorists," *The New York Times*, 18 March 2008, pp. A1, A12.

Another US government effort in 2008 to deter extremists' use of the Internet, attributed only to "US authorities," was "implied" from a post to the Islamist website <http://www.al-farooq.net/> (currently hosted by SoftLayer Technologies Inc., Dallas TX, USA). The website claimed in a message to its subscribers posted February 27 that US authorities had contacted both the website administrator and its US host to pressure them to remove jihad content, saying that if they do not, the site will be shut down.¹⁴ Actually, this can be a very effective way to deter server operators from allowing someone to use their network.

Also in 2008, Colleen Graffy, Deputy Assistant Secretary for European and Eurasian Affairs, was quoted by author Bud Goodall as asserting that the main problem with US public diplomacy is getting the word out. Successes in the public diplomacy world from Graffy's view include a EU news alert system, a rapid response unit, a streamlined approval process for ambassadors' media appearance requests, new media hubs in Brussels, Dubai, and London, a new TV studio, a European liaison position, a "pre-active" approach to media, a TV adviser position, and a Senior Adviser on Muslim engagement. In spite of this rather broad range of options offered by Graffy, Goodall finds the Deputy's remarks out of touch with our strategic communication needs. His take on the problem is that it is more important to use active engagement through a pragmatic complexity model than to merely get visual or get the message out. Advertising campaigns that require a newer, more responsive strategic communication plan is not as effective either.¹⁵

Marc Sageman, a forensic psychiatrist and former CIA case officer, has been recognized for his work on extremist mind-sets and potential ways to influence them. He wrote in 2008 that, in the past, mobilization occurred by face-to-face networks that caused a small number of people to become extremists. Today, it is online radicalization that substitutes for face-to-face radicalization and allows extremists to get support and validation. Sageman notes that these virtual marketplaces for extremist ideas are the invisible hand that is organizing extremist activities worldwide.¹⁶ The leader of this violent social movement that attracts younger members and now women is not a person but "the collective discourse" that appears on half a dozen influential forums. Each network acts according to its own understanding, however, and Al-Qaeda Central cannot "impose discipline on these third-wave wannabes, mostly because it does not know who they are."¹⁷ Thus their collective actions do not amount to much. Sageman believes that these people thrive only at the abstract fantasy level. This makes them vulnerable to whatever may diminish their appeal among young groups or individuals. Thus Sageman sees real opportunity for deterring these movements if the correct message can be constructed, particularly if these

¹⁴Islamist Websites Monitor Project, from memri@memri.org, 4 March 2008.

¹⁵Bud Goodall, "Stay the Course!" <http://comops.org/journal/2008/02/28/stay-the-course/>.

¹⁶Marc Sageman, "The Next Generation of Terror," *Foreign Policy*, March/April 2008, p. 41.

¹⁷Ibid.

separate groups cannot coalesce into a physical movement.

Sageman concludes that a leaderless social movement is at the mercy of its participants. Its main threat is the fact that its appeal is self-limiting. What appeals to one generation may not appeal to the next. The main threat to radical Islam is that its appeal is self-limiting. Extremists and their messages must be demilitarized (deny young men the glory of fighting uniformed soldiers of the sole remaining superpower) and reduced to common criminals stripped of glory, as extremism is about death and destruction, not fame. Voices that encourage opportunity and reject violence must be supported or encouraged. It is necessary to show young people that hopes, dreams, and grievances can be addressed without violence.¹⁸

Remy Mauduit, noted above, recommended that the Department of Defense establish a permanent Islamic Information Center to assess, develop, disseminate, and coordinate information to the international Muslim public. Long-term objectives would be to promote democracy, good governance, freedom, and human rights in the Muslim world. Short-range objectives would be letting the Muslim world know that the US continues to help it through repetitive broadcasting of the various humanitarian missions it organizes and runs. Themes to use and target audiences are:

- Supporting civil-society institutions.
- Supporting both secularists and moderate Islamists.
- Discrediting extremist ideology.
- Delegitimizing individuals and positions associated with extremists by challenging their interpretation of Islam and promoting divisions among extremists by encouraging journalists to investigate issues of corruption, hypocrisy, and immorality in extremist and terrorist circles.
- Focusing on young people, Muslim minorities in the West, women, and the pious traditionalist populations, educating Muslims and non-Muslims alike on critical questions related to the compatibility between Islam and democracy.¹⁹

Finally in 2008, journalist Sharon Weinberger wrote that the gravest strategic lapse of the US government has been its anemic—if not self-destructive—effort to create and exploit divisions within and among jihadi groups, discredit their ideology, promote alternative Islamic voices, and isolate Islamic extremists. She seems to highlight the very themes that Mauduit also recommended were needed. The US has failed to counter effectively the portrayal of America as an aggressive, predatory force that poses a threat to Islam according to Weinberger. The US government should stand up an independent agency to

¹⁸Ibid., pp. 37–42.

¹⁹Mauduit.

plan and orchestrate a coherent, national-level strategic communication strategy. This assumes, she notes, that the US government can compete with the global information market.²⁰

In 2007 Frank Cilluffo, chairman of the Homeland Security Institute's "radicalization of the Internet" project, discussed his commission's findings in *IO Sphere* journal. He noted that there are several ways to neuter terrorist use of the web. His ideas were more general and included:

1. Understanding the narrative and context of an extremist, why it resonates.
2. Using all resources—no agency owns the mission.
3. Defeating networks with networks, not a supercomputer.
4. Using all elements of statecraft, not just the military.
5. Removing terrorist masterminds.
6. Offering opportunity to those who could be seduced by a terrorist message.
7. Allowing former jihadists to come forward and denounce terrorism.
8. Substituting a new concept for the term GWOT (which to Cilluffo is as bad as the term crusader since it allows jihadists to feel like warriors). Terminology matters.
9. Requiring Islamic scholars to offer a counter dialogue.
10. Finding how to prevent someone from going from a sympathizer, to an activist, to indiscriminate violence. Discrediting extremism through religion is one option.
11. Driving wedges between and among extremist and terrorist organizations (isolate planners from organizations, organizations from one another and from larger movements, and from society at large).²¹

Also in 2007 Irving Lachow and Courtney Richardson, writing in *Joint Force Quarterly*, noted that there have been several US Government efforts to deter or delegitimize extremist use of the Internet. First, the State Department maintains a Web site in a number of languages devoted to countering false stories that appear in extremist sources and countering disinformation that may end up in mainstream media. Second, military units have conducted operational level influence operations for a long period of time. Lachow and Richardson also discussed the utility of viewing the war of ideas as equal in importance to

²⁰Sharon Weinberger, "War on Terror Slips; PR Ministry Needed," February 27, 2008, http://blog.wired.com/defense/info_war/index.html.

²¹John Whisenhunt, "Some Thoughts on Networked Radicalization: Interview with Frank J. Cilluffo," *IO Sphere*, Summer 2007, pp. 14–17.

military and law enforcement aspects of the fight. They recommended trying to find specific language with which to label Salafist extremists, such as irhabists (terrorist) conducting hirabah (unholy war) instead of mujahideen conducting jihad; and they recommended promoting the views of well-respected Muslim clerics who counter terrorist claims. Lachow and Richardson support attempts to undermine Internet-based terrorist influence operations and counters to a terrorist's operational use of the Net.²²

Conclusions

The consensus of experts seems to be that the use of secular or moderate religious figures or scholars have the most potential to effectively deter an extremist's use of the Internet. Their use of the Internet can help to stifle some of the issues that extremists magnify in the Internet environment (death and destruction, Koranic verses of motivation, etc.). Secular or moderate figures use of the Internet can also help deter an insurgent's recruiting ability and the amount of financial donations offered for the cause. Limiting the manner in which the Internet can shape opinions through offering "other information or sources" that are deemed offensive to an insurgent's cause cannot but help the coalition effort. Advanced societies have developed a virtual transnational communication network that insurgents can use at no or limited cost and their efforts must be offset if the US hopes to succeed in the ongoing war of ideas.

Today, terrorists are toying with the use of the virtual environment created by Linden Lab and known as Second Life (SL). They envision SL as a means to communicate, launder money, or recruit individuals. Ken Driefach, Linden Lab's Deputy General Counsel, states that there are systems in place to monitor avatar activities and identify gaming behavior that may support a terrorist cause. Further, Second Life users can help deter terrorist use of the virtual gaming environment by other Muslim SL users for information on communications between players and their activities. Finally, undercover operations could be initiated to provide information on groups with jihadist tendencies.²³

There are many issues in addition to SL with which law enforcement must contend. First there is the technological issue. Insurgents skip from server to server, use anonymity as a friend, hide in chatrooms, move from one neutral computer source to another, and enter friendly systems at will to recruit or look for financial support. Second, Western nations must contend with extremist ideology that rejects anything other than their way of living and thinking.

To counter an extremist's use of the Internet the correct combination of constraining, monitoring, and deceiving extremists must be developed and executed. Identifying which servers an extremist group is using allows coalition

²²Irving Lachow and Courtney Richardson, "Terrorist Use of the Internet: The Real Story," *Joint Force Quarterly*, Issue 45, Second Quarter 2007, pp. 100–103.

²³"Current and Future Jihadist Use of Second Life Likely Limited to Exploring Applications' Potential Use for Money Transferring/laundering, Communication, and Recruitment over the Next 12–24 Month," Mercyhurst College, downloaded from <http://secondter.wikispaces.com/Second+Life--Overall+Estimate> on 9 October 2008.

members to shut down those servers and force an extremist to a new one. This constrains an extremist's activities, making it much more difficult to connect with their online user base and inform them of new plans and activities. Monitoring an extremists use of the Internet allows one to get an inside look at how their plans are developing. Their use of the Internet can also be shut down. Both of these options might involve deception, but the best use of deception is simply infiltrating a group and pretending to be someone you aren't.

Of all the options listed to confront the technological and ideologically challenge, the most often mentioned was the use of clerics or imams to issue decrees that would deter or neuter extremist options and deter if not prevent fence sitters or the young from joining up for jihad. Perhaps this option would also work in SL. Several religious figures have recently been highlighted. Sayyid Imam al-Sharif, writing from prison in November 2007, developed a book titled *On Rationalizations on Jihad in Egypt and the World*. A former aide to Al-Qaeda's second in command, Ayman al-Zawahiri, al-Sharif writes that it is religiously unlawful to use violence to overthrow Islamic governments. In October 2007 Sheikh Abd Al-Aziz bin Abdallah Aal Al-Sheikh, highest religious authority in Saudi Arabia, issued a fatwa prohibiting Saudi youth from engaging in jihad abroad. In September 2007 Sheikh Salman al-Awdah, a Saudi cleric, wrote an open letter condemning Mr. bin Laden.²⁴ All of these individuals have had a strong impact on deterring extremist recruitment and spread of their propaganda online.

Western actions can also have an important impact on deterring an extremist's use of the Internet. If extremists are not provided material or video footage, then there is much less of a chance that the web can serve as a mobilizing factor for extremists. Western actions to shut down websites or to make it painful for extremists to communicate with one another should have a deterring effect on their Internet activities. The extremists themselves have recommended ways to limit their ability to communicate. For example, one extremist, Abu Yahaya al-Libi, offered tips for better prosecuting the war of ideas against al-Qaeda. He noted that to defeat al-Qaeda it was necessary to follow six steps:

- Focus on amplifying cases of ex-Jihadists who have willingly renounced the use of armed action and recanted their previously held ideological commitments.
- Amplify the mistakes of al-Qaeda, fabricate other mistakes, and ensure that any Jihadist group is used, not just al-Qaeda. Using other Jihadist groups to serve propaganda purposes is known as "widening the circle."
- Government's prompting of mainstream Muslim clerics to issue fatwas (religious rulings) that incriminate the Jihadist Movement and their actions.
- Strengthening and backing Islamic movements far removed from Jihad, particularly those with a democratic approach.

²⁴Peter Wehner, "Al-Qaeda is Losing the War of Minds," *Financial Times*, 5 March 2008, from <http://www.ft.com/cms/s/o/aobf0494-ea57-11dc-b3c9-0000779fd2ac.html>.

- Aggressively neutralizing or discrediting the guiding thinkers of the Jihadist Movement.
- Spinning the minor disagreements among leaders or Jihadist organizations as being major doctrinal and methodological disputes²⁵

Al-Libi thus indicates that the best way to influence a Jihadist Movement is to strangle it by tying it up in knots.

Governments should force al-Qaeda into a series of compromising positions from a variety of angles so that it hangs itself over the long term.²⁶ It is hoped that the US strategic communications plan and the organizations it will spawn in the next year will be able to implement this strategy in an innovative manner.

²⁵Jarret Brachman, "Abu Yahya's Six Easy Steps for Defeating al-Qaeda," *Perspectives on Terrorism*, Vol. 1, Issue 5, downloaded from [http://www.terrorismanalysts.com/pt/index/php?option=com_rokzine&view=article&id=1...](http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php?option=com_rokzine&view=article&id=1...)

²⁶Ibid.

Часть II

**Семинар «Социально-
философское обоснование
методов противодействия
религиозному экстремизму»**

Аналитическая справка по итогам проведения семинара «Социально-философское обоснование методов противодействия религиозному экстремизму»

30 октября 2008 г. с 15.00 до 18.30 в аудитории Е-317 Первого учебного корпуса на новой территории МГУ имени М. В. Ломоносова состоялся семинар, на котором *присутствовало 42 человека.*

Председателем круглого стола был *В. В. Миронов*, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета МГУ. В модерировании участвовали *И. Н. Яблоков*, зав. кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета МГУ, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и *В. Л. Шульц*, член-корреспондент РАН, научный руководитель ВШ ССН МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук.

Круглый стол был организован *по тематическим сессиям.* Дискуссии разворачивались, прежде всего, вокруг трех из четырех заявленных тем: «Этнорелигиозные корни современного терроризма», «Общественный диалог как способ противодействия терроризму», «Философские основания противодействия религиозному экстремизму». Четвертая тема «Проблематизация террора и терроризма в философии» обсуждалась в ходе общих дискуссий. *Таким образом, можно сделать вывод о том, что в центре внимания оказались феномены религиозного опыта, которые приобрели или могут приобрести экстремистский характер.*

Состоялся интересный конструктивный разговор, в результате которого мы пришли к ясному для нас выводу о том, что необходимо разводить такие понятия как терроризм и религиозный экстремизм. Террорист — это, как правило, лицо без определенной национальности и религии, или же человек, фальшиво прикрывающийся религиозной риторикой, в наиболее примитивной форме, искажающей догматы самой религии — с этим положением согласились все участники семинара. Споры вызвали отдельные концепции, типологизирующие на психологических и социологических основаниях личность террориста (доклады *И. Н. Яблокова* и *Е. В. Орёл*). Острую полемику вызвали прозвучавшие жестко в отношении общих характеристик ислама как источника экстремизма практически ориентированные доклады, посвященные этническим и собственно религиозным корням терроризма (доклады *Д. В. Сочнева* и *В. Н. Найденко*). Все

согласились с тем, что терроризм должен быть определен как безусловное зло и диалог с террористом невозможен. В отношении понятия «религиозного экстремизма» следует уточнить различные подходы — философские, социологические, этнографические, языковедческие, психологические, правовые и др. При этом следует зафиксировать критерии (показатели) относящихся феноменов «религиозный экстремизм», «этнический экстремизм», «политический экстремизм», «этнополитический экстремизм». Не следует их отождествлять, а следует указывать конкретные связи между этими явлениями. Каждый случай религиозного экстремизма имеет определенный исторический, социальный и политический контекст. Следует обратить внимание на социальные причины его возникновения, идеологические основы, политические поддерживающие экстремизм факторы, предполагаемые функции. Особо следует выявлять структуру мотивации «религиозно экстремизма». В антитеррористической пропаганде следует осторожно пользоваться понятиями «религиозный экстремизм» — «религиозный фундаментализм» — «религиозный модернизм», так как они имеют различные коннотативные значения.

С лидерами и представителями традиционных конфессий следует вести активный диалог. В них нам следует искать союзников в борьбе с проявлениями крайних тенденций, могущих быть использованными в целях террора экстремистами политическими. Давление на конфессии может быть расценено в массовом сознании как давление на национальную государственность (доклад В. А. Алексева) — данное положение было поддержано в целом, однако выступившие в прениях участники семинара подчеркнули исторические свободомыслие и полирелигиозность России. (В этом же ключе прозвучал и доклад Д. Мандла (США), посвященный толерантности и свободе воли как основаниям развитого общества.)

Целью и содержанием антитеррористической деятельности должны быть отстаивание ценности человеческой жизни, защита права человека на жизнь и свободу и победа над страхом. Общество не может противостоять террору, если оно разобщено и погружено в бури социальных конфликтов. Доступ к образованию для всех слоев населения, формирование специализированных антитеррористически настроенных индивидуальных фреймов восприятия информации, организация государство-ориентированных и знание-ориентированных сообществ, восстановление патерналистской функции государства — некоторые конкретные предложения, вызвавшие одобрение участников семинаров (доклад М. Смирнова). Государство и гражданское общество, частью которого являются и Университеты, должны соединить свои усилия в профилактике терроризма.

Дискуссия явилась интересным для нас опытом соединения двух подходов — практиков и ученых, и основанием для дальнейшей разработки университетом данного направления исследований, предлагая тему противодействия террору и его социально-философского обоснования молодым ученым и преподавателям факультета.

Деятельность исламистских экстремистских организаций в системе вызовов и угроз безопасности России

Д. В. Сочнев¹

Распад СССР привел к необходимости переосмысления современной ситуации и выдвижению новых концепций развития человечества в XXI веке. Бывший советник по национальной безопасности американского президента в годы «холодной войны» Збигнев Бжезинский в книге «Великая шахматная доска»² так говорит об этом: «Сегодня геополитика продвинулась от регионального мышления к глобальному».

Одну из концепций нового видения в эпоху глобализации сформулировал профессор политологии Фрэнсис Фукуяма в своей статье «Конец истории?». В этой статье особый интерес вызывает одно замечание Фукуямы: «Сохранится высокий и даже все возрастающий уровень насилия на этнической и националистической почве, поскольку эти импульсы не исчерпывают себя и в постисторическом мире. Палестинцы и курды, ирландские католики и валлийцы, армяне и азербайджанцы будут копить и лелеять свои обиды. Из этого следует, что на повестке дня останутся и терроризм, и национально-освободительные войны»³. Уже в сентябре 2001 года Президент США Джордж Буш заявил своим соотечественникам: «Перед нами новый этап зла, война с терроризмом займет время, и американцы должны быть терпеливыми».

Сети исламистских террористов растут с огромной скоростью. Если в 1996 году лидер «Аль-Каиды» Усама бен Ладен говорил, что его организация охватывает тринадцать стран, включая Албанию, Малайзию, Пакистан, Нидерланды, Румынию, Великобританию, Россию (Чечня), Турцию, Ливию, Иран и некоторые страны Персидского залива, то уже в 2001 году США опубликовали список из тридцати четырех стран, где находятся ячейки этой террористической сети: Алжир, Ирак, Индонезия, Ливан, Судан, Узбекистан, Югославия (Косово), Сектор Газа и др.

Период конца XX–начала XXI века, когда геополитическая структура мира находится в процессе кардинальных перемен, представляет собой

¹ Главный научный сотрудник Научного центра Академии управления МВД России, доктор социологических наук, доцент.

² Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М., 1998, с. 256.

³ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии, 1990, № 3.

«благодатную почву» для развития терроризма⁴.

В докладе национального совета по разведке США «Глобальные тенденции до 2015 года» говорится, что глобализация мировой экономики будет способствовать укреплению политической стабильности в мире к 2015 году. Однако экономический рост затронет не все страны, более ощутимым станет наличие бедности и различий между регионами. В докладе подчеркивается, что особенно заметно будет отставание в Африке к югу от Сахары, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе, т. е. там, где легко воспринимаются идеи терроризма и террористы могут получить поддержку⁵. В докладе Генерального секретаря Организации Объединенных Наций на пятьдесят пятой сессии Генеральной Ассамблеи в 2000 году говорилось, что в дополнение к нарастающим проблемам урбанизации и глобализации, демографическому дисбалансу между индустриальными и развивающимися странами межгосударственные конфликты, частью которых является и терроризм, приведут к увеличению миграционных потоков в мире. Дело в том, что для принимающих стран иммиграция создаст демографические и экономические проблемы, т. к. с ними связан рост деструктивных проявлений в социуме, одним из которых является терроризм. Збигнев Бжезинский подчеркивает: «С одной стороны, такое явление, как миграция населения в мировом масштабе, уже охватившая десятки миллионов людей, может служить временным предохранительным клапаном, но с другой стороны — также вероятно, что она может быть средством переноса с континента на континент этнических и социальных конфликтов»⁶.

Опорой для фундаменталистов в их требованиях служат представления о себе как хранителях исторической традиции, основы которой они призваны защищать и укреплять перед лицом угрозы секуляризма (светскости). Они привлекают в свои ряды представителей различных экономических классов и социальных групп. Примером фундаменталистских организаций служат Исламский фронт спасения в Алжире и Христианская коалиция в США. Они отказываются от всякого компромисса «во имя величайшего добра» и нередко идут на крайние меры, не последнее место среди которых занимает и террористическая деятельность.

Среди различных политико-религиозных движений ислама в последнее время привлек всеобщее внимание ваххабизм. Сразу же напрашивается вопрос, почему ваххабизм стали так часто связывать с терроризмом. Ответ на этот вопрос попытался дать доктор философских наук, ведущий эксперт НИИ социальных систем МГУ имени М. В. Ломоносова Александр Игнатенко, проведший серьезный анализ теоретических основ ваххабизма: «Ваххабизм представляет собой результат селекции (отбора) и адаптации (приспособления) положений Корана и Сунны к ваххабитским представлениям и идеям»⁷.

⁴Лебедева М. М. Мировая политика. Учебник для вузов. М., 2004, с. 119.

⁵См.: НАТО и Россия в глобальном гражданском обществе. Монография / Под общ. ред. О. А. Колобова. М., Н. Новгород, 2005, с. 56.

⁶Бжезинский Зб. Ук. соч., с. 183.

⁷Игнатенко А. А. Зеркало ислама. М., 2004, с. 56.

Главным положением ваххабизма является строгое единобожие, поэтому малейшее отступление от единобожия, по их мнению, превращает мусульманина в «неверного». Мусульманин, принявший ваххабизм, должен поддержать свое единобожие «ненавистью и враждой» к «неверным». Главное наказание всех «неверных» и «вероотступников» — лишение их жизни. Убийство «неверных», по утверждению ваххабитов, должно проводиться системно и организовано — в форме джихада против «неверных»⁸.

Для России эта угроза стала реальной, когда банды чеченских боевиков, исповедывающих терроризм, вторглись на территорию Дагестана. Поэтому начался запрет ваххабизма в тех субъектах Российской Федерации, где мусульмане составляют вероисповедное большинство. К таким мерам относится Закон Республики Дагестан о запрете ваххабистской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан (сентябрь 1999 год). Подобные законы были приняты в Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

По словам генерала Геннадия Трошева⁹, бывшего одним из руководителей контртеррористической операции на Северном Кавказе, все 90-е годы ваххабизм в Дагестане набирал силы и очень скоро приобрел отчетливый политический окрас. Чечня также все больше превращалась в своеобразный «инкубатор по выращиванию ваххабитов». Их представители укрепили свои позиции во власти. А. Масхадов, поначалу борющийся с «радикалами», вынужден был смириться с религиозным экстремизмом. Ваххабиты активно расширяли зоны своего влияния и к концу 1997 года уже не скрывали своих претензий на приход к власти в Дагестане и в ряде других северокавказских республик.

Всего за три года (с 1996 по 1999) небольшая группа ваххабитов (8 человек) в селе Карамахи Республики Дагестан выросла до нескольких тысяч хорошо вооруженных боевиков, которые в 1999 году создали в Дагестане свою «независимую территорию», куда входили селения Карамахи, Чабанмахи, Кадар.

Следует заметить, что традиционный для Кавказа ислам суннитского толка не годится в качестве «революционной базы», плацдарма для наступления экстремизма. Поэтому в республике развернулось сражение за души мусульман между Духовным управлением Дагестана и сектой ваххабитов, обвинивших друг друга в ереси. Первые убеждали словом истинной веры, вторые совали в руки бедняков деньги, за что ваххабизм и был назван в народе «долларовым исламом».

Если раньше сектантам хватало терпения вести с суннитами научно-религиозные споры, то позже они избрали другую тактику. Ваххабиты направляли основные усилия на разложение ислама изнутри, всячески дискредитировали мулл и имамов традиционного толка.

Наибольшее распространение ваххабизм получил в Кизилюртовском районе, где располагался крупнейший в России центр «долларового исла-

⁸Змеев М. А. Контртерроризм как государственное противодействие международному терроризму. Монография. Н. Новгород, 2006, с. 13.

⁹Трошев Г. Н. Чеченский дневник окопного генерала. М., 2002, с. 169.

ма» — «Центральный фронт освобождения Дагестана». Эта экстремистская организация взяла на себя ответственность за нападение с 21 на 22 декабря 1997 года на военный городок мотострелковой бригады в Буйнакске, когда был взорван жилой дом, погибло 18 человек (их них 9 военнослужащих и членов их семей) и около 100 человек было ранено¹⁰.

С самого начала ваххабитской операции в Дагестане стало ясно, что одним из главных в планах террористов является слияние Кадарской зоны (территории населенных пунктов Буйнакского района Дагестана — Карамачи и Чабанмахи, которые образовали самопровозглашенную «независимую исламскую республику», живущую по законам шариата) с Чечней, что, по словам генерала Трошева, представляло серьезную опасность для целостности Дагестана.

Лидеры «Исламского общества Дагестана» («Джамаат»), созданного ваххабитами, также не скрывали своей конечной цели — выход из состава России и построение совместно с Чечней исламского государства нового типа, независимого от России. В планах ваххабитов исламская власть в этом регионе установится в три этапа: на первом этапе произойдет массовое распространение ислама; на втором — единение всех мусульман; третий этап — «священная война» (джихад), в результате которой и установится исламское правление¹¹. Ожидалось, что немедленную военную помощь — открыто или тайно — окажут повстанцам Пакистан, Саудовская Аравия, а также Турция, заинтересованная в транзите каспийской нефти через свою территорию.

Главой ваххабитов на Северном Кавказе длительное время был Эмир Хаттаб. В 1999 году он объявляет «Прикаспийскую республику» очередным фронтом борьбы с неверными.

Чечня также давно привлекала внимание и другого арабского террориста — Усамы бен Ладена¹². Именно он больше других приложил руку к агрессии чеченских ваххабитов на Дагестан. Его тесть — мулла Омар — дал «фетву» (благословение) на нападение. Сам бен Ладен не только перевел 30 миллионов долларов Басаеву и Хаттабу, организовал поставки оружия и боевую подготовку, но и, по сообщению ведущих американских экспертов, лично посетил диверсионные лагеря под чеченским селением Сержень-Юрт накануне вторжения в Дагестан.

Ваххабиты действовали не только в Дагестане и Чечне, но и в соседних регионах — Северной Осетии, Ингушетии, Ставропольском крае.

Между тем долгое время миссионерская деятельность ваххабитов у нас почти никем не контролировалась. В Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ставропольском крае, в Ростовской (Новошахтинск), Волгоградский (г. Волжский) областях регулярно выступали заезжие служители

¹⁰Трошев Г. Н. Чеченский дневник окопного генерала. М., 2002, с. 239.

¹¹Фатуллаев М. Российский Северный Кавказ — мощный плацдарм пантюркского влияния // Независимая газета, 1997, 25 июля, с. 11.

¹²Змеев М. А. Характеристика субъектов и мотивов террористической деятельности. Квалифицированные виды терроризма. Нормативная и уголовно-правовая ответственность за терроризм. Монография. Н. Новгород, 2006, с. 41–43.

«чистого ислама» из Турции, Саудовской Аравии, Иордании, обливая грязью местное мусульманское духовенство, поощряя смуту и раздор, а в дагестанских селениях Карамахи и Чабанмахи ваххабиты открыто, чуть ли не официально, установили свою власть. Масхадов в Чечне больше двух лет боролся с ваххабизмом, а федеральные власти даже ничего не сделали для уничтожения экстремистских группировок в глубине своей территории. В общем, на Юге России были созданы все условия для дальнейшего распространения экстремизма.

Чтобы понять причины терроризма, важно проследить тот политический фон развития государственности на Северном Кавказе¹³, на котором происходит нынешний рост исламизма на территории этого региона.

После распада СССР произошла смена элит в Чечне и Дагестане. Хотя исламистам и не удалось завладеть политической властью в этих республиках, все же им принадлежала значительная роль в процессе перемен. В борьбе с исламизмом сочетание тактики подавления, пропаганды и кооптации, свойственное советскому режиму, уже не давало желаемых результатов.

В Чечне бурное развитие исламизма, вероятно, явилось прямым следствием первой русско-чеченской кампании и послевоенной смуты в республике. После окончания войны в Чечне царил обстановка беззакония, и многие чеченцы в поисках выхода из создавшегося положения стали обращаться к исламу. Республику, ставшую де-факто независимой, захлестнули уголовные преступления (похищение людей, убийства, грабежи, подпольный нефтебизнес). Фактическая независимость Чечни обернулась разбоем, разрухой и всеобщим обнищанием рядовых жителей. Благоустроивали только бандитские стаи, прикрывавшие свои постыдные деяния ваххабитской риторикой. Обнаружилась полная экономическая и правовая недееспособность власти. Обострился кризис на межтейповой основе (как известно, чеченское общество — это конгломерат тейпов, от взаимоотношений, внутри которых зависит в целом мир в регионе).

Нельзя не учитывать и еще один важный фактор, связанный с социально-экономическим положением жителей республики: целое поколение чеченцев в последние 15 лет не держало в руках орудий мирного труда. Им их заменяла винтовка. История свидетельствует, что горцы свободолюбивы и фанатично преданы своим религиозным и культурным традициям. Они убеждены, что каждому «борцу за веру», павшему в борьбе с неверными, уготовано место в раю. Любой чеченец считает участие в войне лучшим способом подтверждения своего мужества и приобретения популярности среди соплеменников.

Хасавюртские соглашения 1996 года между Дудаевым и Москвой еще сильнее затянули узел кавказских проблем. Федеральные части еще находились на территории Чечни, а лидеры Ичкерии уже приступили к восста-

¹³Сочнев Д. В. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации в формировании правосознания молодежи. Дис. ... д-ра социол. наук, М., 2004, с. 145-146.

новлению своей армии, развернули подготовку будущих террористов¹⁴.

Ингушетия, соседствующая с Чечней, за последние годы фактически превратилась в перевалочную базу террористов.

Этому способствовали трагические события осени 1992 года, когда разразился вооруженный осетино-ингушский конфликт.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что политическая дестабилизация на Северном Кавказе выгодна некоторым силам и в самой России, и за ее пределами. Примером тому может служить движение ваххабитов, поддерживаемое до недавнего времени не только рядом западных и арабских стран, но, как ни странно, и Москвой.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть: причины, способствующие усилению террористической угрозы на Северном Кавказе, следует искать, прежде всего, в острейшем экономическом, политическом и финансовом кризисе, охватившем весь регион. Резкое падение промышленного производства, фактический развал сельского хозяйства, падение нравственности и культуры, массовая безработица, рост числа деклассированных элементов, недальновидная политика центра, огромная пропасть между властью и основной массой населения, региональные конфликты. Все это — облик современного Северного Кавказа.

В основе террористической войны против России лежат обстрелы, налеты, засады, минирование и другие диверсионно-террористические действия. Раньше террор был направлен против офицеров правительственных войск, сотрудников органов безопасности и правопорядка, работников органов власти, а также против представителей интеллигенции и журналистов, сотрудничающих с властями либо пытающихся сохранить нейтралитет. Результатами же современного терроризма являются многочисленные невинные жертвы.

Новые формы борьбы федеральной армии с бандформированиями¹⁵ заставили боевиков выработать новую тактику боя. Отсутствие, как правило, тяжелого вооружения в их отрядах ограничивало действия боевиков засадами, короткими огневыми налетами с быстрым отходом, диверсионными актами и частичным отказом от штурмовых боев. Поэтому произошел переход огневого контакта с федеральными войсками с расстояний «выстрела в упор», что характерно для боев начального периода войны, на дистанцию 300–500 метров. В ходе боев за Грозный чеченскими снайперами была выработана специфическая тактика. Сначала они стремились попасть в ноги. Когда к раненому добирались другие солдаты, чтобы эвакуировать его с поля боя, то и им также стремились попасть в ноги. Таким образом «отстреливали» трех-четыре человека, а потом добивали всю группу. Эту тактику боевики используют при вооруженных налетах и сегодня.

Основная цель всех террористических акций на Северном Кавказе заключается в том, чтобы дезорганизовать государственно-экономическую

¹⁴Трошев Г. Н. Чеченский дневник окопного генерала. М., 2002, с. 142.

¹⁵См.: Юдин А.В. К вопросу о взаимодействии Вооруженных Сил Российской Федерации и внутренних войск МВД России при защите конституционного строя // Право в Вооруженных Силах, 2005, № 8.

жизнь на местах, не дать возможности быстро ее наладить притоком свежих сил и средств из России, а также измотать противника, создавая вокруг него атмосферу постоянно грозящей отовсюду неуловимой опасности и, в конечном итоге, задержать развертывание действий по подавлению и уничтожению боевиков.

Террористический акт в Северо-Кавказском регионе может осуществляться посредством следующих методов: обстрел из засады, обстрел из движущегося автомобиля, подрыв, применение отравляющих веществ, похищение с целью допроса, получения выкупа, обмена или уничтожения¹⁶. В последнем случае жертва подвергается жестоким истязаниям, следы которых должны, по мнению боевиков, деморализовать врагов и запугать колеблющихся. Однако наиболее часто применяется минирование мест скопления большого количества народа (железных дорог, торговых центров, гостиниц и т. д.).

Минной войне на коммуникациях незаконные вооруженные формирования также уделяют самое серьезное внимание. Ее цель — прервать или затруднить переброску и снабжение войск, парализовать работу государственных предприятий и учреждений, деморализовать органы власти и запугать население. Следует заметить, что все реже стали применяться фугасы, управляемые по проводам (у этого способа подрыва очень много демаскирующих признаков). В ходу сегодня в основном остались радиоуправляемые взрывные устройства. Так 10 ноября 2001 года во Владикавказе на рынке «Фаллой» прогремел взрыв. Мощность самодельного взрывного устройства, по мнению экспертов, составила около килограмма в тротиловом эквиваленте. Пять человек скончались и еще 60 получили ранения различной степени тяжести.

Минно-фугасная война на Северном Кавказе продолжается. Однако Г. Трошев утверждает, что она не стала основной козырной картой в тактике террористов, и в той степени, в которой бандформирования предполагали охватить ею Чечню, провалилась. Сегодня инженерные подразделения снимают с дорог до 90% всех устанавливаемых бандитами мин, фугасов и самодельных взрывных устройств.

Последовательные действия федеральных сил по ликвидации бандформирований и упорное нежелание Москвы идти на переговоры с боевиками вынуждают главарей незаконных вооруженных бандформирований искать новые формы вооруженной борьбы, рассчитанные на пропагандистский эффект и привлечение международного внимания к «чеченской проблеме». С этой целью функционеры организации «Братья-мусульмане» Хаттаб и Абу аль-Валид распространили на территории Чечни, а затем и всей России, ближневосточные методики подготовки и применения террористов-смертников¹⁷. На роль «живых бомб» подбираются местные жители, при об-

¹⁶Грачев С. И. Спаси себя сам: практикум личной безопасности. Учебное пособие. Н. Новгород, 2005, с. 66–67.

¹⁷Змеев М. А. Характеристика субъектов и мотивов террористической деятельности. Квалифицированные виды терроризма. Нормативная и уголовно-правовая ответственность за терроризм. Монография. Н. Новгород, 2006, с. 45.

работке которых, наряду с религиозными мотивами, применяются шантаж (угроза расправы над близкими, родственниками и т. д.) и материальная зависимость. Так 2 июля 2000 года по этому принципу боевики совершили два теракта в Гудермесе, по одному — в Урус-Мартане, Новогрозненском и Аргуне. В результате этого 84 человека получили ранения, трое пропали без вести, погибли 33 бойца федеральных сил. 27 декабря 2002 года во время взрыва Дома правительства погибло 80 человек, более 170 было ранено. Череда подобных терактов в Чечне не прекращается до сих пор.

Эта же тактика была применена 23 октября в Москве, когда террористы из Чечни взяли в заложники зрителей и группу мюзикла «Норд-Ост» (всего около 800 человек). Бандиты выдвинули требование — прекращение контр-террористической операции в Чечне, вывод войск и республики. В противном случае террористы пригрозили взорвать и расстрелять заложников. Мовсар Бараев и его подельники действовали в Москве по «классическим канонам» международного терроризма, основу которого ныне составляют создаваемые в мегаполисах боевые подпольные группы. Все лидеры и идеологи терроризма считают, что любые акции в крупных городах, особенно в столицах, благодаря повышенному вниманию средств массовой информации, наиболее эффективны. 26 октября в результате проведенной операции спецназом «Альфа» заложников удалось освободить. К сожалению, более ста человек не смогли выжить. Уничтожены все 40 террористов, из них 18 женщин-камикадзе. Убит главарь банды Мовсар Бараев.

Терроризм бросил очередной вызов не только России, но и всему мировому сообществу.

Борьба с терроризмом — дело достаточно сложное. Сильной его стороной является умение современных экстремистов конспиративно поддерживать контакты со своими единомышленниками как на региональном, так и на международном уровне. Проблема заключается в том, что у террористов нет единой стратегии — одна тактика.

Следует еще раз подчеркнуть тот факт, что целью террористической войны против Российской Федерации является воздействие на психику противника, на его моральную устойчивость, т. е. его устрашение и деморализация, ослабление его воли¹⁸, а также расстройство его планов и дезорганизация работы органов государственного и регионального управления.

После трагических событий 11 сентября 2001 года Россия была первой страной, которая поддержала Вашингтон и другие государства в их стремлении покончить с терроризмом¹⁹. При этом США порой под прикрытием борьбы с международным терроризмом стремятся решить собственные проблемы и реализовать свои интересы, которые не всегда идут навстречу интересам России, проводя так называемую политику «двойных стандартов». Например, у Соединенных Штатов давно есть список международных

¹⁸См.: Евдокимова Ю. Н. Система военно-патриотического воспитания как условие становления личности курсантов военных образовательных учреждений высшего профессионального обучения ВВ МВД РФ. Дис. ... канд. пед. наук, Саратов, 2001.

¹⁹Фочкин О. Спасены или убиты? // Московский комсомолец, 2002, 30 октября–6 ноября.

террористических организаций и их лидеров. Однако чеченские боевики, которые, как неоднократно доказывалось Россией, являются составной частью международного террористического фронта в этот список попали (и то во многом условно) только после московских трагических событий октября 2002 года. До этого же террористами и бандитами они являлись только для России, а на Западе их нередко представляли «повстанцами», «борцами за независимость Ичкерии», принимали в высоких кабинетах и оказывали поддержку, в том числе и финансовую.

Так, Ричард Ваучер, представитель Государственного департамента США, критикуя действия России на Северном Кавказе, заявил, о «нарушении прав человека в Чеченской Республике» необходимости «незамедлительного диалога» с сепаратистами. Не стоит забывать, что это заявление было сделано на фоне контртеррористической операции Соединенных Штатов в Афганистане, то есть американские власти делили боевиков на «хороших» (чеченские «повстанцы», убивающие российских солдат и мирных граждан) и «плохих» экстремистов («Аль-Каида» и «Талибан»). Последние, разумеется, должны быть уничтожены.

Рассуждая о двойных стандартах, можно привести еще множество примеров. Среди них следует выделить политику «двойных стандартов» Дании. Эта страна сразу же после теракта в Москве в октябре 2002 года проводит «всемирный чеченский конгресс»²⁰, на который приехали и представители, тех бандитов, что удерживали в течение трех дней заложников на Дубровке, в том числе и нескольких иностранцев. Однако датские власти не только разрешили организацию явно антироссийского съезда, но и отказали России в экстрадиции опасного террориста Ахмеда Закаева (специального представителя Масхадова), объявленного нашей страной в международный розыск.

Не стоит забывать и о Турции²¹, которая в «чеченском вопросе» пошла навстречу России только после событий 11 сентября 2001 года. Она ужесточила свою позицию по отношению к находящимся на ее территории исламистским террористам из Северного Кавказа и турецким организациям, оказывающим финансовую помощь боевикам. Эта трансформация взглядов Анкары обусловлена влиянием США, заинтересованных в поддержке Россией контртеррористической операции в Афганистане.

Небезынтересны будут и следующие данные. Правоохранительными органами России зафиксировано более 130 крупных неправительственных фондов и организаций, около сотни фирм и банков, прямо или косвенно поддерживающих чеченских террористов из стран Запада и СНГ.

Исследование позволяет сделать следующие *выводы и предложения*.

Следует подчеркнуть, что в связи с глобализацией терроризма (только за последние десять лет в мире совершено около 7 тысяч актов международного терроризма, от которых пострадало более 11 тысяч человек)

²⁰Трошев Г. Н. Чеченский дневник окопного генерала. М., 2002, с. 141.

²¹Надеин-Раевский В. А. Внутриполитические и международные аспекты религиозно-националистических течений: поиск новой идентичности // Современные международные отношения: этнополитический контекст. Материалы семинара. М., Н. Новгород, 2003, с. 83–84.

профилактические меры борьбы с ним должны основываться на единых законах, выработанных международным сообществом. Нет необходимости говорить, что политика «двойных стандартов», когда оценка тех или иных насильственных действий часто зависит от политических симпатий, религиозных убеждений или национальной принадлежности, не способствует уничтожению одной из глобальных проблем человечества. Поэтому терроризму нужно противопоставить объединенную силу всего мирового сообщества.

Отсутствие взаимопонимания в этом вопросе серьезно затрудняет в настоящее время сотрудничество правоохранительных органов и специальных служб различных (в том числе и России) государств в области борьбы с международным терроризмом, но уже объективно возникают предпосылки политико-правового характера, позволяющие продвинуться вперед в решении данной проблемы.

Важно понимать, что основными характеристиками современного терроризма являются глобализация (особенно остро это ощущается в информационной сфере, где возникает опасность информационного терроризма), международная направленность, политическая многоликость и динамизм в изменении внешнего облика. Глобальный характер терроризма проявляется как по охвату стран, где функционируют террористические организации, так и по его последствиям для человечества, которые проявляются во всех сферах деятельности: политической, экономической, социальной и духовной.

Можно предположить, что в XXI веке страны с вялым государственным аппаратом, слабой экономикой и «худыми» границами, где имеют место этнические, религиозные и культурные напряженности, будут основной питательной средой для проявления терроризма, создавая опасность всему международному сообществу.

В деятельности многих террористических организаций не последнее место занимает религиозный фактор. Поэтому в рамках этого фактора развития терроризма важно осознать связь с религиозным экстремизмом, фундаментализмом. Религиозный фундаментализм обычно рассматривают как современный феномен, порожденный атмосферой XX и XXI веков.

В современном мире наиболее распространен и многообразен терроризм исламских фундаменталистов, осуществляемый ими для утверждения в мире исламского порядка. Наиболее ярким примером исламского фундаментализма служит международная террористическая организация «Исламский джихад».

Среди различных политико-религиозных движений ислама в последнее время привлек всеобщее внимание ваххабизм. Можно сделать заключение, что ваххабитское течение содержит в себе положения и нормы, которые могут трактоваться как достаточно экстремистские, подстрекающие к посягательству на права и свободу граждан, пропаганду войны, разжигание национальной и религиозной вражды, а также могут использоваться для идейного обоснования терроризма.

Таким образом, можно заключить, что потенциал исламизма в регионе

еще далеко не исчерпан и можно ожидать его дальнейшего роста. Упадок легитимности правящих режимов, неэффективность правления и рост коррупции, социальная поляризация и конфронтация в обществе, кризис культуры и духовная дезориентация работают на возникновение радикальных движений, таких как ваххабизм. Однако на сегодняшний день невелика возможность того, что исламизм разовьется как мощное средство социальной мобилизации в регионе. Тем не менее, воздействие исламизма на политику может быть ощутимым.

Этнонациональный экстремизм в России: проблемы и пути противодействия

В. Н. Найденко¹

Начиная с 1960 гг. в мире происходят масштабные и глубокие процессы, оказывающие существенное влияние на все сферы социальной жизни. Характерной особенностью этих процессов стало стремление народов сохранить свою этнокультурную самобытность. Это стремление связано, прежде всего, с общей тенденцией формирования новых глобальных этнических общностей в рамках естественного процесса этногенеза и этнической самоидентификации, получившей название «этническое возрождение».

В настоящее время этническое возрождение рассматривается как один из основных процессов развития человечества. Почти повсеместный интерес к своим корням у отдельных людей и целых народов проявляется в различных формах: от законных попыток сохранения своей самобытности или воссоздания древних обычаев и обрядов до стремления создать любую ценой, в том числе используя противоправные способы, свою государственность по этническому признаку.

Неоднородность этнической и расовой структур, неравномерность этнических и демографических процессов, различие идеологических и религиозных систем, диспропорция и несоразмерность в экономическом развитии регионов проживания различных этнических общностей, глобализация как процесс всеобщей унификации — все это порождает проблемы, противоречия, напряженность и конфликты в межэтнических отношениях. Наиболее остро эти явления проявляются в многонациональных и поликонфессиональных государствах.

Для понимания сути этнонациональных конфликтов необходимо выделить основные причины этнического возрождения и роста этнического самосознания. К ним относятся:

Во-первых, постоянно происходящие в мире объективные этнические процессы, к которым, прежде всего, следует отнести процессы полной или частичной ассимиляции этносов, в результате которых одни из этносов поглощаются другим и утрачивают свою этническую идентичность. При этом процессы ассимиляции могут проходить как естественным, так и насильственным путем. К объективным этническим процессам следует также отнести этногенез глобального масштаба (в ходе которого современные

¹Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник.

этнические общества утрачивают черты и элементы самобытной культуры, унифицируется их хозяйственная деятельность, пища, жилище, искусство) и появление суперэтносов. Важное значение имеет также процесс аккультурации, т. е. приобретение в результате межнационального общения конкретной этнической общностью тех или иных форм культуры другой этнической общности.

Во-вторых, типичное для традиционных многонациональных и поликонфессиональных государств этническое разделение труда, когда те или иные профессии закрепляются за определенной группой по расовому, этническому, религиозному или кастовому признаку. Этническое разделение труда создает видимость того, что социальная иерархия является на самом деле национальной или расовой, и на идеологическом уровне часто закрепляется в форме расизма либо шовинизма.

В-третьих, кризис мировых идеологических систем и духовности, а также возникновение идеологических концепций, пытающихся обосновать объективность «вечного» существования наций и этносов, составляющих основу государства, отождествить понятия «нация» и «этнос» и доказать постулат о том, что нация есть более высокая ступень развития этноса в рамках этногенеза. Эти идеологические концепции активно используются националистами для укрепления собственных позиций и уверенности членов этнического сообщества в исключительности конкретной нации.

В-четвертых, напряженность межнациональных отношений, связанная с миграцией, территориальными спорами, религиозными воззрениями, стремлением этнических элит изменить свой статус в государстве, регионе или мире в целом и т. д.

В-пятых, историческая память этнической общности, включающая исторические символы, мифологизированные образы национальных героев и легенды, этнические стереотипы и т. д. Историческая память оказывает существенное воздействие на феномен этнического самосознания, то есть совокупность взглядов, оценок и отношений, выражающих содержание особенностей представлений членов национальной общности о своей истории, современном состоянии и перспективах своего развития, а также о месте среди аналогичных общностей и характере взаимоотношений с ними². Историческая память складывается в психологическую установку личности, которая зачастую является дифференцирующим фактором межэтнических отношений. При деформации этнического самосознания под влиянием социальных, политических, экономических и иных факторов оно трансформируется в этноцентризм, который представляет собой свойство человека воспринимать и оценивать окружающий мир сквозь призму традиций и ценностей своего этноса. Проявлениями этноцентризма являются этнический и национальный радикализм, а также национализм.

Одной из ведущих тенденций в процессе развития этнонациональных отношений в последний период существования СССР и позднее на постсоветском пространстве было неуклонное нарастание агрессивного наци-

² Тавадов Г. Т. Этнология [Текст]. М.: Проект, 2002, с. 107.

онализма, гипертрофия этнонациональных устремлений вплоть до ломки существующих государственно-правовых принципов и институтов, формирование новых, этнократических региональных элит с центробежными установками.

В рамках развития процессов т. н. национального возрождения, которые уже в конце 1980-х гг. на периферии СССР вышли из-под контроля центральной власти и приобрели разрушительную динамику, резко проявило себя такое деструктивное явление, как этнонациональный экстремизм.

Важной особенностью формирования и распространения этнонационального экстремизма на постсоветском пространстве является тот факт, что в основе его происхождения лежит состояние потенциальной конфликтности, накопившееся в мире и советском обществе к моменту распада СССР. Конкретные конфликты, вспыхивавшие на территории бывшего СССР, начиная с 1980-х годов, стали следствием и результатом этой конфликтности³. Политическая борьба между национальными элитами и внутри них с течением времени принимала все более ожесточенный характер. Именно с того момента конфликты превращаются в средство выяснения межгрупповых отношений внутри этнической элиты. После распада СССР конфликты, рожденные в советский период, либо постепенно затухали сами собой (Сумгаит, Баку, Тбилиси, Вильнюс), либо впадали в латентное состояние (Приднестровье), либо вспыхивали с новой силой в изменившихся политических условиях (Чечня, Карабах)⁴.

Политическая и этнонациональная ситуация в постсоветской России в 1990-е гг. показала, что этнонациональный экстремизм и другие крайние проявления этнонационализма при всех различных амплитудах колебания их уровня были одной из наиболее значительных угроз для безопасности российского государства и общества.

Ряд современных исследований в области этнологии, этнополитологии, социологии, затрагивающих проблемы национализма, ксенофобии, свидетельствуют о сохранении и развитии на различных уровнях в различных регионах России достаточно масштабных и острых их проявлений. Наличие в обществе проявлений национализма всегда означает и наличие в нем соответствующих предпосылок для возникновения тех или иных признаков и форм этнонационального экстремизма.

Этнонациональный экстремизм представляет собой деструктивное социальное явление, включающее исторически и социально обусловленную идеологию и практику, опирающиеся на идеи защиты этнонациональных интересов посредством применения крайних, в т. ч. насильственных, форм и методов деятельности и использующие существующие в различных этнических общностях этнонационалистические предубеждения, заблуждения и

³Косолапов Н. А. Конфликты на постсоветском пространстве и политика России [Текст] // Материалы научно-практической конференции «Постсоветские конфликты и Россия», 23–24 января 1995 г.

⁴Тишков В. А. Этнический конфликт в контексте общественных теорий [Текст] / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М., 1992, с. 23.

фобии.

Особенности этнонационального экстремизма, а также исторические условия, в которых он проявляет себя, делают его достаточно стабильной и серьезной угрозой для национальной безопасности России как в настоящее время, так и на длительную перспективу, поскольку долговременными, сложными и многочисленными являются сама этнонациональная система, входящие в нее общности и имеющиеся проблемы в этнонациональных отношениях.

Этнонациональная ситуация в нашей стране осложняется наличием большого числа религиозных деноминаций, обширностью территории и неравномерностью экономического развития регионов.

Поэтому противодействие государства и общества угрозам безопасности Российской Федерации в сфере этнонациональных отношений в течение длительного времени имеет стратегическое значение для обеспечения общественно-политической стабильности России, ее конституционного строя и территориального единства.

В организации обеспечения безопасности России в рассматриваемой сфере существуют целый ряд проблем и нерешенных вопросов, которые в ряде случаев негативно сказываются на эффективности обеспечения безопасности в данной области.

Хотелось бы более подробно остановиться на основных проблемах противодействия ЭНЭ и путях их решения.

Прежде всего, представляется необходимой разработкой концептуальных основ (Концепции) национальной политики России как части государственной политики в целом в качестве необходимой базы гармоничного развития народов России во всех областях, в том числе обеспечения гармоничного развития этнонациональных отношений и создания комплексной системы, способной своевременно выявлять и разрешать этнонациональные конфликты в упреждающем режиме до наступления крайнего обострения возникших противоречий⁵. Все большую поддержку получает идея о необходимости широкого подхода к выработке национальной политики — на основе общего реформирования страны, всестороннего гармоничного развития ее народов, закрепления приоритетов в решении национальных конфликтов за социально-экономической, культурно-воспитательной деятельностью, а также формированием толерантности как ведущего способа достижения прогресса, национального единства, этнонациональной стабильности⁶.

В упомянутой концепции должна быть, в частности, признана опасность игнорирования и длительной консервации межэтнических конфликтов и возникающих в связи с ними явлений национал-центризма и для безопасности России и регионов, содержаться характеристика основных видов существующих в исследуемой области угроз, а также раскрываться в прин-

⁵См.: Конфликты в современной России. Проблемы анализа и регулирования. М., 2000. С. 234.

⁶См.: Лутова С.К. Национальная политика в современном Санкт-Петербурге: приоритеты и проблемы. Санкт-Петербург, 2006. С.138.

ципиальном плане механизм противодействия им.

Данная концепция в целом должна строиться на основании руководящих нормативных правовых актов, относящихся к данной проблеме (Декларация прав человека и гражданина, Конституция Российской Федерации) и разрабатываться при тщательном учете особенностей национальных отношений в отдельных регионах. Концепция должна исходить из принципа единства России, учета интересов каждого народа, равноправия и уважения национальной самобытности народов федерации, взаимодействия в процессе гармонизации этнонациональных отношений государственных органов и общественности⁷.

Важнейшую роль в противодействии угрозам безопасности России в этнонациональной сфере призвана сыграть новая национальная стратегия (доктрина), в которой необходимо предусмотреть эффективные меры по предотвращению наиболее опасных этнополитических тенденций.

В соответствии с закрепленными законодательством Российской Федерации о противодействии экстремизму подходами к его организации основными направлениями противодействия должны быть предупреждение этнонационального экстремизма и борьба с ним.

Главными задачами предупреждения этнонационального экстремизма являются: выявление этнонациональных угроз на раннем этапе; воспитание толерантности у российских граждан; недопущение перерастания националистических проявлений, возникающих на бытовой основе, в процессы экстремистского характера.

Главными задачами борьбы с ЭНЭ должны быть своевременное выявление, предупреждение и пресечение организационной деятельности национал-экстремистских структур, включая противодействие вовлечению ими в националистические процессы экстремистского характера широких кругов населения, а так же планируемых или совершаемых насильственных посягательств на общественную безопасность, политическую систему общества, нормальное функционирование государственных и общественных институтов, федеративное государственное устройство страны, ее территориальную целостность.

Противодействие этнонациональному экстремизму должно осуществляться в комплексе с другими направлениями обеспечения национальной безопасности. Особенно важное значение при этом имеет ограничение и подавление организованной преступности в соответствующих регионах, в том числе этнического характера; выявление и пресечение ее связей с националистическими структурами; целенаправленное проведение социально-экономической политики по оздоровлению социально-экономической обстановки. Необходимо также организовать активное противодействие вестернизации сферы культурных отношений при одновременной поддержке общероссийской и национальных культур. В рамках противодействия этнонациональному экстремизму важная роль принадлежит мерам по воспрепятствованию целенаправленным попыткам разжигания антирусской, ан-

⁷См. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология: Учебное пособие. М., Сиб., 2004. С. 128.

тифедералистской вражды и ненависти на основе распространения мифов о «колониализме» Москвы, «неравноправии» народов России и др.

В силу особенностей этнонационального экстремизма в России (устойчивость, нередко значительные масштабы, разнообразие форм проявления и др.) система противодействия данному явлению должна иметь развитой, долговременный, мобильный характер, основываться на использовании всех возможностей как государства, так и общества.

Очень важное место в механизме противодействия национал-экстремизму и другим общественно опасным проявлениям в области этнонациональных отношений принадлежит органам государственной власти субъектов федерации, в территориальной сфере которых и формируются указанные угрозы. Обеспечивая этнонациональное развитие на подведомственных им территориях и обладая полномочиями по защите национальных меньшинств (см. Конституция Российской Федерации, ст. 72, п. «б»), органы государственной власти субъектов федерации в силу их более непосредственной связи с местным населением и знаниями местных условий располагают особыми возможностями по своевременному выявлению и предотвращению многих из указанных угроз. Однако нередко эффективность механизмов субъектов федерации по противодействию национал-экстремизму существенно ограничивается или нейтрализуется в результате серьезного этнонационального давления на них, действия коррупционных связей и влияния структур организованной преступности.

В условиях значительного распространения угроз национальной безопасности в этнонациональной сфере на территории России, наличия широкого круга причин возникновения этих угроз и факторов, благоприятствующих их формированию и осуществлению, актуальное значение имеет создание федерального органа, уполномоченного координировать деятельность субъектов противодействия этим угрозам, прежде всего — угрозам национал-экстремизма. Существует несколько вариантов возможного решения данного вопроса, например, с возложением соответствующих полномочий на Совет Безопасности Российской Федерации, один из правоохранительных органов (МВД, ФСБ). Возможен вариант создания с указанной целью межведомственного специального органа по координации противодействия экстремизму в России (в том числе и национал-экстремизму) наподобии уже созданного Национального антитеррористического комитета (НАК). При этом, однако, есть серьезные сомнения по поводу создания второго аналогичного НАКу органа в силу тесной связи терроризма как части (формы) экстремизма с другими проявлениями (формами) последнего и неизбежного поэтому внимания НАК к вопросам иных — кроме терроризма — проявлений экстремизма как с позиций профилактики, так и борьбы с ним.

С учетом изложенного есть основания для того, чтобы задачи координации противодействия экстремизму в целом возложить на НАК с соответствующим уточнением его названия. Одновременно целесообразно установить более четкое разделение задач ФСБ и МВД в сфере борьбы с угрозами экстремизма (например, ФСБ — задачи борьбы с экстремистскими

насилованными посягательствами на конституционный строй, МВД — с экстремистскими посягательствами на общественную безопасность).

В числе субъектов противодействия национал-экстремизму должны быть на правовой основе определены также полномочия органов местного самоуправления. Их роль необходимо определить как участие в предупреждении национал-экстремизма и ликвидации последствий их проявлений.

Важным звеном механизма противодействия национал-экстремизму должно стать гражданское общество, его основные институты. Необходимо разработка правовых основ участия общественности в противодействии национал-экстремизму на всех уровнях государственного управления. Правовые предпосылки для этого созданы еще Законом Российской Федерации 1992 г. «О безопасности», в котором к элементам системы безопасности России отнесены наряду с органами государственной власти также общественные и иные организации и объединения (ст. 8 Закона).

Разнообразие общественных структур и выполняемых ими задач обуславливает возможность включения в подсистему негосударственных субъектов противодействия национал-экстремизму общественных организаций различных видов, созданных по проблематике этнонациональных отношений (национально-культурные общества, научные центры и др.), а также структур общего назначения (СМИ, центры изучения общественного мнения и др.). Координация их деятельности может быть возложена на государственные органы координации противодействия экстремизму различных уровней.

В качестве важной составляющей организации противодействия угрозам в сфере этнонациональных отношений должно рассматриваться формирование на федеративном уровне и в субъектах федерации механизмов информационно-пропагандистского противодействия угрозам в сфере этнонациональных отношений. Такие механизмы должны создаваться и функционировать на основе взаимодействия ведомств по региональному развитию и культуре, правоохранительных органов, научных центров по проблемам этнополитики и этнологии, средств массовой информации и др.

Основными направлениями указанного противодействия прежде всего должны быть:

- во-первых, систематическое информирование населения о проблемах национального развития России и регионов в экономической, социальной, культурной областях, о передовом опыте решения национальных проблем;
- во-вторых, пропагандистская, культурно-воспитательная деятельность по формированию этнонациональной толерантности, морально-психологических и идеологических основ сотрудничества всех этносов на основе их равноправия и взаимосвязи в рамках единой России, уважения ее конституционного строя, гармонического сочетания интересов этносов и федерации, культуры использования цивилизованных и соответствующих Конституции Российской Федерации форм решения межнациональных проблем;

- в-третьих, публичное разоблачение внутрироссийских и зарубежных субъектов национал-экстремизма, их деятельности по дестабилизации этнонациональных отношений, подрыву конституционного строя России, ее единства и т. п.

Необходимым условием эффективности государственных решений в области этнонациональных отношений является их оптимальное информационно-аналитическое обеспечение. Удовлетворительное решение этой задачи в определяющей степени зависит от нескольких обстоятельств.

Так, еще не полностью решена задача создания систематического общероссийского мониторинга по отслеживанию процессов развития этнонациональных отношений и возникающих межнациональных конфликтов, а также по организации постоянного и комплексного информирования о них соответствующих правительственных и иных заинтересованных органов.

Значительный результат в решении этой важной задачи достигнут лишь Институтом антропологии и этнологии РАН, создавшем экспертное сообщество «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», в состав которого входят научные работники, общественные активисты и журналисты. Экспертным сообществом с 1993 года по настоящее время проводится этноконфессиональный мониторинг (на начальном этапе он назывался этнологическим мониторингом) в странах бывшего СССР и в регионах Российской Федерации.

Методика этноконфессионального мониторинга Сети включает целевые прикладные исследования по крупным проблемам. За время деятельности Сети таковыми были исследования системы местного самоуправления в многоэтнических сообществах стран СНГ и мониторинг российской переписи населения 2002 года. Были подготовлены экспертные доклады «Пути мира на Северном Кавказе» (1999) и «Мир и порядок на Северном Кавказе» (2004). Эксперты Сети опубликовали индивидуальные исследования об этноконфессиональных ситуациях и этнокультурной политике в ряде стран (Азербайджан, Беларусь, Латвия, Таджикистан, Грузия, Узбекистан) и в российских регионах (Северный Кавказ, Чувашия, Башкирия, Тува, Карелия, Калмыкия, Оренбургская область, Томская область и другие).

Получаемые в результате этноконфессионального мониторинга Сети данные, как показывает анализ, помогают оценивать политическую и социально-культурную ситуацию в многоэтнических странах, регионах и местных сообществах с целью сохранения и развития этнокультурного многообразия, а также определения существующей или потенциальной угрозы конфликта для принятия превентивных мер со стороны государства и общества.

Практика Института антропологии и этнологии РАН по проведению мониторинга в этнонациональной и конфессиональной сферах нуждается в дальнейшем развитии с перспективой превращения такого мониторинга в постоянно действующую общероссийскую систему. Целесообразно также совершенствовать методику проведения систематического общероссийского мониторинга.

По заказу Научно-исследовательского центра ФСБ России в 2006 и 2007 годах Институт социологии РАН провел три научных исследования: «Политический экстремизм в России и его влияние на динамику электорального сознания и поведения российских граждан: состояние и меры противодействия»; «Религиозный экстремизм в России: состояние и пути преодоления»; «Экстремизм в российской молодежной среде». В результате массовых социологических опросов и опросов экспертов выявлены особенности современного политического экстремизма, религиозного экстремизма и экстремизма в молодежной среде; показано влияние этнонационального фактора на эти разновидности экстремизма; выработаны предложения по противодействию проявлениям политического экстремизма, направленным на дестабилизацию общественно-политической обстановки в Российской Федерации, по направлениям и мерам противодействия современному религиозному экстремизму, по совершенствованию государственных мер противодействия экстремизму в российской молодежной среде.

Методика и результаты вышеуказанных исследований, проведенных Институтом социологии РАН, могут быть также использованы при формировании систематического общероссийского мониторинга по отслеживанию процессов развития этнонациональных отношений и возникающих межнациональных конфликтов, а также по организации постоянного информирования о них заинтересованных органов власти и общественности.

Помимо необходимости формирования системы мониторинга этнонациональных процессов на общероссийской межведомственной основе и организации централизованного поступления информации во все федеральные государственные структуры, ответственные за национальную политику и противодействие национал-экстремизму, необходимо распространение системы и на уровень субъектов федерации и местного самоуправления (по крайней мере — в крупных городах).

Философия войны Ивана Ильина и современность

М. А. Кочубей¹

Современная философия активно осваивает проблематику глобализации, религиозных конфликтов и т. д., но оставляет на прикладном уровне проблемы современной войны. Интеллектуальную «нишу» заполняют вполне квалифицированные исследования специалистов военного дела и политологов, отчасти — юристов. Очевидно, что современные войны (локальные, инсургентские, партизанские, сетевые, террористические) требуют адекватного философского осмысления как с точки зрения целеполагания и функциональности, так и с точки зрения необходимости и допустимости отступлений от гуманитарных институтов.

Сегодня в обществе есть фантастический интерес к философским проблемам войны и мира, что само по себе указывает на качественно новое состояние социума, его структуры и мотиваций поведения (в широком смысле). И совершенно логичным представляется обращение к философии Ивана Ильина, в том числе его философии войны.

Иван Ильин — русский, православный, государственный. «Смута и раздор потому, что в жадных сердцах нет престола Божия, нет служения и ответственности; и потому нет и спасительной творческой идеи, которая дала бы не только новую цель и новую программу, но указала бы и новое бытие, и новые формы бытия. Нет этой идеи — христиански-милосердной, социальной; и в то же время — духовно-правовой, патриотически-государственной и грозной. . . . Оставим до времени все эти общечеловеческие мечты и вселенские химеры. Россия перед нами. А ей необходимо русское рыцарство: новое служение по-новому служащих новых служилых кадров».

Именно Иван Ильин является апологетом воинской этики православия. В его работах «Духовный смысл войны» (Москва, 1915), «О сопротивлении злу силою» (Берлин, 1925) это видно отчетливо. И если Ницше в силу дихотомичного европейского мышления противопоставляет элитарное превосходство наступательной агрессивности и пассивность, слабость, нежизнеспособность как формы жизни, то Ильин смотрит на проблему войны и мира гораздо шире. Воинская этика православия противопоставляется пацифизму как форме пораженчества, преступных мечтаний и опасных бездеятельных рефлексий.

¹ Доктор юридических наук, старший инспектор по особым поручениям Антитеррористического центра СНГ.

По Ильину — пацифистский идеал утопичен. При этом Ильин, в отличие от Ницше, не выходит в трансцендентное поле за пределы добра и зла, сохраняя гуманитарный пафос философии войны, ее моральности и осознания духа, подчеркивая, что не всякая война имеет духовное оправдание. «Теперь уже нет сомнения в том, что русский народ испытал и испытывает настоящую войну как *призыв*, — как призыв, ответить на который составляет для него не только правовую обязанность или моральный долг, но и живую духовную потребность. Мы словно проснулись и опомнились, поняли, что над нами стряслось, и почувствовали, как вновь загорелось в душе древнее *чувство родины*».² В чем же Ильин видит высокую моральность войны? «Война зовет тебя защищать *свободу твоей жизни* от насилия поднявшихся врагов-иноземцев».³

Едва ли кто-то возразит против того, что русское национальное сознание имеет мобилизационный характер. Вершины национального духа проявляются именно тогда, когда угроза военной интервенции несомненна. Здесь, действительно, виден национальный архетип. Но Ильин абсолютно прав, когда говорит, что война несет людям и народам не только духовное испытание, но и духовный суд.⁴ Центральный вопрос для солдата любой войны — за что умирать? Если за корыстные интересы олигархии, пусть даже и национальной, то неизбежно массовым будет дезертирство. И это не только результат действия инстинкта самосохранения. «*Умей умереть за то, чем ты жил*. Война ставит перед человеком начало ответственности: каждый отвечает за то, чем он жил и как он жил».⁵

Ильин абсолютно прав — солдат будет воевать только за то, что ему действительно дорого, дорого ему лично, утрата чего будет эквивалентна смерти. Он формулирует квинтэссенцию духовного смысла войны: «Живи так, чтобы ты при жизни любил нечто высшее *более, чем себя*».⁶ Это и есть моральный аспект философии войны. Это ключ к пониманию пассионарности в условиях войны.

Сегодня рассуждения о философии войны перестали быть академическими. Россия столкнулась с целым рядом угроз военно-политического характера. Среди основных — опасность ослабления политического, экономического и военного влияния России в мире. Кроме того, угрозы национальной безопасности Российской Федерации в международной сфере проявляются в попытках других государств противодействовать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире, помешать реализации национальных интересов и ослабить ее позиции в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.⁷ Формируется многополярный мир, смещаются

² Ильин И.А. Духовный смысл войны. Собрание сочинений. М., 1999. Том 10. С.7.

³ Там же. С.14.

⁴ Там же. С. 15, 19–20.

⁵ Там же. С.14.

⁶ Там же. С.18.

⁷ Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации № 24 от 10 января 2000г.

центры силы, в том числе и военной. Все это происходит на фоне отчаянной борьбы за контроль над мировыми энергоресурсами и транспортными коридорами. Конфликтогенерирующие ситуации связаны с появлением квази-государств, территориальными спорами. В геополитике происходят тектонические сдвиги. При этом международные институты явно не справляются с задачей локализации и недопущения военных конфликтов. С начала 90-х годов их число только растет. В 2007 г. в мире зафиксировано 6 войн и 328 политических конфликтов, из них 130 — вооруженные.⁸

В то же время, устойчиво представлена точка зрения о том, что традиционный путь достижения стратегических целей — развязывание войн — сегодня является неприемлемым.

Это достаточно наивная позиция. Разумеется, снижение военных рисков достигается дипломатическим путем. Но эта традиционная концепция работает лишь в том случае, если потенциальными субъектами войны выступают отдельные государства или их блоки. Несубъектная (в традиционном понимании) война идет уже давно. Ее называют терроризмом.

Военные специалисты более реалистично смотрят на жизнь и достаточно давно пишут о проявлениях террористической активности как о малых или локальных войнах, конфликтах малой интенсивности, партизанских или инсургентских войнах и т. д. За последние десять лет лексика терроризма стала лексикой войны. Следует признать, что терроризм является сегодня результатом трансформаций военных технологий.

Российские военные аналитики подчеркивают, что в такого рода войнах отсутствует как таковой единый управляющий центр (что является основным условием ведения конвенциональных войн), но это компенсируется наличием некоей концепции, объединяющей и регулирующей действия парамилитарных структур. К асимметричным войнам готовятся, прежде всего, политические группировки, которые приходят к выводу о необходимости решить актуальные, на их взгляд, задачи силовыми методами, с использованием средств, которые им по карману. И уже исходя из этих средств, они строят тактику ведения вооруженной борьбы. Философия ведения асимметричной войны опирается на экспрессивный вид боевых действий против инструментального.⁹ Субъектами асимметричной войны стали, с одной стороны — регулярная армия, а с другой — партизанские соединения, именуемые террористическими группировками. И я полностью соглашаюсь с Евгением Месснером в том, что надо перестать называть беспорядками то, что является оперативными и тактическими эпизодами мятежевойны.

Иными словами, философия войны переживает социокультурный сдвиг. Отражение террористических акций и партизанской войны по определе-

⁸Политические конфликты 2007 года. Гейдельбергский институт исследования международных конфликтов (HEIDELBERG INSTITUTE FOR INTERNATIONAL CONFLICT RESEARCH at the Department of Political Science, University of Heidelberg).

⁹Маначинский А. Когда слабый побеждает сильного // Независимое военное обозрение. 22.12.2006; В. Мясников. Мир с настороженностью всматривается в 2007 год // Независимое военное обозрение. 12.01.2007.

нию невозможно стандартными военными действиями, на которые ориентированы большинство армий мира. В результате произошло размывание четких граней между миром и войной как двумя состояниями общества. Мир находится в состоянии перманентной войны, поскольку именно «асимметричные войны» подтвердили свою эффективность в геополитическом противостоянии.

Философское осмысление качества современного общества, которое находится в состоянии непрерывной войны, — вот одна из актуальных задач науки.

Есть еще один существенный аспект трансформации теории войны. Современная война выглядит не как война за территорию, а как вооруженное противостояние за энергоресурсы, их источники и пути транспортировки. О таком развитии событий предупреждал еще У. Черчилль сразу же по окончании Второй Мировой.

Актуализируя этот тезис, укажем на следующие политические события. В ноябре 2006 г. на рижском саммите НАТО американский сенатор-республиканец г-н Лугар заявил, что НАТО следует готовиться к «энергетическим угрозам» со стороны Москвы. Повышение цены на газ для Украины он приравнивал к «вооруженному нападению» и призвал в случае подобного «шантажа» против членов НАТО применить ст. 5 Вашингтонского договора, которая определяет, что нападение на одного из членов блока считается нападением на весь альянс. Самая простая интерпретация данного заявления сводится к тому, что экономические и сугубо хозяйственные споры государств с участием России по поводу энергоносителей могут получить продолжение в виде военной поддержки — интервенции. В качестве «легенды» ближайших учений НАТО г-н Лугар предложил «помощь стране, пострадавшей от энергетического шантажа». В России слова Лугара многие аналитики оценили как своеобразный вызов не столько России как таковой, как коллективной системе безопасности СНГ, призванной обеспечивать свою энергонезависимость.

Генеральный секретарь альянса г-н Схеффер подтвердил, что энергетическая безопасность — объект интересов НАТО и что альянс обязан внести «вклад в мировой энергодиалог». Г-н Схеффер обозначил и способы решения энергетических проблем участников альянса. Цитирую: «Мы повысим боеготовность нашего экспедиционного корпуса, оперативность наших военно-воздушных, сухопутных и морских сил. Будет существенно улучшена оснащенность нашей стратегической транспортной авиации. Для сил, размещенных на театре боевых действий, будут приобретаться новые, более совершенные системы, включая системы ракетной защиты». Вот уж действительно, война — средство, а не цель.

В этой связи нелишне вспомнить оценку Иваном Ильиным стратегических ошибок Гитлера: «... Как близорукий дилетант, он решил, что весь секрет в том, чтобы воевать на чужой территории, грабить ее и кормить свой народ, сидящий, как на скачках, в «стратегической ложе». А между тем, на своей территории народ дерется совсем иначе, отдавая все силы и обороняясь до последнего. ... Еще грубее была ошибка Гитлера —

пытаться бороться сразу и с коммунистами, и с русским народом. Произошло это от сочетания невежества самомнения, психологии торопливого выскочки, расистского презрения к другим народам и прямого политико-психологического бессмыслия».¹⁰

Объявленная руководством НАТО позиция заставляет переосмыслить саму концептуальную философскую идею войны, не говоря уже о стратегии войны. Именно эти задачи сейчас решает Генштаб Министерства обороны России, привлекая к этому специалистов разных профилей. Именно общие тенденции предопределяют весь набор прикладных военных задач.

Но в условиях войны особые требования предъявляются и к системе права, в том числе к национальному законодательству. Законы военного времени и практика их применения призваны обеспечивать не только правовые, но и политические полномочия государства. Очевидно, что задачи поддержания международного правопорядка не должны доминировать над задачами обеспечения военно-политической безопасности и суверенитета государства. Участие Российской Федерации в международных соглашениях уголовно-правового и уголовно-процессуального характера объективно необходимо. Однако, Российская Федерация должна сохранять полную юрисдикцию на своей территории, и механизм обеспечения соответствия внутреннего законодательства принципам и нормам международного уголовного права представляется нам необходимым элементом для поддержания баланса между интересами мирового сообщества или группы государств и интересами военно-политической безопасности России.

Далее. Следует очень критично отнестись к состоянию готовности отечественной системы права эффективно функционировать в условиях войны. Анализ показывает, что в случае наступления в установленном законом порядке военного положения, автоматически возникнет социальная зона, законодательством в настоящее время практически не охраняемая. Соответственно, формирование системы российского законодательства военного времени мы связываем с таким объективным фактором как преодоление «белого пятна» правовой регламентации общественных отношений и защиты приоритетно важных в условиях военного времени общественных отношений.

Например, действующий Уголовный кодекс Российской Федерации ни в малейшей степени не обеспечивает адекватного уголовно-правового сопровождения режима военного времени. Ясно, что нужна разработка и принятие дополнительного нормативного акта, нормы которого действовали бы исключительно в период объявленного в Российской Федерации или на отдельных ее территориях военного положения, т. е. специального уголовного законодательства военного времени.

Здесь философия войны самым тесным образом переплетается с философией права. По мнению специалистов, сама идеология военного времени несет в себе столь значительную специфику, что целый ряд право-

¹⁰Ильин И.А. Стратегические ошибки Гитлера. Собрание сочинений. М., 1999. Т. 2, книга 1. С. 26–29.

вых институтов претерпевают значительную трансформацию. Законодательство военного времени сохраняет и предмет и метод регламентации, но существенно смещает акценты такой регламентации, обеспечивая приоритетные интересы военной, политической безопасности государства, его территориальной целостности. В условиях военного положения подлежит пересмотру сама парадигма общественных отношений, приоритетно охраняемых законом. Военные угрозы по масштабам своей реальной и потенциальной вредоносности таковы, что ставят под вопрос само существование российского государства и народа.¹¹ И вершина «пирамиды» должна открываться обеспечением военной и государственной безопасности, защитой суверенитета и конституционного строя Российской Федерации.

Философия войны Ивана Ильина постулирует правило — тот, кто встал на колени, будет уничтожен и погибнет первым. «Таков духовный закон: несопротивляющийся злу *поглощается* им».¹²

«Благонамеренный» и столь модный пацифизм так же опасен, как и агрессивный милитаризм. Угрозы современной войны просто не оставляют места для пацифизма, поскольку именно такие умонастроения приводят к подрыву обороноспособности государства, ставят под вопрос сам факт его существования. Стержневая идея философии войны Ивана Ильина — мобилизация российского общества перед военной опасностью — сегодня не менее актуальна, чем сто лет назад.

¹¹ Боев В.И. Уголовное право военного времени. М., 2008. С.243, 247.

¹² Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М., 2007. С.418.

Совершенствование системы подготовки специалистов в учебных заведениях философского образования, направленного на воспитание у молодежи основ толерантности

Е. В. Брызгалина¹

Основными способами формирования толерантности в системе высшего образования вообще являются: отражение историко-методологических вопросов о сущности, статусе формах толерантного поведения в содержании учебных курсов, использование форм и методов ведения образовательной деятельности, организации внеучебной работы со студентами, направленные на формирование практических навыков разрешения конфликтов и мировоззрения толерантности у студентов разных специальностей.

Цель данного выступления показать резервы и направления совершенствования содержания философского образования в свете темы конференции. Актуальность данной темы связана с задачами практического применения при подготовке ФГОС ВПО нового поколения и примерных образовательных программ в сфере философского образования.

Семантика термина толерантность включает несколько взаимосвязанных значений: устойчивость, терпимость, допустимое равновесие. Толерантность как социальная ценность значима с функциональной точки зрения, как регулятор суждений и действий как индивида, так и социальных групп. Система ценностей отдельной личности или социальной группы зависит от возрастных, половых и психологических особенностей, социального, экономического, политического, профессионального, национального, этнического статуса. Принятие индивидом или сообществом некоторых ценностей может основываться на этнокультурной традиции, на авторитете власти или патриархальных отношений, на религиозную традицию, на индивидуальные потребности, «здоровый смысл», на идеологические стереотипы сознания. Любая ценность, в том числе толерантность, при ее выборе имеет несколько оснований. В числе оснований выбора для задач высшей школы, в отличие от ориентированных на более ранние возрастные группы

¹ Доцент кафедры философии и методологии науки философского факультета МГУ, кандидат философских наук.

уровней образования, значима опора на рационально выбранную традицию.

Профессиональное философское образование позволяет осветить полный спектр теоретических вопросов, которые могут стать основой рационального, сознательного выбора индивидуальной позиции молодого человека. Что особенно следует подчеркнуть, в связи с подготовкой философа — сформировавшаяся позиция становится основой последующей передачи личностных убеждений в педагогической деятельности. Здесь задачи подготовки философа совпадают с задачами подготовки любого профессионального педагога.

Специфика философского образования состоит в уникальном содержательном наполнении учебного плана, включающем дисциплины естественнонаучного и социогуманитарного цикла, общепрофессиональные и специальные дисциплины. В рамках учебных курсов толерантность может быть рассмотрена в нескольких контекстах.

В историко-философском контексте. Особенность философского образования связана с ознакомлением и стремлением к аутентичному пониманию разнообразных по содержанию и форме направлений, со свободным выбором своей научно-философской ориентации и (или) созданием собственной оригинальной позиции. Именно в данном контексте возможно обратить внимание на противоречивость термина «толерантность», существованием наряду с его положительными коннотациями, неопределенно отрицательного смысла, подразумевающего, что толерантность является неестественным воздержанием, видом сдерживания, смирением с поведением и ценностями других, в том числе общественно опасных и антигуманных. Этот способ употребления определяет толерантность как ослабление реагирования на негативные моменты жизни.

В эволюционно-биологическом и естественнонаучном контексте. Толерантность в значении устойчивости ориентирует на рассмотрение диапазона вариантов поведения, присущих тому или иному виду, позволяющих сохранить целостность вида. Агрессия как противоположность толерантности в социобиологических, биополитических учениях XX века получила широкую эволюционно-биологическую интерпретацию. Значимым является вывод о невозможности устранить проявления агрессии даже при максимально полном удовлетворении потребностей, достижении социальной справедливости и других позитивных изменениях общества. Агрессия является неотъемлемой частью человеческой природы, надеяться на то, что человечество станет толерантным по мере культурного прогресса, нельзя. Цель социального развития состоит в ослаблении интенсивности агрессии путем подавления или торможения. Средства достижения таких целей могут быть как запретительные (агрессивное поведение минимизируется под страхом санкций), психологические (поведение находится под влиянием эмоциональной установки на миролюбие), так и педагогические (обучение технологиям поиска договоренностей, при которых интересы обеих сторон могут быть максимально удовлетворены). Исследование природы агрессивного поведения и диалектики взаимодействия биологического и социального возможно в рамках блока естественнонаучной подготовки философов,

курсов Концепции современного естествознания, этологии, зоопсихологии, этологии, генетики человека, а также курса Философской антропологии.

В собственно этическом контексте. Этика как философская дисциплина уделяет внимание ценности различных достоинств и добродетелей человека, в том числе признаков, отличающих одного человека от другого и поддерживающих индивидуальные вариации. Преподавание курса «Этика» в структуре подготовки философа включает как теоретические, так и практические задачи формирования толерантности.

В политико-юридическом контексте. Культура толерантности связана с готовностью власти допускать инакомыслие в обществе, разрешать в рамках законодательства деятельность оппозиции, принимать политический плюрализм как проявление разнообразия. Курсы политологии и юриспруденции призваны показать специфику конфликтов в модернизирующемся обществе. Сам процесс модернизации предполагает рост неравенства в распределении доходов, богатства собственности, провоцирует рост недоверия к власти, осуществляющий такую политику.

Поскольку тема конференции связана с противодействием религиозному экстремизму, специально остановлюсь на этой теме. В условиях, когда общество все больше подчиняется принципу многообразия взаимодействия, конфликты различных культур, выделенных по религиозному принципу, совсем не обязательно будут иметь религиозную окраску. При сохранении в обществе неравенства, а это неизбежно, даже в конфессионально однородных странах возникнут условия для возникновения в социальной структуре маргинальных группы. Сущностные характеристики этих групп не будут однозначно связаны с расовыми, этническими или религиозными характеристиками, граница между различными основаниями (социальным и религиозным) групп и конфликтов будет достаточно условна.

Заключение компромиссов и достижение консенсуса зависит не только от взаимодействия политических акторов. Надежды на преодоление деструктивности нельзя связывать только с государственными структурами. Не менее важна и ответственная роль гражданского общества. Акцент в курсах политологии и социальной философии на данную проблематику будет способствовать системному рассмотрению перспектив формирования толерантной культуры.

В психолого-педагогическом контексте. Подготовка преподавателей высшей школы обязательно связана с выработкой социально-психологической готовности к принятию иных взглядов. Это является условием сохранения разнообразия, права на отличность, непохожесть, индивидуальность в культуре. В курсах, обеспечивающих выполнение стандарта подготовки преподавателя (педагогика, психология, социальная психология), важно в качестве задачи включить освоение навыков предотвращения агрессивных способов разрешения конфликтов.

Таким образом, профессиональное философское образование, в первую очередь с содержательной точки зрения, связано с рационализацией процессов формирования устойчивого неприятия экстремистского поведения, с сознательным определением личностной позиции будущего преподавателя-

философа.

Исламский терроризм в свете психологии религии: возможные направления исследования

Е. В. Орёл¹

В настоящее время существует довольно обширная литература по психологии терроризма, большая часть которой относится к области психологии политики. При этом, к сожалению, практически отсутствуют работы об исламском терроризме, которые были бы выполнены в ключе психологии религии. Между тем, не следует сбрасывать со счетов то обстоятельство, что сам «исламский терроризм» понимает себя как явление религиозное, что среди бойцов и командиров террористических отрядов значительную часть составляют люди, искренне и глубоко верующие, и это накладывает особый отпечаток на структуру их личности, на характер их поведения. В предлагаемой статье мы попытаемся очертить тот круг вопросов, которые могли бы составить предмет религиозно-психологического исследования.

Одной из главных задач, которые может решать психология в связи с исламским терроризмом, — это построение относительно точного психологического портрета носителя террористической идеологии и террористического поведения. Решению этой задачи посвящено немало работ, и основные черты этого портрета уже просматриваются довольно отчетливо: это низкая самооценка, элементы расщепления личности, недостаточная личная идентичность, сильная потребность в присоединении к группе, т. е. в групповой идентификации или принадлежности; обостренное переживание социальной несправедливости со склонностью проецировать на общество причины своих неудач; социальная изолированность и отчужденность, ощущение потери жизненной перспективы, постоянная агрессивно-оборонительная готовность и др. Разумеется, в числе названных характеристик значительное количество таких, истоки которых собственно с религией связаны весьма опосредованно; соответственно, для их установления достаточно подхода с позиций общей и социальной психологии. Однако именно религиозный характер исповедуемых террористами идеалов и ценностей заставляет внести в этот портрет существенные дополнения.

Прежде всего, психология религии призвана напомнить, что, говоря словами Уильяма Джеймса, «религией человека надо считать такие переживания его, — *каковы бы они ни были*, — в которых он ощущает себя при-

¹ Доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ, кандидат философских наук.

частным к высшей правде»² (курсив мой — Е. О.). Какой бы жестокой, бесчеловечной и безбожной ни казалась «высшая правда» исламских террористов внешнему наблюдателю, для многих из них то, что они делают, — это их путь к Богу. Этот путь от многих из них требует самоотвержения вплоть до прямого принесения в жертву собственной жизни (шахиды). Едва ли тут уместно говорить о граничащем с патологией индивидуальном нарциссизме, — скорее, напротив, о потребности превратить свою жизнь в служение, подчинить свое бытие чему-то высшему, более высокому, чем собственное «я». Другое дело, что на пути этого стремления встает групповой нарциссизм, который паразитирует на нем, сминает его, извращает и опошляет. Но от самого индивида последнее обстоятельство скрыто, но в то же время у него возникает сознательное переживание того, что всякий акт преодоления собственного индивидуального нарциссизма дает ему опыт выхода за границы собственного «я», опыт духовного роста. Переживаемый им в результате «суррогат духовного роста» — в своем роде почти наркотик, который крепкими узами привязывает его к группе (религиозной или боевой), поскольку речь идет о психике, «внутренний каркас» которой разрушен или ослаблен обстоятельствами предшествующей жизни, большей частью травмирующими.

Анализируя мотивы, которые заставляют людей присоединяться к террористическому движению, следует иметь в виду и тот комплекс потребностей, которому соответствуют психологические возможности именно религии. Предложенная И.Н.Яблоковым концепция функций, выполняемых религией, может выступить в таком анализе методологической базой, способной внести в исследование систему и логику. В соответствии с этой концепцией, «выделяется несколько функций религии: мировоззренческая, компенсаторная, коммуникативная, регулятивная, интегрирующая-деинтегрирующая, культуротранслирующая, легитимирующая»³. Разумеется, любую из этих функций в отдельности может выполнить какая-то иная идеология, но именно религия выполняет их комплексно, то есть берет на себя решение *целого блока* психологических проблем. Этот набор функций является одновременно индикатором того комплекса мотивов (потребностей, запросов), которые составляют основу религиозной мотивации; скорее всего, интенсивность религиозности индивида определяется тем, насколько остро стоят для него соответствующие проблемы, причем именно в комплексе, а не порознь. Так, большинство людей испытывают осознаваемую ими потребность «иметь мировоззрение». Пускай для большинства террористов она находит удовлетворение в достаточно простой, далекой от изошренности и интеллектуальных изысков системе взглядов, — не все они учились в университетах в Саудовской Аравии, не все годятся в улемы. Но они все же получают достаточно целостную картину мира, которую предлагает им ислам, с целостной же системой ценностей, выстроенных в строгую иерархию. Пускай компенсация за тяготы жизни, за по-

²У. Джеймс. Многообразие религиозного опыта. СПб, 1992. С.43.

³Основы религиоведения. Под ред И.Н.Яблокова. М., 1994. С.67.

несенные страдания (свои и своего народа), которую предлагает им ислам, состоит лишь в обещании райского блаженства в качестве награды за подвиг шахида, — однако очевидно, что вне ислама, вне ваххабизма жизнь не предложила им более значимой компенсации. Принадлежность к шахидам или к бойцам террористического отряда поднимает их над обыденной жизнью и тем самым дает рост самооценке; они оказываются в среде людей, где взаимные требования, предъявляемые друг к другу и сообществом к каждому из них, предельно ясны (шариат, регулятивная функция); где потребность в общении находит полное удовлетворение, поскольку вокруг единомышленники (коммуникативная функция); где они чувствуют себя «своими среди своих» и четко знают, кто для них «чужой» (интегрирующее-деинтегрирующая функция); где усилиями улемов они приобщаются (или думают, что приобщаются) к традициям и верованиям предков (культурантранслирующая функция). Наконец, все это, в представлении исламистов, получает высшую санкцию — санкцию «высшей правды», позволяющую почувствовать себя оправданным и перед Аллахом, и перед правоверными (легитимирующая функция).

Легко представить себе, что для индивида, пережившего глубокую фрустрацию по всем перечисленным позициям или по нескольким из них (а подобную ситуацию следует — увы — признать вполне жизненной), религия, разом разрубающая гордиев узел его проблем, становится сверхценностью. Отсюда уже прямой путь к фанатизму, тем более что фанатизм дает легитимацию для выхода агрессии, избыточный запас которой коррелирует именно с фрустрацией. Нельзя не согласиться с мнением . . . , что бихевиористская концепция . . . , рассматривающая агрессию как продукт фрустрации, может оказаться мощным эвристическим инструментом в подобном анализе. Полезной может оказаться и формула К.Г.Юнга «фанатизм = сверхкомпенсированное сомнение»⁴, поскольку при помощи ее раскрывается целая система психологических механизмов, присущих экстравертному мыслительному типу — главному «поставщику» религиозных и прочих фанатиков.

Разумеется, не следует упускать из виду то, что далеко не все террористы движимы религиозными мотивами. Среди них есть и носители другой мотивации: это несостоявшиеся политики, рвущиеся к власти и страдающие комплексом неполноценности; профессиональные наемники, сделавшие террор своим ремеслом и идущие на службу туда, где больше платят; бандиты, «набившие руку» в кровопролитии и прикипевшие к своей «профессии»; бывшие спортсмены, не нашедшие себя в жизни после окончания спортивной карьеры; некрофильные типы, движимые «интересом убивать», «почувствовать власть над людьми», «показать свое превосходство над другими»; разного рода маргиналы, отщепенцы и отбросы общества. Каждый из этих типов характеризуется своими особенностями, своей спецификой. Проблема психологических типов, представленных в среде террористов, — также одна из важнейших проблем, рассматриваемых психологией. Тут психоло-

⁴См. К.Г.Юнг. Психологические типы. М., 1996. С.428.

гия религии может внести важные дополнения, выявляя и анализируя неоднородность в рядах прежде всего верующего контингента. Типологии верующих, разрабатываемые в рамках психологии религии, должны «работать» (и, разумеется, получать уточнение), в том числе и на примере исламских террористов. Так, к заведомо различным религиозно-психологическим типам будут относиться религиозные (или боевые) «лидеры» и рядовые бойцы, люди с различным уровнем и степенью устойчивости самооценки, с различным социальным и религиозным опытом.

Продуктивным при анализе исламского терроризма может стать подход с позиций учения о *проекции*, разрабатываемого в различных направлениях психологии бессознательного. Это учение исходит из того, что индивид переносит — «проецирует» — на других людей те свойства его собственной личности, которые наполняют его бессознательное. В бессознательное вытесняются прежде всего такие качества, которые не совместимы с сознательным образом «Я», — низменные, асоциальные или примитивные черты, аморальные побуждения, нечестивые помыслы, малодифференцированные способности, то есть все то, что человек «не хочет» признавать за собой, чтобы сохранять относительно высокий уровень самооценки. Соответственно, в результате проекции всеми этими качествами наделяется другой человек (или социальная группа), с которым связывается чувство враждебности. Предпосылки и условия проецирования должны, очевидно, составить предмет отдельного исследования (в том числе прикладного), однако ясно, что первым и главным условием спонтанной (не направляемой идеологами) проекции является дефицит информации об объекте, на который она направлена. Именно поэтому проекция направляется в первую очередь на «чужаков», «незнакомцев», «новичков», «иноверцев» — на тех, кто меньше известен, чем «свои». Человек или группа, о которых относительно мало знают, — как «чистый экран», на который луч проекции переносит образ живущего в собственном бессознательном «черного человека». По-видимому, это — один из важных механизмов в формировании «образа врага», несомненно, существенно определяющего мотивацию террориста.

Особенность психики, непосредственно присущая любому представителю террористического движения, — обесценивающее отношение к человеческой личности. Человеческая жизнь не только не рассматривается в ряду высших ценностей, но и утрачивает вообще какую-либо значимость. Очевидно, что, по крайней мере, для некоторых из террористов такая установка характерна не только по отношению к жертвам, но и по отношению к собственной личности. Сам по себе этот факт, столь очевидный и столь массово растиражированный, является проблемой для психологического исследования в целом ряде аспектов. Религиозный аспект здесь присутствует несомненно, поскольку речь идет о высших ценностях. Оказывает влияние, конечно, и вероучение, интерпретированное соответствующим образом, и религиозная среда, и историческая традиция религии.

Английские философы XX века о религиозном экстремизме

З. П. Трофимова¹

Известный английский философ, основатель «логического атомизма», политический деятель Бертран Рассел (1872–1970) в процессе своей долгой творческой эволюции большое внимание уделял проблемам общественного развития. Являясь свидетелем двух мировых войн, фашизма, ядерного взрыва в Хиросиме и Нагасаки, войны во Вьетнаме, религиозно-политических конфликтов в Северной Ирландии, ученый пытался найти выход из этого мира увеличивающихся жестокости, преследований, насилия. В работе «разум против безумия» он писал: «Человек — рациональное животное. Всю жизнь я искал доказательство этого положения, но до сих пор не был удачлив, наоборот, я увидел, как мир все больше погружается в сумасшествие».

Когда США сбросили ядерные бомбы на японские города, он заявил: «Террористы — преступники, ибо во имя своих интересов они уничтожают мирных людей. Сколько ещё бед они натворят». Его слова оказались пророческими.

Действительно, изменения картины мира, глубинные социальные, политические, национальные, религиозные перемены способствуют возникновению серьезных ситуаций, приводящих к появлению тех или иных форм экстремизма. Справедливо подчеркивает профессор Лондонского королевского колледжа Джон Уилсон: «Экстремизм — не только стихийный процесс, но часто профессионально подготовленный и умело управляемый».

В трудах английских философов можно найти различные понятия: «экстремизм», «террор», «насилие», «беззаконие» и т. п. Одновременно делается попытка дать классификацию типов экстремизма. В работе представителя Британской гуманистической ассоциации Дж. Херика «Экстремизм как реальная угроза» выделяются следующие типы экстремизма:

1. «Национальный», «экономический». 2. Социальный, политический, религиозный, психологический, биологический.

Задача английских философов, политологов, историков состоит в выяснении и устранении причин появления экстремизма и форм его проявления.

Автор подчеркивает, что «религиозный экстремизм — это использование религиозных факторов (лозунгов) для реализации политических интересов методами насилия, игнорирования государственности и междуна-

¹ Доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

родного права». Религия в таком случае используется для идейного обоснования экстремистских выступлений и является средством объединения и организации террористов.

Ученый выделяет основные признаки экстремизма. Во-первых, фанатизм — приверженность к крайним верованиям и методам действий. Во-вторых, религиозная вражда и пропаганда неполноценности граждан по принципу их отношения к религии. В-третьих, нетерпимость к представителям других конфессий и религиозных направлений, а также к единоверцам, не разделяющим их крайних взглядов. В-четвертых, выступления против руководства религиозных объединений, занимающего лояльную позицию по отношению к государству и понимающего происходящие в обществе изменения.

Дж. Херик подчеркивает, что религиозный экстремизм связан национализмом, так как отвергает или игнорирует интересы других наций, народностей и тем самым подрывает основы многонационального государства.

Уделяют английские философы внимание и анализу понятия «терроризм». Профессор Лондонского университета Леонел Элвик в статье «Терроризм: определение понятия» подчеркивает, что терроризм — сложное и многоаспектное явление, которое имеет социально-нравственный характер по содержанию и правовой по определению, ибо предполагает преступление и наказание.

В работе другого английского философа Джона Харрисона «Терроризм: формы и проявления» делается попытка классифицировать формы терроризма. Он выделяет, во-первых, индивидуальный и коллективный (организованный), и, во-вторых, локальный и международный терроризм. Последний ставит своей целью уничтожение всей европейской цивилизации.

Джим Волперт отмечает на примере Северной Ирландии (Ольстера), что экстремизм имеет террористическое содержание и включает в себе практические действия.

Напомним, что Ирландия издавна была католической страной. В результате Реформации ирландцы были экономически, политически поработаны английскими ленлордами — протестантами. Все более и более разжигалась религиозная вражда, которой способствовали различные политические союзы, в частности Орден оранжистов, основанный в 1785 году и существующий до сих пор. На территории Северной Ирландии действуют также такие религиозно-политические партии как «Евангелическое протестантское общество», «Оранжевый голос свободы» и др. Действия этих организаций направлены на постоянные разжигания вражды между католиками и протестантами. Одновременно борьбу за демократические права ведет «Ассоциация за гражданские права».

Английские философы, политологи ставят перед собой задачу выработать систему мер, способных дать отпор экстремизму.

Во-первых, они требуют, чтобы полностью были осуществлены демократические права всего населения.

Во-вторых, необходимость создать новую философскую систему, которая была бы воспринята всеми слоями населения с различными религиоз-

ными, политическими, нравственными, национальными установками.

Одной из таких форм философии предполагается создание «религии человечества». Подобная попытка создания «единой «религии человечества» имеет древнейшую историю. В современный период она наиболее ярко проявляется в философских системах движения свободомыслящих.

Отмечается, что в последнее время в Великобритании, как и в других странах, заметна тенденция замены понятия «свободомыслие» на понятие «гуманизм». Можно выделить ряд направлений гуманизма одновременно как философские системы и средства борьбы с религиозным и другими формами экстремизма.

1. *«Эволюционный гуманизм»*. Термин дан основателем этого направления философом, биологом, основателем Международного Гуманистического и Этического Союза, Генеральным директором ЮНЕСКО Джулианом Хаксли (1887–1975) в работе «Религия без откровения». Он пишет: «Война, социальное зло, насилие делают нас униженными. Эволюционный гуманизм связывает все достижения (искусство, мораль, наука, политика, религия, право) в единое целое, выполняя тем самым задачу достижения лучшей судьбы человечества. Все это заставляет меня возвратиться к идее создания религии человечества как органа человеческой судьбы. Ясно, что подобная религия должна адаптироваться к новой ситуации и отношениям XX века». Особую роль в борьбе с насилием он отводит науке, образованию и развитию форм демократии. Его поддерживают другие английские философы — Гордон Хаутон, Пьер Бланшард, Гарри Уэллс и др.

2. *«Секулярный гуманизм»*. Основатель — Пол Куртц, президент Академии Гуманизма, член американской Гуманистической Ассоциации, в своих работах, в частности «Религия и секуляризация в Европе и Америке» предлагает восемь пунктов своей теории. Из них — «свободное исследование во всех сферах науки», «отделение церкви от государства», «необходимость этического воспитания», «идеал свободы и демократии». Теория «секулярного гуманизма» имеет большое распространение в Великобритании. Его последователями являются Рональд Линдней, Гарри Уилсон, Роберт Дэвис.

3. *«Этический гуманизм»*. Основатель — Феликс Адлер (1851–1933), неокантианец, член «Общества этической культуры», автор работа «Мировой кризис и его движение», «Этическая философия жизни». Он отмечает, что «этический гуманизм — это та философия, на основе которой человек уничтожает свою угнетенность и может достичь счастливой жизни». Философ делает упор на нравственное воспитание личности без обращения к религиозным постулатам.

К английским последователям «этического гуманизма» можно отнести Говарда Хаутона, Томаса Льюиса и др.

4. *«Натуралистический гуманизм»*. Основатель — Корлисс Ламонт (1909–1995), член Американской Гуманистической Ассоциации, автор известной работы «Иллюзия бессмертия». Философ делает упор на исследова-

ние антропологических и нравственных средств борьбы против терроризма, насилия и совершенствование общества на основе принципов демократии.

Последователями в Великобритании являются Чарльз Эдвардс, Говард Эдвин, Антонри Смит и др.

5. *«Религиозный гуманизм»*. Основатель — Чарльз Уайн, член «Общества Гуманистического иудаизма» в США. Задача, которую ставят перед собой представители «религиозного гуманизма» состоит в осуществлении синтеза религии и гуманизма. Согласно Ч. Уайну, религия «более, чем философия жизни, как включает в себя определенное действие», с помощью которого человек может существовать в этом мире. Необходимо создать новую концепцию Бога, основанную на этических нормах.

В Великобритании представителями «религиозного гуманизма» являются Джим Херик, Эрих Эриксон и др.

Свою деятельность представители этой теории гуманизма строят на следующих программных документах: «Гуманистический Манифест I» (1933); «Гуманистический Манифест II» (1973); «Секулярная гуманистическая Декларация» (1980); «Декларация независимости: Новая глобальная этика» (1988); «Манифест 2000. Призыв к планетарному гуманизму» (2000). Последний документ подписан представителями гуманистических и философских организаций 25 стран мира.

В нем подчеркивается: «Фундаментализм, нищета порождают терроризм и другие формы экстремизма, часто прикрывающиеся религиозными лозунгами ... необходима новая гуманистическая этика».

Общественная безопасность и противодействие религиозному экстремизму

М. А. Смирнов¹

В ходе нашего семинара уже много было сказано об экстремизме как явлении, о его природе, о том, что сам термин «экстремизм» указывает на приверженность тех или иных политических, общественных или религиозных групп крайним взглядам. Взглядам столь радикальным, что они подчас выражаются и в соответствующих действиях, которые могут носить как антиобщественный, так и антигосударственный характер, что уже переводит эту деятельность в разряд террористической.

Мой доклад посвящен проблемам религиозного экстремизма и противодействия ему, поэтому я ограничусь только этим видом экстремистской деятельности, не касаясь экстремизма политического. Хотя надо сразу сказать, что в настоящий момент все виды экстремизма (политического, националистического и религиозного) так или иначе пересекаются и перетекают из одного в другой.

Поскольку мы говорим об истории религиозного экстремизма, нельзя не сказать о том, что очень часто во время дискуссий на тему экстремизма звучит мнение, что термин «экстремизм» не приложим к религии. Что, дескать, история религии и история Церкви не знают такого явления, что экстремистскую деятельность можно рассматривать только в границах XX века и века нынешнего. Якобы все мировые религии несут человечеству только «мир на земле»

С этим очень трудно согласиться. Возьмем, например, религиозную нетерпимость как одну из разновидностей экстремизма. Достаточно даже беглого взгляда на историю Ветхого и Нового Заветов, чтобы найти там примеры этому явлению. Достаточно вспомнить нетерпимость древних израильтян к жителям Иерихона или их же отношение к самарянам и другим соседним племенам, что послужило причиной кровопролитных религиозных войн.

Религиозная и национальная идентичность Древнего мира и Средневековья были причиной межгрупповых конфликтов, например, израильтян с хананеями, христиан с римлянами, мусульман с евреями, сикхов с индустами, католиков с православными и протестантов с католиками.

¹ Ответственный редактор приложения «Независимая газета — Религии» к «Независимой Газете».

Действительно, религия способствовала разделению, а не единству, и первопричина разделений состояла в различном понимании истины каждой из религий, независимо от того, опиралась ли она на пророческое откровение, на некий мистический опыт или на рациональное постижение действительности. Каждая религиозная традиция претендует на собственную уникальность и превосходство или, по крайней мере, предполагает их.

Разумеется, что вплоть до XX века ни о какой толерантности, уважении прав человека, свободе совести не могло быть и речи. Вплоть до новейшей эпохи ни римо-католицизм, ни православие, ни протестантизм не придерживались этих принципов как таковых. Каждая религиозная традиция требовала принуждения, а в случае необходимости — даже физического, чтобы сохранить свое влияние на территориях, на которых она утвердилась. Достаточно сказать, что за 133 года до «Декларации о религиозной свободе» Второго Ватиканского собора, в 1832 году, папа Григорий XVI в своей энциклике «*Mirari vos*» обличал свободу совести как вздор и безумие (*deliramentum*). Исходя из положения о том, что все религии претендуют на исключительность и обладают монополией на истину, можно полагать, что уже в этом факте заложены основания для конфликта между религиями или христианскими исповеданиями. Это заставляет правоохранительные органы, занимающиеся проблемой общественной безопасности, учитывать этот фактор в своей деятельности по предотвращению экстремизма и очень внимательно наблюдать за деятельностью религиозных организаций, вести мониторинг общественно-опасных настроений и высказываний в религиозной среде, выявлять экстремистски настроенных граждан.

По мере секуляризации традиционные религии, а также и некоторые религиозные движения, когда-то считавшиеся маргинальными, со временем превращаются в статусные религиозные организации, которые постепенно занимают в различных государствах общественное признание. Но процесс этот долгий и противоречивый.

Только светское государство способно обеспечить равенство всех религий, защитить права человека, обеспечить свободу совести, защитить гражданина от посягательств на его личность деструктивных сект или экстремистских религиозных организаций. Если XIX век характеризовался преобладанием государств, в которых существовали государственные религии и Церкви, то XX век стал веком секуляризма, эмансипации государства и общества от влияния религии. Существует серьезное отличие между религиозными диссидентами старого времени, которые, выступая против государственной Церкви, автоматически оказывались врагами государства, и нынешними религиозными экстремистами. Последние подчас используют религиозную свободу и право на выражение своих религиозных взглядов для борьбы не только против традиционных (статусных) религий и Церквей, но и против того или иного государства, политического строя, общественного уклада.

Здесь нельзя не сказать о том, что в нынешнем столетии мир столкнулся с таким явлением, как радикальный исламизм, который стремится не только к тому, чтобы завоевать себе определенные позиции в Старом

и Новом Свете, но и насаждать свою радикальную идеологию, нетерпимую к другим религиям и светскому образу жизни. Это проявляется и в сепаратизме, как, например, на Северном Кавказе, и в попытках создания исламского правления в ряде государств Центральной Азии (Всемирный халифат). Здесь уровень религиозного экстремизма настолько высок, что ведет уже к террористическим актам, которые осуществляют террористы-смертники, чья деятельность была подготовлена и обеспечена экстремистскими организациями. Происходит это при помощи соответствующей литературы, проповеди и пропагандистской деятельности, которая ведется посредством всемирной сети Интернет.

В России деятельность мусульманских радикалов направлена не только против государства и общества, но и против традиционного, официального ислама, его лидеров, которые так же, как и светское общество, выступают против религиозных экстремистов в исламе, против террора и насилия, обусловленного религиозным фактором. Не случайно, как сообщалось в одной из листовок, изготовленных сторонниками т. н. «чистого» ислама, лидеры мусульманской общины России приговорены исламистами к смертной казни, что является призывом к их убийству как врагов ислама. Поэтому так часто в новостях информационных агентств, идущих с Северного Кавказа, мы слышим сообщения о том, что в очередном террористическом акте, совершенном боевиками, погиб тот или иной муфтий, религиозный исламский лидер.

В своей пропагандистской деятельности, критикуя официальный ислам, исламисты опираются на опыт мусульманских стран Ближнего Востока и Персидского залива, пытаясь навязать российским мусульманам чуждые им нетрадиционные формы религиозной жизни и богословские воззрения тех школ зарубежного ислама, которые в России не приняты. При этом очень большая ставка в этой деятельности делается на исламскую молодежь, которая в условиях социально-экономического кризиса и вооруженного конфликта в Чеченской Республике оказалась социально не востребованной, лишенной доступа к работе и образованию, а потому очень легко поддавалась на пропаганду религиозного экстремизма. Именно из нее чеченские боевики создавали и создают свои формирования. Но не стоит думать, что исламисты не пытаются вести свою пропаганду в самой России, в ее столице, в центральных областях, на Урале и в Сибири. Достаточно посмотреть на целый ряд интернет-сайтов, где русские молодые люди приглашаются к виртуальному принятию ислама, на книги зарубежных мусульманских богословов, которые призывают к непримиримой борьбе, джихаду против «многобожников», «иудеев» и «крестоносцев», где проповедуется идея создания Всемирного халифата. Именно с такими идеями выступает запрещенная в России партия «Хизб ут-Тахрир» и находит своих сторонников, причем не только в лице этнических мусульман, но и русских.

Сложная ситуация и с мусульманскими учебными заведениями. В России, несмотря на помощь правительства, так до сих пор и не создана собственная система религиозного образования для мусульман. Молодые люди, желающие получить богословское образование, отправляются в стра-

ны мусульманского Востока, где нередко оказываются вовлеченными в деятельность международных экстремистских групп. Естественно, что по возвращении в Россию эти новоиспеченные богословы привозят с собой не только юношеский запал и страсть проповедников, но и идеологию исламского радикализма, которую в России условно называют «ваххабизмом», по имени мусульманского богослова, жившего в XVIII веке, проповедника воинствующего ислама Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба ат-Тамими (1703–1792). (Аль-Ваххаб полагал, что настоящий ислам практиковался только первыми тремя поколениями последователей пророка Мухаммеда, и протестовал против всех последующих новаций, считая их привнесенной извне ересью. В 1932 году последователи идей аль-Ваххаба в результате борьбы создали независимое арабское государство — Саудовскую Аравию).

Здесь стоит отметить, что правоохранительные органы России не раз обращали свое внимание на деятельность отдельных медресе, находя, что программы этих учебных заведений содержат положения, разжигающие межрелигиозную вражду и ненависть, призывы к борьбе с врагами ислама. Так, например, в медресе города Бугуруслан (Оренбургской обл.) во время обыска были изъяты многочисленные издания экстремистского содержания, а среди выпускников этого медресе оказались и те, кто воевал в Афганистане на стороне движения Талибан и впоследствии оказался в американской тюрьме в Гуантанамо. Для справки: среди заключенных этой тюрьмы, предназначенной для содержания боевиков «Аль-Каиды» и Талибана, находилось семь граждан РФ, позднее экстрадированных на родину.

Однако мне совсем не хочется, чтобы у моих слушателей возникло ощущение, что сегодня вся острота борьбы с религиозным экстремизмом сосредоточена исключительно на исламистах. Примеров экстремистской деятельности среди христиан или индуистов, иудеев или буддистов можно привести предостаточно. Ограничусь несколькими примерами. Вооруженная борьба католических и протестантских ультра в Северной Ирландии. Действия католических и протестантских фундаменталистов на Западе, устраивавших взрывы в клиниках, где проводились аборты. Те же взрывы в кинотеатрах в знак протеста против показа фильма Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа». Убийства христиан в Индии, совершенные индуистами — членами крайних националистических организаций. Массовое участие буддистских монахов в антиправительственных выступлениях в Шри-Ланке. И, наконец, убийство премьер-министра Израиля Ицхака Рабина, которое совершил Игаль Амир, религиозный экстремист, член организации «Эргун Йехуди Лохем» («Еврейская организация бойцов» — ивр.)

Примеров религиозной экстремистской деятельности можно привести много, и Россия не является исключением. Это и деятельность православных сектантов, которые, ожидая конца света, заживо погребли себя в пещере в Пензенской области. Это и их единомышленники из Сибири, которые живут в тайге, не признавая российских паспортов и отказываясь от всякого контакта с представителями власти и внешним миром. Это и последователи экс-епископа Диомида, отлученного Синодом от Русской Православной Церкви, которые выступают против конституционного строя и

призывают к восстановлению в России монархии.

Однако не стоит думать, что это все удел маргиналов. Официальные религиозные лидеры достаточно часто выступают с заявлениями экстремистского характера. Например, Нафигулла Аширов, муфтий Сибири, предложил формировать Вооруженные силы РФ по национально-религиозному признаку. А несколько дней назад представитель Московского Патриархата, протоиерей Всеволод Чаплин призвал к созданию православных народных дружин, которые должны помогать милиции и органам правопорядка навести порядок на улицах российских городов ... Попытки размежевать российское общество по религиозно-национальному признаку — вещь очень опасная и чреватая межнациональным конфликтом и гражданской войной. Поэтому они не могут квалифицироваться иначе как высказывания экстремистского характера, независимо от того, от кого они исходят.

В нынешней российской ситуации только сильная государственная власть, имеющая твердую политическую волю, способна удержать многонациональную страну от конфликтов на этно-религиозной почве. Именно поэтому борьба с экстремизмом в России важна сегодня как никогда.

Часть III

**Семинар-круглый стол «Роль
средств массовой информации
в профилактике терроризма»**

Аналитическая справка по итогам проведения семинара-круглого стола «Роль средств массовой информации в профилактике терроризма»

Дата проведения: 30 октября 2008 г.

Место проведения: Интеллектуальный центр — Фундаментальная библиотека МГУ.

Сопредседатели: Е. Л. Вартанова (декан факультета журналистики МГУ), Р. Перл (руководитель Департамента по противодействию терроризму ОБСЕ).

Доклад: В. Е. Петрищев (член Экспертного совета Комитета ГД ФС РФ по безопасности). О роли средств массовой информации в профилактике терроризма.

Участники семинара-круглого стола выявили как одну из ключевых проблем напряженность во взаимоотношениях журналистов и органов власти в условиях террористических угроз. В основе данной проблемы, по мнению присутствующих, лежит традиционное взаимное недоверие между представителями СМИ и представителями силовых структур. Участники дискуссии согласились с тем, что необходимо искать универсальные модели сотрудничества между журналистами и государственными организациями, в том числе пути взаимовыгодного обмена информацией во время проведения контртеррористических операций. Была высказана идея, что в качестве варианта преодоления недоверия следует проводить совместные учения (тренинги) для журналистов и сотрудников силовых структур. Цель таких учений — формирование общего понимания целей и задач взаимодействующих сторон.

Особое внимание участников семинара-круглого стола было обращено на то, что в условиях террористической угрозы особую роль играет осознание журналистами своей социальной ответственности. Присутствующие согласились с тем, что зачастую СМИ, осуществляя свою профессиональную деятельность, вольно или невольно могут мешать проведению контртеррористической операции, неадекватно информируя аудиторию о происходящем или фактически оказывая информационную поддержку террористам, транслируя их заявления для широких масс.

Участники дискуссии единодушно пришли к выводу, что работники СМИ обязаны помнить, что в период теракта или контртеррористической

операции спасение людей, права человека на жизнь всегда первичны по отношению к любым другим правам и свободам. СМИ в своей деятельности всегда обязаны исходить из трех основных принципов: первый — объективно отражать события, второй — пользоваться различными независимыми источниками информации, третий — всегда помнить о том вреде, который можно принести обществу.

По мнению большинства участников семинара-круглого стола, позитивной является практика зарубежных государств, где существует свод правил работы журналистов в подобных экстремальных ситуациях. Особое внимание было обращено на тот факт, что в России уже существует документ, регулирующий деятельность журналистов в условиях террористической угрозы — «Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции» Союза журналистов России. Но серьезная проблема заключается в том, что этот документ само- и саморегулирования СМИ мало известен среди практикующих журналистов страны.

Решения семинара-круглого стола:

1. Присутствующие, приняв за основу системы саморегулирования СМИ в условиях террористических угроз «Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции», одобрили и утвердили проект «Антитеррористической хартии журналистов» (с предложением учесть в его окончательном варианте все замечания и рекомендации, высказанные участниками).
2. По итогам семинара-круглого стола принято решение организовать в целях активизации деятельности средств массовой информации России в сфере предупреждения террористических угроз и идеологического противодействия терроризму ежегодный конкурс публикаций «Журналисты России против террора». Организаторами конкурса стали: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Национальный антитеррористический комитет и Союз журналистов России.

Рекомендации по решению обсуждаемых на семинаре-круглом столе вопросов:

1. Разработать и ввести в учебный план факультета журналистики МГУ спецкурс «Профессиональная деятельность журналистов в условиях террористической угрозы и социальных конфликтов». Обеспечить данный курс учебно-методическими материалами.
2. Разработать программы для совместных тренингов и семинаров журналистов и представителей силовых структур и органов власти.

3. Организовать работу по принятию и продвижению «Антитеррористической хартии журналистов»:

- направить документ на апробацию экспертному и профессиональному сообществу;
- организовать серию методологических семинаров в региональных подразделениях Союза журналистов России;
- утвердить «Антитеррористическую хартию журналистов» на общенациональном съезде Союза журналистов;
- обеспечить распространение документа по редакциям СМИ;
- организовать кампанию по продвижению принципов Хартии среди журналистов.

Роль СМИ в профилактике терроризма

В. Е. Петрищев¹

Хочу начать свое выступление с тезиса о том, что средства массовой информации (СМИ) сегодня являются весьма эффективным оружием как субъектов террористической деятельности, так и противостоящих им государства и общества. Оружие это настолько же опасное, насколько и эффективное. Грамотно используя его, можно достичь больших успехов, при неумелом применении — нанести огромный вред.

Средства массовой информации (СМИ) — самое оперативное и масштабное средство воздействия на человеческую аудиторию. Причем преподносимая СМИ информация при грамотной, профессиональной ее подаче воспринимается не только на уровне сознания, но и на более тонком, глубинном, психологическом подсознательном уровне, что гарантирует более полное ее усвоение и длительное воздействие на мировосприятие и поступки человека. Эта способность СМИ быть эффективным средством формирования общественного климата давно подмечена и используется людьми и структурами, пытающимися решать проблемы достижения своих политических, экономических, национальных, религиозных, социальных и иных целей опосредованным путем, через влияние, воздействие на группы и слои граждан. Причем полярность этого влияния в зависимости от поставленных целей и методов их достижения может быть как положительной, так и отрицательной.

В современных условиях ярким примером активного использования уникальных возможностей СМИ для достижения собственных целей является обращение к ним террористов, опирающихся в своей противоправной деятельности на различные ущербные разрушительные идеологические течения — религиозный экстремизм, сепаратизм, национализм, фашизм и др. Заметим, что акции терроризма, как правило, предполагают либо рефлексивное реагирование на них СМИ, либо прямое обращение к ним с требованием довести до общественности цели и требования субъектов террористической деятельности. И в том и в другом случае предполагается, что через возможности телевидения, радио, печатных изданий террористы смогут обратиться к представителям органов власти и широкой общественности для разъяснения своих задач и целей, пропаганды идеологии, а в некоторых случаях — и для получения поддержки своим нелегитимным, преступным

¹Член Экспертного совета Комитета Госдумы по безопасности доктор юридических наук, профессор.

действиям со стороны отдельных социальных групп и слоев населения. Не случайно один из итальянских террористов, сдавшийся властям, высказал убеждение, что само освещение СМИ террористических акций является неотъемлемым элементом последних. По его мнению, если пресса перестанет передавать информацию о террористических акциях, они просто потеряют свой смысл.

И действительно, приходится констатировать, что при планировании и совершении политически мотивированных террористических акций субъекты их подготовки и осуществления одной из своих целей ставят прорыв к широкой общественной аудитории. И в этой ситуации журналисты, освещающие подобного рода эксцессы, становятся не просто рассказчиками, но и активными участниками этих событий, нравится им это или нет. Они не могут в этой крайне напряженной, кризисной обстановке нейтрально реализовывать свое право на получение и распространение информации. Поэтому и самооценка журналистов, и отношение к ним сограждан, жертв терроризма и властей должны включать критерии, учитывающие роль и направленность их действий в процессе возникновения, развития, локализации, пресечения террористического проявления, ликвидации его последствий. Это — серьезный экзамен на гражданскую и профессиональную зрелость. Ведь журналист, описывающий или показывающий хронологию развития драматического события, порой незаметно для самого себя может переступить через тонкую, почти неразличимую черту, за которой он превращается из обыкновенного источника информации в соучастника преступления.

СМИ при непродуманном освещении событий, связанных с актами терроризма, способны создавать серьезные трудности при осуществлении антитеррористических мероприятий и даже активизировать субъектов терроризма, провоцировать новые террористические проявления. Действительно, новейшая история знает много случаев, когда переданная в эфир информация затрудняла и даже срывала проведение специальных контртеррористических операций, содействовала пропаганде идей терроризма, служила источником распространения тактических приемов, методов и наиболее эффективных форм реализации террористических намерений.

Что же можно и нужно предпринять сегодня для того, чтобы предотвратить ситуации, в которых СМИ вольно или невольно становятся «подельниками» террористов? С учетом того, что ценой журналистской свободы на получение и передачу информации могут стать человеческие жизни, во многих государствах были приняты законы и иные нормативные акты, порой достаточно жестко регулирующие порядок освещения событий в нестандартных, кризисных ситуациях. Так, например, в период подготовки операции «Буря в пустыне» министерством обороны США 14.01.91 г. были приняты «Основные правила и руководство для СМИ», где журналистам запрещалось разглашение информации, способной поставить под угрозу жизнь людей. После террористических атак на Вашингтон и Нью-Йорк 11.09.01 г. в США пресекались любые попытки демонстрации по телевидению изображений или выступлений Усамы Бен Ладена. Аналогичная ситу-

ация сложилась и после вторжения США и их союзников в Ирак. В американских СМИ практически нет конкретной, фактической информации, иллюстрирующей значительные потери США в Ираке.

Можно привести и обратные примеры, когда отдельные отечественные журналисты, утратив чувство гражданского и профессионального долга, фактически занимались созданием «паблисити» чеченским боевикам. Об этом, в частности, говорил министр внутренних дел Российской Федерации А.С.Куликов 7.08.96 г. на заседании Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации²: «Вчера телеведущая Светлана Сорокина после выступления командующего объединенной группировки предоставляет слово Удугову (идеолог чеченских боевиков — прим. В.П.) ... Основная цель террористов — выйти на СМИ. И они свободно получают этот доступ. А ведь ими убито вчера 29 военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, 108 человек покалечено, разграблен город. А Сорокина его еще и благодарит»³. О неблагоприятной роли Сорокиной, Масюк, Доренко и других российских комментаторов, чьи репортажи объективно способствовали оправданию терроризма и повышению политического рейтинга Басаева, Радуева и других чеченских террористов, свидетельствуют многие независимые, в том числе и не только отечественные, источники⁴.

Не случайно в Резолюции 8-го Конгресса ООН по предупреждению преступлений и обращению с правонарушителями государствам было рекомендовано «рассмотреть вопрос о разработке руководящих принципов для СМИ и «поощрять добровольное принятие таких принципов в целях недопущения создания сенсаций и оправдания террористического насилия»⁵.

Однако представляется, что и стремление расширительно толковать журналистские свободы в сфере террористической и антитеррористической деятельности, способное довести до анархии и тяжких негативных последствий, и упрощенный подход, опирающийся на использование исключительно запретительных мер, это — крайние подходы, которые не могут способствовать успеху организации действенной борьбы с терроризмом. Правильнее всего было бы говорить о грамотном регулировании порядка и процесса информирования общественности как о проявлениях терроризма, так и об анти- и контртеррористической деятельности в нашей стране.

Определенные шаги в этом направлении уже предприняты. В частности, российское законодательство запрещает распространение информации: 1) раскрывающей специальные технические приемы и тактику проведения контртеррористической операции; 2) способной затруднить проведе-

²Накануне, 6.08.96 г., в Грозном завязались ожесточенные кровопролитные бои.

³Стенограмма Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации. — М., 7.08.96.

⁴См., например: Журналистика и война: освещение российскими СМИ военных действий в Чечне /Российско-американский информ. пресс-центр. — М., 1995. 77 с.

⁵Цит. по: Иванов Э. А. СМИ и борьба с преступностью: союзник или наблюдатель? // Преступность: стратегия борьбы / Криминологическая ассоциация. — М., 1997. С.98.

ние контртеррористической операции и создать угрозу жизни и здоровью людей, оказавшихся в зоне проведения контртеррористической операции или находящихся за пределами указанной зоны; 3) служащей пропаганде или оправданию терроризма и экстремизма; 4) о сотрудниках специальных подразделений, членах оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией при ее проведении, а также о лицах, оказывающих содействие в проведении указанной операции.

Такой взвешенный подход позволяет привлекать возможности СМИ в качестве эффективного тактического средства противодействия террористическим угрозам, предупреждения нежелательного развития событий, нейтрализации действия негативных факторов и минимизации последствий состоявшихся террористических проявлений. В этих ситуациях особенно важны просчитанные по своим последствиям отбор, подготовка и форма подачи информации, исключающие возможность использования террористами журналистов в преступных целях. При таком подходе представители СМИ не только не затрудняют деятельность спецслужб, но и превращаются в активных участников контртеррористического процесса, осуществляя надежное пропагандистское, идеологическое и информационное обеспечение специальных и процессуальных мероприятий. В качестве такого тесного и продуктивного взаимодействия, иллюстрирующего возможности СМИ в деле борьбы с терроризмом, можно вспомнить события ноября 1987 г., когда ирландские террористы произвели взрыв бомбы на официальной церемонии у Британского мемориала войн в Эннискиллейне. Широкое, эмоционально окрашенное, сопровождаемое соответствующим комментарием освещение телевидением последствий взрыва позволило продемонстрировать мировой общественности антигуманную, чуждую цивилизации сущность терроризма. Одним из конкретных результатов такой пропагандистской антитеррористической акции явилось заметное сокращение частных взносов американцев в организации, поддерживающие экстремистов из «Ирландской республиканской армии».

Кстати, в принятой Межпарламентской Ассамблеей СНГ в апреле 2004 г. редакции модельного закона «О борьбе с терроризмом» введена специальная глава «Информационное противодействие терроризму», призванная повысить роль и ответственность СМИ в освещении событий, связанных с терроризмом, и в проведении мероприятий по предотвращению, профилактике террористических проявлений. Глава включает три статьи: «Обязанности средств массовой информации по содействию борьбе с терроризмом», «Осуществление мер профилактики терроризма с использованием средств массовой информации» и «Ответственность средств массовой информации».

Итак, законодательная регламентация вопросов освещения средствами массовой информации террористической деятельности и мер борьбы с терроризмом актуальна и, безусловно, полезна. И все же основным критерием определения журналистом собственной линии поведения в этом деле должны стать не нормативные акты, а его совесть, высокие нравственные качества, гражданская позиция, чувство ответственности перед обществом,

которые дано воспитать в себе и продемонстрировать окружающим далеко не каждому представителю современной российской интеллигенции, тем более что условия, в которых мы сегодня существуем, зачастую культивируют прямо противоположные человеческие качества.

В среде отечественных журналистов после трагических событий «Норд-Оста» в 2002 г. состоялся заинтересованный разговор о роли и ответственности СМИ в сфере противодействия террористическим угрозам. Трагедия обострила накопившиеся проблемы, заставила переосмыслить содержание понятий прав и долга журналиста, еще раз задуматься о его гражданской ответственности. Результатом дискуссии стало принятие так называемой «Антитеррористической конвенции». В документе, в частности, признается: «Работники СМИ обязаны понимать, что в период теракта и контртеррористической операции спасение людей и право человека на жизнь первичны по отношению к любым другим правам и свободам». Здесь же запрещается во время теракта брать у террористов интервью по своей инициативе, но допускается — по просьбе или с разрешения Оперативного штаба по проведению контртеррористической операции. Нельзя самостоятельно возлагать на себя миссию посредника. В «Антитеррористической конвенции» даются и другие рекомендации грамотного, взвешенного освещения событий, связанных с актами терроризма.

Для журналиста, готовящего себя к работе в кризисных ситуациях, полезно заранее представить себе эту ситуацию во всей ее неприглядности и смоделировать алгоритм своего поведения. Несколько лет назад я на базе обобщения имеющегося материала попытался сформулировать ряд рекомендаций журналистам по освещению событий, связанных с актами терроризма (они докладывались в ходе работы специализированного круглого стола в Госдуме). Однако это отдельная тема, и я не буду сейчас на ней останавливаться. Полагаю, однако, что для журналистов, которым предстоит работа в «горячих точках» или по освещению кризисных ситуаций, крайне полезно было бы прохождение спецкурса, который, возможно, может существовать и на журфаке МГУ. Этот спецкурс, на мой взгляд, должен решать, как минимум, две задачи: 1) обеспечить безопасность самого журналиста в кризисных условиях; 2) способствовать грамотному, профессиональному, взвешенному освещению событий.

Хочу отметить еще один важный момент: нельзя снимать ответственности за неудовлетворительное использование возможностей СМИ в профилактике терроризма и иных общественно опасных форм экстремизма и с отечественных структур, призванных координировать и непосредственно осуществлять антитеррористическую деятельность в стране. Зачастую сотрудники ФСБ России и МВД России в целях недопущения утечки информации о специальных методах и тактике проведения контртеррористических операций в контактах с представителями СМИ избирают самый простой и надежный, на их взгляд, способ — не давать вообще никаких сведений, становясь затем в позу обвинителей по поводу «некомпетентного» освещения в прессе, радио- и телепередачах вопросов, относящихся к сфере борьбы с терроризмом. Такая позиция представляется как минимум

нерациональной, а по большому счету — и вредной.

Мощный потенциал возможностей СМИ, который можно и необходимо использовать в борьбе с терроризмом, давно оценили специалисты, стремящиеся привлечь в этих целях весь арсенал имеющихся сил и средств. Так, например, активно применяют возможности СМИ в Ираке оккупационные войска США и их союзники для снижения террористической активности и антиамериканских настроений среди местного населения. Об опыте этой работы рассказал на одной из международных конференций декан психологического факультета Львовского политехнического университета Н. Гетьманчук.

Необходимо всесторонне развивать цивилизованные тесные контакты сотрудников правоохранительных органов и спецслужб, ведущих борьбу с терроризмом на профессиональной основе, и представителей СМИ, обращающихся к этой проблеме. Такое взаимовыгодное сотрудничество, поставленное на твердую, плановую основу, опирающееся на сплав опыта специалистов и журналистского мастерства, способно принести ощутимые плоды в профилактике терроризма, в деле снижения террористической угрозы в нашей стране.

На решении каких проблем и задач в первую очередь следовало бы сосредоточить совместные усилия в таком взаимодействии в сфере именно профилактики терроризма?

С использованием материалов практических подразделений спецслужб и правоохранительных органов следует демонстрировать широкой общественности не только разрушительную и человеконенавистническую сущность террористической деятельности в различных формах, но и деструктивность, разъединяющий потенциал самой экстремистской идеологии. Следует воспитывать в согражданах толерантность, терпимость, уважение к другой религии, культуре, обычаям. В свое время интернационализм был основой единства и мощи СССР и его авторитета на международной арене. Именно поэтому национализм был использован в качестве одного из основных инструментов развала Советского Союза.

Уважаемые участники семинара! Терроризм — это не только ненависть и насилие. Это еще ложь и лицемерие. Можно прочесть целую лекцию на тему о том, как спекулятивно используют риторику в своих политических целях организаторы террористической деятельности, как вовлекают людей в терроризм с помощью пропагандистских штампов преступники, делающие на этом бизнес. Отсюда — следующая задача: необходимо вскрывать и разоблачать перед читателями, радиослушателями, телезрителями способы маскировки истинных террористических устремлений под внешне привлекательными лозунгами защиты прав человека, укрепления демократии, обеспечения национальных, социальных и иных интересов и т. д. Особое внимание следует уделять привитию гражданам России иммунитета к попыткам их вовлечения в конфликты, возвращаемые на идеологии национализма и шовинизма, религиозной вражды, так как такого рода социальные столкновения по своим последствиям наиболее разрушительны и оставляют долго не заживающие моральные травмы в исторической памя-

ти целых народов. Как представляется, такая работа будет способствовать формированию антитеррористического сознания населения, а также предотвращению вовлечения многих молодых людей в террористическую и иную экстремистскую деятельность.

Подготовленные совместными усилиями сотрудников антитеррористических структур и журналистов материалы должны быть нацелены и на повышение уровня правового сознания граждан, причем не только рядовых обывателей, но представителей власти, ибо правовой нигилизм последних и принятие ими непродуманных политических и административных решений порой способны детерминировать социальную напряженность, выливающуюся в том числе и в экстремизм, и в акции гражданского неповиновения, и в массовые беспорядки, и в акты терроризма.

Снижению террористической угрозы в стране должны способствовать и материалы, демонстрирующие неприятие обществом идеологии насилия, социальную изоляцию экстремистов и неотвратимость жесткого наказания для лиц, вставших на путь террористической деятельности. Для этого следует активнее использовать материалы следственных органов по состоявшимся уголовным делам об актах терроризма.

Здесь уместо упомянуть высказывание Генерального секретаря ООН К.Аннана, который в апреле 2006 года в своем докладе «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии» подчеркивал роль и ответственность журналистского сообщества в деле борьбы с терроризмом: «Подобно тому, как террористы изо дня в день используют в своих целях средства массовой информации, нам следует ответить на брошенный ими вызов, и их сюжетам, пронизанным ненавистью, противопоставлять сюжеты о жертвах; сюжеты об общинах, расколотых и подорванных террористическими актами; сюжеты о мужестве тех, кто, рискуя своей жизнью, занимается своей повседневной деятельностью, сюжеты о тех ценностях, которые отстаивает Организация Объединенных Наций».

Завершая свое выступление, хочу сказать — борьба с терроризмом должна вестись системно и комплексно. Только правоохранительные органы и специальные службы с ней не справятся. И уж точно не смогут решить проблему терроризма исключительно силовые и репрессивные меры. Насилие порождает ответное насилие. Нам надо быть тоньше, умнее, грамотнее террористов. И СМИ обладают в этом плане исключительными возможностями.

Часть IV

**Семинар-круглый стол
«Социально-психологические
технологии профилактики
терроризма»**

Аналитическая справка по итогам проведения семинара-круглого стола «Социально-психологические технологии профилактики терроризма»

Дата проведения: 30 октября 2008 г.

Место проведения: Интеллектуальный центр — Фундаментальная библиотека МГУ.

Вопросы для обсуждения:

- Психологический портрет террориста: психологическое определение предмета и методов исследования и воздействия.
- Причины и условия, способствующие вовлечению в террористическую деятельность.
- Мотивация террориста: структура, типология, генезис.
- Социально-психологические технологии выявления склонности к террористической деятельности.
- Психологические особенности детей и подростков и проблема формирования у них устойчивости к идеологии терроризма.
- Особенности использования социально-психологических технологий при подготовке телевизионных передач, разъясняющих преступную суть идеологии терроризма и ее распространителей.

В рамках семинара выступили с докладами и приняли участие в дискуссии ведущие специалисты по проблемам социально-психологического обеспечения профилактики терроризма из МГУ имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского университета, Южного Федерального университета, Военного университета Министерства обороны РФ, Московского городского психолого-педагогического университета, Министерства внутренних дел РФ, Центра экстренной психологической помощи МЧС РФ.

Центральным вопросом для обсуждения была профилактика терроризма, основывающаяся на выявлении причин и условий, способствующих вовлечению российских граждан в террористическую деятельность, и разработке рекомендаций по влиянию на эти причины и условия.

Было отмечено, что одним из ключевых моментов является идеология терроризма, которая придает особую привлекательность этой деятельности и наделяет ее особым смыслом. Терроризм, воспринимаемый обществом с внешней стороны зло, человеку изнутри позволяет почувствовать себя героем.

Наряду с идеологией важную роль играют политические факторы вовлечения в террористическую деятельность, прежде всего, недостаток демократических свобод; коррупция, вызывающая нежелание поддерживать принципы государственного устройства; нежелание государства интегрировать диссидентские группы.

Слишком быструю модернизацию, к которой человек не успевает приспособиться, следует отнести к экономическим факторам, так же как качество жизни и структуру производства. Это провоцирует возникновение ощущения бесперспективности, которое, в отличие от бедности, переживается человеком гораздо тяжелее.

Ключевыми социальными факторами вовлечения в террористическую деятельность являются низкий уровень образования и общей культуры, недостатки воспитания и обучения, демографические проблемы, общее низкое состояние здравоохранения.

Религиозные факторы способствуют морально-этическому, квазирелигиозному обоснованию избранности этих людей, присвоению (интериоризации) ими священного идеала жертвенности (за гибелью последует «вечная жизнь», обретение символического бессмертия).

Среди психологических факторов следует указать реализацию инфантильных сценариев достижения целей, а также отсутствие в обществе единых моральных норм. Личностные качества организаторов террористических актов — это иллюзорное ощущение исключительной значимости своих целей (синдром мессии), мегаломания, фанатизм, манипулятивность, склонность к рискованному поведению и обесценивание чужой жизни. Личностные свойства исполнителей террористической деятельности: эти люди отличаются большей зависимостью, внушаемостью, трудностями идентификации, примитивной драматизацией, упрощением ситуации и поляризацией (когнитивной упрощенностью), поиском врага. Их мотивы связаны с компенсаторной идентификацией себя с героями, необходимостью принадлежности к группе.

Влияние указанных причин и условий на вовлечение российских граждан в террористическую деятельность было проиллюстрировано данными социологических опросов, проведенных в разных регионах Российской Федерации. Особое внимание было обращено на данные, полученные в Южном Федеральном округе. Наибольший интерес вызвали данные, касающиеся представлений о терроризме среди молодежи. Это исследование было проведено на базе Южного Федерального университета.

Участники обсуждения были едины во мнении о том, что ведущим механизмом вовлечения в террористическую деятельность следует считать нарушение идентичности человека. Терроризм, соответственно, выступает как один из способов обретения идентичности. Указанные выше факторы

оказывают влияние на вовлечение человека в террористическую деятельность, преломляясь сквозь ценностно-смысловую сферу его личности.

Поэтому разработка рекомендаций по влиянию на причины и условия, способствующие вовлечению граждан в террористическую деятельность, должна предполагать возможность компенсации дефицитарной идентичности групп риска, а также формирование заместительных ценностей.

Обсуждая возможные меры по профилактике терроризма, участники семинара неоднократно подчеркивали, что эти меры должны соответствовать общим важным принципам: они должны быть упреждающими в отношении причин и условий, порождающих вовлечение в террористическую деятельность, а также адекватны этим причинам и условиям. Кроме того, эффективность мер по профилактике вовлечения российских граждан в террористическую деятельность может быть существенно повышена, если она будет основываться на соответствующей нормативной базе и проводиться в рамках государственной политики в области предупреждения и профилактики терроризма.

Были поставлены перспективные задачи профилактики терроризма: определение и дифференциация критериев терроризма, имеющего различные причины (идеологические, политические, экономические, религиозные, этнические и др.), а также разработка методов соотнесения этих критериев с реальным поведением в каждой конкретной ситуации.

Психологические методы повышения устойчивости личности к негативным воздействиям стресса

В. В. Барабанщикова

Одной из приоритетных линий научных психологических исследований в рамках снижения рисков вовлечения российских граждан в террористическую деятельность является повышение индивидуальной устойчивости личности к воздействиям стрессового характера. Как показали исследования, высокая стресс-резистентность обеспечивает психическую надежность и психологическое благополучие личности, препятствуя развитию девиантных форм поведения. Тем большее значение приобретают пути повышения индивидуальной стресс-резистентности.

Динамика современной жизни диктует жесткие требования к способности управлять своим состоянием. Социально-экономические преобразования и природные катаклизмы являются неиссякаемыми источниками развития различных неблагоприятных состояний [Бодров, 2000; Кокс, Маккей, 1995; Купер, Маршалл, 1995; Лазарус, 1970; Макмихаэл, 1995; и др.]. Накопленные в психологической литературе данные свидетельствуют о том, что одним из самых действенных и безопасных способов оптимизации состояния является *психологическая саморегуляция* (ПСР) [Габдреева, 1983; Гиссен, 1976; Дикая, 2002, 2003; Занковский, 1991; Кузнецова, 1993; Кузнецова, Тихонов, 1996; Леонова, 1989, 1984; Venson, 1999]. Многочисленные исследования доказывают большую правомерность применения именно саморегуляционных методов восстановления состояния в отличие от эффектов внешних воздействий [Барабанщикова, Кузнецова, 2000; Калининский, 1974; Кузнецова, 2004; Леонова, Кузнецова, 1993; Марьин, 2001; Семикин, 1986; Davis, Robbins, McKay, 1982; Everly, Rosenfeld, 1981]. Рост культуры и самосознания личности диктует необходимость увеличения возможности применения различных видов осмысленного самовоздействия на личность и через нее на весь организм человека, в связи с чем возрастает интерес к процедурам саморегуляции при некотором снижении веры в могущество остальных методов воздействия [Дикая, Семикин, 1984; Занковский, 1984; Харькин, Гройсман, 1999].

ПСР позволяет сформировать устойчивый навык сопротивления действию неблагоприятных факторов [Кузнецова, 1993; De Keyser, Leopova, 2001]. Необходимо отметить, что при достаточной общей эффективности применения методов ПСР для повышения индивидуальной стресс-резистентности человека и формирования паттернов адекватного реаги-

рования в экстремальных ситуациях возможно сделать программы ПСР еще более результативными, вписав их в контекст индивидуальных ресурсов личности. Одним из таких индивидуальных ресурсов может выступить *доминирующая сенсорная модальность образной сферы человека*, являющаяся, как показали наши исследования, механизмом, опосредующим влияние приемов ПСР на состояние человека.

Таким образом, цель данного конкретного исследования — выявить и проанализировать эффективность использования различных методов психологической саморегуляции для оптимизации функционального состояния (в вариантах методик нервно-мышечной релаксации и сенсорной репродукции) в зависимости от типа доминирующей сенсорной модальности образной сферы человека. Предполагается, что наиболее эффективными для индивидуального овладения будут те методы психологической саморегуляции, содержание которых адресовано к актуализации доминирующей сенсорной модальности образной сферы у лиц, принимающих участие в релаксационном тренинге.

Поставленная цель реализовывалась на контингенте граждан, подобранных с учетом следующих требований. Необходимо было апробировать предложенные варианты повышения индивидуальной стресс-резистентности на выборке лиц, чья деятельность реализуется в относительно благоприятных жизненных условиях (например, студенты), а также на выборке лиц, напротив, вынужденных жить и работать в экстремальных условиях (например, спортсмены высшей квалификации). Кроме того, первая группа участников исследования по нашему предположению не отличается ярким доминированием какой-либо одной сенсорной модальности образной сферы, в то время как вторая группа — спортсмены боксеры и дзюдоисты — четко различаются по этому признаку.

Подбор подобных контрастных групп позволит доказать эффективность рекомендуемых нововведений в структуру обучения ПСР и правомерность построения программ ПСР с опорой на доминирующую у человека сенсорную модальность образной сферы. Предполагается, что такой учет индивидуальной специфики личности позволит сформировать «буфер» устойчивости к воздействиям стрессового характера, что повысит способность человека сопротивляться вовлечению в противоправную деятельность.

Как показали результаты представленного исследования, доминирующая сенсорная модальность образной сферы представляет собой важную инструментальную психологическую характеристику, способствующую формированию обобщенного полимодального образа актуально переживаемого человеком ФС. Комплекс методических средств, предложенный в рамках данного исследования для оценки степени выраженности доминирующей сенсорной модальности в образной сфере человека, адекватен поставленной задаче, что было подтверждено сравнительными результатами обследования студентов, чья деятельность не предполагает развития определенной сенсорной модальности, и профессиональных спортсменов, деятельность которых предъявляет высокие требования к уровню разви-

тия соответствующего их спортивной специализации типа сенсорной модальности.

Активизация образов-представлений доминирующей у человека сенсорной модальности является одним из механизмов оптимизации ФС и формирования большей стрессоустойчивости личности. Учет индивидуально предпочитаемой сенсорной модальности в образной сфере позволяет в полной мере задействовать специфические приемы достижения релаксационного состояния, включенные в структуру конкретных методик ПСР. Приемы методики нервно-мышечной релаксации ориентированы на формирование кинестетического образа (тепла, легкости/тяжести, расслабления в мышцах); приемы методики сенсорной репродукции образов исходно опираются на формирование визуального образа-представления зрительной картины полноценного отдыха. Показано, что в результате применения методики ПСР, релевантной доминирующей сенсорной модальности в образной сфере человека, имеет место генерализованный эффект, отражающий положительную динамику ФС на разных уровнях его проявления. В случае применения иррелевантной методики позитивный эффект воздействия сеанса ПСР носит фрагментарный характер.

Доминантность определенной сенсорной модальности при формировании образа является системным процессом, опосредованным особенностями содержания профессиональной деятельности и индивидуальным опытом личности. Психологический анализ деятельности спортсменов-единоборцев выявил модально-специфичные механизмы, регулирующие поведение спортсменов при решении тактических задач ведения боя. Деятельность боксеров преимущественно опирается на получение точной зрительной информации для эффективного ведения «дистантного» боя, тогда как деятельность дзюдоистов построена преимущественно на анализе сигналов кинестетической модальности в соответствии с требованиями ведения «контактного» боя. Это определяет формирование разных типов доминирующей сенсорной модальности у представителей названных типов спортивных специализаций.

Доминирующая сенсорная модальность образной сферы студентов, находящихся на начальном этапе профессионализации, является индивидуально-специфичной характеристикой, не связанной непосредственно с реализуемой ими деятельностью. Воздействие релевантной методики ПСР отражается в позитивном изменении всех структурных компонентов ФС, тогда как применение иррелевантной методики практически не оказывает влияние на актуальное ФС студентов.

Для спортсменов характерно направленное влияние релевантных методик ПСР, выражающееся в улучшении физиологических и субъективных показателей ФС и снижении точности выполнения нагрузочного теста. Этот тип регуляторных перестроек в структуре ФС отражает смену мотивационной направленности в деятельности спортсменов высшей квалификации под влиянием сеанса ПСР — с ориентации на решение тактических соревновательных задач на более адекватную в данном случае мотивацию полноценного отдыха и восстановления ресурсов.

Активизация доминирующей сенсорной модальности образной сферы представляет собой тренируемый в процессе профессионализации навык, развивающийся в ответ на адресные требования деятельности. Соответственно, при подготовке и реализации индивидуализированных программ ПСР необходимо опираться на доминирующую сенсорную модальность, релевантную содержательной специфике профессиональной деятельности участников тренинга.

Таким образом, представленные в данном исследовании результаты позволили подтвердить выдвинутую в работе гипотезу, предполагающую, что наиболее эффективными для индивидуального овладения будут те методы ПСР, содержание которых адресовано к актуализации доминирующей сенсорной модальности образной сферы у лиц, принимающих участие в релаксационном тренинге.

Помимо представленных выводов, данная работа выявила несколько существенных моментов, которые могут стать базисом для дальнейших исследований.

Во-первых, такая индивидуальная особенность образной сферы как ее сенсорная модальность является неотъемлемой характеристикой любого человека, выявляющейся с помощью определенных диагностических методов. Нами были подтверждены теоретические данные о том, что есть определенные различия в образной сфере у разных участников исследования. Основной задачей будущих исследований представляется разработка тех методик, с помощью которых вышеуказанные различия можно будет выявить с высокой степенью достоверности. Как уже было отмечено, достаточно валидных методик этого плана на настоящий период практически не существует, что и обусловило некоторые трудности данного исследования при подборе адекватных диагностических процедур, что было обозначено как одна из задач нашего исследования. Соответственно, при наличии продуктивного подхода к организации ПСР — в контексте учета индивидуальных особенностей образной сферы при выборе приема саморегуляции, задача будущих исследований состоит в построении адекватного психологического инструмента, позволившего бы диагностировать эти особенности. Поставленная задача может быть решена в дальнейших исследованиях по данной тематике.

Во-вторых, существенным моментом представленной работы является изучение механизмов формирования релаксационного состояния в рамках каждой из исследуемых доминирующих модальностей. Проведенное исследование позволило выявить ряд интересных тенденций особенностей формирования доминирующей сенсорной модальности образной сферы в ответ на адресные требования профессиональной деятельности. В дальнейшем представляется перспективным проанализировать взаимовлияния профессиональной деятельности и доминирующей сенсорной модальности в специально организованном эмпирическом исследовании в связи с тем, что такая задача не ставилась в данной работе из-за ограничений, накладываемых ее объемом.

Как бы то ни было, уже сейчас полученные результаты позволяют

дать некоторые рекомендации для организации процесса обучения методам ПСР. Учитывая вышеуказанные особенности образной сферы студентов и спортсменов и специфику их профессиональной деятельности возможно сделать программу обучения более эффективной, сделав упор на те приемы, которые лучше всего воспринимаются человеком. Подобные меры позволят повысить устойчивость граждан к воздействиям стрессов различного характера и, следовательно, снизить риски их вовлечения в террористическую деятельность.

Диагностика уровня индивидуальной устойчивости к стрессу как фактор снижения террористической опасности

Б. Б. Величковский¹

Значительное повышение темпа жизни, социальные и политические трансформации, увеличение экологических, эмоциональных и информационных нагрузок придают проблематике психологического стресса и, в особенности, проблеме индивидуальной устойчивости к стрессу особое звучание. Психологический стресс остается, как и десятилетия назад, одной из главных «болезней века», составляющей серьезную угрозу трудоспособности и качеству жизни населения стран мира. В развитых странах, сниженная устойчивость населения к стрессу порождает серьезные социальные и экономические проблемы. Сегодня можно также с уверенностью утверждать, что устойчивость населения к стрессу является одним из факторов, определяющим подверженность населения страны вовлечению в террористическую деятельность.

Представляется возможным различить два механизма формирования связи между уровнем устойчивости к стрессу и уровнем опасности вовлечения в террористическую деятельность — прямой и косвенный. Действие прямого механизма заключается в том, что сниженная устойчивость к стрессу приводит к формированию различного рода вызванных длительным действием интенсивного стресса нарушений. Эти нарушения заключаются, с одной стороны, в развитии соматических болезней, а с другой стороны — в возникновении различных поведенческих отклонений и психологических деформаций. В частности, длительное действие стресса может приводить к формированию асоциальных установок, что отражается на характере взаимоотношений человека и общества. Эти нарушения делают людей более уязвимыми к действию обстоятельств, в частности, к внешнему давлению, а также порождают готовность к совершению антиобщественных поступков. Косвенный механизм формирования связи между устойчивостью к стрессу и уровнем опасности вовлечения в террористическую заключается в том, что сниженный уровень устойчивости к стрессу у сотрудников правоохранительных органов, связанных с предупреждением террористических угроз, препятствует успешному выполнению ими должностных обязанностей, например, по организации профилактической рабо-

¹ Факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

ты по предупреждению вовлечения граждан РФ в террористическую деятельность.

В этом контексте своевременная и точная оценка уровня устойчивости к стрессу, а также разработка программ повышения устойчивости населения РФ к психосоциальному стрессу, приобретает особое значение. В настоящее время комплексная методология для проведения подобной диагностики отсутствует. Как показывает многолетний опыт исследований устойчивости к стрессу, разработка такой методологии должна опираться на многомерную модель устойчивости к стрессу как системного свойства личности. В настоящем исследовании на основе применения парадигмы «черта-состояние» к когнитивно-транзактному толкованию процесса стресса была разработана модель индивидуальной устойчивости к стрессу и доказана эмпирическая обоснованность основанного на ней диагностического комплекса для многомерной оценки стрессоустойчивости.

Методика исследования. Диагностический комплекс включал в себя методики для измерения следующих показателей: личностной и ситуативной тревоги; личностной и ситуативной депрессии; личностного и ситуативного гнева; показателя ситуативного комфорта и выраженности хронического утомления (последние 2 показателя характеризуют степень истощения психофизиологических ресурсов обеспечения деятельности). Кроме того, фиксировалась общее количество стрессоров, выраженность субъективно переживаемого стресса и наличие и выраженность негативных последствий стресса. Всего участие в исследовании приняли участие 751 человек с разным уровнем объективной устойчивости к стрессу в возрасте от 19 лет до 61 года (22% женщин). Обследованная выборка включала в себя две подвыборки: подвыборку сотрудников МВД РФ ($N = 662$) и подвыборку пациентов психиатрических клиник г. Москвы, госпитализированных с диагнозом вегето-сосудистая дистония ($N = 89$).

Результаты. На основе методик диагностического комплекса рассчитывается интегральный показатель ИУС (ИП ИУС). С этой целью была проведена факторизация всего массива данных по показателям диагностической системы с помощью метода главных компонент. Используя полученные факторные нагрузки в качестве «весов» стандартизованных диагностических показателей, представилось возможным рассчитать значения ИП ИУС. С помощью методов конфирматорного факторного анализа была изучена факторная структура многомерной оценки индивидуальной устойчивости к стрессу и подтверждено её соответствие предложенной теоретической модели.

Была проведена масштабная эмпирическая верификация модели для оценки устойчивости к стрессу. В ходе проведения работ удалось показать, что интегральный показатель устойчивости к стрессу удовлетворяет важным теоретическим ограничениям и характеризует индивидуально-специфичные формы успешной и неуспешной адаптации человека к стрессу.

Была рассмотрена зависимость между ИП ИУС и системой показателей выраженности негативных последствий хронического стресса. Показано, что высокий уровень ИП ИУС связан со сниженной вероятностью сомати-

ческих нарушений, поведенческих отклонений и личностных деформаций.

Эмпирическая обоснованность многомерной оценки была рассмотрена также в контексте феномена «спирали стресса». Под «спиралью стресса» понимают эффект значительного увеличения количества жизненных затруднений у лиц, деятельность которых подвержена деструктивному влиянию хронического стресса. Показано, что уровень ИП ИУС прямо связан с количеством стрессоров, возникновение которых связано с адаптационной неадекватностью самого человека, и не связан с количеством стрессоров, возникающих независимо от действий человека.

Также была исследована взаимосвязь между ИП ИУС и степенью «эмоциональной гранулярности» (ЭГ). Высокая ЭГ означает сильную степень дифференциации при восприятии собственных эмоциональных состояний. В литературе показано существование зависимости между высокой ЭГ в случае положительных эмоций и положительными адаптационными исходами в условиях острого и хронического стресса, а также между высокой ЭГ для отрицательных эмоций и негативными адаптационными исходами. Аналогичные результаты были получены и в настоящем исследовании.

Было показано, что ИП ИУС опосредует связь между интенсивностью стрессоров и выраженностью неблагоприятных последствий стресса. Таким образом, убывло показано что ИП ИУС адекватно отражает «буферную» функцию устойчивости к стрессу, которая выражается в том, что лица с высокой стрессоустойчивостью не испытывают негативных последствий стресса даже при большом количестве объективно имеющихся стрессоров.

Была проанализирована связь между уровнем ИП ИУС и индивидуальными особенностями реагирования на усложнение условий деятельности. Лица, высокоустойчивые к действию стресс-факторов, способны не только к поддержанию стабильного уровня функционирования в трудных условиях, но и к такой реорганизации системы психической регуляции, которая выводит их на новый уровень сопротивляемости. Наоборот, лица с низким уровнем устойчивости к стрессу реагируют на усиление нагрузки распадом деятельности и нарастанием симптомов личностного неблагополучия.

Таким образом, в настоящем исследовании был выдвинут и проверен ряд эмпирических гипотез, касающихся характера отношений между интегральным показателем устойчивости к стрессу и переменными, характеризующими специфику индивидуальной адаптации к стрессу. Все проведенные проверки привели к положительному результату. Полученные результаты свидетельствуют о высокой достоверности многомерной оценки устойчивости к стрессу, разработанной на основе предложенной теоретической модели устойчивости к стрессу как системного свойства личности.

Рекомендации. В контексте решения задачи понижения террористической опасности в Российской Федерации, многомерная оценка индивидуальной устойчивости к стрессу может эффективно использоваться в следующих целях:

- выявления актуального уровня устойчивости к стрессу в регионах РФ;

- прогнозирования уровня устойчивости к стрессу в регионах РФ;
- выявления лиц, входящих в группу риска в связи со сниженным уровнем индивидуальной устойчивости к стрессу;
- оценки психологического статуса сотрудников правоохранительных органов РФ, осуществляющих борьбу с терроризмом на всех уровнях;
- профессионального отбора лиц для замещения ответственных должностей, являющихся ключевыми в обеспечении антитеррористической безопасности регионов РФ.

На основе теоретической модели могут быть сформулированы следующие требования к программам повышения уровня устойчивости к стрессу:

- Структурирование окружающей среды, повышение предсказуемости появления стрессоров, повышение степени объективного и воспринимаемого контроля за возникновением стрессоров, предупреждение немотивированного накопления стрессоров на коротких временных интервалах, что может снизить их разрушительное влияние на соматическое и психологическое благополучие населения РФ.
- Меры по развитию устойчивости к стрессу должны быть также направлены на обогащение репертуара стратегий совладания и обучение их эффективному использованию. Подобные тренинговые программы должны быть в равной степени направлены на развитие навыков проблемно-ориентированного и эмоционально-ориентированного совладания.
- Своевременная и эффективная коррекция уже возникших соматических, психологических и поведенческих нарушений стрессовой этиологии путем организации четкой работы систем оказания медицинской и психологической помощи, ориентированных на долговременное отслеживание индивидуальных траекторий развития и превентивный характер интервенций.
- При разработке мер повышения устойчивости населения РФ к психосоциальному стрессу повышенное внимание должно уделяться оптимизации индивидуальных процессов когнитивной оценки. Основная цель психологической интервенции в случае первичных оценок заключается в формировании стабильных навыков доброкачественной оценки затруднительных ситуаций, не приводящей к развитию симптомов тревоги, депрессии и гнева. В случае вторичных оценок, центральную роль должно играть информирование населения о видах и механизмах действия психологических, социальных и материальных факторов, защищающих человека от разрушительного действия стресса, а также формирование навыков адекватной оценки собственных ресурсов по преодолению сложных ситуаций.

Анализ концептуальных моделей терроризма

А. Г. Караяни¹

Выявление причин и условий вовлечения российских граждан в террористическую деятельность невозможно без построения теоретической модели явления, которое классифицируется как «терроризм».

В рамках социально-психологического анализа отношения между «нетеррористическим» человеческим сообществом и терроризмом могут на определенном уровне абстракции рассматриваться как коммуникативный акт, подчиняющийся законам человеческой коммуникации. В этом случае для более глубокого понимания психологической природы терроризма террористический акт может быть представлен в рамках модели коммуникативного акта, включающего следующий ряд взаимосвязанных элементов:

Зачем? Канал? Способ? Кому? Что?

Однако это лишь общая схема анализа террористического акта. Сегодня общепризнанным стало понимание терроризма, как сложного, многоликого, разнокачественного социального явления. По существу речь идет о разных видах терроризма, объединенного рамками его общего определения, данного в Федеральном законе «О противодействии терроризму»: «Терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». Следовательно, конкретное содержательное наполнение каждого элемента предложенной модели может быть различным.

Такая позиция позволяет констатировать, что понять природу терроризма и выработать пути снижения террористической угрозы возможно лишь в рамках *комплексного, всестороннего, непредвзятого анализа* этого сложнейшего социального явления.

Исходным моментом такого анализа является построение теоретических моделей терроризма. Для этого нами проведено специальное констатирующее исследование.

Целью исследования ставилось построение теоретических моделей терроризма.

Для достижения этой цели было осуществлено эмпирическое исследование научных трудов и аналитических материалов, посвященных изучению

¹Начальник кафедры психологии Военного университета Министерства обороны РФ, полковник, доктор психологических наук, профессор.

психологических аспектов анализируемого социального явления ($n = 52$).

Методом исследования избран контент-анализ. С помощью экспертов (9 психологов силовых структур) были выделены смысловые связки: «причины терроризма», «факторы терроризма», «цели терроризма», «методы терроризма», «формы терроризма», «виды терроризма», «принципы терроризма», «рекрутирование террористов», «подготовка террористов», «типы террористов», совокупность которых описывает теоретическую модель терроризма. Перечисленные смысловые связки избраны нами в качестве *единиц анализа*.

Результатом контент-анализа стало выделение четырех качественно различающихся видов терроризма, которые условно можно характеризовать как: силы, стремящиеся сохранить доминирование в мире; силы, стремящиеся к доминированию в мире; силы, стремящиеся сохранить доминирование в мире; сепаратистские силы; силы, пытающиеся сохранить свою культуру и образ жизни в глобализирующемся мире. Рассмотрим их в последовательности, отражающей снижение их реальной воплощенности в жизнедеятельности человеческого сообщества.

1. *Силы, стремящиеся сохранить доминирование в мире*. К этой категории относится множество различных социальных групп и государственных элит. Но, в первую очередь она олицетворяется США (и практически неотрывной от них Великобританией).

США переживает один из самых трагических системных кризисов в своей истории. Крах «великой» американской экономики уже сегодня привел к утрате статуса единственной сверхдержавы, вершителя судеб мира. Впереди маячат угрозы не только экономических, но и социальных потрясений.

Президент России Д.А. Медведев поставил своеобразный «диагноз» текущему состоянию США — они утратили единоличное господство в мировой экономике. Осознавая это, Америка судорожно ищет сферы, в которых может сохранить мировое лидерство. Такой сферой, по-видимому, избран терроризм.

В социальной психологии известен закон, в соответствии с которым статус субъекта деятельности повышается вместе с повышением статуса этой деятельности.

Для того, что сохранить статус великой державы, главного борца с терроризмом, США стремятся максимально масштабировать, демонизировать, мифологизировать терроризм, сформировать в общественном сознании его образ, как мирового спрута, единой мировой паутины, силы, перед которой несостоятельны государства и мировое сообщество. На эту цель призваны работать созданные американцами мифы о Бен Ладене и Аль Каиде.

Одновременно США ведут деятельность по реальной активизации террористических организаций вдали от своих границ. В последнее время они даже не утруждают себя проведением «операций прикрытия». В 2007 году 59 неправительственных (чаще всего работающих под эгидой спецслужб)

организаций в США и Европе поддерживали террористов в Чеченской республике и на Кавказе. Следовательно, *путем вовлечения в террористическую деятельность* российских граждан может быть *деятельность неправительственных организаций*.

Резкий рост количества анонимных террористических актов указывает на то, что их организатор скрывается от общественности, не желает приобретать имидж «борца за веру», «шахида», «моджахеда». Это позволяет говорить о появлении нового у террористов «почерка». Этот почерк явно не исламского происхождения.

После того, как мир узнал о сотнях миллиардах фальшивых (не обеспеченных) долларах, вброшенных США в мировую экономику и поставивших ее на грань катастрофы, многие другие американские акции сложились в целостную картину. Эта картина дает вполне конкретный портрет американской политики и способов ее осуществления, в которых обнаруживается террористический почерк: фабрикация событий в Тонкинском заливе — агрессия во Вьетнам; создание виртуального Бен Ладена и Аль Каиды, «странные» события 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке — агрессия в Афганистан; фабрикация информации о разработке в Ираке оружия массового поражения — агрессия в Ирак; инициация агрессии Грузии в Южную Осетию — ввод боевых кораблей в Черное море, начало строительства боевой инфраструктуры на грузинской территории; создание симулякра межконтинентальных баллистических ракет Ирана — строительство стратегической боевой инфраструктуры вокруг границ России.

Таким образом, в политике США очевидно просматриваются действия, указывающие на их причастность к терроризму.

2. Сепаратистские силы. Сепаратистские силы представлены постоянно нарождающимися элитами полиэтнических государств и государственных образований в рамках федераций, ищущих доступ к самостоятельной политической власти и экономическому «пирогу». Активность этим силам придает стремление к материальному обогащению и, главным образом, пресловутый «синдром Герострата» (любым путем состояться как «личность планетарного масштаба», «войти в историю»).

Главная цель террористов-сепаратистов состоит в том, чтобы: 1) посредством страха убедить население государства-федерации в том, что лучший способ избавиться от смертельной угрозы — дать сепаратистам самостоятельность и 2) вызвав неадекватную реакцию (чаще всего военную) со стороны федералов, вызвать страх у своего народа и усиление стремления к сепаратизму.

Объектами терроризма являются не убитые, а живые люди, те, кто испытывают страх. Порождаемый терроризмом эффект распространяется с помощью механизмов психологического воздействия. Главное средство терроризма — воздействие на чувства больших масс людей, устрашение населения, создание невротического страха, провокации и усиления психотических реакций, утрата людьми таких базовых понятий, как «цель жизни», «смысл жизни», «жизненные ценности» (Бердникова Ю.Л., 2004).

Террористы рассматривают борьбу за умы масс и проникновение в гражданское общество в качестве приоритетной задачи. Создается система «клонирования» террористов посредством СМИ, Интернета, учреждения религиозного культа, лагеря подготовки террористов. Отмечается активная вербовка новых террористических рекрутов и консолидация террористов (Орлов В.И., 2008). При этом используются следующие «каналы» *рекрутирования* (Андреев В.В., 2008; Орлов В.И., 2008): киберпространство, тюрьмы, мечети, молодежные организации, школы, диаспоры, члены семей погибших террористов.

В число террористов активно вовлекаются родственники преступников, погибших или пострадавших от антитеррористической деятельности.

Особенно ценными рекрутами для террористов являются молодые люди, прошедшие социализацию в «коллективистских» социализационных институтах, в обстановке «гашения» потребностей человека в самореализации. У таких людей может формироваться жизненная ориентация на «прорыв к обретению Я в смерти». Благодаря террору на минуты, часы, а то и дни, такой рекрут становится человеком планетарного масштаба, входит в поле мыслей и чувств миллиардов людей (Медведев В.А., 2004, с. 129). Этому способствует развитие общественного сознания в сторону десимволизации основных экзистенциалов. В результате появляется все больше людей, для которых смерть от старости является пустым, лишённым смысла событием, подобно выбрасыванию старой вещи в утиль. Напротив, случайная смерть («со смыслом»), наделяет ее символическим ореолом, позволяющим обострить переживание жизни (Савченкова Н.М., 2004, с. 96).

Поиск новых рекрутов активно ведется террористами в социальных слоях и группах, испытывающих выраженный недостаток ценностно-мотивационных подключений к социуму. Аналитики указывают на то, что в условиях вызревания и манифестации системного кризиса традиционной культуры одной из форм его купирования становится опора властвующей воли на роевые доминанты коллективной психики, на волю подавляющего большинства населения, что неизбежно порождает фоновое упрощение и нивелировку нюансов социодинамики. Появляющиеся при этом маргинальные группы населения (отдельные группы молодежи, старик, безработные, инвалиды и др.) практически исчезают с социального поля, социально умирают. В этом случае могут находиться желающие продемонстрировать в силовой форме свое несогласие с доминирующими социодинамическими тенденциями (см. Медведев В.А., 2004, с. 128–129).

Не менее важным источником рекрутирования террористов является группа людей с патологическими отклонениями в психике.

3. Силы, пытающиеся сохранить свою культуру и образ жизни в глобализирующемся мире. Анализируя эту ипостась терроризма, следует, прежде всего, исследователи отмечают, что террористические акты по существу представляют своеобразные «послания», «вопросы» и «ответ» мировому сообществу (Медведев В.А., Решетников М.М., 2004). Задача человечества — расшифровать и понять эти послания, вступить в диалог с их

авторами.

В этно-психологическом смысле террористы посредством страха пытаются заставить человеческое сообщество сменить национальный стандарт организации социальности на приоритет планетарных, общечеловеческих ценностей. Не насильственное распространение американской культуры и образа жизни, а созидание наднациональной, планетарной культуры.

Носители этого вида террористической идеологии стремятся полноценно и полноправно ассимилироваться в систему наднациональных доминант коллективной идентичности.

Некоторые форы террора могут рассматриваться как сигналы, привлекающие внимание человечества к реальным угрозам, от которых человечество беспечно отвлечлось (техногенные аварии, экологические опасности, наличие оружия массового поражения). Террор порождает боль и тем самым спасает нас, привлекая внимание к болезни. Он призывает нас измениться перед лицом угрозы планетарной катастрофы, объединить усилия в борьбе за выживание человечества (Медведев В.А., 2004, с. 124).

4. *Новые силы, стремящиеся к доминированию в мире.* Публикаций о «планетарных террористических организациях», «всемирных спрутах», «мировой террористической системы», в которые необоснованно объединяются такие мало совместимые образования, как «Аль Каида», «Красные кхмеры», «Аум Синрекё», «Ирландская республиканская армия», «Тигры освобождения Тамил Элама», «Исламское движение сопротивления ХАМАС», «Красные бригады» и др.

Поиск субъекта, которому необходимо формирование в мировом общественном сознании образа «непобедимого» терроризма, который «объявил войну России», методом исключения, снова выводит на США.

Проведенный анализ теоретических моделей терроризма выводит на понимание того, что бороться с терроризмом методом «отлавливания» террористов также бессмысленно, как противостоять наводнению путем простого вычерпывания воды (Медведев В.А., 2004, с. 113). Пока картины мира, образ жизни, жизненная позиция антитеррористических и террористических сил «прописаны» на разных языках, непонятны друг другу и несовместимы, существует тяга к принятию простых, как правило «винтовочных» способов взаимодействия между ними (Юрьев А.И., 2004, с. 70). Однако опыт показывает, что необходимо входить в контакт с тем, кто шлет нам свои послания напрямую или через посредников и выяснять, что они означают.

Профилактика терроризма с помощью социально-психологического инструментария

А. А. Кисельников¹

Терроризм в настоящее время стал крупной социальной проблемой, негативно влияющей на многие важные аспекты развития государства. Российская Федерация, столкнувшаяся в 90-е годы с прямой масштабной атакой международного терроризма, была вынуждена отразить эту атаку сначала военными средствами, а потом и начать систематическую работу по противодействию и профилактике терроризма и всеми другими, невоенными методами. В стратегической перспективе после снятия прямой военной угрозы целостности государства и прекращения масштабных боевых действий именно гуманитарные, а не силовые методы противодействия и профилактики терроризма приобретают решающее, определяющее успех значение. Метафорически эту борьбу можно назвать борьбой «за души, сердца и умы людей», и полем битвы является информационно-психологический континуум современного российского общества.

По определению Федерального закона от 06.03.2006 г. «О противодействии терроризму» профилактика терроризма является составной частью предупреждения терроризма, входящего в систему мер по противодействию терроризму. Пункт 4 статьи 3 этого закона определяет профилактику терроризма как «выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов». Сам терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» (пункт 1 статьи 3).

Современная психология и социальные науки могут предложить набор эффективных инструментов для профилактики терроризма, т. е. они могут разработать способы выявления и способы последующего устранения причин и условий, способствующих совершению террористических актов. Важно отметить, что профилактика терроризма может быть специфической и неспецифической. Неспецифическая профилактика терроризма предполагает такие превентивные действия, которые влияют на негативные факторы, *общие* у терроризма и других серьезных проблем современного об-

¹Кандидат психологических наук (факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова).

щества (например, ксенофобия, бедность). Специфическая профилактика терроризма предполагает влияние на такие негативные факторы, которые *специфически* присущи только терроризму (например, призывы к терроризму, размещенные в Интернете). Системная, комплексная профилактика терроризма, основанная на системном, научном понимании природы терроризма, обязательно должна включать и специфические, и неспецифические компоненты, причем в долгосрочно-стратегическом аспекте неспецифические компоненты должны быть строго приоритетны. Это связано с тем, что в стратегическом масштабе феномен терроризма следует рассматривать как результат *системного взаимодействия* определенных неспецифических провоцирующих вовлечение в террористическую деятельность факторов, имеющих фундаментальную, неспецифическую социально-экономическую и психологическую природу. Отсюда вытекает еще один важнейший аспект профилактики терроризма, который состоит в приоритетности влияния на *взаимодействие* провоцирующих терроризм факторов, их изоляцию друг от друга и лишение таким образом их действующей силы. В соответствии с этими замечаниями, система социально-психологических технологий выявления и устранения провоцирующих терроризм факторов может быть представлена в виде классификации, базирующейся на природе этих факторов.

Прежде всего, необходимы социально-психологические инструменты «выявления ... причин и условий, способствующих совершению террористических актов» (первая часть цитированного определения профилактики терроризма). Такое выявление можно понимать на двух уровнях — на уровне фундаментального научного анализа (выявление базовой структуры специфических и неспецифических факторов терроризма) и на уровне практики, на уровне текущего диагностического мониторинга — гибкого, оперативного, регионально-дифференцированного выявления этнических, конфессиональных, экономических, психологических, криминальных и других неспецифических и специфических (например, террористические настроения) провоцирующих терроризм напряжений и проблем в обществе. Здесь необходимо привлекать такие социально-психологические инструменты, как тестирование, опрос, интервьюирование и анкетирование, а также изучение в интересующих аспектах оперативной социальной, психологической, экономической, этнической региональной статистики. При грамотном применении такого рода диагностический социально-психологический инструментарий способен продемонстрировать самые слабые места превентивно-профилактической «антитеррористической инфраструктуры» общества (и региональных сообществ), что позволит сосредоточить основные усилия компетентных органов и гражданского общества именно на этих слабых местах.

Далее, необходимы социально-психологические инструменты «... устранения причин и условий, способствующих совершению террористических актов» (вторая часть цитированного определения профилактики терроризма). Устранение провоцирующих терроризм факторов с помощью социально-психологического инструментария предполагает активную, на-

учно продуманную и обоснованную работу по практической социально-психологической работе с основными группами риска по всем ключевым аспектам профилактики терроризма. Такой общей группой риска выступает группа подростков и молодежи. Эта возрастная группа наиболее чувствительна к пропаганде терроризма, имеет мало «иммунизирующих» к такой пропаганде личностных ресурсов. Эта общая группа риска разбивается далее на более дробные группы по этническому, экономическому, образовательным и другим критериям. Какие же конкретно инструменты можно использовать для прикладной социально-психологической работы с этими группами риска?

Во-первых, это специфические (в противовес неспецифическим) технологии «контрпропаганды» террористической пропаганды, в т. ч. антитеррористической социальной рекламы, ведущие к созданию устойчивой антитеррористической позиции у молодежи. Необходимо, чтобы молодой человек, или уже столкнувшийся с пропагандой террористов, ибо еще не столкнувшийся, но находящийся в группе риска для такого столкновения, имел в своем представлении (а особенно в бессознательных компонентах психики) яркий, живой эмоциональный идеологический образ антитеррористической направленности. Такого рода образ будет препятствовать проникновению в его психику вербовочной информации и даст ему грамотно сформулированную (контридеологами) альтернативную (относительно идеологии террористов) версию описания мира и необходимости борьбы террористическими средствами. Здесь необходимо использовать весь мощнейший социально-психологический аппарат создания эффективной рекламы, подробно разработанный в России за последние десятилетия. Очень важным аспектом такой рекламы является то, что внедряемая такой рекламой идеология должна быть конкурентоспособной, т. е. действительно отвечать важным потребностям человека — тем же, на какие «давит» пропаганда террористов, но более эффективно, безопасно и социально приемлемо. Важной частью формирования такой контридеологии должна стать широкоэвентуальная технология развенчивания истинных целей террористических лидеров в противовес декларируемым (в связи с их криминальной и криминально-экономической деятельностью), подчеркивания факта манипулирования исполнителями для достижения своих личных криминальных целей. Как проводника такой контридеологии надо использовать не только классические СМИ, но и интернет, который является важнейшим источником информации для молодого поколения, т. е. группы риска. Хочется еще раз подчеркнуть сложность, но вместе с тем настоятельную необходимость создание живой, действенной, творческой контридеологии, максимально отвечающей реальной психологии реальных людей.

Во-вторых, необходимо активно использовать социально-психологические инструменты для профилактики распространения агрессивных, «политических» прочтений базовых постулатов мировых религий, т. к. эти агрессивно-архаические прочтения все больше и больше становятся главной идеологической опорой террористов. Необходимо вести работу по всемерному подчеркиванию человеколюбивых, гумани-

стических, мирных интерпретаций этих постулатов, всеми средствами дискредитировать попытки «вычитать» из этих постулатов призывы к насилию. Следует создавать социальные каналы коммуникации между разными религиями внутри российского общества, наводить «психологические мосты» между ними, формировать и широковещательно распространять *единую* позицию высшего духовенства всех конфессий об отрицании идеологии насилия. Этот компонент социально-психологической работы высокоспецифичен к профилактике именно терроризма, хотя очень полезен и для общего социального здоровья.

В-третьих, социально-психологическими методами необходимо вести активную работу по профилактике экстремизма и ксенофобии, развитию толерантности. Эта работа осуществляется, в частности, в виде проведения социально-психологических тренингов толерантности у подростков и молодежи из группы риска, в ходе которых вырабатывается терпимость к отличному от человека другому, снимаются национальные и религиозные предрассудки. Хотя этот вид работы прямо не специфичен по отношению к терроризму, такая работа уменьшает агрессивный потенциал общей экстремистко-криминальной среды, из которой выходят и экстремисты, и террористы, и «обычные» преступники. Социально-психологический тренинг толерантности как неспецифическая превентивная процедура профилактики терроризма очень эффективен и нуждается в дальнейшем активном внедрении, прежде всего, в деятельность массовой общеобразовательной школы России.

В-четвертых, социальная психология, историческая психология, психология религии, этнопсихология могут предложить эффективные технологии конструирования малоконфликтной, позитивной исторической памяти, прежде всего в этническом и религиозном аспектах. Одним из ресурсов современного терроризма в России является память о многочисленных острых межнациональных, а также межконфессиональных конфликтах в истории России. Террористы могут эксплуатировать эту память, разжигать в душе вербуемого огонь как старых, так и недавних исторических конфликтов и обид, и на этих чувствах рекрутируют в свои ряды. Социально-психологические технологии пропаганды дружбы народов России, тренингов по разрядке конфликтного потенциала субъективно присвоенной памяти об истории своего народа внутри России, межрегиональные, межнациональные и межконфессиональные молодежные фестивали самой разной направленности могут ослабить этот важный фактор, провоцирующий вовлечение в терроризм.

И, наконец, еще одним типом социально-психологических инструментов по профилактике терроризма являются психофизиологические методы и средства. Одной из неспецифических причин терроризма является хронический патологический стресс (дистресс), радикально снизивший общее социальное и физическое здоровье нации в 90-х годах. Этот общий неспецифический фактор пагубно влиял и влияет на «неиммунизированные» против пропаганды терроризма группы риска, уничтожая необходимые для противостояния этой пропаганде ресурсы личности. Современная психофизио-

логия предоставляет эффективные средства управления уровнем стресса с помощью метода биологической обратной связи. Тренинг по принципу биологической обратной связи позволяет человеку овладеть способами саморегуляции своего функционального состояния и эффективно противостоять стрессу, повышая таким образом свою жизнестойкость и давая ресурсы противостоять негативным влияниям.

Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что развертывание практической работы по профилактике терроризма социально-психологическими методами является необходимым условием общей успешности противодействия терроризму в современной России.

Образ террориста в сознании молодых людей

Н. В. Кожина¹

Целью настоящего исследования стали особенности образа террориста, сформировавшегося в сознании молодых людей.

В опросе приняли участие молодые люди. Всего 171 человек: 31 человек — представители мужского пола, 131 человек — представители женского пола. Не указали своей половой принадлежности 9 респондентов. Средний возраст участников исследования составил от 17 лет до 21 года. Уровень образования респондентов, в основном, незаконченное высшее (143 человека), 5 человек с высшим образованием и 14 человек указали в анкете, что имеют среднее образование.

В исследовании были использованы следующие методики:

- Методика «Незаконченные предложения», касающиеся феномена терроризма и связанных с ним страхов.
- Методика «Суждения», содержащая десять вопросов о терроризме с двумя вариантами ответов в каждом.
- Рисуночный тест, в котором испытуемому предлагалось нарисовать изображение, которое, по его мнению, означает терроризм.
- Методика «Причины», в которой респонденту предлагалось указать 10 причин, по которой люди становятся террористами и проранжировать эти причины по степени важности.
- Методика «Семантический дифференциал», в рамках которой испытуемому предлагалось прошкалировать образ себя, образ героя и образ террориста по двенадцати характеристикам.

Также испытуемому предлагалось письменно ответить на вопрос, что на его взгляд не делается, но должно делаться, чтобы покончить с терроризмом.

В настоящей работе нам важно было проанализировать лишь некоторые аспекты представленности образа террориста в сознании молодых людей, поэтому результаты обработки и анализа ряда методик мы приведём не полностью. Осветим лишь пункты, значимые, с нашей точки зрения, для понимания представленности образа террориста в сознании респондентов.

¹Аспирант факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

Так, из методики «Незаконченные предложения» нами были выбраны два пункта, имеющие отношение к образу террориста. В первом пункте респонденту предлагалось закончить фразу «Террористы бывают ...». Самым популярным ответом на это предложение оказалась фраза «Террористы бывают разные». В качестве различий между террористами респонденты указывали такие признаки как национальность, пол, возраст, вероисповедание, поведение и намерения. Некоторые ответившие поделили всех террористов на заказчиков и исполнителей, наёмных и идейных, смертников и тех, кто после совершения терактов выживают, борющихся за идею и беспринципных. Многие участники опроса указывали в этом пункте, что террористы бывают очень жестокими, безжалостными и беспощадными, психически больными и неуравновешенными, то есть в качестве характеристики террористов указывали их личностные черты, особенности их психической жизни и характера.

В этой связи интересно проанализировать, кто, по мнению опрошенных, был первым террористом. Поэтому вторым пунктом, выбранным из методики «Незаконченные предложения» стала фраза «Первым террористом был ...» Характерно, что самый распространенный ответ на этот вопрос — Усама Бен Ладен. Причём, респонденты тут же честно добавляют, что на самом деле просто не знают больше никаких террористов, поэтому не могут назвать никого другого, либо говорят, что считают Усаму Бен Ладена самым главным террористом, и в этом плане, на их взгляд, о нём можно говорить как о первом. Вторым по популярности первым террористом в результате применения этой методики оказался Герострат, а третье место «в рейтинге» самых первых террористов поделили Саддам Хусейн и Гитлер.

Из методики «Суждения» для создания представления об образе террориста в сознании молодёжи нами был выбран вопрос, предлагающий выбор из двух вариантов ответов:

1. Все арабы потенциальные террористы.
2. Далеко не все арабы участвуют в террористических операциях или же одобряют их.

Показательно, что 89% процентов опрошенных выбрали второй вариант ответа, но при этом остаётся непонятым, на каком основании 11% опрошенных (немалое количество) считают, что все арабы потенциальные террористы. Природу этого убеждения нам хотелось бы исследовать в следующих работах.

Кстати, в рисуночном тесте многие испытуемые изображали террористов в чалме и с бородой, что, по всей видимости, может являться результатом влияния широко распространённого мнения, что арабские страны — источник всего мирового терроризма.

При анализе главных причин, по которым (с точки зрения респондентов) люди становятся террористами, на первое место большинство опрошенных поставили политику и религию, а именно, политические и рели-

гиозные взгляды террористов, такие как религиозный фанатизм, экстремизм, национализм, извращённое понимание патриотизма и нестабильная ситуация в стране. В качестве других важных причин, влияющих на формирование террориста, респонденты указали жажду власти и жажду наживы. Также важными факторами, подталкивающими человека к террористической деятельности, по мнению респондентов, являются личностные особенности потенциального террориста, такие как психические расстройства, различные патологии характера, комплекс неполноценности, повышенные агрессивность и жестокость. Нередко в качестве одной из причин, толкающей человека на совершение террористического акта, указывалась жажда мести, озлобленность на весь мир, возникающая в результате неустroенности жизни или краха жизненных целей и ценностей, например, из-за потери дома или семьи. В частности, среди причин, по которым люди становятся террористами, респондентами были названы детские травмы и неблагополучие в семье. Наряду с этим некоторые респонденты указывали в качестве причины осуществления террористической деятельности подверженность чужому влиянию (гипноз, зомбирование), наркоманию и алкоголизм. Таким образом, можно подытожить, что в качестве причин, по которым люди становятся террористами, респонденты указывали неустroенность жизни, психические расстройства и расстройства характера, а также подверженность чужому влиянию.

Не удивительно поэтому, что в качестве основного средства борьбы с терроризмом участники опроса чаще всего называли повышение уровня жизни общества, обеспечение экономического и политического равенства между государствами и отдельно взятыми людьми, развитие толерантности, веротерпимости и доброжелательности друг к другу всех людей.

Наиболее информативной с точки зрения знаний об образе террориста является, на наш взгляд, методика «Семантический дифференциал». Результаты применения этой методики представлены в таблице 1. Из этой таблицы видно, что, в целом, герой воспринимается более позитивно по сравнению с образом самого респондента. «Герой» имеет тенденцию оцениваться как хороший, сильный, активный, светлый, большой, быстрый и добрый. Однако оценки образа «Героя» не сильно выше, чем оценки респондентом самого себя.

Приближенность образа «Героя» к образу самого респондента, возможно, связана с произошедшем изменением понятия «героя». Героем современные молодые люди предпочитают называть не только человека, совершившего подвиг и позитивного во всех отношениях, но и любого литературного персонажа или киногероя. Следовательно, происходит «размывание», распространение понятия «герой» на области, не связанные с героизмом как таковым в традиционном понимании этого слова, то есть происходит приближение образа героя к образу реального человека, что и отразилось в результатах нашего исследования.

Похожая ситуация наблюдается с образом «Террориста». В оценках террориста нет крайних значений, что, на наш взгляд, говорит о некоторой «сглаженности» этого образа в сознании опрошенных людей. Таким «сгла-

Таблица 1:

№	Качества	Я сам	Герой	Террорист
1	Плохой/Хороший	2	2	-2
2	Слабый/Сильный	1	2	-1
3	Пассивный/Активный	1	2	1
4	Тёмный/Светлый	1	2	-2
5	Маленький/Большой	0	2	0
6	Медленный/Быстрый	1	2	1
7	Некрасивый/Красивый	2	1	-1
8	Тяжёлый/Лёгкий	1	0,5	-1
9	Холодный/Горячий	1	1	-1
10	Злой/Добрый	2	2	-2
11	Толстый/Тонкий	1	0	0
12	Угловатый/Округлый	0	0	-1

женным» образ террориста является, возможно, потому, что люди видят в террористе, в первую очередь, реального человека, попавшего в невыносимые жизненные обстоятельства и из-за этого ожесточившегося или человека, подвергнувшегося чужому дурному влиянию, о чём было сказано выше при анализе причин, по которым люди становятся террористами.

Итак, проведённое исследование и его предварительный, поверхностный анализ позволили выявить некоторые особенности представленности образа террориста в сознании молодых людей, а также наметило некоторые тенденции дальнейшего изучения феномена терроризма. В будущем нами планируется провести более детальный и разносторонний анализ полученных в этом исследовании данных, а также сравнить результаты этого исследования с результатами аналогичных исследований, проведённых в различных городах России и ближнего зарубежья.

Проблема выявления причин формирования террористов: историческая перспектива

А. Е. Раевский¹

Необходимо признать, что мир недавно столкнулся с угрозой, все отчетливее приобретающей глобальный характер и требующей адекватного противодействия: речь идет о терроризме.

За последние четыре десятилетия было предпринято немало попыток психологических исследований и анализов в поисках личности террориста. В начале 1970-х годов, в частности, существовало убеждение, что террористы страдают от расстройств личности и что в обычной террористической группе существует высокое число психопатов и параноиков [1]. В то время считалось, что только психически нездоровые люди были способны на те жестокие террористические акты, которые совершались в то время террористическими организациями.

Однако при тщательном рассмотрении подобных теорий можно проследить следующую закономерность: авторы, предполагающие, что террористы — психически нездоровые люди, сами имели меньше контактов с самими террористами. Важным является тот факт, что свои суждения они выстраивали на основе вторичных источников. Исследователи, считающие, что террористы не являются психически нездоровыми людьми, напротив, имели с ними прямой контакт, и реальность непосредственного контакта убрала обнадеживающие свидетельства психических расстройств, которые могли еще быть [2]. Выяснилось, что терроризм нельзя объяснить такими понятиями.

Одна из первых масштабных попыток классифицировать причины, привлекающие человека в террористическую организацию, была предпринята в 1999 г. американскими психологами под эгидой Федерального Исследовательского Отдела США. Авторы и составители [3] выделили три основные гипотезы появления террористов: фрустрации-агрессии, негативной идентичности и нарциссической ярости.

К недостаткам вышеупомянутой работы можно отнести однобокий взгляд на проблему, что подтверждается следующими тезисами о мотивации потенциальных террористов: «Люди, которые становятся террористами, чаще всего — не имеют работы, это индивиды, выпавшие из общества. Люди с недостатком образования, как, например, молодежь в алжирских

¹Аспирант факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: a.raevskiy@gmail.com.

гетто или Секторе Газа, вступают в террористическую группировку от скуки, от желания получить полную приключений жизнь. Некоторыми руководит их желание применить свои навыки, например, умение изготавливать бомбы» [3, 18]).

Заслуживающей внимание теорией о причинах вовлечения в терроризм является, на наш взгляд, теория «лестницы к терроризму» американского психолога Могаддама. Он представляет путь к террористическому акту в виде здания, каждый этаж которого является новой ступенью мотивации террориста.

Подземным этажом является психологическая трактовка условий жизни, самое важное на нем — это ощущение несправедливости или лишения, что называется депривацией.

Люди, недовольные своей жизнью, переходят на *первый этаж*, где ищут возможность бороться с несправедливостью. Здесь важен психологический фактор стремления к правосудию, а также разочарования, если его не удается добиться.

Второй этаж — это вымещение агрессии; оно происходит, как правило, при межгрупповом взаимодействии и связано с тем, что лидеры групп могут направлять негативные эмоции, скапливающиеся внутри группы, за ее пределы.

Крайне важен *третий этаж*, на котором в будущего террориста закладывается установка, согласно которой несправедливо именно общество, а террористическая организация преследует благородные цели, — а не наоборот. Именно моральное оправдание террористических действий направляет людей далее, к совершению террористических актов.

На *четвертом этаже* имеет место социальная категоризация — крайне эффективный психологический процесс, приводящий к обособлению группы и дискриминации людей, находящихся вне нее. Категорическое видение мира по модели «мы против них» является одним из главных признаков террористической организации и людей, привлеченных ей [4].

Пятый — и самый верхний — *этаж* описываемого в теории здания — это сам террористический акт и возможность психологически дистанцироваться от жертв, пока не включились сдерживающие механизмы, ограничивающие агрессию [6].

Таким образом, можно говорить о том, что психологическая наука сделала шаг вперед в установлении причин формирования террористов: если несколько десятилетий назад ученые говорили о психической неадекватности террористов, что не столько решало проблему, сколько отстранялось от ее решения, то впоследствии были обнаружены более объективные психологические механизмы, объясняющие появление террористов.

Литература

- [1] Cooper H. H. A. *What is a Terrorist: a Psychological Perspective*. Legal Medical Quarterly, 1, 16–32, 1977.

- [2] Crenshaw M. *The Causes of Terrorism*. Corporative politics, 13, 379–399, 1981.
- [3] Hudson R., Majeska M. *The Sociology and Psychology of Terrorism: Who Becomes a Terrorist and Why*. Washington, D.C.: Library of Congress, 1999.
- [4] Taylor M. *The Terrorist*. London: Brassey's, 1988.
- [5] Moghaddam F. M. *The Staircase to Terrorism: a Psychological Exploration*. In: Psychology of Terrorism (Editors: Lisa M. Brown, Philip G. Zimbardo), Oxford University Press, 69–81, 2007.
- [6] Lorenz K. *On Aggression*. New York: Harcourt, 1966.

Особенности представлений об экстремизме у молодежи

А. М. Рикель¹

Развитие любой науки, согласно М.Г. Ярошевскому, движется не только благодаря логике построения и смены концепций и личностным вкладам отдельных великих ученых, но и благодаря социальному контексту.

Этот постулат особенно важен в изучении явлений, которые зарождаются в обществе и имеют сугубо социальные причины. К таким явлениям мы можем отнести и явление экстремизма — пагубную социальную болезнь, серьезно поразившую мировое сообщество именно в последние годы. Впрочем, зачатки проявлений экстремизма появились вместе с появлением человека. Однако, интерес у научного сообщества к этому явлению был вызван именно резким скачком его различных проявлений, произошедшим в последние десятилетия.

Сам феномен экстремизма может быть проанализирован концептуальными аппаратами и теориями очень многих наук (юриспруденция, криминалистика, социология, философия, психология). Социологи определяют экстремизм как «приверженность к крайним взглядам и мерам», и с этой точки зрения представляется интересным понятие, насколько представления простых обывателей, которые, впрочем, и составляют все общество и, соответственно, диктуют многие социальные векторы развития, совпадают с научным наполнением этого феномена. Проще говоря, как среднестатистический обыватель понимает слово «экстремизм», какими он видит его цели, и как он к ним относится? Можем ли мы провести параллель между воззрениями человека в этой области и, например, социально-психологической адаптацией, материальной обеспеченностью или полом? (именно эти факторы были отобраны нами для нашего исследования, т. к. оказались нам субъективно значимыми).

В поиске ответов на эти вопросы мы обратились к теории социальных представлений С. Московиси, в рамках которой нами была разработана специальная анкета, нацеленная на выявление представлений об экстремизме. Для выявления уровня социально-психологической адаптации респондентам предлагалось заполнить опросник СПА Р.Даймонда — К.Роджерса. В качестве респондентов в исследовании выступило около 200 студентов различных московских ВУЗов, что объясняется важностью для нас мнения людей, которые уже через несколько лет наиболее вероятно будет влиять

¹Студент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
E-mail: sasharikel@yandex.ru.

на самые важные общественные процессы в стране.

Отсутствие понятийной четкости и разнонаправленность явления воплотились в том факте, что по различным научным критериям можно констатировать, что социальные представления об экстремизме находятся лишь на стадии зарождения.

Однако можно с уверенностью сказать, что в ядро социального представления входит понятие терроризма (до 85% упоминаний как в виде самого термина, так и в виде его конкретных проявлений — терактов, взрывов, захватов заложников). Менее устойчивые элементы ядра — это понятия национализма и религиозного экстремизма (по некоторым вопросам представление о проявлениях национализма как об экстремизме поддерживали лишь 50–60% респондентов). В «целевую» часть ядра представления также входят такие сугубо политические цели как захват власти, изменение существующих порядков, привлечение внимания и пр. К характеристикам экстремизма чаще всего относят такие его стороны как агрессивность, жестокость и радикальность. По мнению абсолютного большинства респондентов (более 75%), экстремизм также не имеет пола, национальности или вероисповедания, и также не существует «хорошего» экстремизма.

Примечательно, что на периферии социальных представлений остается явление вандализма (иррациональный экстремизм), а также экстремизм, основанный на мировоззрениях (протесты, несанкционированные митинги, отстаивание ущемленных прав).

В целом можно подтвердить, что для абсолютного большинства респондентов экстремизм остается сугубо негативным явлением, однако необходимо отметить, что психологическая наполненность этого термина гораздо уже юридической, т. е. обыватели склонны приписывать экстремизму лишь наиболее масштабные и деструктивные его проявления, оставляя на периферии менее физически разрушительные, но не менее угрожающие его формы. Любопытно также отметить, что небольшой процент реакций, несущих положительное отношение к явлению экстремизма, отчасти объясняется абсолютно неправильным пониманием терминологии. Порядка 5% респондентов приписывали экстремизму черты рискованности, азартности, а видами экстремизма называли увлечения сноубордом или прыжками с парашютом. Этот факт лишний раз подтверждает несформированность данного представления.

Связь фактора пола и представлений об экстремизме проявилась в большей толерантности к данному феномену у девушек, которые были склонны видеть наполненность этого термина более широкой. Как следствие, девушки чаще молодых людей оправдывали экстремистов и их действия.

Связь фактора материальной обеспеченности и социальных представлений проявилась в более дифференцированном и значительно более отрицательном отношении к экстремизму у представителей более состоятельной части нашего общества. «Богатые» респонденты чаще воспроизводили негативные ассоциации и гораздо больше называли его криминальные проявления.

Связь параметров социально-психологической адаптации и социальных

представлений об экстремизме проявилась, в частности, в следующих корреляциях. Респонденты с низким уровнем приятия других и с низким уровнем адаптации «мыслили» менее дифференцированно, чаще называя конкретную атрибутику экстремизма (оружие) или имена конкретных экстремистов (вместо упоминания абстрактно-логических терминов и понятий). Приблизительно схожие тенденции мы можем наблюдать и на примере эскапизма, когда более высокие баллы по этой шкале свидетельствовали в пользу большей образности восприятия феномена экстремизма, связанной с конкретными отрицательными проявлениями и атрибутами, а не с содержательной сутью понятия.

Влияние рассмотренных нами факторов способствовало неоднородности картины полученной структуры социального представления и большей разносторонности его периферической части, что в свою очередь способствовало более детальному социально-психологическому анализу явления.

Дальнейшие исследования призваны выявить более точную структуру социального представления путем использования комплексных методик, а также проверить гипотезу о связи структуры этого представления с другими психологическими и социологическими факторами.

Информация о терроризме в СМИ и изменение социальных установок

О. А. Тихомандрицкая

Средства массовой информации — один из важнейших институтов современного общества, призванный освещать ключевые политические события и транслировать политическую информацию, формируя общественное мнение. Современные СМИ осуществляют информационное воздействие на воззрения массовой аудитории об экономическом, политическом, социальном аспектах и об их роли в жизни общества.

Отношение к терроризму, как и к другим политическим явлениям и объектам, закрепляется, в частности, в социальных установках людей. СМИ, как один из важнейших источников информации о террористических актах и терроризме в целом, могут определенным образом формировать и изменять социальные установки своей аудитории. В зависимости от вида и способа подачи информации воздействие происходит на разные компоненты установки: на когнитивный компонент (на знания, представления, мнения о терроризме и террористах), на эмоциональный компонент (оценку и отношение к терроризму, террористическим актам, к террористам) и, наконец, поведенческий компонент (на намерения и действия в отношении к объектам, связанным с проблемой терроризма).

В проведенном исследовании изучалось воздействие на социальные установки людей, которое могут оказывать различные способы освещения террористических актов в СМИ. В исследовании приняли участие 92 респондента в возрасте 19–23 лет — потенциальная аудитория СМИ.

Для измерения различных составляющих установок были использованы следующие методики:

1. Когнитивная составляющая установки измерялась при помощи опросника, сконструированного на основе шкалы Лайкерта.
2. Эмоциональная составляющая установки измерялась при помощи цветового теста отношений (ЦТО) М.Эткинда.
3. Поведенческая составляющая установки измерялась при помощи метода незаконченных предложений.

В качестве стимульного материала были использованы видеосюжеты, транслируемые российскими СМИ о наиболее крупных терактах последних лет: теракт 11 сентября в США, захват школы Беслане и теракт в

«Норд-Осте». Процедура подбора стимульного материала проходила с помощью привлечения экспертов, которые определяли к какому способу воздействия — когнитивному или эмоциональному относится в большей степени каждый из выбранных видеороликов. Таким образом, изучалось, какое воздействие на установки на терроризм будут оказывать «когнитивно ориентированные» и «эмоционально ориентированные» видеосюжеты о совершенных террористических актах.

Результаты исследования показали, что наименьшее влияния оказывают на изменение всех компонентов социальных установок на терроризм «когнитивно ориентированные» сообщения. Эмоционально насыщенный материал оказал воздействие на когнитивную составляющую установок на терроризм как у мужчин, так и у женщин. Изменения в социальных установках в основном коснулись когнитивных суждений, которые так или иначе были связаны с резкой негативной оценкой образа террористов. Эмоциональный стимул так же сильнее влияет и на эмоциональную и на поведенческую составляющую установки на терроризм. После эмоционального воздействия увеличивается негативное отношение к терроризму. До предъявления стимульного материала понятие «терроризм» вызывал у респондентов враждебность и отвержение; агрессию, раздражительность и напряженность. После предъявления эмоционального стимульного материала наблюдалось резкое увеличение враждебности и отвержения терроризма. После демонстрации эмоциональных видеороликов о терроризме у людей возникала так же готовность изменять свое поведение в сторону соблюдения большей безопасности.

Таким образом, можно говорить о том, что эмоционально насыщенный материал о терроризме в СМИ, в отличие от «когнитивного», в большей степени воздействует на социальные установки аудитории, усиливая негативное отношение к терроризму и через эмоциональные переживания и через когнитивные составляющие социальной установки.

Психологические причины терроризма

А. Ш. Тхостов, К. Г. Сурнов

Психологически корректный ответ на вопрос, почему люди могут желать быть вовлеченными в террористическую деятельность, может содержать в себе некоторую часть ответа на вопрос, что они делают (или что им разрешают делать) в качестве террористов, и как они приобретают и сохраняют мотивационную вовлеченность в специфически террористических мероприятиях и действиях.

С основными детерминантами «корневых причин» терроризма обычно ассоциируются следующие явления:

1. Недостаток демократии, гражданских свобод и власти закона.
2. Находящееся в упадке или слабое государство.
3. Стремительная модернизация.
4. Экстремистская идеология светской или религиозной природы.
5. Исторический опыт политической жестокости, гражданских войн, революций, диктатуры или оккупации.
6. Гегемония и неравномерность, дисгармоничность силы.
7. Беззаконное или коррумпированное правительство.
8. Могущественные внешние силы, поддерживающие незаконные правительства.
9. Давление иностранной оккупации или колониальных режимов.
10. Опыт дискриминации по этнической или религиозной принадлежности.
11. Неуспех или нежелание государства интегрировать диссидентские группы или новые социальные классы.
12. Опыт социальной несправедливости.
13. Наличие харизматических идеологических лидеров.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-06-00596а «Социокультурные формы психической патологии».

14. События, играющие роль спускового механизма.

Вовлечение в терроризм следует рассматривать как сложный, мультифакторный процесс, в котором, как и в случае болезни организма, следует различать закономерно сменяющие друг друга стадии. Вовлечение в терроризм — это процесс чувствительный, помимо других обстоятельств, к стратегическим и психологическим факторам.

Существенное значение в формировании личности террориста в самом раннем, психологически еще невидимом, начале этого сложного процесса как правило имеет, так называемое, «событие-катализатор» — конкретное драматическое происшествие, связанное с вопиющим злоупотреблением, несправедливостью, безнаказанным злодейством, потерпевшим участником или свидетелем которого был будущий террорист. Раз за разом извлекаемое из памяти это событие служит аналогом химического катализатора, эффективно способствующего ходу процесса, в данном контексте — процесса формирования личности террориста через идентификацию себя с безвинно наказанными соплеменниками, сотоварищами по социальному классу, группой родственников (основа кровной мести) или с самим собой в качестве жертвы «очень плохих людей». В автобиографиях террористов отчетливо проявляется закономерность — по мере углубления стадии и степени вовлеченности в террор событие-катализатор становится все более ярким, страшным, драматическим, обрывается художественной и мистической конкретностью, которой оно не имело в такой степени при первых воспроизведениях в начале инициализации.

Сами террористы редко артикулируют, то есть словесно формулируют ответ на вопрос о соблазнительности, привлекательности и ожидании личных выгод, которые ассоциируются у них с принятием решения о вступлении в террористическое движение. Анализ ответов на эту группу вопросов обнаруживает, что в основе принятия личного решения лежат такие мотивы как обретение (переживание):

1. Силы, мощи.
2. Высокого статуса.
3. Чувства товарищества и надежной самоидентификации.
4. Наслаждения, почти наркотического «кайфа», сопровождающий радостное возбуждение от принятия новой роли и новой жизни.
5. Субъективного упрощения: бинарное расчленение мира: на врагов, не заслуживающих сочувствия и соратников, которым приписываются идеализированные свойства, придающего человеку чувство уверенности в правильности выбора жизненных целей.
6. Обожания и благоговения (инфантильного всемогущества) более широкого, чем до вступления в движение поддерживающего сообщества.

7. Прекращение забот о личном финансовом благополучии.

Часто выходящая на первый план в исследованиях, проводимых с помощью методик прямого опроса, значимость внешних сил и внешних обстоятельств в подталкивании, насильственном «вталкивании» субъекта в террор как способ существования, не является статистически значимой или имеет тенденцию к снижению значимости при применении более тонких методов психологического исследования. По существу, субъективное преувеличение значимости «непреодолимых внешних сил», «отсутствия выбора» свидетельствует лишь о надежной работе механизмов психологической защиты у подавляющего большинства членов террористических организаций. Среди этих психологических защит следует различать собственно индивидуальные и настойчиво организуемые извне с помощью пропаганды террора.

Часть исследователей, интересующихся глубинной мотивацией террористов, указывают на большое значение положительной привлекательности ощущения принадлежности к тайной могущественной организации, способствующее успешному решению задачи самоидентификации при сохранении самого высокого уровня самооценки. Эта мотивационная линия, восходящая к удовлетворению потребности в аффилиации, имеет архетипический, почти инстинктивный базис и поэтому является очень глубокой и мощной. При рассмотрении подобных глубинных мотивационных основ вовлечения в террор нередко используется понятие «соблазн». Именно соблазны следует рассматривать как основные источники субъективной привлекательности терроризма. Они могут быть многочисленными и в какой-то степени индивидуализированными, но имеют единую психологическую сущность — когнитивно простое, быстрое и эффективное решение (зачастую иллюзорно-компенсаторное) обычно труднорешаемых жизненных задач.

Рекрутирование в герои производится с огромным уважением. Избранные для совершения смертного подвига питаются, одеваются, снабжаются деньгами, жильем и другими средствами, ассоциирующимися с высоким качеством жизни, лучше, чем обыкновенные члены организации. Специальные литературные и живописные произведения красочно изображают и прославляют триумф и счастливую жизнь в раю совершивших свой подвиг бомбистов. Сильнейшим катализирующим моментом процесса социализации в террористической организации и стимулом ко все более экстремальному поведению является для начинающего террориста чувство одобрения этого поведения и соответствующей личностной позиции со стороны других, кроме непосредственных руководителей и товарищей по борьбе, значимых для него людей, не связанных напрямую с деятельностью террористической организации, — родственники, соседи, знатные соплеменники. Эта поддержка является столь мощной, что даже ушибы, раны и другие повреждения, получаемые в ходе борьбы, рассматриваются не как ущерб, а как своеобразные ордена славы, знаки почета.

Таким образом, процесс вовлечения субъекта в террористическую деятельность, при всем кажущемся разнообразии конкретных случаев, имеет

общую психологическую структуру, проходит ряд закономерных, общих для всех случаев стадий, подобных ступеням лестницы, предусмотрительно устроенной так, что по ней гораздо легче идти лишь в одном направлении. Тенденция гуманистически настроенной общественности объяснять вовлечение в терроризм индивидуальными драмами и масштабными трагическими событиями затеняет, мешает видеть эту важнейшую психологическую характеристику процесса. Подобная же «лестница» — череда рассчитанных до шага последовательных поступков и необходимых действий, совершение каждого из которых углубляет вовлеченность рекрута в террор и затрудняет обратный путь, ожидает страждущего и после официального вступления в организацию. Таким образом, терроризм имеет как свою методологию, так и методику, обеспечивающую приведение к единому нормативному статусу относительно разнообразный исходный материал. Процесс вовлечения зачастую бывает медленным, плавным, подробно и тщательно рассчитанным, градуированным, так, что во многих случаях трудно определить, является ли уже тот или иной субъект действительным членом террористической организации или должен быть охарактеризован лишь как «сочувствующий» или невольный помощник. — Идеология «многожества маленьких шагов» дает более надежный результат, чем вербовка методами резкого, стрессогенного воздействия на личность, аналогичными знаменитому «методу взрыва», разработанному А.С.Макаренко, и в различных вариантах применяемыми и по сей день, в том числе и террористами.

Наиболее перспективными для психологического исследования можно рассматривать следующие направления:

1. Индивидуальный опыт, характер и степень воздействия релевантных контексту процесса вовлечения в террор предшествующих событий (например, возможно, что опыт бросания камней в полицейских или в представителей других официальных служб безопасности служит основой формирования чувственной ткани состояния протеста и накопления опыта соответствующих переживаний, в том числе и на эмоциональном уровне (через испуг, радостное возбуждение и т. д.), степень предшествующей энергичным действиям осведомленности и понимания конфликтных ситуаций и их подоплеки, сила воздействия на индивида соблазнов, сопутствующих размышлениям о возможности более активного включения в террористическую деятельность).
2. Специфика релевантного процессу раннего опыта (личный опыт пребывания в роли жертвы, пострадавшей от руки служб безопасности, или восприятие себя в качестве жертвы через идентификацию себя с группой или сообществом, подвергшимся гонениям и преследованиям могущественных враждебных сил).
3. Структура и влияние общественного мнения внутри релевантной группы, в том числе в отношении возможных последствий вступления в организацию, т. е. соотнесение возможности такого

поступка с системой ценностей, разделяемых данным сообществом (например, внутри сообщества особым уважением и почетом могут пользоваться люди, имеющие и применяющие оружие).

4. Специфика социализации в более взрослом возрасте, которая может как способствовать, так и препятствовать, затруднять вовлекаемость, личностную готовность индивида к террористической деятельности (например, многие террористы-смертники оказываются неженатыми мужчинами в возрасте 17–22 лет. У них нет ни обязательств перед семьей, ни ответственности, ни горечи расставания с родными, потому что у них нет семьи. Это обстоятельство, при прочих равных условиях, облегчает задачу вербовщиков).
5. Чувство неудовлетворенности, утраты иллюзий, неприятие собственной персоны или актуальной системы активности. Это свойство часто интерпретируется аналитиками как следствие особого личностного дефекта, особой уязвимости, ранимости. Но в контексте данного дискурса, возможно, более полезно рассматривать стойкую неудовлетворенность как признак, делающий индивида более открытым для влияния, воздействия извне, задающего его личности движение в каком-либо направлении, но только прочь от актуального неудовлетворительного статуса. Этим направлением движения легко может оказаться постепенное, все более глубокое погружение в террор.
6. Соревнование воздействующих на психику индивида альтернатив и возможностей жизненной перспективы при движении *к* или *от* более глубокого погружения в образ жизни члена тайной боевой организации. Например, обязанности членства, которые индивид должен будет выполнять, всегда будут зависеть от лидера, формирующего внутри организации не только распределение ролей, но и психологический климат, который может оказаться невыносимо суровым или непредсказуемо переменчивым. С другой стороны, действует и страх возможных обвинений и преследования со стороны служб безопасности, и этот страх может предостеречь некоторых от дальнейшего развития нелегальной активности и положить предел их включенности в эту активность на определенном рубеже. В общем, могут действовать очень многие факторы, включая предшествующий опыт и особенности социализации, которые могут быть закономерно транслированы в страх потери работы, личной семьи, ареста источников дохода и т. п.

Методологические основы построения классификаций в исследованиях по проблемам безопасности и противодействия терроризму

Р. С. Шилко¹

Проблема классификации является одной из наиболее сложных и в то же время актуальных методологических проблем современной науки. Обсуждению проблемы классификации в философии, методологии и истории науки посвящаются многочисленные исследования, публикации, конференции. Можно считать общепринятым положение о том, что классификация — важный элемент человеческой деятельности вообще и научной деятельности в частности. Стремление эффективно управлять процессом построения классификаций породило осознание необходимости разработки специальной теории классификации, а, следовательно, и разработки методологических проблем ее построения. Выделяемые в настоящее время параметры хороших классификаций — устойчивость, возможность делать экстраполяции, эвристическая сила — ориентированы на длительное опробование классификаций и потому не могут быть использованы для немедленной оценки классификации.

Термин «классификация» (лат. *classis* — разряд, *facio* — делаю) имеет, по крайней мере, три разных значения:

- 1) процедура построения классификации;
- 2) построенная классификация;
- 3) процедура использования построенной классификации.

В Большой советской энциклопедии классификация определяется как логическая операция, состоящая в разделении изучаемого множества предметов по обнаруженным сходствам и различиям на отдельные группы или подчиненные множества, называемые классами, т. е. характеризуется как процесс, а также как система соподчиненных понятий (классов объектов) какой-либо области знания или деятельности человека, т. е. как полученный результат, как некоторая статическая структура.

¹Кандидат психологических наук, доцент факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: shilko@psy.msu.ru.

Под классификацией также понимается система соподчиненных понятий (классов объектов) какой-либо области знания или деятельности человека, часто представляемая в виде различных по форме схем (таблиц) и используемая как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов, а также для точной ориентировки в многообразии понятий или соответствующих объектов.

Очевидно, что приведенные определения построены и по структурному, и по функциональному принципам: классификация рассматривается и через указание на существенные признаки ее структуры, и через описание ее наиболее важных функций.

Для различения классификации как процесса и как результата обычно употребляются два термина: «классифицирование» и «классификация».

Классифицирование (т. е. процесс) — это, прежде всего, приведение некоторой предметной области в систему, установление отношений родства между этими объектами и их группировка в классификационные ячейки — таксоны — по степени родства. Классификация (т. е. результат) — это сетка таксонов различного ранга, в которой находит свое место любой объект из рассматриваемой предметной области.

Встречаются следующие формулировки процедуры классифицирования:

- «деление понятий»;
- «распределение предметов по классам»;
- «разбиение множества»;
- «приведение предметной области в систему, установление отношений родства между объектами и их группировка в классификационные ячейки — таксоны по степени родства»;
- «действительное или умственное соединение вместе тех предметов, которые сходны, и отделение тех, которые несходны».

Построение классификации может осуществляться в условиях, когда понятия, подлежащего делению, еще нет, и, более того, задача классификации как раз усматривается в том, чтобы способствовать выработке понятий об изучаемых объектах. Классификация — это не только деление понятий, но и деление предметов. В этом случае процесс классификации будет включать в себя исследование классифицируемых объектов по некоторой программе, а не только анализ содержания соответствующего понятия, даже если таковое уже имеется.

Имея классификацию предметов определенной группы, можно знать, прежде всего, отношения тождества и различия между ними.

Часто применяется два метода классификации: иерархический и фасетный. Выбор между этими двумя методами зависит от особенностей конкретной предметной области. Существуют следующие требования для выбранной системы классификации:

- достаточная емкость и необходимая полнота, которые гарантируют охват всех объектов классификации в заданных границах;
- оправданная глубина;
- обеспечение возможности решения комплекса задач различного уровня;
- возможность расширения множества классифицируемых объектов и внесения необходимых изменений в структуры классификации;
- обеспечение возможности сопряжения с другими классификациями однородных объектов;
- обеспечение простоты ведения классификатора.

Под иерархическим методом классификации понимается метод, при котором заданное множество последовательно делится на подчиненные подмножества, постепенно конкретизируя объект классификации. При этом основанием деления служит некоторый выбранный признак. Совокупность получившихся группировок при этом образует иерархическую древовидную структуру в виде ветвящегося графа, узлами которого являются группировки.

Фасетный метод классификации подразумевает параллельное разделение множества объектов на независимые классификационные группировки. При этом не предполагается жёсткой классификационной структуры и заранее построенных конечных группировок. Классификационные группировки образуются путем комбинации значений, взятых из соответствующих фасетов. Последовательность расположения фасетов при образовании классификационной группировки задается фасетной формулой. Количество фасетных формул определяется возможными сочетаниями признаков.

Основными преимуществами иерархического метода считается большая информационная емкость, традиционность и привычность применения, возможность создания для объектов классификации мнемонических кодов, несущих смысловую нагрузку, в то время как фасеточный метод имеет свои недостатки — неполное использование информационной емкости, нетрадиционность и сложность применения.

Исходя из того, что главной целью создаваемой классификации в исследованиях по проблемам безопасности и противодействия терроризму является создание практической системы мер, то имеет смысл строить прежде всего иерархически организованные классификации. При этом важно, чтобы классификации основывались не только на научном понимании природы терроризма, но и на понимании специфики необходимой структуры основных направлений практической работы. По возможности следует включать в классификацию таксоны, соответствующие эмпирическим данным, полученным в исследованиях с использованием различных методов, а также соответствующие индикаторам практической работы по противодействию

терроризму. При выполнении этих условий повышается степень соответствия между разрабатываемой классификацией и описываемой этой классификацией реальностью, что способствует как пониманию природы явлений, так и выработке системы эффективных практических рекомендаций. Таким образом, важно, чтобы классификация опиралась как на системный анализ научной литературы по соответствующей проблематике, так и на эмпирические данные, в том числе полученные в ходе специально проведенных для построения классификации исследований. Именно такой подход к классификации позволяет синтезировать имеющиеся в мировой науке обобщенные данные со специфически фактическим материалом. Также в качестве важного источника классифицирующих признаков следует отметить эмпирические и теоретические данные, обобщаемые на конференциях. Одной из таких конференций, собирающих представительное сообщество ведущих специалистов, является ежегодно проводимая в МГУ имени М.В. Ломоносова Международная научная конференция по проблемам безопасности и противодействия терроризму.

Следует иметь в виду, что помимо структурных и содержательных принципов, разработка классификаций в области безопасности и противодействия терроризму должна учитывать соответствующие нормативные основы. В соответствии с ФЗ РФ «О техническом регулировании» применяемые в установленном порядке классификации относятся к документам в области стандартизации, координируемой Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (www.gost.ru). Общероссийские классификаторы технико-экономической и социальной информации, по определению — это нормативные документы, распределяющие технико-экономическую и социальную информацию в соответствии с ее классификацией (классами, группами, видами и другим) и являющиеся обязательными для применения при создании государственных информационных систем и информационных ресурсов и межведомственном обмене информацией. Порядок разработки, принятия, введения в действие, ведения и применения общероссийских классификаторов в социально-экономической области установлен постановлениями Правительства Российской Федерации от 10 ноября 2003 г. № 677 «Об общероссийских классификаторах технико-экономической и социальной информации в социально-экономической области» и от 4 августа 2005 г. № 493 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 10 ноября 2003 г. № 677 «Об общероссийских классификаторах технико-экономической и социальной информации в социально-экономической области».

Для систематизации изучаемых явлений и практических рекомендаций в области безопасности и противодействия терроризму следует также руководствоваться специальными нормативными документами в этой области. Это могут быть документы международного, федерального, регионального или местного уровня. Одним из основных документов, содержащих ключевые термины в области безопасности и противодействия терроризму, является Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Корректно и методологически обоснованно построенная классификация в области безопасности и противодействия терроризму позволяет адекватно и более полно рассмотреть и понять изучаемое явление, а также выработать четкую и эффективную систему принципов практической работы.

Часть V

**Семинар «Формирование
идеологии антитерроризма:
поиск оснований»**

Аналитическая справка по итогам проведения семинара «Формирование идеологии антитерроризма: поиск оснований»

30 октября 2008 г. в рамках Четвёртой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму (30–31 октября 2008 г.) в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова (новый учебный корпус, аудитория Е834) прошёл семинар «Формирование идеологии антитерроризма: поиск оснований». В работе приняли участие представители шести факультетов университета: государственного управления, юридического, экономического, философского, журналистики, психологии. Было заслушано 8 докладов, авторы которых затронули вопросы присущих терроризму финансовых рисков, культурных стереотипов восприятия терроризма, организационно-правовых мер противодействия терроризму в США. Также была рассмотрена проблематика социальной ответственности журналиста в контексте антитеррористической деятельности, психологических факторов и исторических основ формирования идеологии антитерроризма.

В последующей дискуссии приняли активное участие декан факультета государственного управления А. В. Сурин, заведующий кафедрой экономического факультета И. Б. Котлобовский, зам. декана факультета журналистики О. В. Смирнова, профессора факультета государственного управления Л. В. Минаева, А. И. Соловьёв, А. В. Сидоров, профессор факультета психологии А. Ш. Тхостов.

В выступлении заведующего кафедрой экономического факультета И. Б. Котлобовского был поставлен вопрос: Как финансировать покрытие ущерба от террористических актов? Возможны различные варианты.

Важной составляющей исследования путей и методов профилактики и борьбы с терроризмом является изучение международного опыта подобной деятельности. В докладе представителей юридического факультета проанализирован опыт организационно-правовых мер противодействия терроризму в США.

Результатом исследования являются научно обоснованные рекомендации по оптимизации законодательной базы, комплекс мер по повышению эффективности антитеррористической деятельности, включающий профилактику, борьбу и преодоление последствий терроризма.

Профессор А. Ш. Тхостов поставил задачу рассмотрения психологиче-

ских аспектов формирования идеологии антитерроризма. В число методологических проблем психологии терроризма автор включает определение места психологии в системной модели феномена терроризма, выделение и обоснование психологических критериев феномена терроризма, измерение и оценку психологических факторов, лежащих в основе феномена терроризма, а также организацию психологического сопровождения антитеррористической политики.

В докладе заместителя декана факультета журналистики О. В. Смирновой «Социальная ответственность журналиста в контексте антитеррористической деятельности» выделены основные цели медиаобразования населения: 1) повышение осведомленности населения о механизмах работы и специфике воздействия массовой коммуникации, 2) обеспечение средствами индивидуальной и коллективной защиты от возможной манипуляции, коммерческой и политической эксплуатации, а также патогенных воздействий массовой коммуникации; 3) развитие навыков свободного самовыражения и самопрезентации в СМИ (посредством создания собственных СМИ в школе, институте, районе и т. д.), 4) развитие критического мышления и самосознания в процессе сознательного участия в массовой коммуникации. Докладчиком обозначены основные каналы повышения медиаграмотности и психологической компетентности журналистов: 1) система профессионального образования, 2) профессиональные союзы, при которых могут быть созданы аналитические и тренинговые центры, психологические службы, консультации.

В рамках получасовой дискуссии, завершившей выступления, прошло обсуждение высказанных идей, подходов, рекомендаций. Так, в частности участники семинара поддержали предложенные профессором А. Ш. Тхостовым перспективные направления формирования идеологии антитерроризма с точки зрения психологии: 1) компенсацию дефицитарной идентификации; 2) формирование субъективного ощущения «причастности»; 3) снижение деперсонализации, 4) формирование заместительных ценностей.

Положительно восприняты и одобрены прозвучавшие в докладе представителя факультета журналистики предложения по методам повышения уровня социальной ответственности журналистов, среди которых положительно восприняты такие, как: 1) профессиональные дискуссии в СМИ, 2) разработка и коррекция профессиональных кодексов, 3) создание органов самоконтроля и саморегулирования СМИ, 4) проведение специализированных семинаров и конференций по проблемам журналистики, 5) сотрудничество с заинтересованными общественными организациями и т. д. Поддержано предложение о включении в Основы госполитики в области предупреждения и профилактики терроризма концепции, принципов и методики реализации системы регулирования СМИ.

В общем и целом, в рамках семинара эксперты пришли к согласованному мнению о том, что формирование идеологии антитерроризма должно стать ключевым элементом государственной политики в области предупреждения и профилактики террористической деятельности. Наравне с

этим необходим анализ и классификация причин и условий, способствующих вовлечению российских граждан в террористическую деятельность и дальнейшая разработка рекомендаций на данной основе. Все эксперты согласились с необходимостью привлечения международного, зарубежного опыта, формирования с учетом полученных данных моделей, при этом, однако принимающих во внимание, в том числе, отечественную специфику, поскольку роль социокультурных и иных факторов очень высока и с повышением универсальности модели может снизиться эффективность её применения на практике.

Также участниками дискуссии были затронуты вопросы формирования учебно-методической и нормативной базы для открытия ряда гуманитарных специализаций высшего профессионального образования. Единогласно поддержана идея подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере информационно-аналитического обеспечения антитеррористической деятельности. В настоящее время коллективом экспертов МГУ имени М. В. Ломоносова завершается разработка соответствующих инновационных программ профессионального образования. Обсуждены различные нюансы завершения работ по спектру разделов, посвященных историческим, международным, региональным, экономическим, социокультурным, психологическим, политико-управленческим и правовыми аспектам терроризма. Участники считают, что разрабатываемый учебно-методический комплекс выступит в качестве основы открытия инновационных образовательных программ, сделает возможным разработку нормативной базы, обеспечивающей образовательные процессы.

Оценка и страхование риска террористического акта

И. Б. Котлобовский¹, Е. И. Ярмизина²

Научно-техническая революция, начавшаяся в мире со второй половины XX века, превратила научные знания в ведущий фактор развития общественного производства, непосредственную производительную силу общества. Это привело к двум противоположным последствиям и в индустриально развитых странах, и во всем мире. С одной стороны, были достигнуты выдающиеся результаты в электронной и атомной, космической и авиационной, энергетической и химической технике, в биологии и генной инженерии, продвинувшие человечество на принципиально новые этапы во всех сферах жизнедеятельности. С другой стороны, процесс такого развития сопровождался созданием невиданных ранее потенциальных и реальных угроз человеку. Появились новые виды рисков, связанные с использованием современных достижений науки и техники, одним из которых стал риск совершения террористического акта на определенном объекте или территории.

Согласно данным, опубликованным Госдепартаментом США в «Докладе о терроризме в странах мира» 30 апреля 2008 г., в 2007 году по всему миру было совершено 14 499 терактов, жертвами которых стали в общей сложности 72 066 гражданских лиц; из них погибли 22 685 человек. Главным очагом терроризма по-прежнему остался Ирак, на долю которого пришлось 43% терактов и 60% человеческих потерь во всем мире.³

Во многих странах прилагаются серьезные усилия по пресечению и предотвращению деятельности террористов, разрабатываются способы и методы управления рисками террористического характера. Так в России обеспечение безопасности и противодействие терроризму является одним из приоритетов государственной деятельности. В частности, среди восьми утвержденных ныне Премьер-министром В.В. Путиным приоритетных направлений развития науки, технологий и техники первое место отведено направлению «Безопасность и противодействие терроризму».

Тем не менее, в настоящее время проблемы, связанные с отысканием способов управления риском террористического акта далеки от разреше-

¹Заведующий кафедрой управления рисками и страхования экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

²Аспирант кафедры управления рисками и страхования экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

³<http://www.america.gov/st/washfile-russian/2008/May/20080501>. В докладе о терроризме освещается сохраняющаяся глобальная проблема.

ния; нет единства мнений относительно модельных рамок, в которых может рассматриваться данный риск. В связи с этим разработка подходов к оценке и управлению риском террористического акта, безусловно, является актуальной.

С позиции государства возможно три фундаментальных подхода при финансировании покрытия ущерба от террористических актов.

1. Государство обеспечивает компенсацию ущерба (Израиль, Северная Ирландия), поскольку в этих странах происходят хронические террористические акты существенной тяжести. Например, в Израиле

- ущерб измеряется в процентах. Если в результате теракта человек пострадал на 20%, то компенсация составляет 20% от минимальной заработной платы (в 2007 г. составляла 3335 шекелей — 795 долл.);
- если семья теряет одного из членов, ей выплачивается ежемесячное государственное пособие на сумму от 5 до 7 тыс. шекелей (от 1200 до 1650 долларов).

2. Государство делит страховой риск с частным сектором (США — TRIA (26.11.2002 г.), TRIEA (31.12.2005 г.)) в случаях, когда риск совершения теракта низкий, а убытки катастрофические. В Соединенных штатах Америки согласно Terrorism Risk Insurance Act законодательно было обеспечено, что:

- выплаты со стороны государства должны были производиться при условии, что общая сумма ущерба, нанесенного терактом, превысила \$5 млн.;
- страховщики удерживали определенную долю в убытке («франшизу убытка») в размере:
 - 7% от объема собранных премий в 2003 г.,
 - 10% — в 2004 г.,
 - 15% — в 2005 году;
- для убытков, превысивших указанный уровень, Федеральное Правительство осуществляло покрытие в пределах 90%, а страховщики выплачивали оставшиеся 10% убытков;
- поддержка со стороны государства обеспечивалась при условии, что суммарные убытки страховой отрасли от терроризма в течение года не превысят \$ 100 млрд.

3. Государство полагается на частный бизнес в покрытии ущерба от террористических рисков:

- страховые пулы;

- перестрахование;
- гарантийные фонды.

Страхование является одним из наиболее эффективных и испытанных механизмов борьбы с возможными финансовыми потерями от непредвиденных событий. Его сущность заключается в том, что потребители услуги (страхователи) приобретают за плату в размере страхового взноса гарантию возмещения возможного ущерба за счет перераспределения объема ущерба немногих пострадавших среди всех страхователей. Современная страховая индустрия насчитывает тысячи видов страхования и, откликаясь на вызовы времени и запросы потребителей, создает новые страховые продукты. Одним из таких продуктов стало страхование риска террористического акта.

Исторически страхование и перестрахование от огня включало в себя покрытие последствий воздействия огня и взрывов независимо от причин их возникновения, за исключением ущерба, вызванного войной, гражданской войной или гражданским беспорядком. В большинстве стран терроризм не был упомянут в положениях, исключающих войну, поэтому страховое покрытие включало риски огня и взрывов, вызванных терактами.

Однако после событий 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне произошло переосмысление роли страхования как способа управления террористическими рисками и необходимости взаимодействия государства и бизнеса по противодействию таким рискам, возмещению возможного ущерба.

Возникли вопросы: Может ли страховая система справиться с последствиями террористических актов? Какова должна быть роль государства? Должно ли быть страхование риска терроризма добровольным или обязательным? В мировой практике встречаются обе указанные формы. На добровольной основе риски террористического акта страхуются в США и Великобритании, а в Испании и во Франции клиенты обязаны приобретать покрытие риска терроризма в качестве «нагрузки», покупая некоторые виды страховок. Каждый из подходов имеет свои преимущества и недостатки. При обязательном страховании это сложность регулирования тарифов (из-за отсутствия релевантной статистики), вследствие чего владельцы собственности с низким риском будут вынуждены субсидировать владельцев собственности с высоким риском.

При страховании любого вида риска ключевым вопросом является его оценка. В проведенном нами анализе риска террористического акта объектом исследования стали данные по числу погибших и пострадавших в терактах, совершенных на территории РФ в период с 1994 по 2007 г.

Была рассмотрена случайная величина ξ — число погибших в результате одного террористического акта, имелось 111 наблюдений x_1, \dots, x_{111} данной случайной величины.

Для первоначального визуального исследования распределения случайной величины ξ была построена нормированная гистограмма числа погибших в терактах, т. е. график функции $f_n(x)$ (рис. 1), где $n = 111$ —

количество всех терактов. На гистограмме хорошо видно, что наряду с мелкими, но частыми событиями, имели место единичные случаи терактов с большим числом жертв. Поэтому было сделано предположение, что террористические акты могут рассматриваться как катастрофические события.

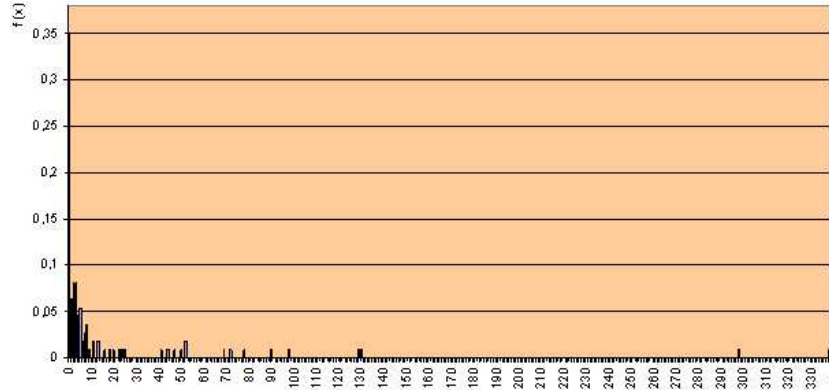

Рис. 1: Функция $f_n(x)$ — нормированная гистограмма распределения числа погибших в терактах

Согласно теории, если в ряду ущербов от некоторых событий изредка встречаются *суперэкстремальные значения*, несоизмеримые по величине с подавляющей частью остальных значений, то такие события называются катастрофами. Ущерб от подобных суперэкстремальных событий иногда сравним с *суммарным ущербом* от всех событий за тот же период времени. Этот эффект «порождается» наличием т. н. «*тяжелых хвостов*» у соответствующих функций распределения ущерба. С математической точки зрения под распределениями с «тяжелыми хвостами» понимаются распределения, принадлежащие *субэкспоненциальному* классу. Согласно определению⁴,

распределение F является распределением *субэкспоненциального класса*, если

$$\overline{\lim}_{x \rightarrow +\infty} \frac{-\ln(1 - F(x))}{x} = 0.$$

Поэтому на следующем шаге для приближения теоретической функции была построена эмпирическая функция распределения $F_n(x)$. Проанализировав ее поведение, был сделан вывод о том, что рассматриваемое распределение принадлежит к классу распределений с «тяжелыми хвостами».

Далее, обозначив за x число погибших в одном событии, а функцию $G(x)$ — количество событий, в которых наблюдаемый ущерб принимает значение больше либо равное x , для самых крупных террористических актов в двойном логарифмическом масштабе были построены линейная и ква-

⁴Beirlant J., Teugels J. *Modeling large claims in non-life insurance* // Insurance: Mathematics and Economics, 1992, no. 11, p. 17–29.

двухфазная регрессия функции $G(x)$. Полученные зависимости были оценены по методу наименьших квадратов, и наилучшей оказалась линейная регрессия (рис. 2):

$$\ln G(x) = -1,098 \cdot \ln x + 6,552.$$

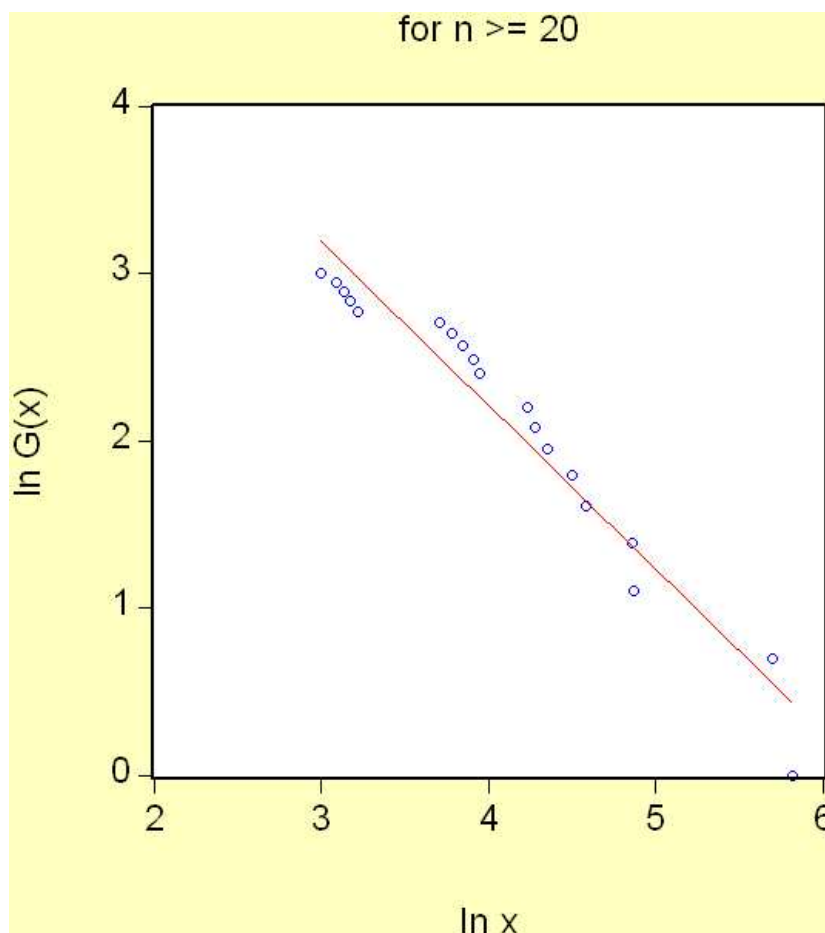

Рис. 2: Кумулятивная гистограмма распределения ущербов от терактов, $n = 111$

Таким образом, получилось, что распределение «хвоста» ущербов достаточно хорошо описывается линейной зависимостью, что равносильно тому, что оно имеет степенной характер распределения — распределение Парето. Плотность этого распределения имеет вид

$$f(x) = \begin{cases} \beta/x^{1+\beta} & \text{при } x \geq 1, \\ 0 & \text{при } x < 1, \end{cases}$$

а функция распределения —

$$F(x) = \begin{cases} 1 - 1/x^\beta & \text{при } x \geq 1, \\ 0 & \text{при } x < 1. \end{cases}$$

Более того, коэффициент $\beta = 1,098$ в уравнении прямой дает оценку параметра распределения. Тем самым по имеющимся данным был сделан вывод, о том, что ущерб от терактов может быть описан распределением Парето с указанным параметром β .

Для проверки так называемого «свойства катастрофичности» был рассмотрен суммарный ущерб в результате n событий, максимальный ущерб и R_n — отношение суммарного ущерба к максимальному единичному ущербу.

В случае распределения Парето для математического ожидания величины R_n имеет место следующее равенство⁵:

$$E(R_n) = \begin{cases} (n^{1-1/\beta} \cdot \Gamma(1/\beta) - 1) / (\beta - 1), & \text{если } \beta \neq 1; \\ \ln n - e^{-n}(\ln n - 1), & \text{если } \beta = 1. \end{cases}$$

При $\beta = 1,098$ для разных значений n отношение суммарного ущерба к максимальному единичному ущербу принимает следующие значения:

n	10	50	100	111	300	500	1000
$E(R_n)$	3,08	5,13	6,11	6,26	7,79	8,63	9,84

то есть, например, при $n = 300$ событий теоретически должно произойти событие (катастрофа), ущерб от которого составляет примерно 18 суммарного ущерба от всех событий, включая данное. В рассматриваемом случае имелось 111 событий, общее количество погибших составило 1960 чел., а $E(R_n) \approx 6,26$. Тем самым, прогнозировалось наличие теракта примерно в 313 погибших. В реальности крупнейшим терактом за анализируемый период стал захват заложников в средней школе г. Беслана, где погибло 338 человек. Это значение довольно близко к 313, а значит, можно утверждать, что свойство «катастрофичности» рисков террористического характера подтверждается. С другой стороны: эмпирическое значение $R_{111} = 1960/338 \approx 5,80$ и оно также близко к теоретическому.

В контексте изучаемой проблемы имеется достаточно неприятный факт. Пусть μ_T — медиана максимального ущерба за время T (медианой называется число, такое, что вероятность принятия случайной величиной значения, больше данного, равна $1/2$). Если считать, что случайная величина ξ распределена по закону Парето с фиксированным параметром $\beta = 1,098$, то:

$$\mu_T = C \cdot T^{1/\beta}.$$

⁵Кузнецов И.В., Писаренко В.Ф., Родкин М.В. *Методы расчета ущерба от катастроф различного типа* // Экономика и математические методы, 1997, т. 33, вып. 1, с. 39–50.

Таким образом, максимальный ущерб за T лет растет пропорционально $T^{1/\beta}$. Тем самым $\mu_{T_2}/\mu_{T_1} \approx (T_2/T_1)^{1/\beta}$. Полагая здесь $T_1 = 14$ лет, $T_2 = 21$ год (с 1994 г. по 2014 г. — год олимпиады в Сочи) и взяв в качестве оценки μ_{T_1} реализовавшееся в действительности значение в 338 погибших, получим:

$$\mu_{T_2} \approx (1,5)^{1/\beta} \cdot \mu_{T_1} \approx 489.$$

Это значит, что до 2014 г. включительно можно ожидать «крупный» теракт с количеством погибших более 480 человек. Общее число погибших за период с 1994 по 2014 гг. может быть оценено по формуле

$$\Sigma_{T_2} \approx E(R_{n_2}) \cdot \mu_{T_2},$$

где n_2 — число событий, произошедших за указанный период. Поскольку можно считать, что поток совершаемых террористических актов — пуассоновский со средней интенсивностью λ событий в год, имеем $n \approx \lambda T$. Отсюда $\lambda \approx n_1/T_1 = 111/14 \approx 7,9$. Следовательно, $n_2 = 7,9 \cdot 21 \approx 166$ и $E(R_{n_2}) \approx 6,87$. Отсюда $\Sigma_{T_2} \approx 489 \cdot 6,87 \approx 3360$. Таким образом, в ближайшие семь лет можно ожидать примерно 55 серьезных терактов с общим числом погибших около 1400 человек (причем приблизительно 490 погибших в одном теракте и 910 — во всех остальных).

Приведенные «прогнозы» не претендуют на строгость, поскольку являются точечными оценками без вычисления доверительных интервалов. Отсутствие последних объясняется (ввиду объективных причин, о которых говорилось выше) недостаточной на настоящий момент статистической базой, а также допущенной «вольностью» при оценке медианы μ_{T_1} реальным максимальным значением случайной величины ξ .

Таким образом, установлено, что террористические акты могут быть отнесены к катастрофическим рискам. Однако террористический риск определяется как функция угрозы, уязвимости и последствий

$$\begin{aligned} \text{Риск} &= P(\text{атака произойдет}) \times P(\text{возникнут убытки/атака произойдет}) \\ &\times E(\text{Убытки/произойдет атака и будет нанесен вред}), \end{aligned}$$

а точных методов оценки вероятности совершения теракта на настоящий момент не существует. Поэтому страхование такого риска не может проводиться по стандартным методикам, как, например традиционные виды страхования, где указанные вероятности основываются на достаточной накопленной статистике.

Социальная ответственность журналиста в контексте антитеррористической деятельности

Е. Л. Варганова¹, О. В. Смирнова²

Контекст террористической деятельности накладывает особый отпечаток на теорию социальной ответственности СМИ. В значительной степени меняются не столько сами принципы, составляющие суть социальной ответственности журналиста, сколько механизм управления и внедрения этих принципов. В условиях террористической угрозы необходимость определять верность принципов, их соответствие законам общественного развития, гуманизму, общечеловеческим потребностям и представлению о социальной ценности остаются актуальными. Однако терроризм или его угроза заставляют исследователей СМИ на первый план выдвигать адекватную и своевременную интеграцию основных компонентов теории социальной ответственности СМИ в практическую деятельность конкретного журналиста. Речь идет как о постепенной подготовке журналистского сообщества к работе в условиях террористических атак, так и о способности конкретного журналиста оперативно реагировать и демонстрировать высокие профессиональные навыки в чрезвычайных ситуациях, связанных с террористической угрозой.

Мы провели небольшое исследование присутствия в СМИ понятий «терроризм» и «антитерроризм» в период с 2000 по 2007 год. Оно наглядно продемонстрировало, что пики упоминаемости пришлись на 2002 и 2004 годы, что соответствует хронологии террористических актов. Вспомним, что в 2001 году произошел захват более 700 заложников на мюзикле «Норд-Ост» и последующий штурм здания — прямая графика «терроризм» возрастает резко вверх. Прямая «антитерроризм» также идет вверх, но не столь стремительным образом. 2002 год ознаменовался взрывами в Военном госпитале в Моздоке, на 1-ой Тверской-Ямской улице и Тушинском аэродроме. Рефлексия по поводу столь часто повторяющихся терактов заставляет обе прямые достичь второго по величине за 8 лет пика. В 2003 году наблюдается любопытная тенденция — несмотря на взрыв в гостиницы «Националь» упоминаемость слова «терроризм» в значительной степени пошла на спад. Упоминаемость слова «антитерроризм» также идет на спад, но не так динамично. Пик упоминаемости как слов «терроризм», так и «антитерроризм» в

¹ Декан факультета журналистики МГУ, доктор филологических наук, профессор.

² Заместитель декана факультета журналистики МГУ, кандидат филологических наук, доцент.

СМИ (около 190 000 раз совместно) наблюдается в 2004 году после взрыва у метро «Рижская» и захвата школы в Беслане. Следует отметить, что с этого момента становится все меньше лексических конструкций негативно-оценочного и все больше позитивно-оценочного характера. На наш взгляд, это, демонстрирует появление понимания журналистами и обществом важности не только освещения проблем терроризма, но также и артикуляции необходимости антитеррористической деятельности.

Стабильность этой тенденции подтверждает качественный контент-анализ СМИ за 2008 год. Качественными характеристиками контекста при упоминании слова «терроризм» в 2008 г. стали слова: мировой; борьба; противостояние; финансирование; противодействие; экстремизм.

Качественными характеристиками контекста при упоминании слова «антитерроризм» в 2008 г. стали слова: миротворчество; программа; сотрудничество в области; заседания; совещания. Таким образом, контекст носит весьма позитивный характер и направлен на поиск конструктивного решения в вопросе антитеррористической угрозы.

Однако, несмотря на позитивные тенденции, вопрос о повышении социальной ответственности журналиста является сейчас актуальным как никогда.

Каковы же наиболее действенные факторы урегулировать антитеррористической деятельности СМИ?

По-прежнему наиболее действенным из существующих факторов в вопросе урегулирования СМИ является государство. Традиционно в России государство оказывает на СМИ значительное влияние. Во многом по причине слабо развитой системы общественного представительства, отсутствия общественного вещания и прессы и отсутствия достаточного диалога СМИ и аудитории. Именно поэтому нам представляется важной именно реализация государственной поддержки проектов по антитеррористической деятельности. В соответствии с нормативными теориями урегулирования СМИ, которые будут рассмотрены мною подробнее далее. Медиаобщество является вторым доминантным полюсом нашего рассмотрения, так как оно достаточно активно разработало и продолжает разрабатывать различные хартии и кодексы, где урегулированию подлежит функционирование журналиста в период террористической угрозы. Наука также в значительной степени внесли свой вклад в формирование антитеррористического мышления. Прежде всего, это касается создания концепции информационной безопасности СМИ, описанной целым рядом крупных исследователей, а также конструирование проекта медиаобразования, который его авторы — проф. Я.Н. Засуский и проф. Е.Л. Варганова рассматривают в дуалистичном ключе. С одной стороны, медиаобразование ориентировано на журналистов, с другой стороны — на аудиторию.

Напомним, что исследователями уже разработаны различные модели социальной ответственности журналиста в контексте террористической угрозы, основными компонентами которых являются следующие:

- Нормативные теории: типология взаимоотношений СМИ и государ-

ства.

- Саморегулирование медиасообщества.
- Медиаобразование.

Существует ряд моделей функционирования СМИ в контексте нормативных теорий. Наиболее актуальной в современном контексте является, на наш взгляд, модель социальной ответственности, в соответствии с которой СМИ должны выполнять определенные обязательства перед обществом. Это предполагает публикацию материалов высокого профессионального стандарта информативности, точности, объективности и сбалансированности; деятельность СМИ является саморегулирующейся посредством правовых норм, соответствующих институтам; СМИ должны быть плюралистичными, осуществлять как выражение различных точек зрения, так и возможность ответа на критику; вмешательство в деятельность СМИ может быть оправдано необходимостью обеспечения общественной безопасности; журналисты являются ответственными как перед обществом, так и перед работодателем; СМИ ответственны за то, чтобы их деятельность прямо или косвенно не могла способствовать проявлению насилия, общественным беспорядкам, оскорблению меньшинств.

Что касается принципов саморегулирования медиасообщества, то практика большинства развитых стран показывает, что наиболее эффективный контроль над содержанием СМИ осуществляется путем использования механизмов внеправового регулирования. Речь идет о воздействии на профессиональную деятельность журналистов со стороны:

- медиапредприятий (внутренние своды правил и хартии, медиакритика);
- корпоративных журналистских организаций (кодексы профессиональной этики);
- организаций/профессиональных ассоциаций владельцев и управленцев индустрии СМИ (бизнес-сообщество): неписаные кодексы поведения, система маркировки аудиовизуальных программ;
- рекламной индустрии (кодексы рекламной деятельности);
- общественных организаций смешанной природы (Советы по печати, институт омбудсменов);
- академического сообщества (программы повышения квалификации, переподготовки);
- самой аудитории (неправительственные организации, ассоциации защиты потребительских прав, организаций родителей и учителей).

При использовании всех этих механизмов сохраняется главное условие: принцип свободы слова, гарантированный законодательно, традиционно остается неизменным. Во многих экономически развитых демократиях сложились тесные связи между перечисленными выше организациями, что привело к созданию эффективной системы саморегулирования (когда только журналистское сообщество под воздействием общественных организаций и гражданского общества принимают решения о границах дозволенного). В ряде стран, особенно в условиях расширения аудитории Интернета и новых интерактивных СМИ, возникли механизмы саморегулирования, когда профессиональные организации часть функций успешно реализуют самостоятельно, а для решения наиболее трудных проблем прибегают к помощи законодательного регулирования.

В обоих случаях речь идет не только о взаимодействии различных факторов, институтов гражданского общества, но и о наличии у них общего понимания природы и задач журналистики в обществе, уважении законодательно провозглашенных принципов свободы слова, учета национальных традиций в деятельности СМИ. Очевидно, что Россия нуждается сегодня в согласовании позиций различных организаций, действующих в сфере саморегулирования СМИ. Необходим широкий общественный диалог, как по вопросам журналистской этики, так и по принципам, нормам и критериям российской журналистики. В настоящий момент необходимо провести хотя бы поверхностный анализ форм саморегулирования, а затем в ближайшей перспективе форум всех организаций.

И наконец, третьим из названных нами компонентов модели социальной ответственности является медиаобразование.

Хорошо известно, что изначально сам принцип медиаобразования предполагает, что его объектом должна являться аудитория СМИ. Это видно из его основных целей, среди которых повышение осведомленности населения о механизмах работы и специфике воздействия массовой коммуникации, развитие навыков свободного самовыражения и самопрезентации в СМИ (посредством создания собственных СМИ в школе, институте, районе и т. д.), а также развитие критического мышления по отношению к содержанию СМИ.

Становление общественного самосознания — что является одной из главных целей медиаобразования — является также важнейшим условием развития системы саморегулирования СМИ. Однако нам представляется, что наряду с задачей создания системы общественного контроля необходимо содействовать повышению уровня медиапсихологической грамотности не только населения, но и самих журналистов.

Задачи медиаобразования для журналистов обусловлены необходимостью психологической профилактики и защиты журналистов, а также для поддержания высоких стандартов качества информационной продукции: достоверности, независимости, объективности, безопасности («экологичности»), приоритета общественных целей и ценностей в условиях конфликта интересов. Одной из важных задач медиаобразования для журналистов должно стать достижение соответствия деятельности журналистов инте-

ресам национальной аудитории, гражданского общества и, наконец, формирование действенной системы саморегулирования журналистского сообщества, сознательной выработки нормативов и правил профессиональной деятельности.

Основными каналами повышения медиаграмотности и психологической компетентности журналистов, на наш взгляд, являются:

- 1) система профессионального образования,
- 2) профессиональные союзы, при которых могут быть созданы аналитические и тренинговые центры, психологические службы, консультации.

Повышению уровня профессионального самосознания, социальной ответственности, психологической и медиакомпетентности способствует не только целенаправленное обучение в рамках образовательных программ, но также:

- профессиональные дискуссии в СМИ,
- разработка и коррекция профессиональных кодексов,
- создание органов самоконтроля и саморегулирования СМИ,
- проведение специализированных семинаров и конференций по проблемам журналистики,
- сотрудничество с заинтересованными общественными организациями и т. д.

Первоочередное значение в контексте создания эффективной системы саморегулирования в журналистике имеет подготовка и обучение специалистов в области:

- 1) исследования и экспертизы СМИ,
- 2) информационной безопасности,
- 3) медиатерапии,
- 4) психологической помощи журналистам,
- 5) собственно медиаобразования.

В непосредственные задачи таких специалистов входит анализ содержания СМИ; изучение эффектов воздействия СМИ на массовую аудиторию; моделирование контента СМИ в зависимости от типологии и аудитории медиаканалов; разработка системы медиатерапии, развитие системы психологической помощи журналистам и т. д.;

Подготовка указанных категорий специалистов обеспечит в дальнейшем надежный фундамент для развития системы общественного контроля

и саморегуляции СМИ при условии единства базовых понятий и установок. Эту задачу решают новые направления науки — критика теорий СМИ, моделирование СМИ, медиапсихологии, разрабатываемые на факультете журналистики МГУ.

Работа по подготовке кадров для системы медиаобразования, медиакритики и медиатерапии потребует координации деятельности различных научных организаций, учебных институтов, практических служб и специалистов в области журналистики, психологии, практической психотерапии, медицины катастроф, социально-психологической помощи населению (Союз журналистов, ф-т психологии МГУ, ин-т психологии РАН, психотерапевтические профессиональные организации, психологические службы помощи и т. д.).

СМИ составляют основу комплексной системы процессов саморегулирования общества. Это значит, что самоопределение и суверенность общества во многом зависит от качества СМИ, а качество СМИ от уровня самоосознания, взыскательности и требовательности общества. Поэтому программа стимулирования процессов саморегулирования СМИ должна не только формировать зрелое журналистское сообщество, но и содействовать становлению ответственного общественного мнения в целом. С этой целью разработана организационная модель общественного контроля за СМИ, которая поддержана мерами по развитию 1) общественного самосознания, 2) профессиональной рефлексии и ответственности журналистов, и, наконец, 3) системы подготовки квалифицированных специалистов в области анализа СМИ, медиапсихологии и медиатерапии.

Психологические факторы формирования идеологии антитерроризма

А. Ш. Тхостов¹

Формирование научно обоснованной идеологии антитерроризма предполагает существование психологически корректного ответа на вопрос, почему люди могут желать быть вовлеченными в террористическую деятельность, может содержать в себе некоторую часть ответа на вопрос, что они делают (или что им разрешают делать) в качестве террористов, и как они приобретают и сохраняют мотивационную вовлеченность в специфически террористических мероприятиях и действиях.

С основными детерминантами «корневых причин» терроризма обычно ассоциируются следующие явления:

1. Недостаток демократии, гражданских свобод и власти закона.
2. Находящееся в упадке или слабое государство.
3. Стремительная модернизация.
4. Экстремистская идеология светской или религиозной природы.
5. Исторический опыт политической жестокости, гражданских войн, революций, диктатуры или оккупации.
6. Гегемония и неравномерность, дисгармоничность силы.
7. Беззаконное или коррумпированное правительство.
8. Могущественные внешние силы, поддерживающие незаконные правительства.
9. Давление иностранной оккупации или колониальных режимов.
10. Опыт дискриминации по этнической или религиозной принадлежности.
11. Неуспех или нежелание государства интегрировать диссидентские группы или новые социальные классы.

¹Доктор психологических наук, профессор факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

12. Опыт социальной несправедливости.
13. Наличие харизматических идеологических лидеров.
14. События, играющие роль спускового механизма.

Вовлечение в терроризм следует рассматривать как сложный, мультифакторный процесс, в котором, как и в случае болезни организма, следует различать закономерно сменяющие друг друга стадии. Вовлечение в терроризм — это процесс чувствительный, помимо других обстоятельств, к стратегическим и психологическим факторам.

Сами террористы редко артикулируют, то есть словесно формулируют ответ на вопрос о соблазнительности, привлекательности и ожидании личных выгод, которые ассоциируются у них с принятием решения о вступлении в террористическое движение. Анализ ответов на эту группу вопросов обнаруживает, что в основе принятия личного решения лежат такие мотивы как обретение (переживание):

1. Силы, мощи.
2. Высокого статуса.
3. Чувства товарищества и надежной самоидентификации.
4. Наслаждения, почти наркотического «кайфа», сопровождающий радостное возбуждение от принятия новой роли и новой жизни.
5. Субъективного упрощения: бинарное расчленение мира: на врагов, не заслуживающих сочувствия и соратников, которым приписываются идеализированные свойства, придающего человеку чувство уверенности в правильности выбора жизненных целей.
6. Обожания и благоговения (инфантильного всемогущества) более широкого, чем до вступления в движение поддерживающего сообщества.
7. Прекращение забот о личном финансовом благополучии.

Часто выходящая на первый план в исследованиях, проводимых с помощью методик прямого опроса, значимость внешних сил и внешних обстоятельств в подталкивании, насильственном «вталкивании» субъекта в террор как способ существования, не является статистически значимой или имеет тенденцию к снижению значимости при применении более тонких методов психологического исследования. По существу, субъективное преувеличение значимости «непреодолимых внешних сил», «отсутствия выбора» свидетельствует лишь о надежной работе механизмов психологической защиты у подавляющего большинства членов террористических организаций. Среди этих психологических защит следует различать собственно индивидуальные и настойчиво организуемые извне с помощью пропаганды террора.

Часть исследователей, интересующихся глубинной мотивацией террористов, указывают на большое значение положительной привлекательности ощущения принадлежности к тайной могущественной организации, способствующее успешному решению задачи самоидентификации при сохранении самого высокого уровня самооценки. Эта мотивационная линия, восходящая к удовлетворению потребности в аффилиации, имеет архетипический, почти инстинктивный базис и поэтому является очень глубокой и мощной. При рассмотрении подобных глубинных мотивационных основ вовлечения в террор нередко используется понятие «соблазн». Именно соблазны следует рассматривать как основные источники субъективной привлекательности терроризма. Они могут быть многочисленными и в какой-то степени индивидуализированными, но имеют единую психологическую сущность — когнитивно простое, быстрое и эффективное решение (зачастую иллюзорно-компенсаторное) обычно труднорешаемых жизненных задач.

Рекрутирование в герои производится с огромным уважением. Избранные для совершения смертного подвига питаются, одеваются, снабжаются деньгами, жильем и другими средствами, ассоциирующимися с высоким качеством жизни, лучше, чем обыкновенные члены организации. Специальные литературные и живописные произведения красочно изображают и прославляют триумф и счастливую жизнь в раю совершивших свой подвиг бомбистов. Сильнейшим катализирующим моментом процесса социализации в террористической организации и стимулом ко все более экстремальному поведению является для начинающего террориста чувство одобрения этого поведения и соответствующей личностной позиции со стороны других, кроме непосредственных руководителей и товарищей по борьбе, значимых для него людей, не связанных напрямую с деятельностью террористической организации, — родственники, соседи, знатные соплеменники. Эта поддержка является столь мощной, что даже ушибы, раны и другие повреждения, получаемые в ходе борьбы, рассматриваются не как ущерб, а как своеобразные ордена славы, знаки почета.

Таким образом, процесс вовлечения субъекта в террористическую деятельность, при всем кажущемся разнообразии конкретных случаев, имеет общую психологическую структуру, проходит ряд закономерных, общих для всех случаев стадий, подобных ступеням лестницы, предусмотрительно устроенной так, что по ней гораздо легче идти лишь в одном направлении. Тенденция гуманистически настроенной общественности объяснять вовлечение в терроризм индивидуальными драмами и масштабными трагическими событиями затеняет, мешает видеть эту важнейшую психологическую характеристику процесса. Подобная же «лестница» — череда рассчитанных до шага последовательных поступков и необходимых действий, совершение каждого из которых углубляет вовлеченность рекрута в террор и затрудняет обратный путь, ожидает страждущего и после официального вступления в организацию. Таким образом, терроризм имеет как свою методологию, так и методику, обеспечивающую приведение к единому нормативному статусу относительно разнообразный исходный материал. Наиболее перспективными для психологического исследования можно

рассматривать следующие направления:

1. Индивидуальный опыт, характер и степень воздействия релевантных контексту процесса вовлечения в террор предшествующих событий (например, возможно, что опыт бросания камней в полицейских или в представителей других официальных служб безопасности служит основой формирования чувственной ткани состояния протеста и накопления опыта соответствующих переживаний, в том числе и на эмоциональном уровне (через испуг, радостное возбуждение и т. д.
2. Специфика релевантного процессу раннего опыта (личный опыт пребывания в роли жертвы, пострадавшей от руки служб безопасности, или восприятие себя в качестве жертвы через идентификацию себя с группой или сообществом, подвергшимся гонениям и преследованиям могущественных враждебных сил).
3. Структура и влияние общественного мнения внутри релевантной группы, в том числе в отношении возможных последствий вступления в организацию, т. е. соотнесение возможности такого поступка с системой ценностей, разделяемых данным сообществом.
4. Специфика социализации в более взрослом возрасте, которая может как способствовать, так и препятствовать, затруднять вовлекаемость, личностную готовность индивида к террористической деятельности (например, многие террористы-смертники оказываются неженатыми мужчинами в возрасте 17–22 лет. У них нет ни обязательств перед семьей, ни ответственности, ни горечи расставания с родными, потому что у них нет семьи.
5. Чувство неудовлетворенности, утраты иллюзий, неприятие собственной персоны или актуальной системы активности. Это свойство часто интерпретируется аналитиками как следствие особого личностного дефекта, особой уязвимости, ранимости.

Часть VI

**Семинар-круглый стол
«Мировая культура против
идеологии терроризма»**

Аналитическая справка по итогам проведения семинара-круглого стола «Мировая культура против идеологии терроризма»

30 октября 2008 г. в рамках Четвёртой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму (30–31 октября 2008 г.) в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова (новый учебный корпус, трансформируемый зал Интеллектуального центра — Фундаментальной библиотеки МГУ) прошёл семинар-круглый стол «Мировая культура против идеологии терроризма».

В его работе приняли участие представители правительства Москвы, ФСБ России, Российской академии телевидения, члены ВТОО «Союз художников России», директора, профессора и преподаватели университетов и институтов России: Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета (г. Ижевск), Института искусств Томского государственного университета (г. Томск), Московского государственного художественно-промышленного университета им. С. Г. Строганова, Российского государственного гуманитарного университета, Болонского государственного университета, факультета искусств МГУ имени М. В. Ломоносова.

Было заслушано 13 докладов, авторы которых затронули фундаментальные проблемы современной культурной жизни России и других стран, проанализировали противоречия в гуманитарной инфраструктуре обеспечения передачи духовного наследия, условия, имманентно порождающие противоречия, ведущие к системным конфликтам в обществе и отражающие несовершенство научных, образовательных, культурных взаимосвязей общественной жизни. Были также рассмотрены положительные исторические контексты взаимодействия народов России, свидетельствующие о потенциале предустановления и профилактики конфликтов с помощью преодоления внутридисциплинарной дислокации методов передачи духовного наследия. Констатировано отсутствие согласованных программ межведомственного взаимодействия.

В докладе «Культура в борьбе за безопасный мир» доктор филологических наук, профессор, декан факультета искусств МГУ имени М. В. Ломоносова Александр Павлович Лободанов определил базовые понятия безопасности и рассмотрел категории и виды вандализма, ведущие к нарушению законов культуры и созданию питательной почвы для формирования

идеологии терроризма.

1. Сегодня вопрос о культуре ставится особенно остро, — отметил докладчик, — потому что мы прекрасно чувствуем, что степень развитости культуры того или иного народа, степень его обустроенности материальной и духовной культурой составляет ядро нашей жизни. Культура — это что-то, что длится от становления людей и до наших дней и представляет собой *историческое единство общества. Культура есть прецеденты и правила, которые человечество откладывает в памяти.*

2. «Безопасность» означает свободу от угроз. Угрозы бывают двух родов: внешние и внутренние.

Внешние угрозы есть следствие вызова, который одно государство предъявляет другому государству. Вызовы могут быть военные, информационные (психологическая война и психологическое воздействие), экономические, расстраивающие управление.

Внутренние угрозы определяются собственной нераспорядительностью, неумением устроить свои дела, неверным пониманием сути событий, отсутствием предусмотрительности, ошибками в задуманных мерах, отсутствием энергии исполнения задуманного, отсутствием анализа ситуации и результатов принятых мер.

Внутренние угрозы опаснее внешних. Внешние угрозы появляются вследствие внутренних.

Избежать внутренних угроз трудно в силу того, что всякое действие или бездействие имеет позитивную и негативную сторону. Неразумные действия предполагают расстройство гармонии отношений людей в производстве, торговле, финансах, управлении, организации развлечений, информирования, в культуре, науке и технологиях. Этот перечень исчерпывающий, так как охватывает основные существующие сейчас классы деятельности. А любая деятельность опирается на культуру.

3. «Вандализм» — это действия, направленные на разрушение культуры, на то, чтобы прервать исторический ход развития людей, это — сознательное или ненамеренное нарушение законов культуры.

Вандализм бывает *физический*, когда разрушаются и уничтожаются культурные объекты, созданные человечеством, когда разоряется что-то созданное трудом, искусством и верой человека. Взрыв храма — типичный вандализм: разрушается святыня, вера. Это *простой* вандализм.

Но есть вандализм более тонкий, более современный. Это вандализм *информационный*, когда человек лишается возможности доступа к культурной исторической информации. Например, утрата или несовершенство библиотечных каталогов — книг много, а найти нужную книгу трудно. Когда книгу украдут, это — вандализм первого рода, а если каталог утрачен или не отражает систему знаний, это — вандализм информационный. Сюда же

относится утрата или несовершенство архивных классификаций или правил музейного хранения, а также ограничение *доступа к информации в средствах массовой коммуникации*.

Информационный вандализм в наше время особенно опасен потому, что активно действуют информационные системы, в частности, системы информационного поиска, а это — ядерная картинка всех систем, в основе структуры которой лежит тезаурус знания. Опасность в том, что сама информация, заключенная в этих системах, оказывается несистематизированной или смещенной по своему содержанию. Культурно значимая информация является частью глобальных информационных сетей, а глобальные сети — это управление человечеством; некультурное же управление приносит печальный результат.

Третий вид вандализма — *образовательный*, когда содержание образования не согласуется с реальным содержанием знания и умений или не отвечает всему тому, чему должен быть обучен человек, вступающий в жизнь, вступающий в деятельность. Образовательный вандализм — это такая система образования, при которой получаемое образование не позволяет пользоваться достаточно полно фактами культуры. Образовательный вандализм — явление довольно частое, поскольку образование подвержено политической моде.

К вандализму относится также *культура узких социальных групп*, направленная против культуры общества в целом, например, культура воров в законе. Это принято называть *контркультурой*.

К вандализму относятся также такие *стилевые течения, которые декларируют отказ от сложившейся культуры*. Так, в послереволюционное время русский большевизм, а также некоторые художественные течения (такие, как например, футуризм) не признавал художественного наследия прошлого. Этот тип вандализма называется *антикультурой*.

4. Рассмотрение видов вандализма показывает, что

- 1) ключи культуры передаются через образование;
- 2) культура систематична: процессы культуропользования должны исключать вандализм во всех его разновидностях;
- 3) нельзя разрушать материальные объекты, в которых содержится сама культурная информация.

Из этого мы можем видеть, что культура характеризуется следующими свойствами:

- передаваемостью,
- систематичностью,
- представленностью на некоторых материальных носителях,
- принципиальной хранимостью.

Идеология терроризма нарушает закон неуничтожимости культуры: она присутствует в нашей жизни как факт социального бытия потому, что в человеческих действиях есть *фундаментальный запрет* — *запрет уничтожения культуры*. Всякое уничтожение культуры в человеческих действиях называется, как мы теперь знаем, вандализмом. Неуничтожимость культуры, борьба с вандализмом средствами воспитания, реконструкции, восстановления является необычайно важной закономерностью социального бытия культуры и профилактики в борьбе с идеологией терроризма.

Важную методологическую функцию высшей школы и прежде всего МГУ имени М. В. Ломоносова в решении проблем массовых коммуникаций в борьбе с идеологией терроризма отметил в своем докладе «Роль телевидения в становлении толерантности» Борис Исаевич Ноткин, член Российской академии телевидения.

Доклад Шутовой Татьяны Алексеевны, ст. преп. факультета искусств МГУ имени М. В. Ломоносова, поднимает важнейшие вопросы разрыва профессиональной культуры и искусства и его восприятием в социокультурной среде.

Участниками круглого стола подготовлена резолюция:

1. Идеология терроризма основывается на физическом, образовательном, информационном, эмоциональном и религиозном вандализме. Ее цель в разрушении культуры. Базой выступает сознательное игнорирование объективных, исторически обусловленных различий между национальными культурами. Провоцируемое таким образом непонимание между народами в большинстве случаев является корнем агрессии; характеризуется навязыванием этических и моральных норм одной культуры другим прочим как единственно возможным в устройстве миропорядка;
2. Культура является приоритетной целью терроризма: за террористическими акциями просматривается политический план, но эта философия действия использует две отправные точки: религию и культуру (для нападения выбираются места, которые являются частью мирового культурного наследия или общественно значимые объекты — театры, школы, архитектурные сооружения и др.). Используются новые коммуникационные и информационные технологии, участники акций тщательно готовят сценарии своих нападений для последующего использования при транслировании изображений того или иного события.
3. Вырабатываются стратегии отчуждения, нацеленные на разрушение доминирующей культуры, которая распространяет свое влияние без учета национальных ценностей и спасение ищут в ее разрушении, а не в попытках ведения диалога.

4. Антитеррористический потенциал современной культуры и искусства заключен в онтологической структуре знания о прошлом художественном наследии, которые подвержены тематическому забвению. Искусство — открытая структура деятельности, способная к оптимизации взаимопонимания между народами, снятию угроз терроризма в межэтнических и международных конфликтах. Цель искусства поощрять культурное разнообразие и уважение к межкультурному диалогу. Профилактической мерой в противодействии терроризму обычно и надежно служит обмен ценностями культуры и искусства, проведение совместных мероприятий (фестивалей, концертов, спектаклей, выставок и т. д.).
5. Главная функция искусства есть воплощение замыслов позитивной деятельности и передачи другим членам общества, искусство — социально значимая ценность, так как связана с оптимизацией устройства современного общества, мировоззренческой целостности. Искусство ориентирует в поисках национальной идеи, снимает наносные идеологические противоречия, приводящие к актам вандализма и терроризма.
6. В рамках борьбы с идеологией терроризма средствами культуры и искусства в долгосрочной перспективе необходимо прежде всего постановка и реализация следующих программ и проектов:
 - Выявление и описание толерантных архетипов в национальных культурах и искусстве с целью выделения их нравственных основ и сходств в вопросах сохранения жизни.
 - Определение роли искусства в сохранении духовного опыта народов (в литературе, языке, изобразительном искусстве, театре, танце, музыке), поскольку процесс творчества — не разрушительный, а созидательный по своему существу.
 - Проведение анализа программ российского образования во всех блоках государственных образовательных стандартов и определения проблемных участков и потребности этического обновления содержания образования.
 - Разработать образовательные программы, направленные на достижение более полного знания различных культур, с целью пересмотра содержания школьных учебников и научно-методической литературы с целью ослабления предубеждений и стереотипов и устранения факторов конфликтов, побуждающих к терроризму.
 - Создание в МГУ имени М. В. Ломоносова государственной межведомственной академическо-образовательной программы «Антитеррористический потенциал современной культуры и искусства».

- Создание межведомственной комиссии по «Борьбе с терроризмом и насилием средствами культуры» при Правительстве РФ.

Спасет ли красота мир? По поводу агрессии Грузии в Южной Осетии и Абхазии

Ю. В. Петров¹

Аннотация

В статье рассматривается двойственная природа красоты, как её понимал Ф.М. Достоевский. Делается вывод, что красота, несущая зло и разрушение, не способна спасти мир. Утверждается, что США и страны Запада, руководствуясь в своей политике расчетом, прибылью, успехом, властью, насилием, несут миру состояние перманентной войны.

«Культура! Культура!» — кичатся двуногие звери,
Осмеливающие называться людьми,
И на мировом языке мировых артиллерий
Внушают друг другу культурные чувства свои!

И. Северянин

I

Накануне и в первые годы «перестройки» разного рода темные личности — расслабленные, юродивые, галлюцинаторы, авантюристы — со всех трибун и во всех средствах информации усиленно кричали, что необходимо срочно «войти в «цивилизованный» европейский мир», что «Запад нас спасет и накормит», что «так жить нельзя», имея в виду, что в стране было бесплатное образование и медицинское обслуживание, право на труд и на отдых, самая низкая преступность в мире, не существовало бедных и т. д. Эти фиктивные лозунги быстро исчезли в виду их явной несообразности реальной действительности, — остался полный конфуз, — однако один из них, несколько выделяющийся по своему смысловому значению и не носящий политического оттенка, сохранился и по сей день. Нет, нет, да и прозвучит яркий и удивительный афоризм «красота спасет мир», несмотря на все преступления и геноцид, совершаемые в современном мире, на преднамеренное разрушение памятников культуры и искусства народов, подвергшихся агрессии Запада (в первую очередь США), на экологическую катастрофу, создающуюся

¹ Директор Института искусств Томского государственного университета, профессор.

деятельностью однополярного, глобализованного мира. Выкликающие эту веру и надежду великого мыслителя, сегодня объективно *затушевывают* все антагонизмы и противоречия преступного мира и способствуют прикрытию тех зверств и чудовищного насилия, совершаемого Западом — в первую очередь США и их клиентами — в отношении стран и народов так называемого «третьего мира» или «стран Юга». В силу указанных причин следует признать, что лозунг «красота спасет мир» несвоевременный, пустой и бессодержательный в современном мире, который «колеблется над бездной», находится у последней черты вселенской катастрофы. «Эту фразу без конца мусолят те, у кого нет своих мыслей, кто не самостоятелен в мышлении — пишет известный русский философ Ф.А. Селиванов. Их тешит то, что они думают так, как великие — действительные или мнимые» [1, с. 182]. Утверждение, что «красота спасет мир» крайне неопределенно во многих отношениях. Что такое «красота»? Ее параметры не заданы, можно только догадываться, что она собой представляет. Красоты как таковой не существует — у нее нет тождественного себе онтологического статуса; красота определяется эстетическими воззрениями людей, живущих в границах своей культуры, поэтому представления о ней у зулусов, эскимосов, аборигенов Австралии или европейцев будут принципиально различными.

Кого спасет «красота»? Мир, в котором живут люди, в социальном плане противоречив и неоднороден. Есть бедные и богатые, есть крестьяне, прозябающие в тысячелетней нищете, и горожане, ютящиеся в фавелах; есть иностранские рабочие, рабочие-иммигранты и свободные рабочие развитых стран. Над всеми ними возвышаются банкиры, воротилы бизнеса, магнаты печатных и электронных средств связи и т. д. Могут ли названные социальные слои и классы спасать друг друга? Могут ли также израильтяне спасать палестинцев, американцы — пуштунов, англичане — ирландцев, французы — алжирцев? Вопрос в значительной степени праздный в силу своей очевидности.

Следует сказать, что спасающие «красотой» чаще всего не подозревают, кому принадлежат эти удивительные слова — то ли Сократу, то ли Платону, то ли Фоме Аквинскому; тем более они не догадываются, что великий писатель высказал эту идею не прямо — не сам, а опосредованно — через князя Мышкина. И кроме того, как свидетельствует весь контекст произведения, создается впечатление, что у самого Достоевского в период написания романа «Идиот» не было ясного представления относительно идеи спасения мира «красотой». Об этом говорят следующие факты. Во-первых, отдельные фразы о красоте как бы вырваны из контекста, звучат обособленно от основного текста, и скорее похожи на фразы-заклинания. Никакого развития в диалогах героев романа идея красоты не получает. Вот типичный пример. Когда основные персонажи внимательно рассматривают портрет Настасьи Филипповны, князь Мышкин ограничивается замечанием: «В этом лице страдания много . . .». Аделаида находит, что в нем «Эдакая сила!». На вопрос Лизаветы Прокофьевны, она поясняет: «Такая красота — сила, . . . с этакую красотой можно мир перевернуть!».

Чуть раньше, во время той же беседы князя Мышкина с Аделаидой,

Александрой, Аглаей и Лизаветой Прокофьевной в доме Епанчиных, Мышкин, глядя на Аглаю, говорит: «вы чрезвычайная красавица, Аглая Ивановна, Вы так хороши: что на вас боишься смотреть. — И только? А свойства? — настаивала генеральша. — Красоту трудно судить; я еще не приготовился. Красота — загадка». Вот, собственно, и все, что сказано о красоте в большом романе, насчитывающем сотни страниц.

Во-вторых, по прочтении романа остается много неясного в сущности «красоты», — того, что можно только домысливать самому читателю, а также обращаться ко всему творчеству писателя, особенно к постижению его религиозного мировоззрения и учения о Боге, чтобы восполнить недостающий пробел. В данном же случае в романе «красота» понимается как «сила», как «загадка» и что посредством «красоты» можно спасти мир.

В-третьих, удивительно то, что сам князь Мышкин нигде не говорит, что «мир спасет красота». Об этом мы узнаем не через прямую речь, но от других персонажей романа; эти его заявления находятся «за кадром» и читателю представляется право самому домысливать о делах и взаимоотношениях героев, совершаемых за рамками повествования, что придает всему происходящему еще большую насыщенность, динамичность и глубину «новых миров». «Правда, князь, — спрашивает Ипполит Мышкина, — что мир спасет «красота»? Господа, — закричал он громко всем, — князь утверждает, что мир спасет красота!» Во время встречи Мышкина с Аглаей, она его предупреждает: «Слушайте, раз навсегда, ... если вы заговорите о чем-нибудь вроде смертной казни, или об экономическом состоянии России, или о том, что «мир спасет красота», то ... я, конечно, порадуюсь и посмеюсь очень, но ... предупреждаю вас заранее: не кажитесь мне потом на глаза!».

Но Достоевского, конечно же, не могло удовлетворить понимание «красоты» наподобие античному, как то, что «нравится», привлекает «взгляд», как красота тела и души (калокагатия), как «сияние». «Красота» у него имеет иной онтологический статус, а вовсе не ограничивается только эстетическим содержанием, как некая гармония и пропорциональность частей универсума (аполлоническая красота). «Красота» имеет божественное происхождение, она выражает сущность Бога, а человек ее постигает через приобщение к Нему. Постигая красоту в Боге, человек *преображается* и начинает видеть прекрасное в сотворенном Богом мире. «О, я только не умею высказать ...» — восклицает Мышкин — а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на божью зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят ...».

Вот здесь-то и следует самым решительным образом не согласиться с теми, кто идею «красоты-спасения» Достоевского пытается интерпретировать безотносительно к религиозному мировоззрению и рассматривать с атеистических, естественнонаучных или «натуралистических» позиций. Здесь обнаруживается факт откровенного воровства и присвоения чужой идеи; вне христианского учения эта удивительная мысль теряет свой пер-

воначальный смысл и содержание, поскольку представление о красоте за рамками православной религии приобретает уже другое, самое различное толкование: красота для католика будет иной, чем для мусульманина, для эскимоса иной, чем для бушмена. Даже в пределах одной культуры, например европейской, идея красоты претерпевает существенные изменения: критерии красоты в Средние века, в эпоху Кватроченто и Чинквеченто, в Новое время (барокко, Просвещение, неоклассицизм, романтизм, викторианство, современное искусство, авангард, массмедиа) не совпадают [2, с. 440]. О какой красоте говорят представители естественнонаучной философии? Чья красота спасет мир: красота эскимоса, зулуса, пуштуна, католика или протестанта? Красоты как таковой в природе нет, все эстетические представления о прекрасном находятся во внутреннем мире человека-субъекта. Красота в природе существует только для христианства; мир прекрасен, потому что является творением Божиим. Для православия и русской христианской философии «красота» не гносеологическая и эстетическая категория, «красота есть характеристика высшего качественного состояния бытия, высшего достижения существования. Можно сказать, что красота не есть лишь категория эстетическая, но есть и категория метафизическая. Если что-нибудь воспринимается человеком целостно, то именно красота. Мы говорим: прекрасная душа, прекрасная жизнь, прекрасный поступок и т. д. Это не есть лишь эстетическая оценка, это целостная оценка. Все гармоническое в жизни есть красота. Во всяком соответствии есть элемент красоты. Красота есть конечная цель мировой и человеческой жизни» [3, с. 326]. Царство Божье может быть представлено только как царство красоты. Всякое преображение человека и мира, говорит Бердяев, есть также явление красоты. «С самых первых веков отцы Церкви постоянно говорят о красоте всего сущего. Из Книги Бытия люди знали, что на исходе шестого дня Бог увидел, что все им сотворенное хорошо (1, 31), а книга Премудрости Соломона напоминала, что мир был создан Всевышним в соответствии с *числом, весом и мерой*, то есть в соответствии с критериями математического совершенства» [4, с. 43]. Следовательно, если человек постигнет красоту Бога, то увидит и откроет для себя красоту в природе. Открытие божественной красоты, разлитой в мироздании, необходимо *преобразит* человека и он проникнется христианской любовью. «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле, — говорит старец Зосима. Любите все создание божие, и целое и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч божий любите. Любите животных, любите растения, любите каждую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь, наконец, весь мир уже всецелою, всемирною любовью».

Христианская любовь бескорыстная и чистая; человек любит не из «выгодной выгоды» и расчетливой корысти, но по велению сердца; такая любовь исключает всякую мстительность, завистливость и злобу. «Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее, — говорит старец Зоси-

ма, — ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего перед бедным, а бедный, видя смиренные сие, поймет и уступит ему с радостью и лаской ответит на благолепный стыд его».

Возможно ли говорить о таком понимании «красоты» для тех, кто не разделяет христианского мировоззрения и стоит на естественнонаучных позициях в философии, а так же тех, кто саму жизнь понимает как насилие и агрессию, но вовсе не как череду праведных поступков. Ответ очевидный — невозможно! Философы, сохранившие себя со времен «диалектического материализма» эпохи «красной профессуры», в лучшем случае идею «красоты» понимают эстетически. Эстетика ограничивается *искусством* и не имеет отношения к живой действительности. «Спасение мира через красоту есть спасение через святость, через явление той силы, которая задавлена грехом — говорит о проблеме красоты в миросозерцании Достоевского выдающийся русский философ В. Зеньковский — ... в формуле о спасении мира через красоту дана не апология искусства, а дана *религиозная идея* — спасение мира через святость, через восстановление образа Божия в нас» [5, с. 272–273]. Любая эстетическая концепция красоты бессильна спасти мир, поскольку в ней разорвана связь красоты и любви, искусства и морали. Беда в том, говорит Достоевский, что «эстетическая идея помутилась в человеке». Теория всегда только теория и не имеет отношения к реальной действительности. Эстетическая теория современных философов, будучи «натуралистической», проходит мимо той стороны предметного мира, которая открывается человеку через обнаружение «смысла», «мудрости» в преднайденной природе. «Красота» мира в миросозерцании Достоевского понимается как некая идеальность, восходящая к софийной глубине мира; «спасение» мира возможно при условии, что с «красоты», являющейся ликом божественной Софии, снято темное покрывало греха и неправды. В идее Достоевского «красота спасет мир» нет ничего от естественнонаучного рационализма и материализма, она есть художественное выражение христианского учения о мире, как его понимает православная церковь.

Но «красота» не только спасение мира, о чем говорят представители естественнонаучного материализма и «натуралистической» эстетики. Красота противоречива и двусмысленна и в ней наряду с добром и любовью содержится страшная разрушительная сила зла. Уже в «Идиоте» можно видеть первые симптомы тревоги, которые рождаются в душе князя Мышкина во время разговора с Ганей по поводу красоты Настасьи Филипповны. «Удивительное лицо! — ответил князь, — и я уверен, что судьба ее не из обыкновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Все было бы спасено!».

«Ах, кабы добра!» — фраза, заставляющая усомниться в том, что «красота» есть исключительно любовь и спасение. Сомнение о спасительной силе «красоты» уже вскользь выражено в речи Ипполита. Передав присут-

ствующим слова князя о спасительной силе красоты, он спрашивает его — «Какая красота спасет мир?». Ответа не последовало и, следовательно, можно допустить, что есть какая-то иная красота, которая не спасет мир. Если «красота» не несет добра, то в таком случае она есть источник зла и разрушения.

Ключ к разгадке великой «эстетической утопии» (В. Зеньковский) Достоевского «красота спасет мир» лежит в его антропологии. Понять сущность «красоты» невозможно иначе, как обратившись к постижению природы человека. Тема человека в творчестве Достоевского занимает исключительно важное место; человек есть такой микрокосм, вокруг которого вращается весь мир, бытие, макрокосм. Судьба человека-микрокосма тесно переплетается с судьбой мира-макркосма, но в этом переплетении судеб человеку отводится главная роль. Такая «исступленность и исключительность» антропологизма и антропоцентризма объясняется тем, что у великого писателя «предстательство» о человеке и его судьбе доведено до богочеловечества, но эта борьба заканчивается вручением судьбы человека в руки Богочеловека — Христа. Антропологизм Достоевского является *христианским* по содержанию. «У Достоевского нет ничего, кроме человека, нет природы, нет мира вещей, нет в самом человеке того, что связывает его с природным миром, с миром вещей, с бытом, с объективным строем жизни. Существует только дух человеческий и только он интересен, он исследуется» [6, с. 26–27].

Каким предстает человек в изображении Достоевского? Мы не найдем в нарисованном им образе человека ничего умозрительного, отвлеченного, надуманного; человека показан не с позиции вымышленного абстрактного гуманизма, но таким, какой он есть в реальной жизненной ситуации — «существо на двух ногах и неблагодарное. Но это еще не все; это еще не главный недостаток его; главнейший недостаток его — это постоянное неблагоденствие, постоянное, начиная от Всемирного потопа до Шлезвиг-Гольштейнского периода судеб человеческих». Человеческая душа есть загадка, непостижимая для рационального ума; ее сложность и противоречивость приводит к тому, что человек остается «неустроенным» в земной жизни — ему никогда не создать социальное общежитие на разумных основаниях в силу того, что он существо больное — «разложение» и «преступление». Люди вовсе не «дети Божьи». Они есть носители зла, лжи, разрушения и разложения; нет никаких внешних причин, делающих человека порочным, причина всех человеческих несчастий кроется в самом человеке. «Темное в человеке, хаотичность и неустроенность души, власть подполья и аморальность его, жуткая сила пола, — говорит Зеньковский, — все эти темы были нужны Достоевскому, чтобы осмыслить то, на что он нагляделся на каторге, и чтобы сбросить с себя власть этих жутких видений» [5, с. 267]. Чтобы понять человека, недостаточно апеллировать к его разуму и видеть в *animal rationale* вершину в эволюции природы творящей (*natura naturans*); человек — это «ужасающая темнота души», заглянув в которую Достоевский испытал острое желание пойти по пути спасения человечества. Христианская идея *спасения* лежит в основе всех духовных исканий

великого мыслителя и его утопия «красота спасет мир» является одним из таких способов спасения человечества. Но поскольку человек существо высокое и низкое — образ Божий и образ сатанинский — ангелоподобное и демоническое, то идея «красоты-спасения» оказывается явно недостаточной, чтобы вернуть человека в лоно Божье, ибо красота изначально задана злом и грехом. Эстетическая философия Достоевского такова, что она сама вступает в противоречие с его эстетической утопией и разрушает ее. «Красота» в ином обличье выступает в «Бесах»: Ставрогин выражает такую идею «красоты», которая говорит о ее эстетическом «помутнении» в человечестве. В «Бесах» все говорят о красоте, замечает Зеньковский, заморожены ею, однако о такой «красоте», где разорвана связь красоты и добра.

Но наиболее полное выражение красоты как «греха», как «двусмысленности эстетического восприятия», в котором стерты границы между добром и злом мы находим в романе «Братья Карамазовы». Вот знаменитые слова Дмитрия, обращенные к Алеше: «Я падаю и считаю это для себя красотой. — Красота это страшная и ужасная вещь. Страшная потому, что неопределимая, а определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут ... Красота. Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны и горит от него сердце. Нет, широк человек, слишком широк, я бы сузил. Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой ... В бодоме красота и сидит для огромного большинства людей — знал ли ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут диавол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

В этой краткой, но гениальной тираде выражены все противоречия красоты, над которыми мучительно размышлял Достоевский — красота не только в идеале Мадонны, но и в идеале Содомском, красота не только божественна, но несет и демоническое начало. Потому-то Ставрогин «в обоих полюсах находил совпадение красоты, одинаковость наслаждения», ощущал притягательность того и другого в силу полярности человеческой природы (*«двусмысленность эстетического восприятия»*. — Зеньковский). «Власть видел в красоте и Достоевский, — цитирует С. Маковский размышления о красоте И. Анненского, — но это была для него уже не та пьянящая власть наслаждения, для которой Тургенев забывал все на свете, а *лирически-приподнятая, раскаянно-усиленная исповедь греха*. Красота Достоевского то каялась и колотилась в истерике, то соблазняла подростков и садилась на колени послушникам. То цинически-вызывающая, то злобно-расчетливая, то неистово-сентиментальная, красота носила у Достоевского глубокую рану в сердце; и почти всегда — или паденье, или пережитое его страшное озлобление придавали ей зловещий и трагический характер. Таковы Настасья Филипповна, Катерина Ивановна, Грушенька и Лиза, героиня «Бесов». Красота всех этих девушек и женщин, но странно — никогда не замуж-

них, если красота их точно должна быть обаятельно, — не имеет в себе в сущности ничего соблазнительного ... Настасья Филипповна, Аглая и другие как-то уж слишком великолепны. И при этом они не только сеют вокруг себя горе, но даже сами лишены отрадного сознания своей власти. Это прежде всего, мученицы, иногда веселые, дерзкие, даже расчетливые, но непременно мученицы. В женщине, правда, Достоевский красоту все же допускал и даже, пожалуй, по своему, *любил*. Но красивые маски мужчин, как Ставрогин и Свидригайлов, были ему отвратительны и страшны, хотя страшны и совсем по другому. Если у женщин красота таила чаще всего несчастье, рану в сердце, глубоко мстительное оскорбление, то в мужчине красота заставляла предполагать холодную порочность» [7, с. 143]. Итак, идея «красоты» Достоевского предполагает, что можно начать с Мадонны и кончить Содомом, в котором сердце усматривает красоту («помутнение эстетической идеи в человечестве»). Красоту можно видеть в грехе и моральном разложении, поскольку она находится «по ту сторону добра и зла» (Ницше); «нет никакой внутренней связи между красотой и добром, красота равнодушна к добру и на красоту нельзя положиться» [5, с. 276].

Далее. На вершине постижения «красоты» («высший даже сердцем человек и с умом высоким») находятся люди, которые *совмещают* идеал Мадонны с идеалом содомским. Вот здесь-то и возникает *загадка* красоты; ее можно видеть во зле и она уравнивает добро и зло. Здесь обнаруживается не только двусмысленность красоты, но и «ужас», который она приносит с собой.

«Ужас» красоты со всей силой проявляется в «жуткой силе пола». Связь красоты с полом задает загадку потому, что пол связан с красотой не только в нормальных, но и *извращенных* отношениях. Извращения в области пола («позор» для ума) предстают таковыми только с точки зрения морали, морального сознания, с эстетической же точки зрения они не подлежат осуждению. «Бесспорно, эстетические оценки не заключают в себе той мучительности, которая есть в оценках моральных, — говорит Бердяев. И, может, именно поэтому дьявол хочет воспользоваться красотой для своих целей. Красота может стать демонической не по своей сущности, не потому, что она есть, она может быть лишь использована в борьбе полярно противоположных сил» [3, с. 327]. Человек ищет красоту как в окружающей действительности, так и в поле. В этом и есть ужас того «открытия», которое делает Достоевский, замечает Зеньковский.

«Широк человек, слишком широк», — говорит Дмитрий Карамазов, — я бы сузил». В этих словах выражена мысль Достоевского о том, что человек сложное и противоречивое существо: он помимо своей воли стоит перед двумя безднами: возвышенной и низменной; он велик и силен, мал и ничтожен одновременно.

Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб,
Добро иль зло творю — о том не рассуждаю.

Ф. Тютчев

Человеку никогда не овладеть свободой, потому что он не в состоянии противостоять соблазнам — красоте содомской. Эстетика делает проблему свободы шире и трагичнее, нежели она представляется только моральному сознанию. Загадка красоты состоит в том, что она непостижимым образом связана с духовным противостоянием человека перед двумя безднами и равнодушно взирает на его борьбу — к победе добра она не имеет никакого отношения.

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Ф. Тютчев

Красота не имеет отношения к добру, как думает князь Мышкин и Достоевский в своей эстетической утопии. Теперь — в романе «Братья Карамазовы» — красота предстает в другом обличье — обличье «раны в сердце», «греха», и она не только не спасает мир, но его губит. Губительная сила красоты проявляется в «безудержье пола», ибо пол, будучи источником всего высокого, является также причиной самых ужасных падений (исповедь Ставрогина). В погоне за красотой человек не может устоять перед соблазнами красоты содомской; в этом факте проявляется слабость, беспомощность и невозможность «устроения» человека в жизни на разумных основаниях. Красота есть для человека загадка.

Красота... «Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут Дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Красота такова, что она находится в сердце человека, но сердце беспомощно перед ней, поскольку та ослепляет его и тем самым лишает сердце моральной силы и свободы. Поскольку таких людей, как старец Зосима или Алеша не существует, — это всего лишь идеализированные персонажи, — постольку красота оказывается бессильной в деле спасения мира. Красота не обладает никакой силой спасения; напротив, «красоту в мире нужно спасать» — вот страшный трагический вывод, к которому подходит, но который не смеет осознать Достоевский. Красота в мире является предметом «борьбы» между злым началом и Богом» [5, с. 277].

Итак, согласно христианскому мировоззрению Достоевского, которое в значительной степени было натуралистическим, существует два вида красоты: метафизическая красота — вечная и неизменная красота Бога и земная красота — красота природы сотворенной (*natura naturata*). Земная красота несет в себе изначально два противоположных начала — добро и зло. Раздвоение красоты есть отражение двойственной природы самого человека: «злая красота» ничто иное, как человек падший, существо больное — «разложение» и «преступление». Люди отнюдь не «дети Божьи» но способны на всякие подлости и мерзости, разложение и разрушение. Видимо, с самого начала человек был «сделан из слишком кривого дерева, чтобы

из него можно было выстругать что-нибудь совершенно прямое» (Кант) и его в принципе невозможно переделать. Такой человек не видит и не понимает красоты и своей эгоистической деятельностью разрушает и губит красоту. Красота сама по себе бессильна и никого не спасет.

II

В современном мире идея красоты потеряла свое значение; о красоте никто не вспоминает и никто не представляет, что такое красота. Люди живут совершенно другими интересами и обходятся без красоты — на смену ей приходят расчет, прибыль, успех, власть, насилие. В них современный человек находит себя и оттого не чувствует дискомфорта от утраты той стороны жизни, которая определяла существование людей прошлых эпох: Античности, Средневековья, Возрождения. Современное состояние общественной жизни характеризуется «гибелью красоты» или ее «умалением». Человеческое бытие становится все более некрасивым; даже искусство, призванное воспевать красоту, «отрекается от красоты». Объяснение этому философы находят в эпохе, которая характеризуется развитием науки и техники. «Век техники, век масс, век подавляющих количеств, век ускорения времени не оставляет места для красоты. Как будто бы торжество большей социальной справедливости делает жизнь некрасивой, во времена социальной несправедливости жизнь была красивее» [3, с. 380].

Современное западное общество характеризуется состоянием страха и войны, терроризма, возведенного на государственный уровень, абсурдом парламентской демократии. Последняя как некая самоцель превратилась в «парламентский фетишизм», который по сути дела заменяет подлинную демократию. Этот фетиш со всей очевидностью показывает разрыв между средствами и целями в деятельности. Западная демократия построена на лжи и эта ложь состоит в том, что партии, стремящиеся к власти, используют лживые средства для достижения своих целей. В борьбе за получение большего количества голосов используются любые средства: подкуп, фальсификация результатов голосования, обман избирателей, заказные убийства. Избирательная компания держится на страхе; в выборах, к которым призывает государство (например, французское), присутствует «два вида страха» [8, с. 7]. Страх «сущностный» — субъективное состояние людей господствующего и привилегированного круга по причине их конечного господства. Он находит выражение в страхе перед иностранными рабочими, мусульманами, молодежью из пригородов, приехавшими из Африки чернокожими и т. д. Этот «сумеречный» и «консервативный» страх рождает в людях желание иметь господина, дабы он их защитил, даже если положение *обеднения и угнетения* будет усугубляться.

Второй страх, существующий в большей или меньшей степени во всех западных странах (в странах «семерки»), есть «вторичный», «производный» страх, вызываемый первым. Все понимают и не принимают политику «разнузданного капитализма» — широкомасштабные действия, направленные

на создание одного глобализованного мира. Для социалистов и буржуа нет сомнения, что Палестина, Иран, Афганистан, Ливан, Африка есть свой особый мир, однако никто из электората не протестует против законов, направленных против этих государств, и нелегальных рабочих, молодежи из пригородов, неплатежеспособных больных и т. д. Второй страх — «страх перед страхом» или «электоральный цирк» аккумулируется в парадоксальное психологическое состояние избирателя: «Кого надо больше бояться — дворника-тамула или полицейского, что не дает ему жизни?», «Что опаснее: планетарное потепление или наплыв малайских домработниц?». Аффективная негативность приводит к распаду электорального субъекта, после чего манипулирование общественным сознанием есть дело техники средств информации: телевидения, радио, печатной прессы. Страх, искусственно создаваемый государственными учреждениями, признает государство самодостаточным и действительным. Электоральный субъект делегирует свои страхи («сущностный» страх и «страх перед страхом») государству в надежде, что признав его легитимным, он может рассчитывать на защиту от врагов.

Диалектика политической жизни такова, что страх неизбежно переходит в террор. «Государство, легитимность которого основана на страхе, потенциально правомочно стать террористическим» [8, с. 14]. Современные западные государства находят терроризму демократические формы, используя последние достижения техники: радары, контроль Интернета, систематическое прослушивание всех телефонов, фотографии, картографию перемещений и т. д. Над всем этим возвышается надзор, как главный механизм государственного террора; приветствуется доносительство, скрепляющее все мерзости буржуазного общества. При первом удобном случае «контроль незамедлительно превратится в чистый обыкновенный государственный терроризм ... У страха никогда не было иного будущего, кроме террора в самом общепринятом смысле этого слова» [8, с. 15].

Политика терроризма и провокаций возведена в ранг государственной политики ведущих западных государств. Во время войны в Чечне США и другие страны готовили диверсионные группы, снабжали их оружием и деньгами, заставляли пограничные государства пропускать банды наемников через свою территорию. События 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, когда были захвачены, якобы, террористами из организации «Аль-Кайда» четыре пассажирских самолета, протаранившие две башни всемирного торгового центра, и где погибли три тысячи человек, в действительности вовсе не дело рук Усамы бен Ладена. Никакого Усамы Бен Ладена не существует — эта фальшивка спецслужб США, одобренная правительством. Как стало известно из итальянских средств информации, башни рухнули не в результате врезавшихся в них самолетов, а вследствие взрывов, спланированных заранее и осуществленных на нижних этажах. Высокопоставленные чиновники всемирного торгового центра заранее были предупреждены о готовящейся диверсии и в здании в это время отсутствовали. США, обвинив во всем Ирак, развязали агрессию на Среднем Востоке с целью установления контроля над нефтяными ресурсами данного региона.

Демократия изначально связана с подобными преступлениями: война США с Японией началась после принесения в жертву собственного флота, расположенного на Гавайских островах (Пёрл-Харбор); вторая мировая война началась с провокации, учиненной фашистской Германией: переодетые в польскую военную форму немецкие солдаты разгромили свою радиостанцию в пограничном городке Глейвице и послали в эфир от имени польского правительства сообщение, призывающее поляков объединиться и убивать немцев. Немецкие диверсанты были расстреляны своими, зато повод для нападения на Польшу был «убедительным» — 1 сентября 1939 г. немецкие войска вошли на ее территорию и т. д. и т. д.

У страха, на чем держится западная демократия, нет иного пути, как перерасти в терроризм. Терроризм неизбежно перерастает в состояние войны и война становится перманентной и глобальной. Современный президент США открыто заявляет, что всех ожидает «очень долгая война», — война против терроризма. Победного конца в этой войне не будет — это естественное и вечное состояния буржуазной демократии, которая характеризуется двойственной природой: в одном случае идет война против терроризма, в другом — терроризм постоянно поддерживается и воспроизводится, так как без социальной напряженности господствующему классу власть не удержать. «Вот почему западные страны все больше задействованы на разных фронтах. Воинственно уже удержание существующего порядка, ибо порядок этот патологичен по своей сути. Упомогающие диспропорции, дуализм миров — бедного и богатого — удерживаются не чем иным, как силой. Война — вот мировой горизонт демократии» [8, с. 16].

Развязанная Грузией война против Южной Осетии и Абхазии 8 августа 2008 г. является классической по критериям «мировой демократии». США эта война необходима, чтобы спровоцировать большую кавказскую войну и расчленив Россию, мешающую сохранить однополярный мир. Грузии агрессия необходима, чтобы на волне антирусской истерии удержать власть проамериканским марионеткам. Правители тайно готовились к войне, получали новейшее оружие из-за океана; американские специалисты обучали, как наносить удары в ночное время по мирному населению, женщинам, старикам и детям. Можно ли в условиях всеобщей войны надеяться, что красота спасет мир? Политика современных западных государств находится вне сознания красоты. Красота людей, красота произведений культуры и искусства не представлена в сознании чиновников от правящей элиты, поэтому без всякого сожаления разрушаются ценнейшие памятники. В городах Осетии и Абхазии безвозвратно погибли памятники архитектуры, как навсегда погибли произведения культуры и искусства в Афганистане, Ираке и других странах, подвергшихся нападению США и их сателлитов. На первое место выдвигаются власть, политические и экономические интересы правящей элиты государств-агрессоров; вещные сущности — нефть, газ, редкоземельные элементы в современной культуре оказываются первичнее духа — «не дух господствует над веществом, а вещество — над духом» [9, с. 17]. Красота есть понятие духовное, а потому она абсолютно бессильна в современном мире, где правят бал власть и деньги — вещи

сугубо материальные. Не красота, но зло сегодня вышло на авансцену истории, «зло — это люди финансов, люди власти, которые похожи на крыс, на «человека-с-крысами»» (А. Бадью).

Идея Достоевского «красота спасет мир» была с самого начала эстетической *утопией*. Он понимал бессилие красоты в «преображении» социальной действительности, ибо красота напрямую связана с разрушением, гибелью, надрывами, свойственными человеческому существованию. Красота может привнести в человеческую жизнь зло и погибель. Поскольку красота находится внутри человека — «в мире неодушевленном — материальном и идеальном ... нет красоты, безобразия, значительного и незначительного», — постольку спасать необходимо самого человека, а вместе с ним и его красоту. Еще можно было бы как-то надеяться на спасительную роль красоты, если бы люди могли любить друг друга и находить в этом удовлетворение. Но Достоевский как великий мыслитель и провидец не верит в возможность построения общества всеобщего благоденствия на земле — человек этого никогда не позволит. Словами Ивана Карамазова он говорит: «Я тебе (Алеше — Ю.П.) должен сделать одно признание, ... я никогда не мог понять, как можно любить своих близких. Именно близких-то, по моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних ... Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое — пропала любовь ...». Если кто-либо из читателей будет упорствовать и станет говорить, что Достоевский так не думал, на это возражение можно привести слова самого писателя: «Возлюбить человека, *как самого себя*, по заповеди Христовой, — невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек».

Следует перестать думать, что «красота спасет мир» — современный мир есть состояние перманентной войны, выйти из которого в обозримом будущем нам не удастся. Человечество «прогрессирует вспять». После падения Берлинской стены изменилась политическая география Европы и Азии: не стало Советского Союза, Югославии, Восточной Германии. После полувека «холодной войны», обеспечивающей мир и стабильность в мире, начались «горячие войны»: в Афганистане, Ираке, в Южной Осетии, Абхазии. Идут крестовые походы христиан на мусульман, возрождается христианский фундаментализм, начинается великое переселение народов, появляется рабство. В условиях глобализованного мира война становится нео-войной, обеспечивающей сверхприбыли межнациональных корпораций, поскольку их интересы по ту, и по другую линию фронта. Для надгосударственного капитализма нет победителей и побежденных — есть только прибыль. Этим и объясняется политика западных государств, рассчитанная на поддержание нестабильности.

Агрессии со стороны буржуазных демократических режимов следует противопоставить не «красоту» — отвлеченную гуманистическую идею, бессильную в современном мире, имя которому «война», но смелость и мужество трудящегося населения. Необходимо отбросить всякие иллюзии, вроде «красоты», преодолеть страх («первичный» и производный — «страх

перед страхом». — А. Бадью) и готовиться к долгой и упорной борьбе, помня, что «мир добывается ценой множества, множества человеческих жизней» (У. Эко).

Литература

- [1] Селиванов Ф.А. Спасет ли мир красота? // Селиванов Ф.А. Поиск ошибочного и правильного. — Тюмень: издательство Тюменского университета, 2003.
- [2] См.: История красоты/под редакцией Умберто Эко. — М.: Слово/Slovo, 2006.
- [3] Бердяев Н.А. О назначении человека. — М.: Республика, 1993.
- [4] История уродства / Под редакцией Умберто Эко. — М.: Слово/Slovo, 2007.
- [5] Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. — М.: Республика, 1977.
- [6] Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. — М.: Захаров, 2001.
- [7] Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. — М.: Издательство «Наш дом» — L'Age d "Homme", Екатеринбург: издательство «У-Фактория», 2000.
- [8] Бадью Ален. Обстоятельства, 4: Что именуется именем Саркози? — СПб.: Академия исследования культуры, 2008.
- [9] Мережковский Д.С. Тайна Запада. Атлантида-Европа. — М.: Эксмо, 2007.

О толерантности этносов Приуралья

М. В. Ботя¹

Исследование основ толерантности этносов в таком многонациональном регионе, как Приуралье, представляет особенный интерес. На территории Западного Приуралья проживают народы финно-угорской (коми-зыряне, коми-пермяки, удмурты, марийцы), славянской (русские Вятского края, Волго-Камья, Пермской области), тюркской (чуваши, татары, башкиры) этнических групп. Следует отметить, что эти группы имеют длительный опыт совместного проживания на территории Приуралья.

При сходстве внешних условий существуют различия, обусловленные влиянием культурного своеобразия конкретного народа. Каждый член группы в большей или меньшей степени несет в себе духовную коллективность, известную под названием традиций, преданий, которые также можно рассматривать как систему духовных сил, определяющих настоящее переживания, впечатления и реакции индивида.

Как отмечает В. Б. Кошаев [3], в системе духовного наследия этносов Приуралья прослеживается, с одной стороны, тюркское влияние при сохранении удмуртской этноспецифики сознания, с другой — отмечается финно-угорское (угорское) происхождение, с заметным влиянием иранского компонента.

Для адекватного анализа специфики взаимоотношений между народами, составляющими основу населения Приуральяского региона, необходимо рассмотреть национально-психологические особенности, ментальность каждого этноса, т. е. систему значений и смыслов в культуре народа. Можно сказать, что менталитет — это некая призма, через которую человек смотрит на мир, и, наконец, это стереотипы массового сознания, определяющие поступки и поведение людей. Отсюда и вытекает то неповторимое своеобразие, которое свойственно каждому этносу.

По мнению Ф. П. Пуркрокова [5], в основе менталитета этноса лежит идея, составляющая духовный идеал, который пронизывает всю систему воспитания, цементируя народ в нечто целое, единое, хотя не всегда он сознаваем. «Лу дунне адыми», — говорят удмурты воспитуемым. Дунне — это весь мир, вселенная, адыми — человек. «Будь мировым, вселенским человеком», — вот духовный идеал удмуртов. Говоря современным языком — это планетарное мышление, не ограничивающееся своим «я», своей семьей, своей деревней, своей нацией. «Если хочешь стать настоящим человеком, — говорится в наставлении молодежи, — ты каждый день зарабатывай самое

¹ Директор института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета, г. Ижевск.

меньшее три «спасибо», делая кому-нибудь добро».

Детям внушали идею, что у всего в мире есть свой кузё (хозяин, дух) и без братания с кузё никуда не надо соваться. Срубив дерево — положи на пень крошку хлеба, приходя в лес — попроси разрешения войти у духа леса, перед тем как войти в реку — породнись с ее духом, отдав ему листок, кусочек земли или камушек, попив воды в роднике, очисти его русло от веток, листьев, прошлогодней травы, ила.

Словом, где бы человек ни прошел, за ним должна оставаться чистота, порядок. Будь един с природой, людьми, Богом. Дом — это жилище твоего тела и души, природа — жилище твоего духа.

Когда достигается умение вести себя как в материальном, так и в духовном мире, только тогда человека можно считать вселенским.

Таковы требования, предъявляемые к человеку народной педагогикой удмуртов. Этот духовный идеал является как бы основой философии удмуртов. Она строилась на аксиоме об абсолютной ценности человеческой жизни и человеческого здоровья (как физического, так и духовного). В народной педагогике удмуртов в этом отношении не было деления на ближних и дальних. Одинаково бесценной считалась жизнь всякого человека: из своего ли рода, из другого ли, своей ли нации, другой ли. Поэтому драки и убийства редко встречались в удмуртских деревнях. Все споры старались разрешить мирно. Так же мирно разрешались и семейные конфликты. Мирный, гармонический характер взаимоотношений старались создать и между соседями. Существует обычай, когда хозяйка, испекши хлеб, угощает горячим хлебом соседку. Такие добрососедские отношения могли сложиться только в таких условиях, когда люди понимали необходимость смотреть на мир не только собственными глазами, но и глазами всей родни, всех соседей, всей деревни. Оценка своих поступков глазами других людей делала удмуртов по отношению с другими народами интернационалистами. Однако, удмурты не смогли выработать механизм приспособления к агрессивно настроенным соседям. Столкнувшись с грубостью, агрессией удмурты предпочитали покинуть обжитые места и удалиться в тихие, никем еще не занятые места. «Вудмурт» — лесной человек так называли себя удмурты. Они всегда пытались уйти от открытых конфликтов, считая проявление агрессии, озлобленности недостойным «Вселенского человека — дунне адыми».

По мнению исследователей С. Ф. Васильева и В. Л. Шибанова [1], корпоративность удмуртов строится на стремлении социальных групп ориентироваться на различные типы культур (русофильство на севере и прототатарская ориентация на юге).

Для удмуртов единственный способ сохранения личного — интенсивная внутренняя жизнь, скрытая от чужих глаз, сокрытие сущности за внешне нейтральными масками. Это объясняет поразительные и, может быть, неуместные сегодня для стороннего наблюдателя такие качества удмуртов как совестливость, скромность, застенчивость, ответственность — то, что исследователи феномена Японии называют «культурой стыда». Для индивида при оценке своего «Я» и своих действий важен не собственный внутрен-

ний голос («культура вины»), а голос других людей, мнение коллектива, общины («культура стыда»).

Тюркская этническая группа, включающая чувашей, татар, башкир — целостная, сплоченная в культурном отношении этническая общность. Всех их отличает сильная приверженность к национальной культуре, традициям, быту. К психологическим характеристикам представителей этой группы можно отнести исполнительность, аккуратность, высокую психологическую устойчивость в экстремальных ситуациях, неприхотливость, некоторую замкнутость в общении, высокое чувство ответственности, выражающееся в башкирской пословице «Умел дать клятву, умей и сдержать ее». Как правило, это люди гордые, с высоко развитым и ярко проявляющимся чувством национального самосознания и собственного достоинства.

Традиционная религия представителей этой этнической группы за исключением небольшой по численности группы христиан — крышен, обращенных в православие в 16–17 веках — ислам суннитского толка, — проповедует воздержанность в еде и питии, отрицание любого насилия.

Важные черты славян — человеколюбие и терпимость, высокая гражданская солидарность, готовность прийти на помощь, неприхотливость. Испокон веков русский народ славился хлебосольством и гостеприимством. Ф. М. Достоевский, говоря об особенностях российского народа, отмечает, что у русских есть умение понимать и принимать все другие народы. Однако, М. Г. Рогов [2] отмечает такую особенность ментальности народа, как стремление уйти от ответственности, ориентированность на подчинение сильной власти. Славянский духовный и культурный компонент до известной степени преобразуется как в финно-угорской линии, так и в тюркской, показывая удивительную пластичность и высокую толерантность.

Б. С. Алишев в своем исследовании ценностей тюркского и славянского этносов, говорит, что несмотря на этнокультурные различия (язык, культура, религия и т. д.), в глубинных (ценностных) основаниях рассматриваемых культур нет принципиальных различий, которые ставили бы между ними непреодолимые барьеры.

Однако, при всем сходстве образа жизни и политико-экономических условий, все же отмечаются различия в их ценностно-мотивационной сфере, системе отношений и других социально-психологических характеристиках. В структуре ценностей молодых людей славянской и угро-финской групп заметен определенный уклон в сторону «романтических» ценностей, тогда как тюркские народы демонстрируют большую приземленность и практичность.

Анализ специфики отношений между угро-финскими, тюркскими и славянскими народами, построенный на изучении эмоционально-оценочных отношений этих этнических групп друг к другу, показал, что в целом напряженности и интолерантности между ними не наблюдается, что, видимо, объясняется длительной историей их мирного сосуществования и отсутствием ценностно-культурного конфликта. И как показывают современные исследования, на сегодняшний день ситуация в регионе достаточно благоприятная и характеризуется толерантностью представителей различных

народов региона друг к другу.

Однако каждый из этносов региона достаточно консолидирован [2] и в ситуации постоянного взаимодействия с другими сохраняет чувство «мы», которому соответственно противопоставлены «они». Ощущение своей этничности, этническая идентификация позволяет личности чувствовать свою кровную связь с большой группой людей, что усиливает ощущение защищенности и относительной безопасности в нестабильном обществе.

Не умаляя значимости каждого конкретного этноса в истории и культуре, все же необходимо сосредоточиться не на выявлении различий между представителями отдельных этнических групп, а на толерантности, которая выражается в уважении к чужим духовным ценностям, на нахождении общих, объединяющих фактов истории, культуры, психологии.

Проблемы толерантности с необходимостью включают в себя определенные элементы этнической толерантности, т. к. социализация личности предполагает этническую самоидентификацию и осознание необходимости уважения иных культур в межэтнических коммуникациях. В связи с этим, по мнению И. А. Латыпова [4], этническую толерантность можно понимать как вид толерантности, характеризующий меру терпимого отношения к мнениям, взглядам, убеждениям, духовным ценностям различных этносов и выражающий уверенность в мировоззрении, общественном сознании, духовных ценностях собственного этноса.

Этническая толерантность оказывается одной из форм взаимосвязи различных этносов как различных субъектов в многонациональном обществе.

В этой связи особую актуальность приобретают кросскультурные исследования, направленные на анализ взаимного влияния культур друг на друга и способов их наиболее эффективного сосуществования и обогащения. Тем более, что многие ученые говорят о культурной близости народов, населяющих Приуральский регион, что является следствием долгого исторического пути, который эти этнические группы прошли вместе.

Литература

- [1] С. Ф. Васильев, В. Л. Шибанов. Миф перспективы и перспектива мифа (особенности семиозиса в Удмуртии) // Сб. научных трудов/под ред. А. А. Разина. Ижевск: изд-во Удм. Ун-та. 1994. С. 63–77.
- [2] И. М. Городецкая, М. Г. Рогов, А. Б. Блохин. Межэтнические отношения русского, татарского и башкирского народов, <http://psyjournals.ru/articles/d7985.shtml>.
- [3] В. Б. Кошаев. Традиционное жилище народов Западного Приуралья. Классификация. Искусство. Ижевск: Изд. Дом «Удмуртский университет», 2001. 370 с.;
- [4] И. А. Латыпов Этническая толерантность в многонациональном обществе (социально-философские аспекты) / Феномен этнического и гло-

бализация современной культуры народов Поволжья и Приуралья: Художественная практика, дискурс, образование. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 196 с.;

- [5] Ф. П. Пукроков. Менталитет и духовный идеал удмуртов // Сб. научных трудов / Под ред. А. А. Разина. Ижевск: изд-во Удм. ун-та. 1994. С. 55-63;

Аксиоматический конфликт рода и цивилизации (искусство надежней свинца)

В. Б. Кошаев¹

Силой можно добиться всего, но власть ее недолговечна

А. Линкольн

Аннотация

Не силе противостоит искусство. Оно не стреляет, как это определял один испанский художник, в этом нет нужды. Оно неисчерпаемый источник вдохновения. Распространенная в сознании народа потребность гармонии. Нечто порождающее. Свобода. Художественная идея, поглощающая идеологию и конфликты. Примирение через сожаление. Сила воли, выталкивающая на поверхность сознания не конфликт — иное — образ Творящего Мира с человеком внутри и вовне. Прошлые эпохи сохраняются для человечества в искусстве — памятниках культуры. Войны уходят, культура остается. Поэтому искусство надежней свинца.

1. Увеличение массы конфликтов в современном обществе обусловлено единственной причиной — при стремительном росте народонаселения гуманитарная инфраструктура, призванная быть этической платформой жизни, нравственной линзой высокого разрешения, не успевает за научно-техническим прогрессом. При этом дисциплины обращены к пересозданию собственных дисциплинарных контекстов и стремятся к автономности внутренних целей, приспособливают к себе внешние обстоятельства, но не поглощают их. Необходимое научное и образовательное условие воссоздания дисциплинарных задач становится непреодолимым препятствием для полноценной их реакции и синтеза с гуманитарным потенциалом естественнонаучного знания, часто просматривается особая дислокация того и другого от религиозного опыта, чем выявляются слабые стороны *поиска* в целом. Сформированные ценностные критерии жизни в философии, искусстве, эстетике, истории и др. оказываются несинхронизированы и между собой и с гуманитарными идеями естественных наук, а также и с политологией, социологией, психологией, юриспунденцией — и в конечном итоге оказываются неработающими.

¹ Доктор искусствоведения, профессор кафедры СОТИ факультета искусств МГУ имени М. В. Ломоносова, член СХР.

Одной из фундаментальных причин рассогласований является несовпадение при определении каждой дисциплиной ценностных ориентиров общества. Сформированные идейные или идеологические постулаты проверяются на живом теле человечества, часто без предустановления будущего результата. В особенности это касается производящих сил. Эта особенность связана с управлением материальными активами — часто они используются неосторожно, без претерпения взаимного согласия сфер духовной и материальной. Конечно и стагнация духовного опыта может стать причиной конфликтов, и это лишь доказывает несовершенство обеих частей в подразумеваемых внешних целях. Проявляется в основном на противостоянии нарождающегося культурного потенциала предыдущему. Преодолевается тяжело. Инструментом преодоления чаще всего выступает опыт страдания и претерпения внутри коллективов. Выражается это национальным катарсисом, преосуществляется в ближайшем к человеку окружении — семье.

Вся история человечества свидетельствует о непреходящем значении семейно-родовых отношений в передаче общественного опыта. Уже в палеолите существуют дислокальные семьи внутри родоплеменного объединения, а с периода патрилинейных отношений очевиден ее устойчивый статус. На основе семьи формируются общинные отношения. Нетрудно заметить, что изменения в обществе, на протяжении нескольких тысячелетий носило вид цивилизационного обновления и отражалось на родовых, семейных связях и в целом на общественной инфраструктуре. Решение задач государственного ассемблирования неизбежно вело к созиданию нового бытия семьи и рода и преобразованию, но не разрушению старого. Так жесткой альтернативой языческому обществу стала конфессиональная ветхозаветная традиция. Конфликт порожден исчерпанностью рабовладельческих языческих деспотий. Раб в Египте или Вавилоне оставался рабом навечно. Раб еврея после шести лет работы отпускался на волю «даром»². Для этого потребовалась новая ценностная программа: в отношениях членов родов и семей важнее становится вынесенный фактор — воля Бога, но не человека. Так Иосиф говорит своим братьям, некогда продавшим его в рабство: «(. . .) Бог послал меня пред Вами для сохранения вашей жизни»³. Любопытно, что в истории с подложенной чашей младшему брату, якобы украденной им, просматривается аналогия с чашей, которая была подложена Эзопу — здесь смысловые дефиниции сюжетов провокации противоположны.

Устройство новой организации жизни на принципах семейно-родовых структур дано в четвертой книге Моисея — Числа. Исчисленное общество по родам, семействам, именам мужского пола «поголовно»⁴ четко определяет месторасположение по отношению к скинии, представительство в структуре управления израильским обществом, функциональную структуру родов.

Структура «большой семьи», которая являлась ядром общинной орга-

²Вторая книга Моисея «Исход» (21:2).

³Первая книга Моисея «Бытие» (45:5).

⁴Четвертая книга Моисея «Числа» (1).

низации, легла в основу системы статусов населения древнеирландского племени. «Как известно, общинные отношения в древности играли едва ли не решающее значение для формирования государственных и племенных образований и воспроизводились на самом различном уровне — от развитого полиса, до сельской общины отдаленных от центров античной культуры районов»⁵.

Противопоставление новой евангелической традиции ветхозаветной — конфликт ситуативный, как конфликт детей и отцов, отчасти разрешившийся *впоследствии*, имея ввиду преемственность и ратификацию христианством догматов ветхозаветных преданий там, где это отвечало новым божественным предустановлениям. Задача приведения к Вере языческих народов могла быть решена только из новых условий государственного преобразования, что требовало нового вероосуществления. Стагнация гуманитарных идей внутри иудейского общества должна была быть преодолена. Что и произошло. Семейно-родовая структура языческих коллективов укрепилась христианизацией. Христианская община предполагала снятие межплеменных, межродовых противоречий. Родовые отношения постепенно трансформировались в общинные. Расширение границ Древнерусского государства и втягивание в оборот переустройства многочисленных этносов — закономерный процесс, в котором формируются механизмы защиты родовых святынь. Во многих случаях были найдены варианты таких механизмов. Так например, башкирские роды в течение нескольких десятилетий были военными кантонами на границах российского государства. Определенные аналогии можно увидеть в процессах происходивших на Кубани, в Придонье, происходящих на Кавказе сегодня. Раскольнические общины в XVII в. нашли прибежище в жизни сельских общин, основанных на пашенном земледелии, а в XVIII и XIX вв. мануфактурах, например металлургических на Урале.

Конфликт государственного быстрого действия в XVIII в., когда промышленное обновление страны сопровождалось попранием родовых и религиозных святынь, постоянно усугубляясь, не мог не привести к пролитию крови царей и народа, не мог не вызвать в российском обществе системного конфликта и трагедии семейной общины. Противоречия между общинным и индустриальным общественным воспроизводством в условиях советского коллективного строя — фундаментальный конфликт в России прошлого века. Без понимания исторической неизбежности преобразований и вне осознания человеком своего места в этом процессе — начинают срабатывать родовые, коллективно-обусловленные ценности как аргументы защиты права на жизнь. Значение этих ценностей фундаментально, поскольку альтернативы запуску процессов культуры с помощью семейно-родовых механизмов не существует. В период индустриального XX века на смену родовым структурам должны были прийти общественные структуры в виде «советских производственных коллективов». Формы родовых структур иногда оказываются перенесенными на ячейки криминального мира.

⁵ Шкунаев С.В. Община и общество западных кельтов. М.: Наука, 1989. с. 3.

В условиях, когда цена человека ничтожна, когда родители и дети не озабочены друг другом, а образование не успевает оперативно отреагировать на изменение обстоятельств жизни и опаздывает на несколько десятилетий, нравственный вандализм, деградация не кажется случайной. И когда попрание человеческого достоинства становится нормой, тогда мифологическое сознание, выстреливает в цивилизацию суицидом, джихадом, забвением национального достоинства. Нарращивание силовых аргументов при этом кажется неизбежным, но если ему не сопутствует всеобуч средствами культуры, образования, искусства, если не намечено встречное движение творчества и государственной политики в сфере культуры, если обнаженный нерв художника перестает искать гармонию нового созидания — такое государство обречено.

Таким образом, обстоятельства жизни не могут быть раскрыты без ключа существующих конфликтов: *несовпадений этики родовых и цивилизационных процессов и ценностей*. Среди всей совокупности конфликтов именно этот остается фундаментальным. Без его решения все остальные: «корпоративные», «криминальные», «классовые», «групповые», конфликты технологического обновления, конфликты нового со старым, дискриминации по половому признаку будут воспроизводиться и множиться. В них без труда можно увидеть наличие первичных структур («семей»), которые иногда могут быть *визуально* определяемы (тюркские семьи вписаны в магометанскую, русские в христианскую *общину*), а иногда действующие не на поверхности явления, а в его глубине (как например, «интересы групп и кланов»). Эти противоречия можно разрешить в рамках «национальных интересов страны», но для этого необходимо вернуться к решению национального вопроса на новых принципах «расцвета и сближения наций».

Если этого не сделать, то категории «тождества» и «различия» родовых и цивилизационных истин будут материализованы в средства защиты и (или) агрессии в зависимости от нарушения их взаимной соподчиненности. Примеров этому достаточно много.

2. «Искусство — есть искусство жить» (А.Белый). Искусство в условиях войны — нелепо. «Какое искусство — если гибнут люди?». Но в разрушенном осетинском городе Цхинвал оркестр дирижера осетина Гергиева потрясает мир. Завертелись жернова жизни. Если понять, что именно в искусстве заложены психотипические механизмы поведения, которые управляются с помощью приспособления, встраивания архетипического сознания в современное культуротехнологически, но не психотехнически, благодаря чему культура обретает полновесность, то значит здесь спасение человека и человечества. Если справедлив кибернетический принцип «результат влияет на начало», то понятно, почему спасение мира в красоте. Перемещение народов в XX столетии с территорий их традиционного проживания — это отложенная проблема, включающая долговременные механизмы мести родовой памяти.

Одной из основных проблем можно определить отсутствие полноценного синтеза общих знаний в системе образования. Разрыв гуманитарно-

го знания с естественнонаучным — особая тема. Здесь мы обозначим общую проблему. Наиболее узким местом можно считать следующее: *обучение приобрело вербальную избыточность*. Эта особенность сама по себе не плоха, но без синтеза с другими чувственными сферами — визуальной, тактильной, фонетической: того, что обращено к чувственно-физической и чувственно-духовной сфере, и что формируется средствами искусства, в особенности в докатегориальный период сознания, полноценного синтеза знания быть не может.

Преодоление конфликтов средствами искусства отмечено в «Концепции художественного образования» от 2001 г., которую подписали руководители Министерства образования и культуры РФ. К сожалению можно констатировать сугубо декларативный характер документа, фиксирующего уже давно сформированные в обществе понятия. Помимо общих всем известных суждений о пользе воспитания и образования средствами искусства, которые могли быть актуальными полвека назад, и которые кстати тогда же активно претворялись в жизнь через открытие художественно-графических факультетов, ныне подвергшихся обструкции содержания, мы не находим в «концепции» убедительных предложений нового образования. Более того, за время прошедшее после ее опубликования интенсивно разрушалась сбалансированная структура образования в пользу тех или иных интересов: в результате исчез как самостоятельный предмет «черчение»⁶ (и это в условиях сугубо индустриальной державы), еще раньше «труд», который превратился в «технологии» — объект трансформировался в предмет, утратив свое кардинальное основоположение связи цели и процесса деятельности. Активно разрушается и предмет «изобразительное искусство», который является не просто стержнем пластической традиции, помогающей обновлению национального сознания народов России, но прежде всего формой предъявления инженерного творчества, умением вести анализ и синтез, и следовательно способность абстрагирования в процессе мышления и понимания законов этого процесса.

Что противостоит способности человека-народа к творчеству? И что возможно предпринять для устранения причин? Полагаем, что нынешнее время весьма благоприятно для принятия ряда решений, поскольку регламентация, сдерживающая творчество в широком смысле, еще не возникла. Вместе с тем обрушение на человека информации второстепенной, игровой, внеисторической, вненациональной ведет к фактическому обману его

⁶По поводу этого предмета Главный конструктор Ижмаша, доктор технических наук М.Т.Калашников писал Министру образования РФ Филиппову В.М. в июне, 2000 г. «Современная цивилизация немислима без самой разнообразной сложной техники, строительных конструкций и технологий, квалифицированное обращение с которыми требует от человека умения разбираться в схемах и графических изображениях. Техническое творчество не может существовать и развиваться без умения читать и самому воплощать чертеж свой замысел. Все это вызывает необходимость приобретения определенного уровня знаний и навыков в инженерной графике уже со школьной скамьи. Дальнейшее сокращение технического направления в школьной программе может привести к снижению исходного уровня подготовки абитуриентов технических высших учебных заведений, что повлечет за собой утрату потенциала российской инженерной школы».

же человека *неосновными интересами*. Но может все не так страшно? Да, если бы все сказанное не сопровождалось увеличением массы конфликтов. Да, если бы социологически широко проводилась активная политика по востребованию ресурсов испытанных временем — традиционного и профессионального искусства и культуры, физической культуры, литературы, языка, музыки, физики, математики и т. д., но самое главное их сито для воспитания малых и не очень детей и одновременно их родителей. Где причины нарушенных связей и восстанавливающих мир и здоровье? Полагаем там же, где нарушаются традиции жизни в семье, где «оберегать» близких, малых не стало потребностью, где умножению греха (нарушению энергосохранения, душисохранения) не противостоит потребность в покаянии, где едва ли наберется десяток книг и потребность в библиотеке отсутствует, где сказка и раннее чтение не наполнило сосуд насущным и он остался пустым.

Среди таких причин особенно остро стоит проблема *забвения слова*, утраты исходных смысловых импульсов речи, их этического генезиса. В современных методиках языка очевидны семиотические потери, восстановление которых предполагает возврат к приемам изучения языка (письма и речи) на основе базовых значений букв алфавита. Буквы и звуки есть своего рода энергетические генераторы, запускающие процессы созидания. По примеру, где дед обучал внука грамоте в рассказе «Детство» М. Горького⁷, приведем значение слова «сердце»: *с*(слово, или Бог) *е*(есть) *р*(рцы или энергия) *д*(добро) *ц*(смысл) *е*(есть). Сколь емок язык, если в одном из органов человеческого тела сосредоточена вселенская мощь нашего безостановочно качающего кровь⁸ энергия Бога смыслом определяющего добро. И сколь бы не была ступевана генетика контекстов речи в XX столетии, где строение слова подменило его семантику и направленность на этику, достаточно восстановить ряд методических приемов, досоветского периода, чтобы во-первых, найти смыслы языковой общности в ранних, например индо-еропейских языках, а во-вторых — вернуть звуку, фонеме его энергетический резерв. Это необходимо сделать не из идейных соображений, а дидактически — для ранних возрастов это послужило бы мифологической подоплекой процесса обучения и воспитания. Вхождение рода в цивилизацию предполагает освоение мировых языков, а значит двух форм сопоставлений: сопоставление через языки родовых ценностей в культурах разных народов, и сопоставление родовых и цивилизационных ценностей. Будет целесообразным из 4000 лексических единиц осуществить разбор 300–400 фонем, общих нескольким языкам.

Одной из важнейших проблем отеческой памяти, наряду с забвением слова, является достаточно поверхностное отношение к *мифопоэтической памяти и мифам (архетипам) творения мира*. Опыт миропонимания может быть представлен последовательным развертыванием мифологическо-

⁷ «Буки-аз — БА, буки-аз — БА. Получается БАБА. Буки-он-живете-есть. Получается БОЖЕ. Буки-он-глаголь. Получается БОГ.

⁸ Какова должна быть мощная смысловая основа этого слова, которое связывает красный-крест-крестьянин-христианин-Христос, кстати и круг, кремль и др.

го знания к религиозному, а затем к научному. При этом каждая из известных форм знания, миропостижения не исчезает, не теряет своей актуальности — она становится частью восприятия и воспитания — способности охватывать процессы жизни для их последующей реконструкции. Миф — это и особое знание, и игра и цель творчества, помогающая пластичности процесса восприятия и осмысленности ценности жизни. Поэтому введение материалов по мировым архетипам подобна «рыболовной сети», которая забрасывается для ловли будущего предметного знания, понимания той игры воображения, без которой творчества не бывает, и без которых невозможно природная широта мышления вначале детей, впоследствии студентов и наконец устроителей жизни.

Существуют и иные области забвения: *визуальное* (трепету природного сознания противостоит пропагандируемая обструкция физиологического вождения), *звукового* (где происходит изведение национальной энергетике, индивидуального и сокровенного в музыке), *чувства стыда* (где исчезновение совестливости, сдержанности, чувства достоинства человека как представителя конкретной культуры (рода) привело к утрате интенсивной духовной жизни, *забвение греха* — нарушение законов Бога — и непокаяние, ведущие к тотальному сбою физического и ментального в человеке. Грех повседневный как правило рождается из противоречия того, что в сознании выступает как завершенное целостное *самоосуществление*, но которое процессуально неосуществимо без участия в этом окружающих людей (*со-знания*). И если первая часть представляется очевидной, то со второй очень трудно считаться, но надо. Разрушение связи в семье и между поколениями, проводившимися интенсивно в XX столетии, прелитие крови государя, помазанника Божия в предшествующие этому времена, примеры геноцида народа все ведет к фактическому умножению греха, все увеличивает противоречия между результатом «Я» и процессом — «Мы». Вся структура текстов скрижалей, а в Евангелие заветов Горной проповеди четко направлена на ликвидацию этого разрыва, который обеспечен священными таинствами и по сути настолько легок для исполнения, насколько пьется вода.

3. Мертвые страха не имеют. Искусство — это защита человека перед лицом неизбежного. Защитный смысл искусства являет на первый взгляд проблему психологическую. Однако психологическое — это только форма, она без содержания лишь напоминание о сущем, но не само сущее, хотя и этого уже не мало. Потом будет потом. Пока мы живы. Пока дышу — надеюсь. Как Бог даст. На миру и смерть красна. Страх как функция психической устойчивости и фактор жизни, если он не превращается в ее противоположность ввиду замутненности сознания, есть закономерная реакция организма на внешние раздражители. Благодаря им консолидируются духовные силы и мобилизуются «спящие» возможности человека. Но текст жизнесохранения не узок: не сохранение только себя, а сохранение жизни вместе с другими — это метаяцель. Для ее реализации надобно видеть все обстоятельства — личные, родовые, национальные. Тогда только

выбор может быть осознанным. Но для этого нужно, чтобы были созданы условия для формирования типических структур сознания, ответственных за выбор цели. Их, если можно так сказать качество, есть вопрос культуры. Инструментом культуры является искусство. И поэтому, возвращаясь к названию доклада, «искусство надежней свинца».

Эта мощная онтологическая природа искусства требует величайшей самоотдачи. Для этого художник, музыкант, актер, должен был стать монахом от искусства, схимником, агнцем, брошенным на жертвенный алтарь общественной правды. По сути в XX столетии художник искупал грех советского атеизма. Каждый существенный шаг искусства был не столько отражением созидательности советского строя, сколько восхождением духа, творящего реальность из самого себя, борющегося за самого себя, в напряжении нервов, в скрытом и реальном противостоянии с коллегами по цеху, идеологическими постулатами, ищущий и находящий абсолютную форму образа уже неподвластную идеологии? атеисту? антихристу? завистнику? Тотальной идеологии противостоял конкретный человек, в котором претворялись родовые и семейные ценности. Уже одно то, что в семье как правило мало придавалось значения идейному пафосу, рождало размышление, лейтмотивом которого было христианское «милостивое сердце греха не осудит . . .» (Ф.Затворник). Но разрушение семьи, активно проходившее в стране, отрыв детей от родителей в самых разных формах все же дали свои плоды. Упрощенный образ мира, классовая борьба, атеистический вульгарный материализм породили убывание целого (эманацию), упрощение духовной культуры (редукция как схематизация потребностей), породили конфликт культуры: прежде всего конфликт родовых ценностей и ценностей цивилизации. Проявлялось это в том, что для многих этносов вопрос утраты национальной идентичности в условиях противостояния цивилизационному обновлению был долгое время основным фактором страха. Проблема конфликта родовых, этнических ценностей (в случае с большими народами национальных) и цивилизационных (транснациональных) составляет на протяжении нескольких сот лет основное противоречие жизни. Вопрос о том, что происходит с человеком в условиях системного обновления жизни стоял всегда. Сейчас особенно остро из-за оперативной трансформации идейных иллюзий и фундаментальной трансформации социалистической идеологии.

Общепринятой стало мнение, что идеология, сконструированная для советского общества, категория универсальная, перелицованная из предшествующих религиозных идей и воззрений. Она была создана с вынесением за скобки идей этнического и конфессионального сознания и созданием неоязыческого по форме советского пантеона, которому была принесена фактическая жертва реками крови. Но вынесенное народом страдание очистило его. Его мифологическое, детское по сути, сознание не вместило в себя жестокого прагматического мышления, подвижность которого стала решающим фактором *такого* течения событий в России. Неопределенность будущего, физическая измотанность, *антропософская* незрелость этносов были проблемами, которые решается только сейчас. Тоже впрочем не без

вопросов.

Для многих этносов России в 20–30-е годы проблема национальной идентичности заключалась в разрушении архаического мифа, ритуала и базировалась на проявлении индивидуального начала⁹. Носителем нового духовного опыта была нарождающаяся национальная интеллигенция. Это не вписывалось в концепцию идеологии, построенной на жесткой редукции целого. С этим связано фактическое рассеяние и уничтожение национальной интеллигентности, могущей способствовать совершить цивилизационный скачок. Но для этого должно было состояться национальное покаяние, чего не произошло в силу глобальности общественного конфликта. Так или иначе произошла консервации архаического сознания народа с помощью замещения мифа архаического на миф коммунистический. Усекновение экзистенциальной экспоненты привело к разрыву традиции «национального человека», оформленной в русской литературе еще Александром Пушкиным, Львом Толстым, Федором Достоевским, Антоном Чеховым, другими. Если вспомнить об остановленных в развитии социологии искусства, психологии, философии и др., а теперь их возобновление на преимущественно атеистической основе, то понятна двусмысленность, не имеющая перспектив, но способная лукаво изменить любую идею, выходящую за пределы субмифологических установок идеологии официальной. Неважно касается это ботаники, генетики или построения общественного пространства.

Это очевидно на материале русской философии. Принцип ограничения внутри марксистско-ленинской идеологии был может и важен, поскольку в безусловном восприятии западно-европейской многозначности философских конструкций российское общество нуждалось только в той мере, в какой она способствовала сложению собственной уникальной системы, обеспеченной фундаментальным опытом ортодоксальных ветвей конфессионального сознания, идеей Творящегося Мира, того, что Павел Флоренский связывал с тем, что «разрушая материю (речь идет об идее атомного распада — прим. В.К.), человек разрушает не просто вещество, а вещество, сотворенное Творцом, «проработанное» человеком по образу и подобию Божия творческого акта и вовлеченное в круговорот духовной культуры»¹⁰. Блестящее подтверждение этому тезису служит творчество выдающегося ученого и общественного деятеля академика Андрея Сахарова.

По словам 24-х летнего Сергея Есенина знание не заимствуется извне — внешний опыт служит ключом к открытию собственных возможностей, развитию народом собственных идей и понятий¹¹. Став орудием противостояния некоей капиталистической идиоме сознания, закрашенная философская линза скрыла и выработанные на протяжении нескольких сот лет понятия русской мысли. Восстановление категорий философского мышле-

⁹Васильев С.Ф., Шибанов В.Л. Миф перспективы и перспектива мифа (особенности семиозиса в Удмуртии) / Менталитет: широкий и узкий план рассмотрения. Ижевск: Изд-во Удм. Ун-та, 1994. С.74.

¹⁰Андроник (Трубачев) игумен. Обо мне не печальтесь. Жизнеописание священника Павла Флоренского. — М., Изд. Совет РПЦ, 2007. С. 92. В частности.

¹¹С.Есенин. Ключи Марии.

ния связано, во-первых, с осознанием двойственной природы истории отечества его государственно-исторического и культурно-исторического планов (пониманием их специфических задач и общности осуществления), во-вторых — с художественным и нравственным потенциалом социума, сутью которого является признание существующих проблем и призыв к покаянию; в-третьих перспективы воссоздания аксиоматических значений культуры, с помощью взаимной проекции идеи «роста», «возделывания» и идеи «культы» как духовного (религиозного) осуществления.

Таким образом, идейные конфликты, ядром которых ныне несомненно выступает идеология разрушения (терроризма), представляют собой нарушение системных связей между социо-организационными, научно-техническими, социо-культурными сторонами жизни общества. Для восстановления или пересоздания общественной системы сейчас используется прием «отложенной проблемы» и «массовой культуры», которые рано или поздно будут исчерпаны. Одним из средств преодоления общественного дисбаланса должно стать искусство в двух его равновесных значениях: профессиональном становлении — этого требует новая реальность, выходящая за пределы станковой картины, спектакля, оперы, но важнее — *как средство образования, способ предъявления знаний в различных предметных комплексах.*

Для формирования обеих частей новой реальности необходима методологическая реконструкция гуманитарно-художественного знания и превращение его из подручного средства наук в инструмент смежных наук. Не психология, социология, феноменология и т. д. искусства, а художественно-образное мышление в средствах психологии, социологии, феноменологии, эстетики дадут новое качество знаний. Не педагогика, а педагогические структуры конкретно традиционной культуры, профессионального опыта ведущих специалистов, из которых следует повышение статуса и роли мастера могут изменить общественное пространство. Не тьюторство, но личное участие учителя в судьбе воспитанника преобразует среду. Только в этом случае будут развиты смежные дисциплины и может быть предложена модель модернизации научных и образовательных концепций.

Для этого необходимо установление той онтологической и типологической зависимости материалов истории искусства, которые выравнивают и делают преемственным вид отеческого наследия, получившего в XX столетии ясное и фундаментальное изложение в трудах отечественных исследователей. В частности должны быть восстановлены материалы по русской философии, усилены типологические основания истории, прописан подробно опыт традиционной культуры российских народов, его внутренняя классификация, таксономия частей и разделов.

Данная работа позволит вводить материалы культуры и искусства в полноте характеристик в государственные образовательные стандарты, в научные классификаторы. Для этого необходима интеграция научных и образовательных ресурсов, академической и вузовской науки и образования. Это позволит ставить и решать вопросы методологического и методического обеспечения образования, издания академических персоналий,

коллективных трудов и монографий по проблемам науки и образования, формировать на этой основе условия информатизации научного и учебного процесса.

С целью координации потребностей одновременного развития сфер науки, образования, производства, культуры необходимо сформировать комплексную программу. Наряду с этим необходимо широкое взаимоотношение вузов России в изучении опыта национального искусства и культуры, отражение его в структуре стандартов и содержании образования. Решение вопросов методологически: точного корреспондирования их с проблемами профилактики национальных, общественных, политических, конфликтов, должна заниматься межведомственная комиссия, в задачи которой входили бы вопросы вопросы предустановления образования, но которая должна быть основана на принципах децентрализации управления. Каждый вуз самостоятелен в выборе стратегии образования, но его потенциал должен быть известен научному, управленческому, образовательному сообществу.

Коммуникативный потенциал культуры

В. Е. Буденкова

Аннотация

В статье анализируется понятие «коммуникативный потенциал культуры», как методологическая категория. Рассматриваются факторы его формирования и развития. Обосновывается актуальность изучения коммуникативного потенциала национальных и региональных культур.

V. E. Budenkova. Communicative potential of culture.

In this article the concept “communicative potential of culture” is considered as a methodological category. Factors of its' forming and development are discussed. The relevance of study of national and regional cultures communicative potential is proved.

Современную социокультурную ситуацию часто характеризуют с позиций коммуникативности, глобализации и информатизации. Исследователи отмечают динамизацию социальных процессов, возрастание роли случайных факторов в общественном развитии и повышение взаимной зависимости и взаимной ответственности государств, народов и культур. В этих условиях особую актуальность приобретает способность культуры адаптироваться к быстро меняющимся условиям, готовность к диалогу, умение выстраивать отношения на принципах уважения, открытости, толерантности. Но история культуры показывает, что интенсивность коммуникативных процессов в разных культурах разная. Есть культуры «открытые», в которых внутренние и внешние коммуникации хорошо развиты и находятся в состоянии гармоничного равновесия. Они активно взаимодействуют с другими культурными формами и типами, «не боятся» инокультурного влияния. Для таких культур постоянный обмен информацией — необходимое условие существования и развития. В современном мире большинство культур объективно тяготеет именно к открытому типу.

Но есть культуры «закрытые», где доминируют внутренние коммуникации. Как правило, эти культуры замкнуты, а коммуникативные процессы в них достаточно четко регламентированы. Примером может служить любая традиционная культура или субкультура, организованная по типу традиционной. В России такой субкультурой было и остается старообрядчество.

Кроме того, одна и та же культура в разные периоды своего существования может по-разному проявлять себя в коммуникациях. Так, например, культура средневековой Руси и культура Петровской России представляю

разные в коммуникативном отношении типы. В первом случае можно говорить о закрытости, а во втором о переходе к открытому типу культуры.

В зависимости от того, к какому типу принадлежит культура или на каком этапе своего развития она находится, формируются ее коммуникативные связи и отношения. Можно с уверенностью предположить, что типологически близкие культуры имеют больше предпосылок и возможностей для диалога и образования единого коммуникативного пространства, поскольку основываются на общих целях и ценностях и реализуют сходные коммуникативные схемы. Коммуникацию в таких культурах можно назвать симметричной, а сами культуры «коммуникативно симметричными». Здесь каждый участник коммуникативного процесса выступает и в роли адресата и в роли адресанта. Что касается культур, принадлежащих к разным типам, то здесь коммуникация будет носить асимметричный характер, когда один из участников диалога выступает в роли донора (источника информации, смыслов, ценностей), а другой — реципиента (получателя)¹.

Для любой культуры, переживающей смену парадигмы или находящейся в стадии становления, характерна коммуникативная восприимчивость, т. е. она усваивает опыт и информацию других более «старших» или развитых в определенном отношении культур. Наоборот, культура становится «донором», когда достигает зрелости и (если рассматривать существование и развитие культур в парадигме цикличности) начинает приходить в упадок. Для культуры любой страны или эпохи² характерны периоды «восприимчивости» и «донорства», и с этой точки зрения цикличность коммуникативных процессов характерна для всех культур.

Безусловно, данное обстоятельство следует учитывать при разработке стратегий межкультурного диалога и в коммуникативной практике для повышения эффективности межкультурных коммуникаций.

Но успешность коммуникаций определяется не только типом вовлеченных в нее культур. Зачастую, культуры, принадлежащие, по сути, к одному типу, имеющие общие основания и внешнее сходство, в коммуникативном отношении ведут себя по-разному. Сценарии поведения могут варьироваться от «коммуникативной агрессии» до «коммуникативной пассивности», в зависимости от партнера. Примером такой «асимметричной» коммуникации выступает культурное взаимодействие США и стран Европы, например в сфере киноиндустрии, или коммуникативные процессы между странами Западной и Восточной Европы, когда одна из сторон берет на себя роль «наставника» и транслятора культурных ценностей, а другой отводится роль ученика. И дело здесь не только в различии целей, когда каждый участник диалога преследует свои интересы и, вольно или невольно,

¹ В данном контексте понятие «донор» представляется более подходящим, чем «адресант», поскольку «адресант» подразумевает активное начало, но в ситуации асимметричной коммуникации активной стороной может стать получатель информации, а «донору» достанется роль пассивного источника информации. Довольно часто так происходит, когда «молодая» культура «учится» у более зрелой.

² Если только речь не идет о локальных культурах и субкультурах, изолированных от какого-либо влияния извне.

стремится навязать партнеру собственный сценарий общения. Поведение участников зависит, по меньшей мере, от двух факторов: степени готовности культуры к диалогу и связанным с ним изменениям и устойчивости ее оснований и принципов, которые вместе образуют ее коммуникативный потенциал.

Коммуникативный потенциал — способность культуры вступать в коммуникации, связи и отношения с другими культурами и развиваться под их влиянием, сохраняя собственную идентичность. Коммуникативный потенциал любой культуры характеризуется наличием и соотношением двух необходимых качеств — устойчивости (стабильности) и изменчивости (трансформативности). Коммуникативная устойчивость означает, что культура обладает высоким коммуникативным потенциалом, если в диалоге с другими культурами, она сохраняет свое ядро (базовые ценности, смыслы, традиции). Коммуникативная изменчивость демонстрирует способность культуры к адаптации и развитию в постоянно меняющихся условиях. Чем более гибкой, «отзывчивой» и динамичной оказывается культура, тем выше ее коммуникативный потенциал. Таким образом, коммуникативный потенциал культуры зависит от степени выраженности обоих названных качеств.

Следует отметить, что в данном случае речь идет об идеальной модели культуры. В реальности чаще бывает так, что в отношении конкретных культур (национальных, локальных, региональных) можно говорить о преобладании какого-то одного качества или тенденции: стремления к стабильности, которое достигается ограничением коммуникаций и коммуникативного пространства, или трансформативности, таящей угрозу утраты культурой собственной идентичности. Ограничение (лимитирование) диалога и стремление к установлению контроля над коммуникативными процессами характерны для культур закрытого типа и тех субкультур, которые обладают собственной идеологией или нацелены на выполнение определенной «миссии». Как правило, в подобных культурах (субкультурах), строящихся по иерархическому принципу, где место, роль или функция человека четко обозначены и определены, важен ритуал и ритуальное поведение. Это культуры «тайных обществ» (вроде масонов), монашеских орденов, «землячеств» и т. д. Специфика коммуникативных процессов в таких структурах обусловлена задачами самосохранения в «неблагоприятных» условиях. К таким условиям можно отнести отсутствие легитимности или признания со стороны социума и других культур («тайные общества», разного рода маргиналы) и пребывание в инокультурной среде («землячества»). Кроме того, система ценностей и базовых смыслов у названных субкультур отличается от общепринятой или доминирующей в культуре, частью которой они являются. Сохранение ядра и жизнеспособность всей культурной системы обеспечиваются здесь не благодаря сформировавшейся традиции, а за счет специальных действий, направленных на поддержание устойчивости. Отсутствие ограничений в коммуникациях и обмене информацией может привести к разрушению (деформации ядра) и ассимиляции субкультуры. Следование ритуалу и регуляция поведения позволяют

поддерживать ядро культуры, постоянно актуализируя основные ценности.

«Обратной стороной» ограничения коммуникаций выступает коммуникативная агрессия, проявляющаяся в стремлении одного из участников навязать партнеру свою стратегию диалога и управлять процессом по собственному сценарию. В данном случае конечная цель коммуникации особого значения не имеет: это может быть как трансляция собственных ценностей и смыслов (культурная экспансия), так и заимствование из арсенала других культур. Агрессивные стратегии поведения характерны для молодых культур и культур, с неустойчивым ядром, которые сформировались в результате эклектичного взаимодействия разных традиций. Как было сказано выше, поведение США в различных сферах: от экономики и политики до науки и искусства являет собой яркий пример коммуникативной агрессии.

Культуры, с недостаточно устойчивыми основаниями, или переживающие смену парадигм, отличаются повышенной коммуникативной изменчивостью. Под влиянием других культур они не только расширяют коммуникативное пространство, но зачастую теряют свое «лицо», подчиняясь разнообразным внешним влияниям. Стремясь избежать маргинализации, такие культуры вынуждены «подстраиваться» под более сильных и опытных в коммуникативном отношении партнеров. Особую актуальность проблема коммуникативной изменчивости приобретает в связи с процессами глобализации и переходом к информационному обществу. Умение ориентироваться в информационных потоках и выбирать адекватные стратегии поведения и деятельности способствует не только повышению эффективности межкультурного диалога, но и самосохранению культуры.

Таким образом, коммуникативный потенциал, определяющий характер культурных взаимодействий, определяет и место той или иной культуры, в современном мире. Высоким коммуникативным потенциалом, а следовательно и большим влиянием и возможностями развития, обладают те культуры, базовые ценности и смыслы которых позволяют осуществлять коммуникацию и расширять коммуникативное пространство без ущерба для нее самой и других участников диалога.

Изучение коммуникативного потенциала культуры позволяет прогнозировать результаты общения, разрабатывать сценарии продуктивного диалога и модели коммуникаций, основанные на принципах толерантности и взаимного уважения. Оценивая коммуникативный потенциал, мы получаем возможность позиционировать себя в коммуникативном пространстве и лучше понимать не только другие культуры, но и свою собственную. С точки зрения коммуникативного потенциала можно рассматривать культурно-исторические эпохи и национальные культуры, страны и регионы. В этом случае речь может идти о коммуникативном потенциале региона.

Но никакая культура не существует в отрыве от социума и социальных процессов, оказывающих влияние на ее коммуникативный потенциал. Существует множество факторов, способствующих повышению коммуникативного потенциала или, наоборот, его снижению. Выявление и анализ этих факторов — необходимое условие управления коммуникациями. В чи-

сле факторов, влияющих на коммуникативный потенциал, можно выделить внешние и внутренние. Внешние характеризуют процессы, происходящие в современном мире, и отражают общее состояние нашей цивилизации. К внешним — общецивилизационным — факторам относятся глобализация, рост потребления, развитие технологий и информатизация, динамизация культурных процессов, стремление к постоянному обновлению и т. д. К внутренним, специфичным для данной культуры или региона, можно отнести политико-экономические, социальные, религиозно-этнические, идеологические условия и факторы, сочетание которых и определяет ее уникальность.

Поскольку характер и особенности коммуникативных процессов зависят, в первую очередь, от индивидуальных особенностей культуры, обратимся к анализу внутренних факторов.

Политико-экономические факторы. В эту группу входят такие критерии, как уровень развития экономики и тенденции ее динамики, степень демократизации общества и его открытость³, политическая и экономическая стабильность. Перечисленные характеристики можно разделить на две самостоятельные подгруппы: политическую и экономическую, но в современной России, да и в мире в целом, взаимовлияние и взаимозависимость этих сфер очень велики. Примером могут служить предвыборная кампания в США, проходящая на фоне развивающегося финансового кризиса и августовские события на Кавказе, повлиявшие не только на расстановку сил в Европе, но, в первую очередь, изменившие характер диалога между всеми заинтересованными сторонами.

В первом случае мы имеем свидетельство того, как экономические факторы определяют тематику и тональность политической риторики. При этом, несмотря на всю серьезность положения, за реакцией на экономические проблемы и предложения кандидатов по их решению, явно прослеживаются политические интересы и желание «заработать политические очки».

Что касается грузино-югоосетинского конфликта, то неэффективность коммуникаций, особенно на первоначальном этапе (речь идет о международном уровне) обусловлена предвзятостью некоторых участников, обусловленной стремлением использовать ситуацию для решения *своих* проблем и получения выгоды, даже ценой поощрения военных действий. Подобная позиция свидетельствует о преобладании ограничительных тенденций и приводит к коммуникативной агрессии.

Продуктивность диалога зависит от умения сторон находить «общее в различном», т. е. точки совпадения интересов, и готовности идти на компромиссы. Такая коммуникативная стратегия возможна в случае гармоничного сочетания устойчивости и изменчивости в культуре и социуме. Современная Япония является прекрасной иллюстрацией их сбалансированности и высокого коммуникативного потенциала. Будучи одной из наиболее ди-

³«Закрытость» общества препятствует развитию коммуникативного потенциала, но не исключает готовности культуры к диалогу, как это было, например, в Советском Союзе.

намичных экономик в мире, Япония сохраняет ценностно-смысловое ядро своей культуры: традиции, верования, образ жизни.

В целом, можно утверждать, что стабильное развитие, устойчивые демократические традиции и динамично развивающаяся экономика способствуют повышению коммуникативного потенциала. Экономический рост приводит к увеличению контактов, причем не только в экономике, но и в других сферах, что в свою очередь, открывает перед субъектом (страной, народом, регионом) новые коммуникативные возможности.

Социальные факторы. Эта группа включает такие показатели, как возрастной состав населения, уровень жизни, уровень образования.

Если рассматривать уровень развития коммуникативного потенциала с точки зрения демографической ситуации, то можно предположить, что наиболее активной в развитии межкультурных коммуникаций является та часть населения, которую, в зависимости от критериев и оснований выделения, называют «экономически активным населением», «средним поколением» и т. д. Безусловно, эти понятия не тождественны, однако в контексте рассматриваемой проблемы они отражают качественные характеристики определенной социальной группы.⁴

Молодому поколению не хватает коммуникативной устойчивости. Молодежь слишком подвержена влияниям, склонна к заимствованиям и подражанию. Культурная традиция в этой демографической группе достаточно слаба по объективным причинам. Старшее поколение, наоборот, консервативно, не слишком доверяет новому, ему сложнее адаптироваться к быстро меняющейся действительности. Поэтому основным носителем коммуникативного потенциала является «среднее поколение», у которого уже сформировались взгляды, нравственные ориентиры, вкусы и предпочтения и которое готово к критическому восприятию нового. Не менее важен и тот факт, что данная часть социума, обладая знаниями и опытом, не только активно участвует в жизнедеятельности общества, но и обеспечивает социально-экономическое развитие.

В России экономически активное население составляет около половины всего населения. Само по себе это отношение ничего не говорит об уровне коммуникативного потенциала. Но, учитывая вышеизложенное, можно предположить, что чем выше процент экономически активного населения, тем выше коммуникативный потенциал.⁵

Что касается образования, то здесь зависимость прослеживается достаточно ясно: чем выше уровень образования в регионе, тем выше его ком-

⁴Экономически активным принято считать население в возрасте от 15 до 64 лет, по некоторым источникам до 72 лет. Таким образом, в эту группу попадают и представители молодого и старшего поколений. Тем не менее, около 90% экономически активного населения составляют люди в возрасте от 25 до 55 лет, что практически совпадает с нашим пониманием «среднего поколения», как той части населения, которая является основным носителем и транслятором культурных смыслов и ценностей.

⁵Доля экономически активного населения должна быть больше двух других групп, чтобы не только компенсировать слишком высокую трансформативность или излишнюю устойчивость, но и развивать их коммуникативный потенциал, обеспечивая культурную преемственность.

муникативный потенциал. И дело здесь не только в знаниях. Качественное образование предоставляет человеку более широкие возможности, формируя его профессиональные, социальные, коммуникативные компетенции; помогает быстрее адаптироваться в новых условиях, расширяет горизонт его сознания, делая более терпимым и толерантным.

Проблемы эмигрантов из Азии и Африки во Франции, Германии и других европейских странах не только этнические и социально-экономические. Это проблемы образования, точнее, его отсутствия, и, как следствие, коммуникативной некомпетентности, неумения и нежелания считаться с традициями другой культуры. Низкий уровень образования — благоприятная почва для разного рода стереотипов; узость кругозора порождает беспечность суждений и безответственность.

С уровнем образования напрямую связано развитие гражданских институтов и степень толерантности общества. Как показывает опыт современной России, чем больше возможностей предоставляет гражданам социум для сохранения национальной и религиозной идентичности, в том числе через общественные организации, национально-культурные объединения и т. д., тем более стабильной и комфортной будет жизнь в конкретном регионе и в стране в целом. Иными словами, *религиозно-этнические и идеологические факторы* положительно влияют на развитие коммуникативного потенциала и способствуют его повышению.

Но влияние названных факторов не всегда носит позитивный характер. Принадлежность к определенной национальной, религиозной или национально-религиозной общности формирует менталитет, традиции, «картину мира», образ жизни, на которых основывается коммуникативная устойчивость. Но слишком высокая коммуникативная устойчивость, как было показано выше, таит в себе довольно опасную тенденцию: стремление к автономизации и социально-культурному изоляционизму. А преданность своим идеалам часто оборачивается ненавистью к «иноверцам» и «инородцам». Конфликты на национальной и религиозной почве, обострившиеся в современном мире, показывают, что приверженность определенной идеологии (в том числе религиозной) и стремление сохранить идентичность могут выступать серьезным препятствием при налаживании диалога.

При этом необходимо иметь в виду, что данные факторы не существуют отдельно, а их влияние на коммуникативный потенциал конкретной культуры обусловлено взаимодействием со всеми остальными. Фактически, здесь следует говорить об ансамбле факторов. В каких-то случаях политико-экономические, социальные и общекультурные факторы нейтрализуют негативные проявления религиозно-этнической замкнутости, в каких-то, наоборот — усиливают. Возможно и обратное влияние, когда религиозно-этническая идентичность способствует социальному и культурному развитию. Вариантов может быть столько же, сколько существует национальных культур. Поэтому при анализе коммуникативного потенциала культуры или региона нужно не только изучать каждую группу факторов в отдельности и учитывать общие тенденции, но и принимать во внимание их специфическое единство. Такой подход позволяет получить

объективную картину и правильно оценить ситуацию для формирования стратегий поведения и деятельности.

В ансамбле факторов, формирующих коммуникативный потенциал любой культуры, можно выделить еще одну группу — *собственно культурные*. Эти факторы связаны с культурой, как особой сферой жизнедеятельности социума. Несмотря на условность названия, данная группа факторов оказывает значительное влияние на развитие коммуникативного потенциала, поскольку связана с творчеством и реализацией креативной составляющей культуры. Сюда входят учреждения культуры, различные художественные организации, творческие союзы и объединения и т. д. Искусство и другие виды творческой деятельности по своей природе обладают высокой коммуникативной активностью и отзывчивостью. Произведения искусства и результаты творческой активности преодолевают непонимание и отчуждение, для них не существует политических, экономических, социальных и других границ. В силу универсальности своего языка искусство оказывается практически идеальным транслятором смыслов и ценностей, позволяющим актуализировать их в различных культурно-исторических контекстах. С этой точки зрения, чем более развита сфера художественной деятельности в культуре региона, тем более широкие возможности открываются для диалога и сотрудничества.

В заключение отметим, что изучение коммуникативного потенциала культуры — актуальная в теоретическом и практическом отношении задача. Понимание механизмов коммуникаций, анализ сценариев их развития и выявление факторов, детерминирующих коммуникативный потенциал, позволяет повысить эффективность межкультурного диалога и уровень толерантности общества.

Развитие национальных культур как фактор профилактики терроризма и экстремизма

О. И. Георгиев¹

В рамках выполнения мероприятий краевой целевой программы гармонизации межнациональных отношений и развития национальных культур в Краснодарском крае на 2008 год активное участие в проведении национальных фольклорных мероприятий с участием национальной молодежи на территориях муниципальных образований края принимает Краснодарская краевая общественная организация «Центр национальных культур».

Практика его работы с момента его образования в 1992 году показала, что введение культурной компоненты в национальную среду приводит к значительному снижению конфликтного потенциала, к снятию различного рода этнофобий, к отказу радикально настроенных лидеров от экстремистских проявлений, росту интереса к культурам других народов.

В этом году Краснодарский ЦНК вышел за рамки программ городского масштаба на краевой уровень. Центр активно взаимодействует с органами власти и диаспорами в муниципальных образованиях края, проводит встречи по обмену позитивным опытом и краевые национальные фольклорные праздники.

Так, например, в селе Урмия Курганинского района состоялся ассирийский праздник Хубба, в городе Краснодаре — татарский праздник Сабантуй, в Туапсинском районе — славянский фольклорный праздник.

В июне в г. Славянске-на-Кубани председатели краевых национально-культурных объединений встретились с лидерами диаспор района и обменялись положительным опытом взаимодействия с властью. Развитие данного направления деятельности и привлечение к нему творческого потенциала Лазаревского ЦНК на наш взгляд позволит расширить опыт краевых НКО на территории муниципальных образований. Для Краснодарского края очень важно то, что обе организации — и Краснодарский краевой ЦНК, являющийся общественным объединением, и Лазаревский районный ЦНК, представляющий собой муниципальное учреждение культуры — накопили уникальный опыт сохранения и развития национальных культур народов, проживающих в крае. А их совместная деятельность безусловно послужит сохранению межнационального мира и согласия.

По самым скромным подсчетам, все вместе национальные общины, вхо-

¹Краснодарский краевой центр национальных культур.

дящие в Краснодарский краевой центр национальных культур, ежегодно отмечают и проводят не менее 100 различных праздников, Дней культуры, больших и малых фестивалей. Вот несколько наиболее красочных и многолюдных из них.

В селе Урмия Курганинского района, где компактно проживает значительная диаспора ассирийцев, встречали традиционный ассирийский праздник Хубба, организатором которого выступает национальная культурная автономия ассирийцев Краснодарского края «Хаядта».

Краснодарская краевая общественная организация «Центр абхазской культуры «Апсны» провела День абхазской культуры, посвященный 15-летию Республики Абхазия. Приветствовать дружественный России народ на праздник пришли депутаты Законодательного собрания Краснодарского края, атаман и старики Екатеринодарского отдела Кубанского казачьего войска, представители администраций Краснодарского края и города Краснодара, председатели национально-культурных общественных объединений Краснодарского края, абхазские студенты, члены Краснодарского клуба интернациональной дружбы.

Краснодарский краевой центр национальных культур принимал в своих стенах другой праздник — фестиваль славянской культуры «Славянская душа», который в этом году был всецело посвящен Дню славянской письменности и культуры, или Дню Кирилла и Мефодия, «учителей словенских».

В Краснодаре на берегу реки Кубани проходит традиционный татаро-башкирский национальный праздник Сабантуй, который ежегодно организуют татарская община «Булгар-К», историко-этнографический клуб «Юлдуз» и башкирская община «Агидель».

В Краснодарском центре национальных культур любителей национальных традиций и культуры собрала Адыгская гостиная. Национальные гостиные — одна из наиболее интересных форм знакомства с культурой того или иного народа, и именно Адыгские гостиные пользуются наибольшим вниманием, причем для участия в них гости приезжают порой издалека. Гвоздем гостиной, как и каждого праздника, стала танцевальная его часть, подготовленная ансамблем адыгского танца «Ошхамаф» (Ошхамаф, или Светлая голова — это адыгейское название горы Эльбрус). Гости услышали в подлиннике стихи национального поэта Исхака Машбаша, песни на адыгском, русском, польском, греческом языках. В фойе можно было увидеть подлинные старинные костюмы и предметы быта адыгов

Летом 2008 года на территории муниципальных образований края было проведено более 70 национальных праздников с участием представителей национальных диаспор и около 100 национальных спортивных мероприятий (преимущественно казачьих). Так в Крымском районе был проведен праздник ассирийской культуры, в Апшеронском районе — фестиваль армянских армян, в Славянском районе ежегодно в августе проводится международный фестиваль славянских культур, в Курганинском районе — праздник дружбы Кубани и Адыгеи — «Лобарика», в Лазаревском районе г. Сочи в летний период стали постоянными национальные концерты для отдыхающих и жителей района.

Достаточное внимание вопросам межнациональных отношений уделяется в краевой прессе. Ежеквартально выпускается тематический вкладыш «Кубань наш общий дом» в газете «Кубань сегодня», ежемесячно — в газете «Краснодарские известия». В электронной сети Интернет существует сайт Краснодарской краевой общественной организации «Центр национальных культур» — «cubanetnos.ru», поддерживаемый за счет средств программы гармонизации межнациональных отношений. На его страницах содержится информация об истории народов, населяющих Краснодарский край, о деятельности национально-культурных общественных организаций, о законодательных актах в данной сфере. Ежемесячно сайт посещают более 3 тысяч пользователей из Краснодарского края.

Подобная практика публикаций материалов, освещающих сферу межнациональных отношений, развивается и на территории большинства муниципальных образований.

В публикациях, как правило, содержатся материалы, носящие не проблемный характер, а наоборот описание достижений представителей различных этнических групп, в том числе и совместно с представителями других народов. Авторы статей чаще всего используют «язык согласия», важный в условиях полиэтничности края. Акцент в публикациях делается на межличностные контакты представителей различных этнических групп. Это способствует формированию благоприятного климата в межнациональных отношениях.

Задачам более тесного взаимодействия власти с общественностью подчинена деятельность консультативного совета общественных объединений при главе администрации Краснодарского края в состав, которого входят руководители региональных отделений политических партий, казачьих, молодежных, религиозных, национально-культурных организаций и других общественных объединений.

В рамках консультативного совета с руководителями краевых национально-культурных объединений и религиозных организаций, лидерами национальных диаспор и общин регулярно проводятся встречи, на которых обсуждаются вопросы о недопустимости экстремистских проявлений, проводятся мероприятия по привитию навыков толерантного мышления, снижению конфликтного потенциала в гражданском обществе.

Проводимая совместная работа краевой и муниципальной власти позволила не допустить на территории края в 2008 году фактов экстремистской и террористической деятельности.

Знать друг о друге больше, вместе встречать праздники и будни, радость и горе — именно на такое сотрудничество настроены многочисленные народы, живущие сейчас на территории нашего благословенного края.

Часть VII

**Первая всероссийская научно-
практическая конференция
«Формирование устойчивой
антитеррористической позиции
гражданского общества как
основы профилактики
терроризма»**

**Приветственное слово первого
заместителя руководителя аппарата
Национального
антитеррористического комитета,
кандидата юридических наук,
генерал-лейтенанта Е. П. Ильина**

Уважаемые коллеги!

В последние годы нашим спецслужбам и правоохранительным органам удалось существенно снизить уровень террористической опасности в Российской Федерации. Теперь мы можем с полным правом говорить о том, что принятые решения о формировании принципиально новой общегосударственной системы противодействия терроризму под эгидой Национального антитеррористического комитета дают свои плоды.

Статистика по борьбе с терроризмом показывает в целом позитивную динамику за последние годы.

В текущем году выявлено и пресечено 69 преступлений террористического характера, 36 из которых террористы планировали совершить в местах массового пребывания людей.

Пресечена попытка главаря террористов Умарова и эмиссара «Аль-Каиды» Моганнеда организовать теракты на курортах городов Сочи и Анапа с применением мощных самодельных взрывных устройств.

На территории Республики Дагестан пресечена преступная деятельность главаря террористического подполья Моллачиева, а также находившихся в федеральном розыске главарей т. н. «Хасавюртовского» и «Буйнакского джамаатов» Бидаева, Устарханова, Аджиева и Наврузова.

В результате проведенных спецопераций в Республике Ингушетия нейтрализована деятельность главарей «Малгобекского джамаата» Богатырева, Бокова и Дабриева, а также Генаева — главаря банды, действовавшей во Введенском районе Чеченской Республики.

В целом, в ходе проведения контртеррористических операций и оперативно-боевых мероприятий в Северо-Кавказском регионе в 2008 году нейтрализовано более 170 бандитов, в том числе 13 главарей.

Кроме того, задержано свыше 350 активных членов бандформирований и их пособников, 15 лиц склонено к добровольной сдаче и отказу от противоправной деятельности.

Выявлено свыше 180 схронов с оружием и баз боевиков, из которых изъято свыше 1000 единиц стрелкового оружия, более тонны взрывчатых веществ и 344 самодельных взрывных устройства.

За совершение преступлений террористического характера осуждено 198 лиц. К пожизненным срокам заключения приговорены организатор взрыва на Черкизовском рынке в г. Москве Климук и лидер экстремистско-террористической организации «Исламский джамаат» Раззаков. На длительные сроки лишения свободы осуждены бандлидеры террористического подполья в Чечне и Дагестане Кадиев и Гаджиев.

Международные террористические организации также не отказались от своих замыслов по восстановлению очагов нестабильности на постсоветском пространстве.

Среди террористических организаций, представляющих угрозу безопасности России, можно выделить «Хизб ут-Тахрир», «Исламское движение Узбекистана» («Исламская партия Туркестана»). В этом году принятыми мерами пресечена деятельность подпольных ячеек этих организаций в Поволжье, на Урале и в Сибири.

Так, судами республик Башкортостан и Татарстан, Челябинской и Курганской областей к уголовной ответственности привлечен 31 член международной террористической организации «Хизб ут-Тахрир».

В Республике Марий Эл, Красноярском и Пермском краях, Тюменской области задержаны и экстрадированы 5 функционеров международной террористической организации «Исламское движение Узбекистана».

Однако наметившиеся положительные тенденции в системе антитеррора, бесспорно, нуждаются в закреплении и развитии. Особенно это касается Северо-Кавказского региона.

Террористическая активность в этом регионе не снижается, а в Ингушетии и Дагестане нарастает.

Все это говорит о том, что система воспроизводства терроризма действует достаточно эффективно. И ее главным генератором, несомненно, является экстремистская пропаганда.

При этом практика противодействия терроризму показывает, что одними только силовыми действиями устранить террористические угрозы невозможно, особенно в таком регионе, как Северный Кавказ, где сильны традиции кровной мести, семейно-родственных связей, а также сохраняется действие неблагоприятных факторов, связанных с социально-экономическим развитием региона и непростым историческим прошлым во взаимоотношениях с федеральным центром.

В этой связи мероприятие, которое мы сегодня проводим, представляется очень важным, поскольку речь идет о формировании устойчивой антитеррористической позиции гражданского общества как основы противодействия терроризму. На эту тему издано немало научных трудов, проведено конференций и круглых столов. Сегодня впервые это происходит под эгидой Национального антитеррористического комитета. Если вы обратили внимание, в приглашениях на конференцию мы специально акцентировали внимание на необходимости выдвижения предложений для их возмож-

ного рассмотрения на заседаниях Комитета с целью продвижения установленного порядком в законодательное поле.

Почему именно гражданскому обществу мы отводим такую важную роль в противодействии терроризму? Как известно, гражданское общество — это все, что находится вне государственных структур. Организации, объединения, партии, блоки, союзы, предприятия и т. д., то есть все, что максимально приближено к человеку, все, что апеллирует к нему, когда надо заручиться его поддержкой, получить его голос на выборах, вывести на митинг, демонстрацию или на баррикаду.

Именно в гражданском обществе зреет поддержка или недовольство курсом, политикой, действиями конкретных лиц, государственных или общественных организаций и учреждений.

В институты гражданского общества стремятся проникнуть и те, кто заинтересован в их использовании для дестабилизации ситуации в стране.

Поэтому мы считаем, что эффективное противодействие терроризму во всех его проявлениях станет возможным лишь тогда, когда к нему подключится все гражданское сообщество.

Это наша первая конференция, на которую мы, конечно же, не смогли пригласить всех, кто мог бы не только принять в ней участие, но и внести важную лепту в выработку наших решений. Но могу точно сказать, что здесь присутствуют представители и гражданского общества, и государственных структур, и специалисты из иностранных государств, искренне заинтересованные в позитивных итогах нашей работы.

Мы ждем от участников Конференции открытого диалога, обсуждения и анализа наиболее актуальных проблем противодействия терроризму и предложений по способам их разрешения.

Хотел бы пожелать всем участникам конференции активной плодотворной работы.

Благодарю за внимание.

Современный терроризм. Роль политических и идеологических факторов в причинах его возникновения и сохранения. Меры противодействия

В. И. Орлов¹

Уважаемые участники конференции!

В выступлениях моих коллег на вчерашнем пленарном заседании дана довольно полная картина современного терроризма в мире и в Российской Федерации. Е.П. Ильин подробно остановился на том, как в нашей стране функционирует система противодействия терроризму, каковы результаты ее деятельности и, какова роль Национального антитеррористического комитета в этой системе в контексте профилактики терроризма. Мы заслушали два очень интересных и содержательных доклада наших иностранных коллег.

Сразу же хочу сказать, что разделяю приведенные в докладах оценки, что избавляет меня от необходимости давать характеристику современному терроризму.

Поэтому я бы хотел сразу перейти к роли политических и идеологических факторов и дать *личную оценку* причинам возникновения и сохранения современного терроризма не только в нашей стране, но и в мире в целом.

Если мы посмотрим на список террористических организаций, деятельность которых запрещена на территории России решением Верховного суда, то увидим, что практически все они прикрываются в своей деятельности исламской религией. Подчеркиваю — прикрываются исламской религией, и ни в коем случае их нельзя отнести к исламским организациям. Подобная же ситуация и со списками террористических организаций в других странах.

Поэтому не случайно мы столь пристальное внимание уделяем религиозно-экстремистскому фактору в терроризме. И еще потому, что под

¹Заместитель руководителя аппарата — начальник Управления «И» аппарата Национального антитеррористического комитета, кандидат юридических наук.

флагом религиозного экстремизма совершены самые жестокие террористические акты современности. К тому же, инквизиция и крестовые походы еще не вычеркнуты из исторической памяти.

Наиболее известной среди всех террористических организаций является, конечно же, Аль-Каида, которая имеет свои филиалы в Ираке, странах исламского Магриба. Именно с ней, да еще пожалуй с Хизб-ут-Тахрир, Братьями мусульманами мы связываем понятие международного терроризма и экстремизма.

Международными террористическими и экстремистскими организациями создана такая система идеологической обработки мусульманского населения, что терроризм в настоящее время стал настоящим проклятием человечества.

Основным звеном этой системы, и во вчерашних докладах это нашло отражение, является единое информационное пространство. Оно достигло такого аргументационного насыщения, что способно само по себе воссоздавать террористическую инфраструктуру и провоцировать совершение террористических актов.

Ситуация складывается таким образом, что в настоящее время для управления террористической деятельностью отсутствует необходимость в каком-то руководящем центре. Сама информационная среда способна и убеждать человека в необходимости убивать себе подобных, и учить, как это делать. Поэтому террористические группировки возникают и совершают преступления зачастую без всякой криминальной логики, в самых неожиданных местах, с самыми непредсказуемыми последствиями.

Откуда же все это появилось? Почему именно ислам стал объектом экстремистских устремлений.

Равиль Гайнутдин — Председатель совета муфтиев России видит несколько основных связанных между собой причин.

Причина «военно-историческая» вызвана колониальным гнетом в отношении мусульманских стран, национально-освободительной борьбой и сохранением запала вооруженного противостояния враждебному Западу. Последствия колониализма еще не преодолены и оказывают серьезное влияние, особенно на неблагополучные слои населения, возбуждая в них протестные настроения.

Причина «социально-экономическая» связана с отставанием мусульманских стран от бывших колонизаторов в экономической, социальной и гуманитарной сферах. Это обстоятельство приводит к росту социальной зависти и ненависти в широких слоях малообеспеченного населения в отношении бывших колонизаторов-иноверцев.

«Идейно-богословская» причина вызвана тем, что колонизаторы в период своего правления в мусульманских странах прибегали к услугам местных политиков и имамов, используя их в качестве марионеток. Те, в свою очередь, для легитимизации колониальной власти пытались подвести под необходимость «смирения» с властями богословское обоснование.

Поэтому борцы за независимость искали религиозную и идеологическую аргументацию своим идеям в так называемом «чистом исламе», кото-

рый стал идейным базисом уже для всякой борьбы за социальную справедливость и «лучшую жизнь».

Причина «психологическая» основана на многовековом существовании общемусульманской Османской империи — халифата. После ее крушения и официального упразднения халифата самим же халифом, а затем колониального господства европейцев над огромной частью бывшей империи, сформировался естественный в таких случаях комплекс «подавленного самолюбия».

Причина «геополитическая» связана с быстрым и во многом неожиданным распадом СССР, который был идейным, финансовым, политическим и военным центром борьбы за светлое будущее всего человечества. Идейная ниша борьбы за социальную справедливость опустела, ее поспешили занять экстремистские организации, необоснованно называющие себя мусульманскими.

«Духовная» причина вызвана появлением «салафизма» в его примитивной редакции, отвергавшей не только языческие обычаи, но и все богатство исламской мысли прошлых веков (радикальной ветвью такого «салафизма» стал так называемый «ваххабизм»).

«Общекультурная» причина увязывается с низким уровнем общей культуры и образования в мусульманских странах.

С этими причинами появления радикализации, трудно не согласиться.

Но могли ли эти причины сами по себе привести к возникновению террористических организаций и к священной войне за всемирный исламский халифат?

Есть еще одна группа причин. Это *внешнеполитические причины*. Основной из них — является (снова цитирую Равиля Гайнутдина) — *«Религиозно-политическая» причина*, она связана с образованием государства Израиль, захватом принадлежавших арабам земель, изгнанием 3 миллионов палестинцев. Перед лицом мусульманской солидарности радикальные круги сионистской направленности объявили «врагом человечества» саму религию ислама, в которой якобы кроются корни экстремизма и терроризма.

Вышеуказанные недостатки активно используются спецслужбами некоторых стран. Имеет место финансовая поддержка и использование «агентов влияния» среди фанатиков и экстремистов в этно-мусульманской среде для создания имиджа исламской угрозы и для организации зон «управляемых конфликтов» в местах проживания мусульман. Известно, например, что Усама бен-Ладен был агентом ЦРУ и занимался формированием единого фронта против советских войск в Афганистане. Тот факт, что его по сей день «не могут» поймать, тоже о многом говорит².

Я бы мог к этому добавить, что подобные претензии к западным странам предъявляет практически весь мусульманский мир: и радикальный, и традиционный. И использует в качестве аргументов в информационной

²Сборник статей Общественно-консультативного совета по проблемам борьбы с международным терроризмом РАН: М.: Наука, 2005. С. 96.

войне.

Автору «доктрины Картера» Збигневу Бжезинскому приписывают признание в том, что «3 июля 1979 года, то есть за полгода до вступления советских войск в Афганистан, президент США Дж. Картер подписал секретную директиву о выделении полумиллиарда долларов на «создание международной террористической сети, которая должна распространять *исламский фундаментализм* в Средней Азии и дестабилизировать таким образом Советский Союз». Впоследствии в рамках специально разрабатываемых операций выделялись уже миллиарды долларов на создание в исламском мире сети *медресе ваххабитского направления*.

Но Советского Союза не стало.

А изменилась ли политика Запада по отношению к Российской Федерации? (позвольте, я для краткости буду Западом называть США и их ближайших союзников, безоговорочно поддерживающих движение НАТО к нашим границам и размещение элементов ПРО в Европе).

Эта тема является непростой для публичного обсуждения. Практически все западные страны являются нашими партнерами по антитеррористической коалиции. По большинству вопросов, касающихся международного антитеррористического сотрудничества, у нас одинаковые позиции, есть много примеров успешных совместных действий по предупреждению террористических актов.

Однако некоторые шаги, предпринятые ими в области геополитики, результатом которых являются односторонние действия по приближению НАТО к нашим границам, вовлечение некоторых стран СНГ в антироссийскую деятельность, события в Южной Осетии и некоторые другие свидетельствуют о том, что Запад не видит никакой разницы между Советским Союзом и Россией.

Совсем недавно, 19 августа 2008 года, на встрече министров иностранных дел стран НАТО в Брюсселе госсекретарь США Кондолиза Райс впервые публично признала роль НАТО в устранении с мировой арены Советского Союза, заявив, что НАТО, победившее в «холодной войне» и добившееся развала СССР, не позволит России проводить новые линии по Европе. Об этом писали наши газеты на следующий день после упомянутой встречи.

В текущем году по первому телевизионному каналу был продемонстрирован документальный фильм «Абубакар: план Кавказ», в котором министр иностранных дел в правительстве Дудаева, проживающий в настоящее время в Турции, а в свое время работавший на радиостанции «Свобода» — Шамсетдин Юзеф с неожиданных для многих в нашей стране позиций оценивает некоторые причины появления религиозного экстремизма и сепаратизма в Чеченской Республике в начале 90-х годов. Вот что он говорит по этому поводу перед телекамерой. Цитирую «В начале 90-х разведки сразу нескольких государств начали работу по разделению Кавказа на несколько мелких государств. Первые ваххабиты все были гражданами Америки. Прилетал ко мне и к Джохару Дудаеву из США Усама бен-Ладен. Он тогда был американским гражданином. Призывал убивать русских. Это потом власти Америки с ними поссорились.

Иорданец Фатхи, который учился со мной в одной школе, потом уехал в Америку, там отпустил бороду, перебрался в Афганистан, откуда был направлен к нам в Чечню. Именно через Фатхи Дудаев и его окружение контактировали с Усамой бен-Ладеном, а также с американским посольством, сотрудники которого всячески подталкивали Дудаева к войне. Одного звали Андерсен. Он был главным. Нас даже возили в Лондон люди из ЦРУ. Несколько раз присылали делегации. Искали любые способы, чтобы начать войну. Мы тогда думали, что их интересует чеченская нефть. Но нефть — это мизер. Им нужно было Каспийское море».

В этом же телефильме выступали и некоторые представители госструктур США, которые говорили, что всячески стремились удержать Дудаева от силовых действий и резкого разрыва отношений с федеральным центром.

Давайте пока оставим это без комментариев. Для того, чтобы сделать вывод о том, в какой степени политическая подоплека влияет на террористическую активность, необходимо упомянуть еще несколько событий, ключевыми участниками которых являются западные страны:

- арабо-израильское противостояние с кульминацией в 1967 году. Тайную завесу этих событий приоткрыл в 2006 году бывший президент США Дж.Картер, изданием своей книги «Палестина: мир, а не апартеид», в которой он делает вывод о том, что арабо-израильский конфликт не может быть урегулирован без возврата к временам начала шестидневной войны 1967 года, то есть к 5 июня, когда сектор Газы, Шар а-Шейх и весь Синайский полуостров до Суэцкого канала, Западный берег реки Иордан и Голландские высоты, еще не были Израильскими. Это утверждает человек, который очень хорошо знает причины арабо-израильского противостояния. А ведь именно этот конфликт питает радикализм более полувека;
- Афганистан № 1 и десятилетняя война (под видом выполнения интернационального долга) Советского Союза с силами, противостоящими социалистически ориентированному Б.Кармалю, что активизировало радикализм, отвлекло наши силы от решения социальных задач и измотало в гонке вооружений и других непродуктивных отвлечениях ресурсов. В это же время стараниями Запада появился монстр в лице Усамы бен-Ладена и международных террористических структур;
- контртеррористическая операция в Чеченской Республике, которая привела к росту радикализма на Северном Кавказе и послужила консолидации исламистов. В то же время, известно, что к развалу СССР и возбуждению религиозного экстремизма на Северном Кавказе приложили руку западные страны;
- Косово, которое явилось, с одной стороны демонстрацией лояльности западных стран к мусульманам и исламскому миру, а с другой — созданием прецедента реализации идей сепаратизма, с консервацией

межрелигиозного и межнационального конфликта, который будет питать терроризм в регионе;

- Афганистан № 2. Втягивание в противостояние с исламским миром стран Европы. В настоящее время предпринимаются усилия по созданию вооруженных формирований из племен, противостоящих Движению Талибан. То есть речь идет о начале гражданской войны, с неясными временными рамками и вариантами разрешения конфликта;
- Ирак. Катализация радикализма, призывы к консолидации «джихадистских» сил по всему исламскому миру. Объявление Аль-Каидой стран, направивших воинские контингенты в Афганистан и Ирак, главными врагами ислама и объектами террористических атак.

А еще был Кувейт с «бурей в пустыне», где определенные западные круги, играя на амбициях Хусейна, смогли серьезно обострить отношения между Ираком и Кувейтом и подтолкнуть Багдад к войне.

Еще была война между Ираком и Ираном 1980–1988 гг., где Запад также сыграл свою стимулирующую роль.

Не снят с повестки дня вопрос о военной операции США в отношении Ирана с целью его возврата в русло западного влияния. На кону не только контроль над иранской нефтью (10% мировых запасов), но и доступ к гигантскому нефтяному резервуару Каспия, закрепление в Средней Азии ввиду перспективы кардинального перераспределения нефтепотоков из стран бывшего СССР через новые трансиранские нефтепроводы к терминалам Персидского залива.

Независимо от декларированных целей, которые преследовали западные страны в перечисленных событиях, все они в той или иной степени оказали и продолжают оказывать влияние на рост террористических проявлений в мире. События в Афганистане и Ираке привели просто к террористическому коллапсу в этих странах и сделали Европу главной мишенью террористов.

А то влияние, которое они оказывают на радикализацию мусульманского населения, еще долго будет ощущаться во всем мире. Фактически заложены основы конфликта цивилизаций (христианской и исламской).

Справочно.

В Ираке конфликт развивается в сторону противостояния религий. Исламисты убивают христиан (ассирийцев), сжигают их дома, вынуждают покидать места проживания. Тысячи христиан уже превратились в беженцев.

Может быть все, что происходит, является результатом непродуманных действий в каждой конкретной ситуации? Хотели, как лучше, а получилось как всегда.

Уверен, что это не так. Перед вторжением воинских контингентов НАТО в указанные страны в распоряжении западных аналитиков был опыт вооруженной экспедиции Великобритании в Афганистан (англо-афганские

войны 19 века)³, и опыт боевых действий СССР и США в Афганистане. Руководство Российской Федерации пыталось всеми силами удержать США от необдуманного шага.

Те, кто убеждал американскую администрацию принять решение на военную операцию, заведомо знали, к чему это все приведет. Известно, что, пока иностранные воинские контингенты находятся на территории мусульманского государства, партизанская война там не закончится. А исламский мир станет более радикальным и поднимется на священную войну. Так оно и получилось.

В результате международные террористические организации провозгласили террористический «джихад» против «иудеев» и «крестоносцев» за создание «всемирного исламского халифата». Главными врагами они объявили Соединенные штаты, Израиль и страны Европы, принимающие участие в войнах в Ираке и Афганистане.

Силы международного терроризма начинают активно действовать там, где сепаратизм, национализм и религиозный экстремизм перерастают в вооруженные столкновения с властью (не важно какой). Главное, чтобы одной из сторон была называющая себя религиозной группировка, ведущая борьбу за создание «всемирного исламского халифата».

Цепь перечисленных событий наводит на мысль о том, что определенные круги и лица в Соединенных Штатах Америки заинтересованы в том, чтобы на Евразийском пространстве полыхали локальные войны. От финансирования экспедиций в зону боевых действий проигрывают государственные бюджеты, но выигрывают конкретные лица.

И еще один аспект этого же вопроса. В Соединенных Штатах и до 11 сентября, и после трагедии террористические акты практически не совершались (кроме американских представительств и граждан за рубежом). Но там предпринимаются беспрецедентные меры по предотвращению проникновения в страну террористов и ввоза средств террора. На разработки и производство технических средств защиты от террористических атак морских и воздушных гаваней выделяется из бюджета миллиарды долларов.

Защита от терроризма стала приоритетной задачей во всех без исключения странах мира. Это вызвало рост бюджетных расходов, что фактически привело к гонке антитеррористических вооружений (кто будет в лидерах,

³Первая англо-афганская война (1838–1842) началась вторжением в декабре 1838 английских войск (свыше 30 тыс. чел.) в Ю.-З. Афганистан. В 1839 английские войска заняли Кандагар, Газни, Кабул. В ответ началась антианглийская партизанская война. В результате восстания в Кабуле (ноябрь 1841) оккупационная армия была уничтожена, английский ставленник шах Шуджа убит. К концу 1842 остатки английских войск эвакуировались из Афганистана.

Вторая англо-афганская война (1878–1880). Английские войска (36 тыс. чел.) вторглись в Афганистан, в январе 1879 заняли Кандагар. Эмир Якуб-хан заключил с Англией Гандамакский договор (см. англо-афганские договоры и соглашения 19–20 вв.), вызвавший народное восстание в сентябре 1879. 27 июля 1880 у Майванда (близ Кандагара) афганские силы разгромили английскую бригаду. В Кабуле англичане были осаждены почти 100-тыс. армией повстанцев. Англия была вынуждена отказаться от планов завоевания Афганистана, однако по соглашению 1880 с эмиром Абдуррахманом устанавливался английский контроль над внешней политикой страны.

тот лучше защитится от террористических атак, выживет сам и выиграет на рынке сбыта антитеррористической продукции). Уже сейчас наиболее успешные корпорации в ряде случаев стремятся «навязать» свою продукцию неблагополучным с точки зрения террористической активности странам. При обсуждении бюджетов западных стран уже сейчас разворачиваются нешуточные «войны», звучат требования об увеличении бюджетных ассигнований на борьбу с терроризмом. Некоторые видные специалисты открыто признают, что проблема терроризма превратилась в инструмент внутривластной борьбы.

Вряд ли кто доподлинно назовет имя и фамилию человека, кому первому пришла мысль реанимировать идею всемирного исламского халифата, но эта идея очень хорошо вписывается в теорию управляемых вооруженных конфликтов. Идея мирового господства в современном варианте способствует зомбированию целых народов, толкая их к затяжным вооруженным конфликтам, заведомо не приводящим к достижению желаемых целей.

История свидетельствует, что претензии на мировое господство в конце концов всегда заканчивались крахом, но сопровождались массовыми жертвами. В то же время те, кто запускает механизмы долговременных вооруженных противостояний, прекрасно знают, каким образом возбужденные амбиции конкретных личностей можно конвертировать в деньги. Например, известно, что на жажде Гитлера стать властелином мира американские корпорации за годы второй мировой войны заработали около 180 миллиардов долларов. По другим данным, валовой внутренний продукт США в период с 1938 года по 1945 увеличился с 800 млн. долларов до 1470 млн. В незначительной степени ВВП увеличился в Великобритании, остальные воюющие страны проиграли.

Следовательно, есть конкретные люди, заинтересованные в войнах и вооруженных конфликтах, которые объективно приводят к росту террористической активности. Этими людьми не всегда являются лидеры государств. А в демократических странах — тем более. В эту категорию не входят руководители и сотрудники спецслужб, правоохранительных органов или военнослужащие — они первыми гибнут в конфликтах. И уж тем более нет таких людей среди стариков женщин и детей, против которых проявляют «особую доблесть» бандиты, называющие себя «моджахедами».

Таких людей надо искать среди тех, кто непосредственно получает прибыль от войн, вооруженных конфликтов или от терроризма. Или надеется получить финансовые преимущества после того, как через войны, конфликты и терроризм будут правильно (так, как им требуется) расставлены фигуры на великой шахматной доске.

Людей из этой категории политолог Сергей Кургинян назвал *террористической элитой*. Я с этим полностью согласен.

В западных странах элита лоббирует принятие решений о боевых действиях, вторжениях, ударах по тем странам, которые представляют интерес для конкретных личностей из этой элиты.

Располагая неограниченными финансовыми возможностями, представители элиты могут специально создавать и контролировать деятельность

неправительственных организаций, средств массовой информации, фондов и других элементов гражданского общества. Демократические завоевания, к сожалению, очень легко можно поставить на службу злу.

Справочно: За рубежом насчитывается более 60 организаций, поддерживающих северо-кавказских сепаратистов и террористов. Из них только в США — 20, в Турции — 14, в Иордании — 4, в Бельгии — 2, Дании — 3, Польше — 2, Финляндии — 4, Франции — 1, ФРГ — 3, в Азербайджане и Украине по 2, в Грузии — 1, в Великобритании — члены т. н. правительства Ичкерии. Надо иметь в виду, что все они отрабатывают выделяемые им деньги. То есть, все они действуют, в том числе в информационном пространстве.

Ежегодно в европейских странах, таких как Польша, Дания, Нидерланды, Турция, в ряде стран Балтии и Скандинавии, проводится до сотни антироссийских пропагандистских акций — конференций, митингов, шествий, семинаров. В ходе этих акций каждый раз реанимируется один и тот же набор обвинений Российской Федерации в геноциде на Северном Кавказе, при этом приводятся каждый раз корректируемые в сторону увеличения цифры о количестве погибших гражданских лиц, детей. К сожалению, даже официальные структуры в западных странах пользуются полученной с таких акций информацией для оценки ситуации в регионах Российской Федерации.

На подобных форумах выдвигаются требования активизировать работу по провозглашению независимости Чеченской Республики и других республик Северного Кавказа, поскольку прецедент Косово создает для этого благоприятный фон. Экстремистами планируется подключить ООН к организации референдума по вопросу о суверенитете Чеченской Республики с последующим развитием ситуации по косовскому сценарию с созданием независимого от России «Кавказского эмирата».

Все это подстегивает радикализацию в западных (и не только в западных) странах. А ведь там уже существует проблема «еврохалифата».

Поэтому мы не должны удивляться, когда в очередной раз получаем отказ в экстрадиции Березовского и Закаева из Великобритании, подобных им личностей из Швеции, когда не можем закрыть экстремистские сайты, находящиеся в доменной зоне западных стран.

Вышеизложенное показывает, что если исходить из логики действий элит, то становится понятным, почему многие события происходят не только вопреки международному праву, но и здравому смыслу.

К террористической элите в полной мере можно отнести Усаму-бен-Ладена, а также лидеров экстремистских и террористических организаций. Какими бы благородными целями они ни стремились прикрыть свою деятельность, в основе все равно лежит жажда денег или жажда власти через убийство людей. И то, и другое — греховно. Еще и поэтому обвинять ислам в склонности к терроризму или экстремизму нельзя.

На мой взгляд, именно деятельность террористической элиты, ее лоббистские возможности не позволяют уйти от пресловутых двойных стандартов. И не уйдем до тех пор, пока терроризм является средством реализации *политических и экономических интересов представителей элиты*, в основном стоящей вне исламского и, тем более, православного мира. Причем эти *интересы не обусловлены необходимостью физического*

выживания, а вызваны жаждой безграничного обогащения, скрытого доминирования и дальнейшего паразитирования на теле созидательной части Земной цивилизации.

В этом мне видятся глубинные первоначальные причины конфликтов, приводящих к терроризму. Все остальное вторично.

Уважаемые коллеги, вы можете спросить, а какой же практический выход из утверждения об элитарных причинах конфликтов. Как в таком случае выстраивать противодействие терроризму? Элиты — это что-то неконкретное и неуловимое. А сама тема полузапретна, у некоторых вызывает недоверчивую ухмылку.

Дело в том, что с точки зрения элитарного подхода к рассмотрению ситуации совершенно по-другому видится расстановка сил на той самой «шахматной доске». Если оставить за скобками неуловимую элиту, то мы (силы антитеррора) и «террористы-джихадисты» являемся непримиримыми противниками, обреченными на нескончаемые взаимобвинения, на вечную войну, на взаимоуничтожение.

В этой конфигурации даже в информационном противоборстве нам трудно найти убедительные аргументы, которые нельзя было бы опровергнуть современной конфликтной практикой. Разве что варварство, с которым совершаются террористические акты, и которое дискредитирует самих террористов. Но в последнее время они изменили тактику действий. Нападают в основном на сотрудников правоохранительных органов, представителей власти и духовенство.

Что еще мы можем противопоставить идеологам терроризма? Канонические доказательства того, что ислам и терроризм не совместимы? С этим никто не спорит. Но, ведь, глубоко верующий человек с правильными религиозными убеждениями, видя, что мусульман убивают, захватывают их землю, все равно никогда не смирится с этим? Это даже не по-христиански! Поэтому обучение в наших учебных заведениях традиционной религии может стать хорошей основой для последующей радикализации на примерах из жизни. Хизб-ут-Тахрир, например, рассматривает усвоение молодыми людьми основ веры в качестве первой ступени к последующему вовлечению в свои сети. Поэтому очень важна системная воспитательная работа с молодежью на всех уровнях, с использованием всего потенциала государства и гражданского общества.

Но, применяя ситуационный подход, возьмем другую *конфигурацию, в которой присутствует террористическая элита в качестве самостоятельного игрока в ситуации.* Для нее выгодно как напряженность, так и борьба с напряженностью. Как военный пожар, так и действия по его тушению. Следовательно, и для нас, и для экстремистов-террористов появляется одно объединяющее начало. И мы, и они становимся жертвами, живым товаром, торгуя которым элита богатеет. Террористы в этом случае становятся слепым орудием элиты, «зарабатывая» ей материальные блага своей кровью и кровью своих единоверцев, кровью других людей. Получается парадоксальная ситуация. Лидеры международных террористических организаций объявили своими врагами «иудеев» и «крестоносцев» и сами же

оказались в услужении у самых реакционных представителей «иудеев» и «крестоносцев» (у элиты), поскольку своими террористическими действиями способствуют достижению целей элиты. При этом наносят непоправимый ущерб исламу и мусульманскому миру. Следовательно, речь может вестись либо о сговоре элит, либо об использовании западной элитой террористической элиты, действующей от имени ислама, «втемную».

Над парадоксальностью ситуации для сил, противостоящих терроризму и экстремизму, каждый из читающих данную статью можем поразмыслить самостоятельно.

Ситуация с включенностью элиты в инспирирование военной активности, представляется более реалистичной. Безусловно, она нуждается в научном осмыслении. На мой взгляд, необходимо вернуться к трудам Г.Моски, Ф.Парето, Р.Михельса, а также американского политолога Д.Ридсмана, с его «вето-группами» и к трудам других ученых, рассматривающий элиты в качестве творцов истории.

Этот подход предоставляет в наше распоряжение мощный аргумент для разъяснительной работы, однако приведет нас к необходимости корректировки подходов к противодействию терроризму, прежде всего к профилактике, в том числе в международном сотрудничестве и не только в области антитеррора.

Необходимо разъяснять нашей молодежи, всем жителям страны, террористам, заключенным, отбывающим наказание за террористическую и экстремистскую деятельность, народам западных стран как действуют элитарные механизмы принятия решений, какую угрозу несут миру действия элит. Нам также необходимо широко презентовать Россию на Западе, разъяснять ее миролюбивую сущность, отсутствие внутренних причин для агрессии по отношению к соседним странам и заинтересованности нашей элиты в мирном сотрудничестве.

Здесь широкое поле для журналистского творчества, киноискусства.

Работу по информационному противодействию терроризму, на мой взгляд, необходимо выстраивать по трем основным направлениям.

1. Формирование (а там, где они есть — совершенствование) механизмов защиты информационного пространства и населения Российской Федерации от распространения идеологии терроризма и экстремизма:

- в Интернете (создание правовых механизмов изъятия вредной информации. «Вредность» должна определяться экспертными учреждениями, которые необходимо создавать с участием гражданского общества);
- возрождение системы оценивания профессиональными критиками интеллектуальной продукции, оказывающей влияние на духовную сферу человека, особенно молодежи (в сфере литературы, кино, телевидения) с целью недопущения проникновения в информационное пространство, изъятия из него, или разъ-

яснения людям того, что губительно влияет на физическое и психическое здоровье подрастающего поколения.

2. Совершенствование системы и активизация информационного противодействия терроризму:

- увеличение присутствия государства в медийном пространстве, увеличение бюджетных расходов и привлечение бизнес-сообщества к созданию образцов высоконравственного искусства, воспитывающего с малых лет адекватное восприятие жизни (без запретных тем в области геополитики), патриотизм, законопослушание, ответственность за окружающий мир, свое здоровье и здоровье окружающих людей;
- вооружение людей знаниями, необходимыми для своей самоидентификации в социуме, соблюдения личной безопасности, повышения степени доверия к правоохранительным органам;
- создание системы адекватного реагирования на информационные вызовы и продвижения антитеррористической информации в информационное пространство и конкретным адресатам в стране и за рубежом. Разъяснение роли террористической элиты в военной и террористической активности.

Привлечение к этим мероприятиям институтов гражданского общества, включая научные учреждения, религиозные организации, творческие союзы, СМИ.

3. Совершенствование социально-политических, правовых, нравственных и иных основ для эффективного противодействия идеологии терроризма и экстремизма:

- постоянная актуализация нормативной правовой базы;
- повышение жизненного уровня населения (его выравнивание), гарантирование равных условий для получения образования, работы, доступа к благам цивилизации;
- активные действия по борьбе с язвами общества (наркоманией, алкоголизмом, табакокурением, а также со всеми видами преступности). Информационное сопровождение этой работы, особенно в республиках с мусульманским населением.

Первый опыт, приобретенный в процессе работы по информационному противодействию терроризму, показывает, что:

1. Информационное противодействие терроризму должно стать составной частью общей информационной политики государства.
2. Информационным противодействием нельзя заниматься факультативно и без единого управляющего и координирующего центра, осуществляющего свою работу планомерно, непрерывно и на профессиональной основе.

Межкультурный диалог в условиях расширения миграционных процессов

О. Н. Астафьева¹

В условиях расширяющейся глобализации современное социокультурное пространство становится все более неустойчивым и многоликим. Динамика процессов интеграции и дифференциации трудно поддается управленческим воздействиям не только в силу его мощного самоорганизационного потенциала. Попытки мирового сообщества скорректировать мировую социокультурную ситуацию, обращаясь к различным формам, базирующимся, будь то на принципах «этоса глобального мира» (концепция гуманистической направленности, пронизанная идеями культуроцентризма) или на принципах унификации (модель «вестернизации» — геополитическая и культурная экспансия империй), независимо от содержательного наполнения, как правило, либо отвергаются той или иной частью населения еще на стадии декларирования основных тезисов, как однозначно неприемлемые, либо затруднены для практической реализации. Это еще больше усиливает проявление социокультурных противоречий, что также находит отражение и в теории и на практике в виде разного рода упрощений и вульгаризации понятий. В целом, это не отражает истинного стремления человечества к сохранению сложной полицелостности мировой цивилизации, представленной в единстве всего многообразия существующих на Земле культур. Смысловые и концептуальные «подмены», спекулятивно обыгрываемые политически и идеологически ангажированными исследователями, строятся на факторе «близости исходной позиции», Это приводит к тому, что при введении в дискурс термина или концепта без учета контекста другой культуры или иного типа мышления, — не избежать серьезных расхождений и прямо противоположных выводов.

Поэтому осмысление перспектив межкультурного диалога как основы мирного сосуществования людей в условиях глобализации предполагает уточнение категориального аппарата, дабы исключить возможности смысловых расхождений. Прежде всего это касается базовых положений, в частности, признания того, что *взаимодействие культур основано не только на сходстве их ценностно-смысловых оснований, но и на признании различий между «своей» и «другими» («чужими», «иными») культурами. Восприятие «инаковости» и/или «различий» — та исходная позиция, от которой во многом зависит направленность межкультурного диалога, его осу-*

¹ Доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

ществование и результаты. Несмотря на многообразие используемых трактовок², на наш взгляд, за границами научно-теоретических рассуждений они используются как синонимы понятия неоднородности, разнообразия. Но *разнообразие* — это качественная характеристика и показатель сложности живых и искусственных систем, в том числе культур, сохранение которого обеспечивает устойчивость культурно-цивилизационного развития. В данном случае различиями обеспечивается разнообразие. С этих позиций и осмысливаются возможности сосуществования культур в условиях глобализации — интеграционной тенденции культурно-цивилизационного развития, усложняющейся за счет внутренней дифференциации. Соответственно, признание культурного разнообразия обуславливает *открытость для взаимодействия культур в мире, несмотря на их различия*. На этих принципах концептуализирована Всеобщая Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии³.

Следует признать, что все выделенные предметные зоны являются взаимосвязанными и составляют обширное проблемное поле междисциплинарных исследований межкультурных коммуникаций в условиях глобализации. В дискурс межкультурного диалога активно вплетаются понятия *культурный плюрализм, толерантность, равенство, неравенство, правомерность, справедливость, польза, экстремизм*.

Причем, разговор о межкультурном диалоге затруднен, а в ряде случаев — вообще невозможен, если не учитывать процессов, ему противостоящих. Несомненно, что одним из таких явлений в социокультурном пространстве современной России стал экстремизм.

Экстремизм как форма проявления отношения к иному, нарушения общепринятых норм и отклонений от легитимно закрепленных моделей поведения, вплоть до преступных деяний, влекущих уголовную ответственность, выступает одним из факторов социокультурной нестабильности. Приверженность к крайним взглядам, деструктивным действиям и мерам проявляется, как правило, у людей в силу разных причин и может быть связана с их социальным неблагополучием, ущемлением национального самосознания, вероисповедания, государственной суверенности, гендерными аспектами, экономической агрессии и т. д. Общеизвестно, что субъектами экстремизма чаще всего становятся люди, лишенные нравственных критериев, с низким культурно-образовательным уровнем. Для них даже самое незначительное социальное, национальное, религиозное ущемление становится поводом и мотивом для экстремистских реакций. В качестве причин проявления антисоциальной активности могут выступить также различия в цвете кожи, этноменталитете, имущественном владении. Проявление разных форм экстремизма, как антисоциального явления, усиливает риски

²Теоретический анализ разграничения данных понятий содержится в работе, см.: Довгополова О.А. Другое, чужое, отторгаемое как элементы социального пространства. — Одесса: СПД Фридман, 2007; Гречко П.К. Различия: от терпимости к культуре толерантности. — М.: РУДН, 2006.

³Всеобщая Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 32-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО. — Париж, 2001, 2 ноября.

социокультурного кризиса и «расшатывания» коллективной идентичности, маргинализации населения страны.

Когда говорят, что экстремизм — явление, которое свойственно каждой исторической эпохе, то, вероятно, не учитывают того, что формы его проявления в современный период приобрели крайнее выражение. Экстремистские тенденции становятся частью повседневности, а поведенческие стереотипы агрессивного, психологически неустойчивого поведения включаются человеком в систему своих социальных ориентиров. Привлечение жестких и порой жестоких, упрощенных и форсированных методов к решению личных и общественных проблем — таковы характеристики экстремистских действий. Они проникают в массовое сознание не только через массовую культуру, закрепляясь в различных субкультурных проявлениях⁴. В целом, снижение ценностной и нормативно-регулирующей функций культуры, духовно-нравственный кризис и расцвет потребительской культуры ведут к проявлению крайних (экстремальных) форм проявления.

В настоящее время об экстремистских действиях все чаще говорят именно в связи с расширением миграционных потоков, с возрастанием рисков «расшатывания» коллективной идентичности. Правда, рассматривая проблемы идентификации, зачастую из поля зрения упускаются исторические «границы» этнокультурной идентичности, что приводит к негативным последствиям, к противопоставлению «своего» — «чужому», национальному обособлению с притязанием на собственную тотальность. Неудовлетворенность обычно приводит к поиску «Другого», виноватого в социальной несправедливости. Общеизвестно, что в полиэтнических и поликонфессиональных обществах, особенно с высоким притоком мигрантов, в «образ врага» попадают, как правило, меньшинства. При этом, если к отдельно взятому «чужаку» отношение может быть терпимым или нейтральным, то сообщество мигрантов уже вызывает тревогу и воспринимается как угроза. Но сами они еще больше характеризуются фрустрациями и потому нуждаются во внимании со стороны общества во имя нераспространения агрессивных настроений и экстремизма в их среде.

В последние два десятилетия миграционные процессы активно влияют на динамику социокультурной ситуации в России. Поэтому тема межкультурного диалога становится одной из актуальнейших проблем, но это, к сожалению, не до конца осознается обществом. На наш взгляд, культур-диалогический подход⁵ к рассмотрению асоциальных явлений вполне оправдан — в качестве методологии осмысления социокультурных феноменов и явлений переходных периодов нестабильности, основывающийся на исследовании их диффузных изменений в процессе перманентных мутаций и трансформаций из одного состояния в другое. Диалогическое пространство, формируемое ресурсами культуры, позволяет осмыслить те трансформации смыслов, которые происходят и с традиционными явления-

⁴См.: *Томалинцев В.Н.* Человек в XXI веке. Поиск на грани творчества и экстремизма. — СПб., 2001.

⁵См. *Сайко Е.А.* Культур-диалогика трансформации смыслов: «обыкновенный терриформизм» // *Международные тетради.* Вып. VI. — М., 2006.

ми, и с инновациями (в разных областях). В этом аспекте совершенно иначе воспринимаются понятия «толерантность», которое уже не отождествляется по упрощенной схеме как понятие «терпимость».

Формирование в обществе дискурса «диалога» представляется одной из стратегических задач культурной политики, так как нынешнему поколению россиян предстоит учиться жить в ситуации «новой многокультурности», ибо и те, кто был воспитан на идеологии «многонациональности и интернационализме» (характерной для советского периода отечественной истории) и те, кто воспринимают нынешние демократические принципы свободы и культурного плюрализма, признают наличие множества этнонациональных проблем (этнический сепаратизм, межэтническая напряженность, этнокультурная интолерантность, «русский вопрос», будущее коренных малочисленных народов, реабилитация репрессированных народов, возвращение соотечественников и др.). Особое место в этом ряду занимает проблема взаимодействия с «чужой» культурой, носителями которой выступают мигранты.

Несомненно, что миграционные процессы последних десятилетий свидетельствуют о высокой степени территориальной мобильности населения, а интенсификация иммиграционных потоков трансформирует социокультурный ландшафт страны.

Миграция, как *перемещение людей, обладающих различными ценностями культуры, нормами и стилями жизни, образцами поведения и моделями общения*, предопределяет разрыв системы сложившихся связей, включение в новую среду, необходимость в ряде случаев смены профессиональной специализации. С одной стороны, возникающие проблемы частично решаются через предоставление иммигранту необходимых гражданских (политических и социальных) прав, но, с другой стороны, этого оказывается явно недостаточно для его полноценного включения в новую социокультурную реальность. Принадлежность человека к конкретному государству в современном мире утрачивает свою актуальность, в то время как принадлежность к той или иной культуре по-прежнему определяет *способность и формы адаптации* мигрантов к новым культурным условиям бытия. Этим объясняется укрепление «местного фактора» в условиях глобализации⁶, результатом которого является интенсификация локальной и региональной идентичностей. Дело в том, что самоидентификация личности иммигранта почти всегда включает наряду со своей жизненной историей, объясняющей мотивы миграции, воспоминания и ассоциации, связанные с местностью прежнего проживания, ощущения своей принадлежности к группе, родной язык как разговорный, обеспечивающий в культуре повседневности привычный стиль коммуникаций.

Может ли что-либо примирить острое желание сохранить свою этнокультурную самобытность, но при этом вписаться в коды другой культуры, научиться понимать ее смыслы и разделять ее ценности? Готовы ли

⁶ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества / Пер с англ. — М.: Изд-во «Весь мир», 2004. С.179.

иммигранты, прибывающие в Россию (не только из стран СНГ, но и из Китая, Вьетнама и др.), к межкультурному диалогу? К признанию ценностей российской национальной культуры *равными* ценностям своей культуры? Всегда ли россияне, в свою очередь, *открыты для постижения своеобразия* и самобытности иной культуры? Могут ли в настоящее время этнокультурные различия стать источником противостояния между коренным населением и иммигрантами?

По мнению Гюнтера Шлее, взгляд на этничность как причину расколов и дезинтеграции во многом поддерживается политической элитой и транслируется через медиасистемы. История мирного сосуществования людей в различных многоэтнических обществах Западной Европы показывает, что существующие культурные различия — языковые, религиозные, этнические, кланово-племенные и др.⁷ — не могут быть однозначно отнесены к основным источникам конфликтов. Более того, «существуют условия, поддерживающие гетерогенность. И идеологически они вписаны столь же жестко, как и у нас в случае мультикультурализма, где это слово употребляется в положительном смысле и означает тесное сосуществование различных культур»⁸. По его мнению, в самом общем виде формы взаимодействия культур, имеющие место в современном мире, укладываются в модели «вражды», «интеграции через различия», «сосуществования».

На наш взгляд, в аспекте межкультурного диалога они могут быть дополнены моделью, основанной на принципах *когерентности* (согласованности). Эта модель позволяет учитывать взаимные интересы сторон и предполагает определенные процедуры самоорганизации и управления (легитимация состояния многокультурности), снижающие этнокультурную напряженность. Внедрение этой модели, на наш взгляд, крайне необходимо, так как статистические показатели подтверждают радикальные демографические изменения в ряде российских регионов, констатируя перспективы их перехода в регионы со сложной многокультурной средой. О том, как это воспринимается коренными жителями, можно судить по результатам социологических исследований.

Отвечая на вопрос «Как Вы оцениваете конфликты, которые имеют место в нашем обществе между людьми разных национальностей?», 25,5% от общего числа опрошенных жителей российских регионов отнесли их к категории «очень острые», 39,1% — квалифицируют их, как «острые», 20,0% — «не очень острые» и только 4% населения не считают их острыми.

По совокупности ответов — 74,6% респондентов отнесли фактор совместного проживания с иностранцами, прибывшими из бывших республик СССР, к «острой» или «частично острой и нерешенной проблеме» для всего общества. И это более чем тревожный симптом, так как 87,0% респонден-

⁷Указанные различия сформулированы Г.Шлее в виде шести наиболее распространенных утверждений относительно генерирующих конфликты факторов, который он относит к разряду заблуждений.. См. об этом: *Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика / Пер. с англ. и нем. С.В. Соколовского. — М.: , 2004. С.11.*

⁸*Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика / Пер. с англ. и нем. С.В. Соколовского. — М., 2004. С. 22–23.*

тов высказали озабоченность состоянием солидарности в обществе. Одновременно уровень их личного беспокойства по поводу проживания с иммигрантами оказался значительно ниже (46,6% из общего числа опрошенных), при этом показатели неудовлетворенностью солидарных отношений между людьми почти не изменились (80,5% общего числа опрошенных). Это отражает индивидуальную готовность почти половины россиян к восприятию людей другой национальности и культуры, при этом свидетельствует о низком уровне социокультурного взаимодействия, нестабильности ситуации в стране в целом⁹.

Нельзя не учитывать и того фактора, что в случае усиления экономических трудностей и роста политической нестабильности, как считают исследователи, негативные этнические проекции будут возрастать, а уровень толерантности снижаться¹⁰. Как показали исследования в Калужской области, этническая интолерантность проявляется в тех случаях, когда групповая идентичность размывается вследствие трансформации ценностно-смысловой структуры и смены ориентиров и личность сама должна определять нормы своей жизни и деятельности и, как следствие, приводит к повышению этнической интолерантности. Однако в процессе взаимодействия с иноэтническими группами мигранты мотивированы на сохранение и поддержание четкой этнической идентичности, сопряженной с толерантными межэтническими установками¹¹.

По результатам социологического опроса, проведенного в Пермском крае, последствия присутствия мигрантов в культурной сфере, к которым были отнесены деструкции, насильственное внедрение «своей» культуры, нравов, порядков, традиций и обычаев, вытеснение «нашей культуры», были отнесены к процессам, повышающим степень напряженности. Негативную оценку происходящих в культуре изменений дали 65,3% от общего числа опрошенных. Это, с одной стороны, ниже показателя по уровню социальной напряженности, но с другой, остаются предельно высоким. Следует согласиться с авторами представленных для анализа материалов, что вряд ли население исходит из объективного состояния дел, так как в составе населения края мигранты составляют лишь 2,1%. Соответственно, их культура не способна вытеснить исторически сложившие культурные традиции и тем более уничтожить культурное наследие региона¹².

Тем не менее население современных мегаполисов, нуждающиеся в неквалифицированной рабочей силе для выполнения общественно не престижных и низкооплачиваемых работ, пополняется за счет «сезонных» мигран-

⁹ *Источник:* Материалы социологического опроса «Ценности социальной справедливости в массовом сознании россиян». Российская академия государственной службы при Президенте РФ. Социологический центр. — М.: РАГС, 2004. С. 12–14.

¹⁰ Дробизева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М., 2003. С. 111.

¹¹ См.: Толерантность в межкультурном диалоге / Отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. — М.: ИЭА РАН, 2005. С. 118–142.

¹² См.: Агафонов Н.Н., Брегац Р.А. Миграция как социальное явление и ее влияние на уровень социальной напряженности в Пермском крае // Этнопанорама. — 2007. — № 1–2. С. 68.

тов. Так, в настоящее время в Московской области иностранные рабочие (в основном мигранты из стран-участников СНГ) заняты в сфере строительства (57% от общего числа не граждан России), в промышленности (22%), на транспорте (12%), в сельском хозяйстве (9%)¹³. Часть из них постепенно оседает на новых территориях и, рано или поздно, если не решать социальных проблем этих групп иммигрантов, не предоставлять их детям возможности получения образования, то процессы маргинализации и криминализации неминуемо приведут к снижению общего культурного уровня населения в стране; к расслоению на «своих» и «чужих»; закреплению по отношению к иммигрантам определенной «статусно-ролевой» и культурной ниши.

Нельзя не отметить, что по наблюдению экспертов, среди мигрантов, прибывающих в развитые страны мира, в том числе и в Россию, немало специалистов, имеющих высокую квалификацию и высокий культурно-образовательный уровень. Так, в первой половине 90-х гг. XX в. из Армении в Россию приехали многие образованные иммигранты, которые влились в армянскую диаспору и смогли полностью реализовать себя, при этом поддерживают уровень жизни своих родственников в Армении¹⁴. Конечно, на общем фоне подобные «ручейки» специалистов и из других стран СНГ недостаточно велики, однако именно таким путем происходит повышение уровня культуры образующихся на территории России этнокультурных диаспор.

Дело в том, что миграция активизирует процесс институционализации этнического, сущность которого связана не только с внешними проявлениями — формированием этнокультурных объединений, обеспечивающих диаспорам возможность реализации своих социальных и культурных потребностей, поддерживать (воспроизводить) этнокультурные традиции в условиях инокультурного окружения. Диаспоры играют особую роль в изменении привычного культурного ландшафта во всех странах, ибо людям свойственно испытывать ностальгию по традиционному образу жизни, желание воспроизводства системы ценностей «своей» культуры.

Этнокультурные объединения в России законодательно подкрепляют свой статус и получают право участвовать в организации повседневной культурной жизни, передаче этнокультурного опыта. В условиях гражданского общества — это возможность для проявления своей социальной и культурной активности, не противоречащей идеям консолидации российского общества. Очень точно, на наш взгляд, назвал В.А. Тишков этническую и религиозную жизнь «*территорией ответственности*» каждого человека, ибо получая право оставаться самим собой, право быть непохожим на других, он сохраняет обязанность «подчиняться общим законам, сосуществовать вместе, крепить гражданскую солидарность ради процве-

¹³См.: Утяцкий М.Н. Государственный контроль в сфере миграции // Федеральное Подмосковье. — 2007. — № 1(6). С.24.

¹⁴К концу 90-х годов XX в. сумма денежных переводов в Армению сравнялась по объему с совокупным заработком в легальном секторе этой страны. См.: Капур Д., Макгейл Дж. Прибыльная миграция // Pro et contra. — 2005. — № 1(28). С.86.

тания государства»¹⁵. С этой точки зрения *этнокультурные объединения* и другие *неправительственные организации (НПО)* выступают активными субъектами межкультурного диалога и культурной политики¹⁶. Будучи инструментами формирования *культуры межэтнического диалога* в условиях становления гражданского общества в России, их деятельность, согласно существующему законодательству, должна соответствовать стратегии национальной политики России, направленной на сохранение целостности своего культурного ландшафта, основанного на принципе «единства многообразия». На каких философских основаниях выстраивается эта стратегия? Почему теоретическая концепция многокультурности (мультикультурализма) с таким трудом внедряется в отечественную управленческую практику и мировоззрение россиян? Какие другие альтернативные стратегии конкурирует с ней? Почему отсутствует определенность по данному вопросу в концепциях национальной и культурной политики России? Не потому ли, что требует смелости и понимания того, что концепция мультикультурализма используется в разных странах в уточненном смысловом варианте, адаптированном к местным условиям. Более того, практика показывает, что процесс постижения философии мультикультурализма в обществе требует длительной, кропотливой работы всех ее членов, ибо без поддержки со стороны населения «управление многообразием» вряд ли принесет положительные результаты.

Показателен в этом плане опыт Канады, где ежегодно, в открытых для всего общества официальных отчетах Правительства о практической реализации Акта о мультикультурализме (1971 г.) чиновники, ученые и эксперты оценивают достигнутый уровень толерантности и взаимопонимания в канадском обществе, адекватность используемых мер и ресурсов для поддержания этнокультурной самобытности культуры, как иммигрантов, так и коренных народов, для сохранения всего спектра культурного разнообразия, обсуждают существующие гарантии защиты индивидуальных прав иммигрантов и коллективных прав этнокультурных общин и объединений, выявляют новые проблемы и направления деятельности, такие как предотвращение расизма и разных форм неравенства.

В настоящее время в основе культурной политики многих западных стран также лежит *модель обновленного мультикультурализма*, ибо его понимание за период активного (почти сорокалетнего) использования в теории культурной политики выявило ее неоднородность, свидетельствующую о *вариативности ее практического воплощения*. Это подтверждает-

¹⁵ Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности и развития российского общества // Этнопанорама. 2007. № 1–2. С. 6.

¹⁶ Многосторонняя оценка процесса институционализации этнического фактора и проблем, связанных с развитием неправительственных организаций, см.: Ахлаев А.Р. Неправительственные организации (НПО) как инструмент формирования политической культуры межэтнического диалога и сотрудничества // Межкультурный диалог: Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия. — М.: Изд-во РУДН, 2003; Бортникова Т.Г. Этническая культура и социально-культурная деятельность: проблемы взаимодействия и развития. — М.: МГУКИ, 2004. и др.

ся типологией функциональных форм мультикультурализма¹⁷, но и она не охватывает всех возможных модификаций. Если исходить из того, что провозглашение культурного разнообразия является неотъемлемым качеством и проявлением реальности, то опора на принцип свободы культур на практике при «выпячивании» одного из аспектов может привести к эклектизму, «культурной мозаике», не воспринимаемой уже как некая целостность. В той или иной степени эти формы мультикультурализма выступают моделями, основанными на *тиражировании культурных различий* (именно такой односторонний подход послужил одним из оснований для критики модели мультикультурализма в целом). Как говорилось, при раскрытии глубинного ценностно-смыслового содержания культурного разнообразия возможно преодоление ограниченности и механистического прочтения модели мультикультурализма как идеальной (теоретической) модели.

Итак, в качестве оснований для разработки стратегий современной культурной политики в разных странах и в разные исторические периоды принимались следующие концептуальные идеи, определяющие *тип мультикультурализма*:

- «взращивание» и эксплуатация экзотических культур, приводящая к маргинализации социокультурного пространства, — «мультикультурализм бутика»;
- право различных культурных групп на сосуществование по принципу равенства со всеми остальными при нивелировании индивидуальных критериев свободы культурного разнообразия и коммерциализации системы взаимодействия между культурами — «неолиберальный» мультикультурализм;
- признание культурных различий с главной целью — недопущение насилия в сфере духовной репрезентации — «критический» мультикультурализм;
- субстанционализация политической подоплеки культурных проявлений общественного характера — «повстанческий» мультикультурализм;
- связь феномена культурного разнообразия с историей колонизацией мира — «полицентричный» мультикультурализм;
- уменьшение или смягчение угроз межэтнических войн, внутриобщинного насилия и/или государственного насилия по отношению к тем людям и сообществам, культурным меньшинствам, которые пытаются изменить или отречься от своей прежней культурной идентичности — «мультикультурализм страха»;

¹⁷См.: Токтосунова А. И. Этнокультурная идентичность и диалог в условиях глобализации. — Бишкек, 2007. С.79.

- приоритет личной свободы культурного самоопределения над общественным при одновременном провозглашении свободы этнокультурной группы, где субъектная представленность размывается — «либеральный» мультикультурализм;
- приоритет общества над индивидом, предпочтения при решении вопроса о культурном многообразии строятся исходя из приоритетов общества — «коммунитаристский» мультикультурализм.

В таких модификациях концепция мультикультурализма распространилась по всему миру, а ее значение в связи с развитием глобализации значительно повысилось. Мультикультурализм выступает одним из центральных факторов, влияющих на потенциал межкультурного диалога в условиях территориальной мобильности населения России, наряду с признанием *культурного разнообразия*; необходимостью воспитания *толерантности* в обществе; формированием *коллективной (гражданской) идентичности*; развитием *демократии и гражданского общества*.

Мультикультурализм — это стратегия демократического государства, направленная на достижение определенного «качества» взаимодействия культур в одной стране, причем, это качество общепризнанно — это мирное сосуществование, основанное на толерантном отношении к различным культурам. В ряде стран распространение идеологии мультикультурализма привело к снижению «этнокультурных притязаний» (как в Канаде, например), к отказу от расизма (подобно США) и др. В условиях либеральных ценностей воспитание толерантности оказалось более приемлемым, чем борьба за этнокультурные различия. Однако мультикультурализм, открывая дорогу множественной идентичности, создал трудности для формирования в обществе коллективной идентичности. Возникли новые проблемы: стало очевидным, что достичь единства значительно сложнее, чем позиционировать этнокультурные различия, особенно в условиях коммерциализации средств массовой информации. Более того, реализовывать политику мультикультурализма без активной роли государства в этом процессе оказалось мало продуктивным.

По мнению В.А. Тишкова, недостаточно соотнесения концепта «мультикультурализм» как универсальной дефиниции только с утверждением в обществе принципов культурного плюрализма и стремлением защищать культурное разнообразие. В настоящее время утвердились разные уровни (сферы) его применения:

- уровень демографического (дескриптивного) использования, когда общества, имеющие сложный этнодемографический состав, определяются как полиэтничные или мультикультурные;
- сфера идеологии, или нормативная сфера, формирующая систему установок, принципов сосуществования, на которых выстраивается система государственного образования или одного из ее регионов;

- сфера культурной политики, программтики, через которые идеология и желаемая нормативность претворяются в целенаправленные коллективные действия;
- уровень философии и этики, где мультикультурализм выступает как определенная концептуальная позиция, которая может воплощаться в правовые нормы, влиять на характер общественных институтов и проявляться в культуре повседневности¹⁸.

Таким образом, в современном варианте мультикультурализм — это концепция, пронизывающая всю социокультурную реальность, основанная на признании равенства всех культур, имеющих одинаковое право на саморазвитие. Современный мультикультурализм предлагает сохранение самоценности культур как основы для выстраивания *социальной интеграции*, не приводящей к ассимиляции (слиянию), как принятие ценностей другой культуры как равной, не нивелирующей ценности собственной культуры. Стратегия искусственно возвращаемой ассимиляции по отношению к иммигрантским культурам, как показывает исторический опыт и современная социокультурная практика, может служить источником ксенофобии, фундаментализма, экстремизма. Важно понимать, что мультикультурализм, как ориентированная на взаимодействие концепция, принципиально различается с ассимиляцией и гибридизацией, формирующих новые культурные образования, но при этом разрушающие процессы воспроизводства культурного многообразия. Культурного многообразия, складывающегося из этнических, религиозных, расовых, языковых и других различий.

Интеграция иммигрантов в принимающее сообщество — результат двух встречных процессов — социокультурной самоорганизации и рационального регулирования. Механизмами его достижения выступают специальные комплексные программы, в которых центральное место занимают условия предоставления гражданства, обеспечение социальной защиты и возможность получения образования, обучения национальному языку, доступ к культурным ценностям и другое.

Анализ состояния миграционной ситуации в Москве, как мегаполисе — одном из кризисных регионов страны, содержащийся в работе А.В. Дмитриева¹⁹, подтверждает идеи о необходимости развития города по модели мультикультурализма, но при укреплении механизмов регулирования потока мигрантов, искоренения нелегальной миграции, что позволит сдерживать процессы социальной и культурной маргинализации населения. Одной из реальных мер может стать пересмотр переселенческой концепции, которая должна переломить устойчивый «западный дрейф» внутрироссийской миграции, его «уплотнение» в таких мегаполисах, как Москва. В этой

¹⁸См.: Тижков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003. С. 234–235.

¹⁹См.: Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Наука в XXI веке. Вып.2. Проблемы развития современной России. М.: Современный гуманитарный университет, 2004. С. 7–31.

связи позволим себе еще раз вернуться к вопросу о понимании «политики ассимиляции» в контексте проводимой политики мультикультурализма.

Дело в том, что после принятия Всемирной декларации по культурному разнообразию²⁰, развитые «иммиграционные страны» подчеркивают некорректность провозглашения «политики ассимиляции» и следуют усложненной модели, в основе которой лежит принцип культурного плюрализма, толерантности и диалога. Это обновленный тип политики мультикультурализма, когда можно говорить не о стихийной этнической и культурной мозаике, но об определенности «пазловости» этой картины: при всей свободе самоорганизации правовыми нормами «предопределена» упорядоченность процесса этнокультурного взаимодействия. Эта устремленность государства на интеграцию населения, различающегося по своим этнокультурным и конфессиональным традициям, в единое социальное пространство не мешает сохранению своеобразия каждой из культур, составляющих это многообразие.

Подобный тип культурной политики более всего приближается к модели «корпоративного мультикультурализма», которая развивается в настоящее время в Канаде²¹. Обновленная концепция мультикультурализма направлена на то, чтобы формируя коллективный стиль жизни, не ограничивать возможности жизнедеятельности отдельного человека, проявление индивидуальности этнокультурного самовыражения, поддерживать языковое разнообразие²². Опыт социальной и культурной политики Канады показывает, что решение социальных вопросов и создание условий для культурного самовыражения — основа для интеграции населения, повышающая конкурентность страны на мировом рынке за счет «человеческих ресурсов» и придающая стране особую привлекательность. Этнокультурное многообразие не мешает формированию определенной *гражданской идентичности*, которая не тождественна социокультурной идентичности, тем более — национально-культурной идентичности, но является важной частью целостной идентификационной палитры, присущей людям, проживающим в рамках единого государственного образования.

В современной России, стране, в которой в настоящее время проживают представители около двухсот национальностей, внедрение *принципов многокультурности* в некотором смысле становится показателем уровня демократичности, основы для социального взаимодействия.

²⁰См.: Всеобщая Декларация ЮНЕСКО о культурном многообразии. Принята 32-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО. — Париж, 2001, 2 ноября.

²¹См. об этом: Этнокультурная мозаика Канады и проблемы канадской идентичности: Материалы междисциплинарного семинара (РОИК). М., 2003.

²²См.: *Жукова И.В.* Художественная культура современной Канады. — М.: «Прометей» МПГУ, 2006. С. 16–19.

О некоторых теоретико-методологических вопросах противодействия идеологии терроризма

Ю. И. Авдеев¹

В своем выступлении я хотел бы остановиться лишь на некоторых аспектах большой проблемы противодействия современному терроризму, который, несмотря на известный спад террористической активности в пределах России, тем не менее сохраняет огромное значение как угроза глобального характера.

Важность данного вопроса потребовала соединения для ее решения усилий многих государств, специалистов различных отраслей государственной и общественной деятельности. Наша конференция — убедительное свидетельство необходимости комплексного, междисциплинарного подхода к научному изучению терроризма и опыта борьбы с ним как необходимого условия общего позитивного решения указанной проблемы. За инициативу и организацию этих совместных усилий позвольте искренне поблагодарить руководство Национального антитеррористического комитета и Московского государственного университета, в том числе — Института проблем информационной безопасности.

Один из сложных аспектов противодействия терроризму связан с проблематикой, относящейся к террористической идеологии и противодействию ей.

Особая актуальность противодействия идеологии терроризма, определившаяся в последнее десятилетие, стала очевидной в результате анализа тех социальных процессов, которые лежат в основе возникновения и распространения терроризма в мире и в том числе в России. В течение ряда последних лет за рубежом и в Российской Федерации проведен ряд научных исследований, которые свидетельствуют о том, что в причинном комплексе терроризма все более заметную роль играет идеология экстремистского толка, в том числе террористическая идеология, ее распространение в различных слоях населения.

В интересных докладах на пленарном заседании настоящей конференции и в выступлениях ее участников на секционных обсуждениях достаточно обстоятельно проанализированы причины и условия широкого рас-

¹Профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член экспертного совета комитета по безопасности Государственной Думы.

пространения экстремистской идеологии на различных континентах и в разных слоях населения. Многоплановые социальные противоречия современного мира, в значительной мере связанные с негативными сторонами глобализации, с естественно возникающими защитными, хотя и не всегда адекватными, реакциями со стороны страдающих от нее стран и народов, с упрямо навязываемыми общественности различными политическими силами, преследующими свои эгоистические интересы, ложными образами «столкновения цивилизаций», традиционных «врагов» и источников «мирового зла», углубление кризисных явлений в социально-экономической жизни большинства стран мира и другие объективные и субъективные факторы, активно формируют в обществе состояния социальной напряженности, распространение ксенофобии, процессы радикализации различных социальных групп и слоев населения.

Террористическая идеология, становящаяся все более востребованным инструментом различных субъектов терроризма, в этих условиях имеет благоприятную почву для распространения в различных общественных слоях, поскольку она содержит и решительное «осуждение» и «разоблачение» действительных или мнимых виновников социальных потрясений и одновременно предлагает жесткие, «простые и надежные» пути восстановления «справедливости».

В принципе активное использование идеологии терроризма во вне террористических организаций вытекает из функционального назначения самой идеологии как одного из структурных элементов терроризма, выступающего в настоящее время в качестве весьма сложного социально-политического явления. Как и в системе других аналогичных антиобщественных явлений, идеология терроризма изначально была предназначена для выполнения внутренних и внешних функций; она решала задачи консолидации участников террористических структур на определенных идейно-политических позициях и имела значение идейно-политической основы для целеопределения их деятельности. Одновременно в тех или иных масштабах она использовалась для обеспечения внешнего влияния террористических организаций на те или иные группы населения, прежде всего для обеспечения необходимого им притока новых участников.

Однако современный период характеризуется качественно новым уровнем использования идеологии терроризма для обеспечения различных сторон деятельности террористических организаций. В чем причина обращения террористов различных идейно-политических направлений в настоящее время, в конце 20–начале 21 веков к столь активному распространению террористической идеологии в обществе? Эти причины связаны прежде всего с происходящей трансформацией терроризма как средства политической борьбы между различными социально-политическими силами на национальном, региональном и глобальном уровнях.

В современных условиях террористические организации и движения различных направлений — от крайне левых до крайне правых, включая этно-националистические и религиозно-политические экстремистские организации, — эволюционируют от борьбы за сравнительно ограниченные

политические цели, обычно тактического характера, в сторону постановки в качестве своих генеральных целей далеко идущего воздействия на развитие современного мира, отдельных регионов и государств, на социально-политические процессы в обществе, на основы государственной организации и политики. Иными словами, терроризм явно обнаруживает тенденцию к приобретению роли стратегического инструмента в деятельности различных политических сил как в международных, так и внутригосударственных отношениях.

Логика борьбы за реализацию упомянутых выше целей террористическими организациями предполагает в современных условиях формирование крупных и устойчивых по времени существования террористических структур, создание в обществе относительно стабильной и широкой социальной базы поддержки террористических организаций, преодоление образа враждебной обществу силы в лице этих структур и попытки их легитимации в глазах значительной части общества.

Практическое осуществление этих задач в организационном плане связано как с пропагандой идейно-политических установок террористических организаций в определенных «целевых», сравнительно немногочисленных аудиториях, представляющих определенные этнические и конфессиональные группы, часть радикализирующейся молодежи и интеллигенции (и др.) для последующего вовлечения их участников в террористические объединения на общей экстремистской основе, так и с проведением значительно более широких кампаний по распространению идеологии терроризма для оправдания последнего среди больших групп населения в «своем» государстве и за рубежом, как правило с использованием разнообразных возможностей современных средств массовой информации (собственных, а также «дружественных» и «независимых»). Для этого ими создаются подчас весьма разветвленные сети информационно-пропагандистского воздействия на общественность, в которых используются самые современные системы коммуникации (Интернет и др.).

Современная идеология терроризма, к какому бы направлению она не относилась, в соответствии с основными задачами идеологического влияния террористов на население характеризуется рядом особенностей. К ним в первую очередь относится широкое использование спекулятивных пропагандистских лозунгов и положений, эксплуатирующих распространенные среди населения настроения и чувства; высокий удельный вес критической части террористических идеологий, которая носит преимущественно дезинформационный и клеветнический характер и направлена на дискредитацию политического противника; подстрекательская направленность террористической идеологии, предназначенная для формирования непосредственной готовности объектов идеологического воздействия к участию в совершении террористических действий; направленность на оправдание и легитимацию террористических структур путем их ложной идентификации с законными действиями общественных организаций и религиозных объединений, а их насильственной практики — с правомерной деятельностью в защиту прав человека и гражданина, свободы совести и вероис-

поведания, права народов на самоопределение и т. п.; героизация лидеров и участников террористической деятельности, демонизация политических противников террористов, призванные оправдать жестокость и несправедливость террористической деятельности; преувеличенное изображение значения и возможностей террористических структур, запугивание вероятных или реальных противников возможностью нежелательных для них последствий в случае принятия антитеррористических мер; соединение собственнo идеологического воздействия с активным эмоциональным, психологическим воздействием, осуществляемым на основе широкого спекулятивного использования мотивов борьбы за справедливость, за отмщение врагам, за защиту жизненных интересов этноса, религиозной общины, класса и т. п., а также мотивов самопожертвования во имя общего дела и «священных ценностей» террористических объединений и др.

Анализ мотивационной основы участия отдельных лиц и целых групп в террористических организациях и движениях показывает, что при достаточно высоком уровне мотивов корыстного и иного личного характера (например, желания отомстить за родственников-террористов, подвергавшимся наказанию со стороны властей и т. п.) в качестве ведущих или параллельно действующих мотивов террористической деятельности выступают соображения идеологического плана.

В среде интеллектуальной части участников террористических движений и симпатизирующих им групп населения из числа интеллигенции, молодежи, идеологические мотивы нередко носят теоретический характер, отличаются сложностью построений, базируются на знании классовой, этнонациональной, религиозной догматики. Вместе с тем идеологические мотивации значительной части рядовых участников этих движений и большей части симпатизирующих террористам групп населения носят достаточно упрощенный характер, нередко основаны на простой вере в лидеров этих течений и негативном отношении к их политическим противникам, сводятся к определенному набору более или менее устойчивых идейно-политических шаблонов в восприятии мира, причин и целей деятельности соответствующих террористических структур.

Однако в любом случае деятельность значительной части участников террористических движений и симпатизирующих им определенных групп и слоев населения в той или иной мере идеологически мотивирована. Это, конечно, не должно затушевывать имеющего место процесса роста корыстной мотивации у участников профессиональных отрядов наемников, а также части пополнения террористических структур, особенно в регионах с низким уровнем жизни, высоким уровнем безработицы (таковы были, например, достаточно характерные условия прихода известной части хронически безработной молодежи в террористические группы в недавнем прошлом на территории Чеченской Республики).

При наличии растущей роли идеологической составляющей среди детерминант возникновения и существования террористических движений добиться успеха традиционными, силовыми методами в противодействии терроризму невозможно ни в решении задач по существенному снижению

уровня террористической опасности, ни, тем более, по искоренению данного явления как такового. Противодействие терроризму на началах активизации деятельности по устранению причин и условий данного явления закономерно встало в повестку дня. Противодействие идеологии терроризма в связи с этим заняло ведущее место в системе устранения этих причин и условий.

Выбор и реализация такого подхода вполне согласуется с основами политики ООН по борьбе с основными угрозами и вызовами современности. Как известно, в сравнительно недавнем «Докладе Группы высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам» указывается на терроризм как на одну из таких угроз (войны, внутригосударственное насилие, нищета и инфекционные болезни, экологическая деградация, распространение оружия массового поражения, организованная преступность), имеющих долговременный характер. Как и в отношении других угроз глобального характера, борьба с терроризмом, согласно упомянутому выше Докладу, должна осуществляться с позиций «политики предотвращения», в основу которой рекомендуется положить широкое использование социально-экономических и культурно-воспитательных мер.

По своим последствиям и механизму осуществления противодействие идеологии терроризма относятся, как выше было вскользь упомянуто, к системе предупреждения терроризма, характеризующейся согласно современной концепции противодействия терроризму в Российской Федерации как приоритетное направление такового. В системе предупреждения терроризму противодействие террористической идеологии занимает особо место и характеризуется значительной спецификой по сравнению с другими направлениями предупреждения. Будучи направлена на сокращение и нейтрализацию деструктивного влияния террористической идеологии, противодействие ей относится к той части предупреждения терроризма, которая связана с выявлением и устранением причин и условий возникновения и распространения терроризма, где наряду с данным направлением важную роль играют также воздействие на социально-экономические условия общества в направлении сокращения их терророгенного действия, правовое просвещение в целях изживания правового нигилизма и другие отдельные аспекты подобного рода, то есть к профилактике терроризма.

Противодействие идеологии терроризма как элемент его профилактики в период системного и активного распространения террористической и в целом экстремистской идеологии закономерно выдвигается на ведущее место. Это в значительной мере объясняется тем, что в отличие от целого ряда других причин возникновения и распространения терроризма (например, социально-экономических), террористическая идеология, ее распространение обычно выступают как причина непосредственного действия, формирующая в сознании людей установки о допустимости, целесообразности ведения террористической деятельности, психологическую готовность к участию в ней, нередко провоцирующая отдельные группы населения на массовые неадекватные, насильственные реакции.

Противодействие идеологии терроризма не является результатом

каких-либо волюнтаристских решений и неким рецидивом борьбы с инакомыслием. Оно не является также попыткой формирования какой-то обязательной государственной идеологии. Социальная сущность противодействия идеологии терроризма — это прежде всего формирование в обществе неприятия этой идеологии, ее осуждение на основе раскрытия антигуманного характера, несовместимости с общемировой доктриной и практикой уважения и защиты прав и свобод человека и гражданина, показа ее спекулятивной роли как средства вовлечения людей в антиобщественную деструктивную деятельность.

Механизм противодействия идеологии терроризма должен, по нашему мнению, исходить из необходимости не только содержательного, то есть идеологического, пропагандистского, воспитательного противодействия ей, предусматривающего, как было отмечено выше раскрытие порочности и ложности ее постулатов и опасности следования им, но и создания на системной основе организационно-правового механизма противодействия распространению этой идеологии в обществе.

Целый ряд позитивных идей относительно идеологического и организационно-правового содержания механизма противодействия идеологии терроризма содержится в ряде известных международно-правовых документов, принятых в разное время и на разной, глобальной и региональной, основах.

Комплекс таких положений содержится, в частности, в одном из наиболее актуальных документов такого рода, которым является Конвенция Совета Европы 2005 года, ратифицированная Российской Федерацией в 2006 году, «О предупреждении терроризма». Так, в ст. 3 «Национальная политика по предупреждению терроризма» указывается, что каждая сторона «принимает надлежащие меры ... в области образования, культуры, информации, средств массовой информации и просвещения общественности в целях предупреждения террористических преступлений и их негативных последствий» (п. 1).

Упомянутая выше норма Конвенции далее в ней не раскрывается, однако, достаточно очевидно, что она существенно важна в определении содержательной стороны противодействия терроризму в целом, его идеологии в частности. Указанные в Конвенции меры предполагают в этой связи прежде всего необходимость раскрытия опасности терроризма, опровержения попыток убедить общество в обоснованности, правомерности террористической деятельности и формирования отрицательного отношения общества к терроризму как явлению во всех его составляющих.

Значение данной Конвенции состоит также в том, что она указывает на определенный комплекс организационных мер в рассматриваемом направлении.

Важность разработки комплексов предупредительных мер в отношении терроризма подчеркивается также и в ряде документов ООН. В частности, большой интерес в этом плане представляет известная «Классификация контртеррористических мер» (Отделение ООН по контролю над наркотиками и предупреждению преступности — UN ODCCP). В широ-

ком комплексе предупредительных мер значительное место нашли меры «психологически-коммуникативно-образовательные». В их числе упоминаются контртеррористические кампании по связи с общественностью, в которые рекомендуется включать программы осведомления общественности о социальной и экономической цене терроризма, об использовании авторитетных лиц для его осуждения через средства массовой информации, привлечение жертв терроризма, а также раскаявшихся лиц для участия в упомянутых выше пропагандистских и воспитательных кампаниях и др.

Вместе с тем, документы ООН, Совета Европы и других международных организаций помимо рекомендаций по использованию информационных, культурных, просветительных (и т. п.) мер содержат предложения по формированию комплексов организационно-правовых мер, которые, согласно смыслу этих документов, также имеют необходимое значение в профилактике терроризма. Так, например, в рекомендациях ООН, упоминавшихся выше, серьезное значение придается введению запретов на трансляцию средствами массовой информации интервью с террористами, на публикацию террористических текстов, подготовке журналистов в части ответственного отношения к освещению террористических событий и т. п.

В современных международных правовых актах констатируется ведущая роль государств в организации предупреждения терроризма как основных субъектов борьбы с ним. Вместе с тем подчеркивается и значительная роль участия общественности, гражданского общества в осуществлении предупреждающего воздействия на проявления терроризма, в оказании помощи компетентным органам государства. Например, в упоминавшейся выше Конвенции Совета Европы (ст. 3 п. 3) большое внимание уделяется деятельности по обеспечению терпимости в обществе, поощрению межрелигиозного и межкультурного диалога с участием неправительственных организаций и других элементов гражданского общества в целях предупреждения напряженности, которая может привести к совершению террористических преступлений.

Современные тенденции все более активного включения гражданского общества и бизнеса в противодействие терроризму, в том числе — его идеологии, свидетельствуют о расширении круга векторов такого участия. Это тем более оправдано, что и значительная часть объектов террористических устремлений относится к сфере гражданского общества и бизнеса, и значительная либо большая часть инструментов такого предупредительного воздействия носит не государственный, а общественный либо частный характер. Это прежде всего относится к структурам, являющимися субъектами научно-исследовательской, информационно-пропагандистской, издательской, культурной, образовательной (и т. п.) деятельности, которые в разной степени и присущих им формах выполняют либо могут выполнять функции изучения террористической идеологии либо ее разоблачения и опровержения.

С учетом безальтернативного значения принципа недопустимости ведения борьбы с терроризмом в ущерб демократическим устоям общества развитие систем профилактики терроризма, особенно в части противодей-

ствия террористической идеологии, будет преимущественно осуществляться за счет возрастания роли и масштабов участия в ней институтов гражданского общества.

В связи с этим необходимо принятие согласованных решений на государственном и государственно-общественном уровнях относительно организации изучения идеологии терроризма, выработки методик её критики для последующего применения их различными субъектами профилактики терроризма: информационными, пропагандистскими, образовательными, культурными, общественно-политическими и другими организациями и объединениями.

В настоящее время в России, как об этом свидетельствуют, в частности, опыт Национального антитеррористического комитета, доклады Е.П. Ильина и В.И. Орлова на настоящей конференции, заложены основы необходимого сотрудничества государства и гражданского общества в предупреждении терроризма, в том числе в предупреждении террористической идеологии, и формируется механизм участия общественности как в принятии соответствующих решений, так и непосредственно в осуществлении самой профилактической деятельности.

При этом, однако, определенную трудность представляет создание системы научных исследований идеологии терроризма и разработки соответствующих научных основ ее критики.

В настоящее время научные исследования терроризма, и в том числе его идеологии, ведутся при недостаточном уровне планирования, в меру понимания необходимости таких исследований в отдельных академических, ведомственных и иных научных учреждениях. Идеология терроризма не стала устойчивым предметом исследований и в рамках формирующейся «террорологии», хотя в разное время отдельные направления идеологии терроризма плодотворно исследовались (например, «левого терроризма» — профессорами В.В. Витюком и С.А. Эфировым) либо исследуются в настоящее время (прежде всего идеология «исламского терроризма»). Поэтому представляется необходимым, с одной стороны, расширить фронт исследований идеологии терроризма по основным направлениям и доктринам терроризма с включением в указанные исследования научных учреждений РАН, МГУ, ряда других научно-исследовательских центров, и с другой стороны, обеспечить необходимое организационное единство в определении приоритетов в области этих исследований, основных их исполнителей, желательных сроков и иных параметров научной работы в данной области.

Представляется, что с учетом общего назначения НАК он мог бы выступить в качестве главного координатора этой работы. А в качестве ведущего научно-исследовательского центра проблем терроризма (или в более широком плане — экстремизма) и противодействия ему могли бы, по нашему мнению, выступить специализированные научно-исследовательские органы, например, в структуре РАН или МГУ, могущие поддерживать тесные научные контакты с научными центрами в регионах Российской Федерации, в ряде из которых проводятся весьма интересные и редкие научные исследования по данной проблеме.

Эффективность противодействия террористической идеологии в огромной мере зависит от глубины и системности ее научного изучения, динамичного отслеживания происходящих в ней изменений. В настоящее время, за исключением исследований исламского фундаментализма, выступающего в качестве распространенной основы т. н. исламского терроризма, уровень научного изучения иных идеологических основ терроризма не является достаточным для осуществления целенаправленного и результативного противодействия идеологии терроризма. Это утверждение справедливо, по нашему мнению, по отношению ко всем иным (кроме проблематики исламистского терроризма) направлениям в современной идеологии терроризма. Поэтому осуществление противодействия идеологии терроризма требует организации соответствующих исследований по всем многообразным составляющим этой идеологии.

Между тем настоящий период характеризуется сосредоточением изучения и критики идеологии терроризма в значительной степени на раскрытии особенностей террористической идеологии в целом (а также, повторюсь еще раз, и идеологии так называемого исламского терроризма). Данный подход выражается главным образом в показе антигуманного характера общей идеологии терроризма, ее противоправной направленности и антиобщественного назначения как средства оправдания террористического насилия и т. п. Конечно, данный срез исследований и критики идеологии терроризма вполне объясним и во многом оправдан. Однако, терроризм — это явление долговременное, разноплановое и развивающееся, в том числе и его идеология. Поэтому повышение эффективности предупреждения терроризма, и в том числе противодействия его идеологии, требует усиления конкретности и в проведении соответствующих исследований и в осуществлении антитеррористической критики.

Нередко преимущественно общий подход к раскрытию действительной сущности идеологии терроризма сопровождается ссылкой на то, что иные направления идеологии терроризма, кроме исламистской, сошли на нет и особой опасности не представляют.

В качестве примера сторонники такой точки зрения указывают преимущественно на левый и этнонациональный терроризм и их идеологию. По нашему мнению, следует несколько шире взглянуть на этот вопрос, поскольку приведенные выше утверждения можно признать, и то с оговоркой, лишь в отношении левого терроризма. Каждое направление идеологии терроризма, и это должно тщательно учитываться особенно при постановке задач противодействия ей, представляет собой достаточно подвижный комплекс взглядов, идей, конечно, при разной степени их разработанности, которые возникают и развиваются в определенной исторической обстановке, изменяются с течением времени, особенно в части лозунгов террористических структур, характеристики их главных противников, актуальных задач, методов их достижения и т. д. Поэтому маловлиятельные отдельные террористические идеологии еще вчера, сегодня в изменяющихся условиях могут приобрести более серьезное значение. Это с достаточным основанием можно отнести и к левой, и к этнонациональной идеологии терроризма,

поскольку углубляющиеся кризисные явления мирового, регионального и внутригосударственного развития могут с большой вероятностью актуализировать деятельность всех упомянутых террористических движений.

При организации научных исследований идеологии терроризма следует также, по нашему мнению, иметь в виду, что ряд из них имеет сравнительно глубокие корни в более общих идеологиях, в идеологических течениях различного экстремистского толка.

Так, например, различные разновидности идеологии левого терроризма (например, концепция «народной партизанской войны», «создания революционных ситуаций в Западной Европе» и некоторые другие концепции прошлых и настоящих лет) тесно связаны с различными идеологиями более общего уровня (троцкистскими, маоистскими и др.).

Идеологические установки террористических течений, действующих под прикрытием ислама и направленных либо против правительства ряда самих исламских государств, либо государств западного мира, их создателями и единомышленниками нередко выводятся либо из положений «истинного» либо «политического» ислама. Подобные примеры можно продолжить.

Практически все основные направления идеологии терроризма в той или иной мере либо действительно черпают свои идеи из тех или иных более общих, как правило, экстремистских идеологий либо индентифицируются террористами с другими идеологиями для упрочения своих идейно-политических позиций. Так или иначе при исследованиях идеологии терроризма необходимо, по нашему мнению, соединять их с изучением более глубоких идейно-политических корней идеологии терроризма либо разоблачать их идеологические прикрытия, что необходимо для разработки подлинно научных основ разоблачения этих пагубных идеологий современности и обеспечения эффективности профилактики терроризма и экстремизма в целом.

Терроризм. История развития и современность

В. П. Баранов¹

Вопросы терроризма сегодня достаточно разработаны в научной литературе, однако, несмотря на обширные исследования, общественную риторику в средствах массовой информации до сих пор так и не выработано единое универсальное определение терроризма и террористической деятельности. Между тем, вопрос понятийного аппарата носит далеко не праздный характер. Для эффективного противодействия терроризму необходимо адекватно ответить на вопрос, о чем, собственно, идет речь, и в зависимости от характера этого ответа строить эффективную стратегию борьбы с этим явлением. В случае размытости самого определения терроризма, каждый по своему желанию может кого угодно, руководствуясь собственным пониманием, назвать или не назвать террористом.

Нельзя сегодня говорить о терроризме как о новой проблеме, вставшей перед человечеством в XXI веке. Терроризм имеет глубокие исторические корни. Должным образом не изучив и не поняв их, нельзя строить эффективную политику противодействия ему.

Сегодня, в нашей стране методологической базой может стать Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в статье 3 которого говорится, что терроризм — это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Видимо, имеет смысл в качестве основных выделить две категории: терроризм и террористический акт. Терракт как более простое понятие определяется как использование насилия не столько ради уничтожения непосредственных жертв акции или причинения им вреда, сколько ради психологического воздействия на все общество или какую-либо его часть, чтобы добиться выполнения своих политических требований. Терракт — это единичное проявление спланированной и последовательно проводимой террористической кампании психологического устрашения населения и давления на правящие круги того или иного государства с целью достижения целей террористических групп и организаций. Целью терракта может быть провоцирование правящих кругов на определенные, обычно репрессивные

¹Заместитель Главнокомандующего ВВ МВД России, доктор исторических наук, кандидат военных наук.

действия. Терракт следует отличать как от простого ограбления, убийства и т. п., с одной стороны, так и от попыток государственного переворота — с другой.

Переходя к понятию терроризма, следует подчеркнуть, что и здесь есть разница между его обыденным и научным пониманием.

Терроризм — это не просто совершение терактов. Это тактика (и даже стратегия) группы лиц, заключающаяся в систематическом, организованном и идеологически обоснованном использовании терактов для достижения политических целей. Терроризм — это не просто инструмент достижения политических целей, а именно сама целенаправленная политика опоры исключительно на террористические методы и приемы, которые, к сожалению, продолжают оттачиваться и совершенствоваться и получают дальнейшее распространение в международной политике.

Характерная черта терроризма — его ориентация на широкую общественность. Это более чем наполовину мрачный спектакль, разыгрываемый при помощи средств массовой информации с целью создать общую атмосферу кризиса и неуверенности, подорвать доверие к правящему режиму и спровоцировать его на жесткие репрессивные меры, которые могут коснуться большинства населения страны. Одна из главных целей терроризма — оторвать основную массу населения от тех, кто находится у власти и, можно добавить, продемонстрировать некомпетентность властей, их неспособность контролировать ситуацию. При этом задачей терроризма не обязательно является смена политической власти. Террористическая группа может стремиться и к более ограниченным целям, как то: изменения во внутренней или внешней политике государства, принуждение определенной части населения к каким-либо действиям (например, эмиграции) и т. д. Нередко при осуществлении терактов преследуются внутренние цели группы: освобождение арестованных членов, добыча денег, поднятие престижа, введение в светское законодательство отдельных положений религии, создание регионального плацдарма для распространения «чистой» веры и т. д.

Особенности исламского терроризма обусловлены, прежде всего, его религиозным обоснованием. Это отражается главным образом на индивидуальной мотивации членов экстремистских групп, чей фанатизм, тщательно развитый и поддерживаемый руководством группы, позволяет им предпринимать такие рискованные и часто самоубийственные акции, на которые вряд ли бы решились не религиозно мотивированные террористы. Гибель в ходе джихада — а именно так расценивают свою деятельность эти группы — является, с их точки зрения, прямой дорогой в рай, и неудивительно, что многие экстремисты не только готовы, но и стремятся погибнуть во время выполнения задания.

Особенно четко эта тенденция прослеживается у шиитских экстремистов, хотя и суннитские группы старательно воспитывают готовность к самопожертвованию среди своих членов.

Для исламских террористов вообще характерна высокая степень духовно-эмоциональной вовлеченности в теракт. Это еще одно отличие

от нерелигиозного терроризма, которому свойственна некоторая отрешенность, отделение личности террориста от совершаемого им теракта. Здесь террорист рассматривается и рассматривает себя как холодное, расчетливое орудие, инструмент, с помощью которого делается еще один шаг на пути к цели. Исламский экстремист же видит в теракте не только средство достижения цели, но и свое личное спасение (в религиозном смысле), он относится к нему как к форме служения Аллаху, что делает для него теракт гораздо более личным делом, чем для нерелигиозного террориста.

В целом же феномен терроризма входит составной частью в фундаментальную проблему человечества, каковой является применение насилия ради достижения определенных целей. Он неизменно сопутствует циклическому процессу перехода от войны к миру и наоборот.

Некоторые идеологи современного исламского террора (да и отдельные ученые-исламоведы) склонны искать истоки мотивации действий нынешних шахидов-одиночек и террористических групп в постулатах и догматах людей иной веры. Ими часто расширительно толкуется известное выражение средневекового философа Н. Макиавелли о том, что «цель оправдывает средства». В почете также немецкий радикал К. Гейнцген, который еще в 1848 году сделал «гениальное» открытие, суть которого в том, что силе и дисциплине регулярных войск нужно противопоставить такое оружие, с помощью которого небольшая группа людей может создать максимальный хаос. При этом любое убийство оправдано в политической борьбе, если исходить из высших интересов человечества.

Эта «философия бомбы» завладела умами революционно настроенных людей XIX века и получила свое дальнейшее развитие в их теоретических изысканиях. Например, «теорию разрушения» выдвигал М. Бакунин, который считал, что настоящие революционеры не должны идти ни на какие компромиссы с властью и их единственной формой действия должно стать разрушение, а средствами борьбы — яд, нож и веревка.

Доктрина «пропаганда действием», выдвинутая наиболее радикальными представителями русского революционного движения второй половины XIX–начала XX века, сводилась к тому, что не слова, а только террористические акции способны оказать нужное воздействие на народные массы и правительства. Наиболее полно это выразил П. Кропоткин, когда определял анархизм как «постоянное возбуждение с помощью слова устного и письменного, ножа, винтовки и динамита». Он не скрывал, что проповедует «варварские средства борьбы», но с «варварской системой».

Именно в тот период терроризм стал постоянным фактором общественной жизни Европы. Он был окружен неким ореолом «романтизма», а его последователи не стеснялись называть себя террористами и свои акции рассматривали как самопожертвование на благо общества. Сегодня, однако, многие ученые (особенно европейские и североамериканские) говорят о закате «романтического периода» терроризма. Подобное мнение ни что иное, как попытка выдать желаемое за действительное. Так, например, в арабо-мусульманском мире террористы-смертники по-прежнему окружены ореолом «мучеников и борцов за веру», их портретами украшают дома и

улицы, их имена передаются из уст в уста.

Ужасный парадокс состоит в том, что мусульмане сейчас завязли между двумя видами фундаментализма — между «бушевским молотом и бенладеновской наковальней». Они оказались заложниками крайне правого крыла администрации США, «стремящейся одним прицелом навязать свою экспансионистскую и гегемонистскую волю целому региону».

Если попытаться в целом охарактеризовать предлагаемые подходы к определению понятия «терроризм» и, исходя из этого, меры противодействия террористической угрозе, то условно их можно сконцентрировать по следующим блокам:

1. Терроризм — это сложное социально-политическое явление, в основе которого лежит спектр социальных противоречий, включающее экстремистскую террористическую идеологию, структуры для проведения террористических действий. При этом терроризм представляет собой одну из разновидностей политико-религиозного экстремизма и относится к той области политической борьбы, которая использует насильственные формы и методы, запрещаемые законом.

Необходим серьезный и глубокий подход, предполагающий комплексные методы борьбы с терроризмом. Однако недостаточная научная проработка понятия «терроризм», пробелы правовой базы в вопросах контроля за распространением экстремистской идеологии, недооценка актуальности и отсутствие контрпропаганды серьезно снижают эффективность работы.

2. Терроризм — это не обычное уголовное, а некое «сверхпреступление», бороться с которым обычными методами с использованием действующего законодательства практически невозможно. Поэтому государства должны предоставить спецслужбам и правоохранительным органам дополнительные полномочия, исходя из складывающейся обстановки.

3. Терроризм — не просто явление или феномен новой эпохи, а некая форма войны, то есть продолжение или ведение войны другими (отличными от классического военного инструментария) методами и способами, характеризующимися применением всех доступных в данный момент средств массового устрашения населения для достижения поставленной цели. Причины возникновения войн и терроризма имеют общие корни, и, следовательно, бороться с ним нужно в основном специальными методами, отдав приоритеты при проведении контртеррористических операций спецслужбам и правоохранительным органам. Правда, если быть до конца последовательным, то терроризм военными методами победить довольно проблематично, не лишив его широкой социальной базы, на которую он опирается.

Следует отметить, что пока не сложилось универсального определения терроризма (вышеперечисленные подходы отражают лишь его отдельные стороны), пока идут дебаты о понятийных аспектах терроризма, его сторонники ведут пропаганду и печатают экстремистскую литературу, создают свои организации, ячейки, транснациональные сети и тренировочные

лагеря; вербуют наемников-моджахедов; закупают современную амуницию. Как правило, подготовленные «бойцы за веру» для непосредственного выполнения задания направляются в страны «зла и безбожия» (по определению их лидеров).

В середине 1980-х годов в СССР начался процесс демократизации. Лозунги о суверенитете и независимости стали наполняться реальным содержанием. Все это сопровождалось тяжелым экономическим кризисом и резким падением жизненного уровня населения. В итоге СССР распался на 15 независимых государств. Вместе с СССР рухнула и коммунистическая идеология. Образовавшийся вакуум стал наполняться новыми ориентирами. Для бывших советских республик (да и внутри некоторых из них) такими ориентирами и опорой стали этничность и религия.

Не стала исключением и Россия. Забурлил Северный Кавказ, особенно его национальные автономии. Заручившись поддержкой центрального правительства, они развернули настоящую борьбу «за суверенитет». Особенно преуспела в этом деле Чеченская республика, превратившись к началу 1990-х годов в оперативную базу для собственных бандформирований, иностранных агентов и международных террористов.

Борьба с террористической угрозой внутри страны — это сложная и многоуровневая программа государственного масштаба. И во первых здесь нужно определиться с тем, что мы имеем дело не с терроризмом вообще (который будет существовать до тех пор, пока существуют антагонизмы в самом обществе), а с терроризмом, который порождается религиозным экстремизмом исламского (и неисламского) толка.

Там, где существует опасность возникновения религиозного терроризма, нужны мероприятия политического и экономического характера. Необходима ускоренная модернизация традиционных обществ, их выход из состояния прогрессирующей архаизации и маргинализации, почти полной дотационности. Именно сюда устремляется криминальный капитал, который извлекает свою сверхприбыль, паразитируя на экстремистских религиозных и националистических лозунгах.

Во-вторых, необходима выработка иммунитета на уровне массового и личного сознания к основным видам экстремистской исламской пропаганды.

В третьих можно выделить военное решение проблемы. И здесь основой борьбы с терроризмом в собственном государстве может быть точечное проведение спецопераций. При этом главным и координирующим звеном должна оставаться невидимая работа спецслужб. Именно разведывательные организации обладают достаточным массивом информации и специалистами по проведению контртеррористических и информационно-психологических операций. Иначе попытки решения проблем чисто военными методами приведут к непредсказуемо разрушительным для страны последствиям. Уровень проблем и угроз, стоящих перед страной, слишком серьезен, чтобы решать их «одним полком».

В качестве примера уместно привести выдержку из инструкции, подготовленной в штабе одного из полевых командиров чеченских сепаратистов.

В сноске разъясняется, что составлена она на основе теоретических разработок «классика современной партизанской войны» Хуана Карлоса Маригеллы:

«Против власти нужно бороться так, чтобы превратить эту власть в кошмарную тиранию, сделать повседневную жизнь людей невыносимой, посеять в обществе хаос и панику. Тогда власти неизбежно введут военное положение для наведения порядка. Но это не остановит террор, его жесткая логика неумолима. Будут продолжать рваться бомбы и гибнуть люди, спецслужбы, милиция резко ужесточат методы борьбы. В результате население взбунтуется против армии и внутренних войск. Ведь когда жизни ежедневно угрожает опасность, инстинкт самосохранения и желание жить превышают доводы разума самого терпеливого народа».

Некоторые склонны сводить конфликт на Кавказе к простой до банальности схеме «конфликт цивилизаций».

Но если мы постоянно слышим от ответственных официальных лиц в Вашингтоне совершенно серьезные заявления о том, что Каспийский регион, Кавказ и Закавказье являются «зоной жизненных интересов США», что становится очевидно, что «теория столкновения цивилизаций» — это только лукавство и желание закамуфлировать истинные цели, средства и методы, которыми Запад пытается взять под контроль этот важный регион. Российская цивилизационная модель испытывает на себе враждебное военное — через «террористический спецназ» — и одновременно сильнейшее психологическое воздействие с целью привести Российское государство к внутреннему надлому и распаду на политически и экономически нежизнеспособные образования.

В «Обращении к стране» (январь 2002 года) президент Дж. Буш заявил: «У США появилась уникальная возможность стать страной, которая служит целям более высоким и значительным, чем собственно национальные интересы».

Американские аналитики стали характеризовать положение в мире после операций «Несокрушимая свобода» в Афганистане и «Шок и трепет» в Ираке как «гипероднопольность». «Дж. Буш стал лидером с исторической миссией, — писали по этому поводу американские авторы У. Кристол и Р. Кейган, — хотя пришел к власти без личных амбиций построить новый мировой порядок. Миссия «упала ему в руки» после событий сентября 2001 года, и это не только миссия по борьбе с международным терроризмом, но и историческая американская миссия по глобальному преобразованию мира в соответствии с западной либеральной традицией».

«Америка находится в состоянии войны» — с такими словами американский президент обратился 16 марта 2006 года к своим согражданам, представляя им новую Стратегию национальной безопасности. «Мы не исключаем использование силы до того, как нападение произойдет, даже если будет существовать неясность в том, что касается времени и места нападения врага», — говорится в этом документе.

Примечательно, что раздел, отражающий взгляды Вашингтона на развитие вооруженных сил, носит весьма выразительное название «Потреб-

ность в действии». Здесь объясняется, что отныне все военное строительство Америки будет проводиться исходя не из «мрачного принципа» нанесения сокрушительного ответного удара. Теперь США намерены в равной степени использовать «наступательные» и «оборонительные» удары. Именно такое сочетание «необходимо для сдерживания как государств-врагов Америки, то есть «тираний» во главе с ядерным Ираном, так и негосударственных формирований ее противников», то есть исламских террористов. Причем заявлено, что данные удары опять-таки будут . . . «сокрушительной силы».

Одним из совершенно новых аспектов стратегической доктрины США стала критическая оценка России, прежде всего ее внутривнутриполитических процессов и внешней политики на постсоветском пространстве.

О некоторых аспектах формирования антитеррористической политики государства

В. А. Бошук

В последние годы в мире отмечается стремительное распространение терроризма. И хотя специалистами выделяется множество разновидностей этого явления (политический, религиозный, этнический, международный, государственный и т. д.), наибольшее внимание политиков и средств массовой информации уделяется т. н. исламскому терроризму. При этом повышенная политизированность в изложении всего того, что связано с исламом и мусульманами, серьезно осложняет исследование данной проблемы.

Терроризм постоянно развивается и в современном виде представляет собой сращивание основных исторически сложившихся направлений: политического, религиозного, этномотивированного. Одним из ключевых результатов этой эволюции являются серьезные сдвиги в структуре самого мирового террористического сообщества. В частности, на первый план выдвинулись исламистско-мотивированные террористические организации и движения на фоне заметного снижения активности терроризма других направлений.

Различные страны и организации, включая Организацию Объединенных Наций, значительно расходятся в определении терроризма. Что же касается идеологии террористов, то последние, по мнению экспертов, как правило, не имеют собственной четко сформулированной теории, а, как правило, паразитируют на уже существующих религиозных учениях с приданием им ультраэкстремистской направленности.

Особую актуальность проблема терроризма приобрела после трагических событий 11 сентября 2001 г. в США, когда стала очевидной необходимость принятия коллективных мер для борьбы с ним. Инициативу организации системы международного противодействия террористической опасности взяли на себя Соединенные Штаты Америки, хотя истинные мотивы этого шага, изложенные в утвержденной в 2005 г. Конгрессом США «Стратегии национальной безопасности», заключались в том, чтобы «обеспечить безопасный доступ к ключевым районам мира, стратегическим коммуникациям и глобальным ресурсам»¹. При этом международный терроризм априори был объявлен исламским.

¹Ивашов Л. США знает о финальной схватке с Россией // <http://www.segodnia.ru/index.php?pgid=2&partid=13&newsid=6281>.

Западные аналитики с тревогой отмечают, что идеология ислама становится все более привлекательной для беднейших слоев населения стран Арабского Востока, Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана, Судана и ряда других государств, а рост их недовольства навязываемыми извне ценностями служит основой для увеличения числа сторонников исламских радикалов. Это дает основания полагать, что назревающий внутренний конфликт в исламском обществе может привести к неконтролируемой смене правящих элит в основных нефтедобывающих странах региона, а следовательно, и к серьезным геополитическим изменениям. Это заставляет с мировые державы уделять пристальное внимание отслеживанию процессов, происходящих в исламе.

Действия международной антитеррористической коалиции заставили лидеров радикальных организаций активизировать процесс привлечения в свои ряды новых сторонников. Они сознают, что сделать это можно только при наличии привлекательной идеологии, перманентно адаптируемой в условиях активного противодействия специальных служб и правоохранительных органов к специфическим особенностям конкретных социальных, этнических и религиозных групп.

Сегодня лидерами терроризма наиболее активно используется идеология «глобального джихада», объясняющая ход событий существованием всемирного заговора против исламской цивилизации и преподносящая терроризм как средство защиты мусульманских ценностей. К пропаганде этих идей привлекаются различные неправительственные организации и благотворительные фонды, авторитетные теологические центры, локальные религиозные кружки.

Значительно изменились тактика и методы ведения террористами пропагандистской работы. Для распространения извращенного толкования ислама, популяризации террористической идеологии, привлечения и подготовки новых сторонников ими все шире используются СМИ и всемирная телекоммуникационная сеть Интернет. А целью наиболее резонансных акций стала демонстрация неэффективности контртеррористической деятельности государства.

Фактически лидеры международного терроризма посредством Интернета и электронных СМИ ведут информационную войну. Например, если в недалеком прошлом афганские талибы отличались неприязнью к СМИ, то сегодня они стремятся максимально отражать в них свои действия. Лидеры «Аль-Каиды» также стремятся использовать любые информационные поводы для своих аудио- и видеобращений, приурочивая их к различным конфликтным и кризисным ситуациям (обострение израильско-палестинского противостояния, эскалация напряженности в Ираке, публикации в некоторых западноевропейских странах карикатур на пророка Мухаммеда и т. д.).

Новой крайне опасной тенденцией стала значительная активизация пропаганды религиозных экстремистских учений среди заключенных, а также в среде эмигрантов из мусульманских стран, социальное и правовое неравенство которых стало благоприятной почвой для восприятия экстремист-

ских идей.

Еще одним направлением в распространении идей радикального исламизма во всех странах стала организация сети нелегальных медресе, лицеев-интернатов (по типу религиозных сект). В финансировании таких структур нередко участвуют террористические организации, обучение ведется с привлечением квалифицированных специалистов и использованием методов психологической обработки. В результате формируется ресурсная база экстремистских и террористических организаций, которая может быть использована для изменения светского государственного строя.

Усилия идеологов международного терроризма находят отклик у определенной части мусульман. Причиной этого является комплекс взаимосвязанных проблем: от всеобщей глобализации до проблем социальной адаптации иммигрантов из исламских государств в странах Западной Европы и США. В значительной степени на росте протестных настроений мусульман сказывается и участие подразделений ряда европейских и азиатских государств в совместных с США военных операциях в Ираке, Афганистане и северной Африке.

Анализ антитеррористической практики и за рубежом и в России показал, что длительный период существования террористической опасности и детерминирующих ее факторов, а также сами масштабы и характер террористических угроз делают неприемлемой с точки зрения интересов как личности и общества, так и государства практику использования в борьбе с терроризмом лишь правоохранных органов и спецслужб². Уже к концу XX века выявилась недостаточность преимущественного использования силовых средств для ведения борьбы с терроризмом на широкой и долговременной основе, тем более что сетевой принцип организации террористических структур заметно повысил их устойчивость к деятельности правоохранных органов. Поэтому контртеррористическими силами уделяется все большее внимание вопросам формирования неблагоприятного для террористов морально-психологического климата, разложения экстремистских организаций изнутри, лишения их идеологической подпитки и поддержки населения. Возникли и стали распространяться новые дополнительные антитеррористические практики, ориентированные на предупреждение терроризма, в том числе с привлечением институтов гражданского общества.

О том, что такой именно подход является наиболее верным, свидетельствуют результаты опроса, проведенного исследовательским Центром за Американский Прогресс (США) среди более ста ведущих экспертов в области терроризма и безопасности. Подавляющее большинство из них (91%) считают, что за последние годы мир стал гораздо более опасным. Основными причинами этого признаны: рост исламского терроризма (30% опрошенных), война в Ираке (28%), ошибки во внешней политике США (12%). При этом 84% специалистов полагают, что США не выигрывают в глобальной

²Терроризм в современном мире / Науч. ред. Ю.М. Антонян, В.Л. Шульц. М., 2008. С. 178.

войне с террором.

Как считают эксперты, усиление исламистских террористических структур происходит прежде всего из-за:

- распространения определенных религиозных концепций (51%);
- действий властей стран Ближнего и Среднего Востока (29%);
- неурегулированности израильско-палестинского конфликта (25%);
- войны в Ираке (20%);
- религиозного образования, прививающего экстремистские воззрения (15%);
- неприятия мирового доминирования США (15%).

По мнению участников опроса, для победы над терроризмом следует:

- активно бороться с распространением экстремистских идеологий (79%),
- создать эффективные и стабильные правительства в Ираке и Афганистане (37%),
- осуществить демократические реформы в исламском мире (15%),
- уничтожить Усаму Бен Ладена и лидеров «Аль Каиды» (15%)³.

Таким образом, результаты исследования однозначно указывают на то, что превентивная деятельность, противодействие идеологии терроризма должны стать основным направлением деятельности государства в борьбе с терроризмом.

Соединенными Штатами и их союзниками неоднократно делались попытки вовлечь Российскую Федерацию в борьбу с международным терроризмом по сценариям, разработанным в Вашингтоне. Такое развитие событий, по оценке большинства отечественных исламоведов, неминуемо привело бы к усилению межконфессиональной напряженности внутри России и осложнило бы ее отношения с исламскими, в первую очередь с арабскими, странами, многие из которых являются ее традиционными союзниками. Кроме того, вскоре стало очевидным, что действия международной антитеррористической коалиции в Афганистане и Ираке не только осложнили ситуацию в ближневосточном и центральноазиатском регионах, но и спровоцировали бурный рост террористической активности исламских радикалов во всем мире.

Россия столкнулась с угрозами международного терроризма раньше западных государств, однако, несмотря на чрезвычайно жестокие последствия террористических актов, в общественном сознании вплоть до последнего времени не было выработано однозначной оценки данного явления. Более того, процесс формирования эффективного механизма борьбы

³<http://www.washprofile.org/ru/node/6868>.

с терроризмом начался в нашей стране позже, чем в других развитых странах. Во многом это объясняется тем, что восприятие терроризма в России происходит не только под влиянием событий, связанных с чеченским экстремизмом, но и имеет глубокие исторические корни. Восприятие террора в общественном сознании обусловлено неоднозначным отношением к нему со стороны государства и общества и на протяжении длительного периода варьировалось от необходимости его подавления как опасного государственного преступления до принятия методов террора на вооружение как средства устранения политических противников и борьбы за власть. В силу этого взгляды отечественных государственных и общественных деятелей на проблему терроризма в различные периоды отличались противоречивостью, а иногда и конъюнктурностью, не говоря уже о том, что при прямом попустительстве органов государственной власти на Юге России был создан и беспрепятственно в течение ряда лет функционировал откровенно криминальный и террористический режим чеченских сепаратистов.

Главным итогом подобного отношения к терроризму стало то, что страной был приобретен негативный опыт потворствования терроризму. Кризисные процессы в Чеченской Республике в начале 90-х годов наглядно продемонстрировали: любые послабления и заигрывания с террористами и терроризмом лишь способствуют усилению этого опаснейшего явления и развитию ситуаций, непредсказуемых по тяжести возможных последствий⁴.

Ситуация начала меняться лишь после событий на Дубровке и, особенно, в Беслане, когда стало очевидно, что практика рефлексивного реагирования на уже возникшие проявления терроризма полностью себя изжила. К тому же среди мусульманской части населения страны получила развитие значительная часть деструктивных процессов, свойственных для стран Европы и США, о которых упоминалось выше.

Организация эффективной борьбы с терроризмом потребовала создания единой государственной системы противодействия терроризму, направленной на реализацию не только силовых, но и соответствующих правовых, политических, экономических, социальных, пропагандистских и иных мер, а также объединение усилий всех заинтересованных органов государственной власти в проведении единой антитеррористической политики, подготовку сил и средств для предотвращения террористических актов, уменьшение и ликвидацию их последствий.

В связи с этим на протяжении последних лет в Российской Федерации последовательно вырабатывается комплекс мер, направленных на противодействие терроризму. Важнейшим этапом в этой работе стало принятие Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, в статье 3 которого терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными

⁴Гушер А.И. Современная практика международного терроризма и ее учет в работе по обеспечению безопасности России и ее граждан // Аналитический вестник. 2005. № 25 (245). С. 87.

организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Этим же законом деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления нацеливается, прежде всего, на предупреждение терроризма, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов. Эти действия определяются в законе как профилактика терроризма.

Под профилактикой терроризма понимается деятельность государственных органов местного самоуправления и общественных объединений по предупреждению террористических проявлений, заключающаяся в выявлении, локализации и устранении факторов любой природы, способствующих совершению актов терроризма или нейтрализации их негативного воздействия, а также в корректирующем, сдерживающем воздействии на лиц, динамика поведения которых свидетельствует о возможном совершении ими таких актов или вовлечении их в террористическую деятельность.⁵

Профилактика терроризма является очень важной, но в то же время сложной и трудоемкой задачей, требующей долгосрочного применения целого комплекса взаимоувязанных и подчиненных единому замыслу мер политического, экономического, правового, идеологического, организационного, воспитательного и иного характера.

Согласно закону профилактикой обязаны заниматься все государственные органы и органы местного самоуправления, включенные в систему противодействия терроризму.

Для координации их деятельности был создан Национальный антитеррористический комитет, в состав которого вошли руководители 13 министерств и ведомств, а также высших органов государственной власти. Усилия Комитета направлены на комплексное решение трех основных задач: предупреждение терроризма, борьбу с ним, минимизацию и ликвидацию последствий террористических актов.

Однако реализация положений Федерального закона «О противодействии терроризму» затруднена по ряду причин.

Прежде всего, необходима официальная концепция государственной политики в сфере противодействия терроризму.

Следует конкретизировать конечную цель борьбы с терроризмом. Так, ни в одном из нормативных правовых актов (Концепция национальной безопасности, Уголовный кодекс Российской Федерации, федеральные законы и др.) не упоминается о целях борьбы с терроризмом. В некоторых из них указаны задачи этой деятельности, но, как известно, цели и задачи — это не одно и то же.

Для создания общегосударственной системы мер профилактики в рассматриваемой сфере принципиально важна разработка и принятие закона о профилактике терроризма, который бы предусматривал роль, характер и формы осуществления данной деятельности в целях предупреждения тер-

⁵Журавель В.П., Шевченко В.Г. О терроризме, террорологии и антитеррористической деятельности (Энциклопедический словарь). М., 2007. С. 274.

рористических актов с установлением необходимой компетенции для различных правоохранительных органов и спецслужб Российской Федерации.

Нуждается в совершенствовании действующая правовая база борьбы с терроризмом. В частности, необходимо дальнейшее правовое регулирование в сфере уголовного законодательства по линии криминализации некоторых деяний пропагандистского и иного характера террористической направленности, еще не отнесенных к числу уголовно наказуемых⁶.

Также необходимо выработать и внести изменения и дополнения в закон «О средствах массовой информации» с целью недопущения со стороны представителей СМИ действий, содержащих пропаганду целей террористов, популяризацию террористических действий и их исполнителей, а также распространения сведений, представляющих как для действующих, так и для потенциальных террористов информацию о технологии изготовления орудий и средств террора и методике их применения.

Основными направлениями профилактики терроризма являются:

- противодействие превентивными методами террористическим угрозам;
- формирование политических, экономических и социальных условий, способствующих разрешению общественных противоречий;
- формирование в стране морально-психологического климата, общественных норм, препятствующих применению террористических методов для решения личных и социальных проблем.

При этом решаются следующие основные задачи:

- 1) выявление и устранение причин терроризма и условий, благоприятствующих осуществлению террористической деятельности;
- 2) осуществление профилактического, сдерживающего воздействия на лиц, которые не участвуют в террористической деятельности, но в силу определенных обстоятельств могут быть вовлечены в нее или самостоятельно совершить преступления террористического характера⁷.

Важнейшим направлением профилактической деятельности в сфере противодействия терроризму является противодействие идеологии терроризма, под которой понимается система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых утверждается необходимость проведения терроризма⁸. В этой области Российская Федерация придерживается следующих принципов:

⁶Казакова В.А. Предложения о внесении изменений в УК РФ в связи с принятием Федерального закона «О противодействии терроризму» // Круглый стол «Особенности противодействия терроризму на современном этапе развития общества». Москва. 31 марта 2006 г. Сб. материалов. М., 2006. С. 148.

⁷Петрицев В.Е. Заметки о терроризме М., 2001. С. 240.

⁸Журавель В.П., Шевченко В.Г. О терроризме, террорологии и антитеррористической деятельности (Энциклопедический словарь). М., 2007. С. 144.

- приоритет предупредительно-профилактических мер над силовыми. Необходимо стремиться к устранению экономических и социальных причин, порождающих терроризм;
- борьба с идеологией терроризма должна базироваться на целенаправленной пропагандистской работе, раскрывающей истинное лицо терроризма, воспитывающей толерантность, мирное сосуществование всех религий, конфессий и атеистов;
- недопустимо преследование корыстных интересов под предлогом борьбы с терроризмом, смешивать терроризм с межконфессиональными и этническими проблемами, использовать политику двойных стандартов.

Кроме того, для эффективного противодействия идеологии международных террористических организаций следует значительно активизировать контрпропагандистскую работу, развивать и углублять международное антитеррористическое сотрудничество.

Особое внимание нужно уделить разработке международных и внутригосударственных правовых механизмов противодействия использованию СМИ и всемирной телекоммуникационной сети Интернет в террористических целях. В частности, должны быть выработаны методики проведения экспертизы публикаций в СМИ, «всемирной паутине» и печатных изданиях (книги, учебники и т. д.), способные определить в них признаки пропаганды идеологии терроризма и оправдания террористической деятельности.

В антитеррористической пропаганде необходимо шире использовать потенциал СМИ, представителей творческих и научных кругов, национальных диаспор, официально действующих религиозных объединений всех конфессий.

Одновременно нужны четкие критерии действий журналистов в условиях кризисных и чрезвычайных ситуаций, в том числе в случае совершения террористических актов.

Изложенные соображения касаются лишь некоторых аспектов антитеррористической политики государства, но их реализация, несомненно, будет способствовать значительному снижению опасности террористических угроз и обеспечению национальной безопасности России.

**О некоторых актуальных проблемах в
деятельности областной
антитеррористической комиссии при
разработке и внедрении региональных
программ профилактики терроризма
и экстремизма (на примере
Нижегородской области)**

С. В. Васильев¹, В. В. Ткаченко²

В процессе работы в 2007–2008 гг. над проектом областной целевой программы профилактики терроризма и экстремизма у аппарата антитеррористической комиссии Нижегородской области возникло ряд проблем. Условно их можно разделить на проблемы организационного, методического и содержательного характера.

1. Проблема, связанная с определением основания и методологического подхода для разработки областной целевой программы.

Принятое решение Национального антитеррористического комитета (протокол от 5 июня 2007 г.) о разработке региональных программ профилактики терроризма и экстремизма носит для субъектов Российской Федерации рекомендательный характер.

В то же время, в соответствии с порядком разработки, реализации и мониторинга областных целевых программ в Нижегородской области (утвержден постановлением Правительства Нижегородской области от 27.06.2007 г. № 203) разработке областной целевой программы предшествует разработка концепции областной целевой программы.

В этой связи встал вопрос о целесообразности разработки концепции профилактики терроризма и экстремизма в отдельно взятом регионе. В ходе дальнейшего обсуждения этого вопроса в органах исполнительной власти Нижегородской области разработка концепции профилактики тер-

¹Начальник управления по обеспечению экономической безопасности и взаимодействию с правоохранительными органами Нижегородской области, руководитель аппарата ОАТК.

²Сотрудник аппарата АТК Нижегородской области, консультант.

роризма и экстремизма на региональном уровне была признана нецелесообразной.

В качестве достаточного основания для разработки областной целевой программы по профилактике терроризма и экстремизма было признано решение Национального антитеррористического комитета.

2. Следующей проблемой стал вопрос выработки методологического подхода при подготовке указанной областной целевой программы, а также определения основного ее разработчика.

В результате обсуждения нескольких подходов к разработке региональной программы по профилактике терроризма и экстремизма наиболее оптимальным был определен вариант подготовки программы в несколько этапов: на первом этапе разрабатывается план основных организационных и профилактических мероприятий по противодействию терроризму и экстремизму, а на втором этапе, в рамках указанного плана, ряд областных целевых программ обеспечения антитеррористической безопасности по основным категориям объектов.

Во исполнение принятого решения разработан План комплексных организационных и профилактических мероприятий по противодействию терроризму и экстремизму в Нижегородской области на 2008–2009 годы (утвержден распоряжением Правительства Нижегородской области от 25 июня 2008 г. № 963-р).

В рамках этого Плана запланирована и осуществляется разработка:

- 1) пяти областных целевых программ:
 - областная целевая программа комплексной безопасности образовательных учреждений (2011–2015 годы),
 - областная целевая программа радиационной безопасности Нижегородской области (2009–2015 годы),
 - областная целевая программа биологической безопасности Нижегородской области (2009–2013 годы),
 - областная целевая программа комплексной безопасности учреждений здравоохранения (2011–2015 годы);
- 2) программ (планов) по профилактике терроризма и экстремизма во всех (52) муниципальных районах и городских округах Нижегородской области;
- 3) планов по обеспечению антитеррористической защищенности на 7 конкретных особо важных объектах.

В дальнейшем рассматривался вариант объединения планируемых к разработке областных целевых программ, включенных в указанный План в виде подпрограмм, в рамках единой областной целевой программы по профилактике терроризма и экстремизма.

Однако от этого варианта отказались по следующим причинам:

- большинство, включенных в План, областных целевых программ охватывает разный временной период действия;
- областные целевые программы комплексной безопасности образовательных учреждений и комплексной безопасности учреждений здравоохранения по своему содержанию выходят за рамки антитеррористической безопасности, так как рассматривают проблему безопасности в целом и охватывают различные ее структурные элементы (пожарную, электрическую, техническую, санитарно-гигиеническую, антикриминальную и антитеррористическую безопасность);
- планируемые к разработке областные целевые программы будут финансироваться за счет средств министерств и иных органов исполнительной власти Нижегородской области, что позволит осуществлять более действенный контроль за расходованием бюджетных средств.

Ответственным исполнителем по подготовке Плана являлся аппарат областной антитеррористической комиссии, а разработку областных целевых программ осуществляют профильные министерства ведомства.

Соответственно районные антитеррористические комиссии (созданы во всех районах области) разрабатывают программы или планы по профилактике терроризма и экстремизма в муниципальных районах (городских округах) и их финансирование предполагается осуществлять в основном за счет бюджетов органов местного самоуправления.

3. Проблемой для нас также стал вопрос определения структуры и содержания региональных программ по профилактике терроризма и экстремизма, в первую очередь, Плана комплексных организационных и профилактических мероприятий по противодействию терроризму и экстремизму в Нижегородской области на 2008–2009 годы.

Наиболее оптимальной была признана структура Плана, состоящего из четырех разделов:

- Организационные мероприятия.
- Научно-методическое обеспечение профилактики терроризма и экстремизма.
- Профилактические мероприятия.
- Информационно-пропагандистское обеспечение работы по профилактике терроризма и экстремизма.

При разработке содержательной части Плана комплексных организационных и профилактических мероприятий по противодействию терроризму и экстремизму в Нижегородской области на 2008–2009 годы учитывались следующие обстоятельства.

До принятия решения НАК о подготовке региональных программ по профилактике терроризма и экстремизма, областной антитеррористической комиссией, в рамках реализации Стратегии развития Нижегородской области до 2020 года, было принято ряд мер по созданию комплексной системы безопасности на территории Нижегородской области.

Созданием комплексной системы безопасности региона предусматривалось повышение общественной и личной безопасности граждан, защита населения и стратегически важных объектов от угроз террористического, природного и техногенного характера.

На первом этапе формирования комплексной системы безопасности, включая антитеррористическую безопасность, возникла необходимость в создании единой информационной системы мониторинга угроз безопасности на территории Нижегородской области посредством организации систем первичного сбора и обработки информации и ее передачи в центры мониторинга, на втором этапе — управление процессами обеспечения безопасности из единого антикризисного ситуационного центра Нижегородской области.

В этих целях:

- разработана и принята постановлением Правительства Нижегородской области от 30 марта 2007 г. № 96 «Концепция создания единой информационной системы мониторинга угроз безопасности на территории Нижегородской области»;
- в рамках реализации Концепции подготовлен и утвержден постановлением Правительства Нижегородской области от 17 июля 2008 года № 286 «План первоочередных мероприятий по реализации Концепции создания единой информационной системы мониторинга угроз безопасности на территории Нижегородской области на 2008 год». Объем финансирования составляет 160 млн. рублей;
- принята областная целевая программа «Создание комплексной системы безопасности на территории Нижегородской области (2009–2012 годы). (Объем предполагаемого финансирования Программы — 600 млн. рублей).

Содержание указанных документов направлено на создание:

- информационно-технологической инфраструктуры комплексной системы безопасности и подсистемы защиты информации;
- единого антикризисного ситуационного центра Нижегородской области;
- подсистемы обеспечения общественной и личной безопасности граждан;
- подсистемы обеспечения безопасности объектов транспорта и транспортной инфраструктуры.

С учетом этого, основные блоки мероприятий Плана комплексных организационных и профилактических мероприятий по противодействию терроризму и экстремизму в Нижегородской области на 2008–2009 годы направлены на:

- создание организационных и учебно-методических основ профилактики терроризма и экстремизма на территории области;
- усиление антитеррористической защищенности и технической укрепленности объектов особой важности, жизнеобеспечения и повышенной опасности, мест массового пребывания граждан Нижегородской области;
- повышению готовности сил и средств оперативного реагирования на возникающие угрозы террористического характера, минимизацию и ликвидацию последствий их проявлений;
- организацию системы противодействия идеологии терроризма и экстремизма, совершенствование информационно-пропагандистского обеспечения антитеррористической деятельности.

Ряд пунктов плана в разделе «Организационные мероприятия» направлены на совершенствование и гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений в области, формированию толерантности в обществе, предупреждению проявлений этнического и религиозного экстремизма.

В рамках их реализации проведена следующая работа:

- департаментом по культуре Нижегородской области совместно с национально-культурными обществами подготовлен и утвержден Губернатором Нижегородской области План мероприятий на 2008–2010 годы по совершенствованию взаимодействия с действующими на территории Нижегородской области национальными организациями, в целях использования их потенциала в гармонизации межнациональных отношений, проведения мероприятий, пропагандирующих традиционные культурные и исторические ценности. На реализацию мероприятий указанного Плана планируется финансирование за счет средств областного бюджета в объеме 1,5 млн. рублей.
- управлением по общественным связям Аппарата Губернатора и Правительства Нижегородской области подготовлен и утвержден Губернатором Нижегородской области План мероприятий по совершенствованию взаимодействия с зарегистрированными в Нижегородской области молодежными общественными объединениями с включением мероприятий, направленных на профилактику проявлений дискриминации и национальной нетерпимости в студенческой среде на 2008 год. (На территории Нижегородской области зарегистрировано 78 молодежных общественных объединений).

В указанных планах важное место отводится мероприятиям профилактики возникновения проявлений экстремизма и терроризма на стадии т. н. раннего предупреждения.

Выявление на ранней стадии зарождения конфликтных ситуаций и протестных настроений среди различных групп населения и их своевременная локализация, на наш взгляд, будет являться благоприятной социально-политической основой для осуществления эффективного противодействия идеологии терроризма и экстремизма.

С этой целью на постоянной основе осуществляется многоуровневый мониторинг межнациональной и конфессиональной напряженности в регионе и прогноз вероятности возникновения и развития конфликтов в сфере межнациональных и конфессиональных отношений, как потенциальных угроз безопасности.

Мониторинг осуществляется в форме:

- проведения научного исследования на тему: «Комплексный криминологический анализ влияния оперативной обстановки в Нижегородской области в 2008 году на антитеррористическую безопасность в регионе» (ВНИИ МВД России — филиал по Приволжскому федеральному округу, г. Нижний Новгород;
- подготовки один раз в квартал информационно-аналитического обзора мероприятий пропагандистского, научно-прикладного, культурно-просветительского и религиозного характера, проведенных в национальной, религиозной и студенческой среде;
- составления ежеквартального информационно-аналитического обзора публикаций в печатных и электронных нижегородских СМИ, а также на Интернет-сайтах по межнациональной и конфессиональной тематике для отслеживания процессов, происходящих в этой среде, в том числе на предмет выявления материалов террористической и экстремистской направленности. Для этого активно используются возможности управления специальной связи и информации ФСО в ПФО.

Анализ публикаций по указанной тематике показывает, что содержание основных статей в нижегородских СМИ, освещающие конфессиональную и межнациональную ситуацию, носят положительный характер и способствуют формированию в Нижегородской области атмосферы толерантности и конструктивного взаимодействия как между религиозными организациями и национальными диаспорами, так и между органами государственной власти и различными институтами гражданского общества.

Мониторинг ситуации в национальной среде позволил органам исполнительной власти Нижегородской области совместно с правоохранительными органами предотвратить получение национальными диаспорами монопольных прав на ведение предпринимательской деятельности в отдельных сферах производства и обслуживания и в связи с этим не допустить возникновения межнациональной напряженности.

Эффективной формой информационного обмена между национальными объединениями, формирования объективной картины жизни национальностей и этносов на территории Нижегородской области, а также пропаганды недопустимости расовой, национальной и религиозной розни и нетерпимости стал выпуск в мае 2008 года информационно-аналитического бюллетеня «Нижегородская этнопанорама».

Бюллетень содержит материалы по состоявшимся и планируемым общественно-значимым мероприятиям национально-культурных объединений, комментарии и интервью руководителей и лидеров национальных диаспор, юридические консультации, информацию органов исполнительной власти Нижегородской области. Выпуск его планируется осуществлять ежеквартально и распространять среди национально-культурных автономий и обществ, а также в администрациях муниципальных образований Нижегородской области.

С целью объединения усилий общественных организаций Нижегородской области по повышению эффективности информационно-пропагандистской деятельности при поддержке Губернатора Нижегородской области подписано соглашение между нижегородскими общественными, религиозными организациями и национально-культурными объединениями о противодействии национализму, ксенофобии и религиозной розни.

Данное соглашение является бессрочным и дает возможность развивать двусторонние соглашения как между религиозными организациями различных конфессий, так и между национально-культурными автономиями и обществами.

Представляет определенный интерес, предусмотренное планом, создание в структуре исполнительной власти Нижегородской области самостоятельного подразделения — Комитета по делам молодежи, одним из направлений деятельности которого планируется организация работы среди неформальных молодежных объединений, в т. ч. экстремистской направленности.

Мероприятия раздела информационного противодействия терроризму и экстремизму предусматривают: создание консультационного центра для региональных СМИ по вопросам организации работы по освещению вопросов противодействия терроризму и экстремизму, организацию и проведение во взаимодействии со средствами массовой информации комплекса информационно-пропагандистских мероприятий по дискредитации идеологии терроризма и экстремизма и сопровождению осуществляемых АТК мероприятий.

Приведенные некоторые проблемные вопросы и пути их решения аппарата антитеррористической комиссии Нижегородской области по разработке и внедрению региональных планов (программ) по профилактике терроризма и экстремизма возможно будут представлять определенный интерес для АТК других субъектов Российской Федерации, на что искренне надеются авторы.

Развитие национальных культур как фактор профилактики терроризма и экстремизма

Г. Г. Грузин¹

Уважаемые коллеги!

Краснодарский край — один из самых густонаселенных регионов страны. Здесь проживают 3,5% населения России. Плотность населения в крае почти в 8 раз выше среднероссийской.

В крае проживают представители 124 этнических групп. При этом одиннадцать национальных общин края имеют численность свыше 10 тысяч человек. Это — русские, армяне, украинцы, греки, белорусы, татары, грузины, немцы, адыги, азербайджанцы, цыгане.

Активная миграция 90-х годов изменила национальный состав населения края. На 60% за последние пятнадцать лет выросла численность армянской общины, вдвое увеличилась численность грузин, курдов, растет число представителей дагестанских народов.

Появились новые, далеко небесконфликтные, группы турок-месхетинцев, езидов, курдов-курманч. Многие из них пребывали незаконно, занимались нелегальными видами деятельности, демонстративно отказывались изучать русский язык.

Все это, безусловно, снижало уровень стабильности межнациональных отношений, создавало предпосылки для возможных экстремистских и террористических проявлений.

Противодействие идеологии экстремизма и терроризма остается одной из приоритетных задач исполнительных и представительных органов власти, силовых структур, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений Краснодарского края. Такой подход обусловлен, тем, что террористические угрозы в крае формируются преимущественно внешними факторами:

- территориальным соседством Кубани с регионом проведения контртеррористической операции и т. н. «тлеющими» точками бывших вооруженных конфликтов;
- сохраняющимися процессами формирования очагов террористической активности в непосредственной близости к границам края, в том числе его курортной зоне;

¹Секретарь Антитеррористической комиссии Краснодарского края.

- высоким уровнем этнической миграции, особенно латентной, из регионов Северного Кавказа, закавказских и среднеазиатских государств; наличием среди мигрантов лиц, обладающих опытом участия в вооруженных конфликтах и иных криминальных элементов.

Существенное влияние на обстановку в среде мигрантов оказывали соотечественники, проживающие за рубежом и иностранные клерикальные и гуманитарные организации. Управлением ФСБ РФ по Краснодарскому краю фиксировались проявления зарубежных террористических организаций и связанных с ними спецслужб по поддержке, с позиций региона, деятельности религиозно-экстремистских и национал-радикальных сил, организационно функционирующих в сопредельных субъектах ЮФО.

Вместе с тем, динамичное развитие экономики региона, упреждающее проведение органами исполнительной власти края административно-правовых и профилактических мероприятий, оказывающих выгодное влияние на межнациональные и межконфессиональные процессы в значительной мере снижает экстремистские тенденции в гражданском обществе Кубани. Как следствие, интенсивность экстремистских проявлений в крае заметно ниже окружного уровня.

Антитеррористической комиссией Краснодарского края особое внимание уделяется идеологической работе и информационному освещению реализуемых мер по противодействию терроризму. Ежегодно в Комплексном плане работы Антитеррористической комиссии Краснодарского края предусматривается блок соответствующих мероприятий.

Выбранный органами государственной власти края системный комплексный подход к проблеме позволил сохранить стабильные межнациональные отношения в крае.

Основой для идеологического и информационного противодействия терроризму и экстремизму в крае служат 6 целевых программ, направленных на профилактику терроризма и экстремизма, поддержку традиционных религиозных конфессий, развитие национальных культур, активизацию соответствующей информационно-пропагандистской работы через возможности региональных и муниципальных средств массовой информации.

Программы охватывают период с 2003 по 2011 год, при этом общий объем осваиваемых финансовых средств составляет свыше 1,6 млрд. рублей.

Принятая в 2004 году краевая целевая Программа гармонизации межнациональных отношений и развития национальных культур в Краснодарском крае успешно реализуется в течение трех лет.

Вдвое выросла степень вовлечения национально-культурных объединений края в реализацию мероприятий программы. В основном это молодежь.

Значительные бюджетные средства направляются на развитие культур народов, проживающих в крае, на улучшение понимания друг друга, особенно важно это в молодежной среде.

Усилено межведомственное взаимодействие по профилактике конфликтов. На муниципальном уровне сформирована система этносоциального мо-

нитинга и раннего предупреждения конфликтов.

При ГУВД по Краснодарскому краю создан совет общественных объединений, в консультативный совет при главе администрации края введены лидеры национальных общин.

В крае с 1992 года функционирует общественная организация «Краснодарский Центр национальных культур», объединяющая 32 краевых национально-культурных объединения.

Центром с участием Управления по взаимодействию с общественными объединениями, религиозными организациями и мониторингу миграционных процессов администрации Краснодарского края в рамках программы гармонизации межнациональных отношений ежегодно проводятся более 100 мероприятий (фестивали, фольклорные праздники и др.), постоянно расширяется их география.

В результате удалось в значительной степени снизить конфликтный потенциал в обществе, способствовать развитию самодеятельных творческих коллективов национальных культур народов, проживающих в крае.

Расширилась география проведения фольклорных праздников. Проведены чешский фольклорный праздник в Туапсинском районе, 3 международный фестиваль славянской культуры «Славянск-2006» в г. Славянске-на-Кубани, ежегодный международный фестиваль «Культура сближает народы» в г. Темрюке. Традиционный краевой фестиваль «Венок дружбы народов» превратился в фестиваль ЮФО «Венок дружбы — мы едины», в котором приняли участие коллективы из 11 регионов России.

Вовлечение людей разных национальностей в активную совместную деятельность позволяет лучше узнать друг друга, получить положительный опыт межэтнических контактов.

Следствием последовательно проводимой краевыми властями национальной политики является то, что на протяжении последних лет ежеквартально «замеряемый» социологами и экспертами Центра специальной связи ФСО РФ уровень этноконфессиональной напряженности в

Краснодарском крае оценивается как «низкий», без какой-либо динамики.

Важнейшее значение имеет формирование позитивных информационных потоков по вопросам межнациональных отношений. Уже слишком часто федеральные СМИ рассказывают о конфликтах, и практически никто не говорит о позитиве.

В Интернете создан сайт Центра национальных культур, который становится все более интересным и посещаемым. Только за последние пять месяцев сайт посетили 16260 раз. Из числа городов России активными посетителями были Москва, Краснодар, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Майкоп. Вне пределов России — Украина, Казахстан, Белоруссия, Турция.

Большое внимание уделяется формированию кадрового состава, как среди общественности, так и в органах власти и правоохранительной системе, специализирующегося на межнациональной тематике. В 2007–2008 годах проведены совместные семинары на темы «Взаимодействие органов власти, МВД и национально-культурных объединений», «Сотрудниче-

ство органов власти, МВД и общественных национальных объединений — стабилизирующий фактор в сохранении мира и согласия между народами Кубани».

С целью выработки единых подходов взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления проведены семинары для работников муниципальных образований данного профиля, издан сборник «Что нужно знать о народах Кубани».

Большое значение для стабилизации межнациональных отношений в крае имела завершающаяся в этом году программа переселения в США турок-месхетинцев, отказавшихся принять российское гражданство. Выехало 11193 человека.

В целом работа в сфере межнациональных отношений в крае получила положительную оценку в Совете Федерации в феврале 2007 года.

В дальнейшем противостоять взрывоопасным проявлениям экстремизма и терроризма мы должны сообща через:

- формирование единодушия в реализации основных приоритетов национальной политики государства;
- организацию активной информационной кампании против межнациональной и межконфессиональной розни;
- проведение всесторонней пропаганды позитивного опыта межэтнического и межконфессионального взаимодействия.

Власть Краснодарского края уже давно поняла, что одним из наиболее важных условий обеспечения экономической безопасности Кубани является работа по профилактике расизма, национального экстремизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимостью. Мы на практике убеждаем наших деловых партнеров в том, что вкладывать сегодня деньги в экономику Краснодарского края не только крайне выгодно, но и безопасно. Мы активно раскручиваем в крае слоган «Кубань — территория безопасности. Вместе против террора». При этом хочу подчеркнуть, что краевая администрация в обеспечение общественной безопасности, в том числе противодействие терроризму вкладывает значительные финансовые средства. В 2008 году это 3 млрд. рублей.

В заключение позвольте выразить уверенность в том, что сегодняшний обмен мнениями окажет серьезное влияние на развитие взаимодействия органов государственной власти края, ученых, национально-культурных общественных объединений в целях сохранения межнационального мира, развития межнациональной дружбы и сотрудничества нашей великой России.

Об опыте внедрения в Чеченской Республике программы профилактики терроризма и экстремизма

А. С. Дакаев

**Уважаемые участники конференции!
Уважаемые коллеги!**

Основным фактором, влияющим на развитие оперативной обстановки на территории Чеченской Республики в сфере противодействия терроризму, является продолжающаяся диверсионно-террористическая деятельность незаконных вооруженных формирований, поддерживаемых международными террористическими организациями. В связи с этим главной задачей Антитеррористической Комиссии Чеченской Республики является повышение эффективности взаимодействия правоохранительных органов и силовых структур в борьбе по ликвидации незаконных вооруженных формирований.

В целях выявления и нейтрализации главарей, участников и пособников бандгрупп, силовыми структурами во взаимодействии с правоохранительными органами Чеченской Республики проводятся специальные оперативно-розыскные и профилактические мероприятия на территории городов и районов и, особенно, в горно-лесистой местности. Так, по оперативным данным, на территории республики в настоящее время действует 36 бандгрупп с общей численностью около 420 участников.

С учетом тактики участников бандформирований мигрировать в соседние регионы и скрытное там пребывание, совершенствуются и действия правоохранительных органов, которые перекрывают объездные дороги на прилегающей к административной границе территории, организуют совместные оперативно-поисковые группы, выставляют дозоры, засады и «секреты».

В результате осуществляемых совместных профилактических, оперативно-розыскных и специальных контртеррористических мероприятий за 9 месяцев текущего года на территории Чеченской Республики ликвидировано 4 бандгруппы, задержано 276 участников бандформирований. При оказании вооруженного сопротивления уничтожено 46 боевиков, в том числе 4 главаря бандгрупп, склонено к явке с повинной 73 боевика. Выявлено 357 фактов организации и участия в НВФ (406 за АППГ, -12,1%), раскрываемость которых составила 91,5% (95,7% за АППГ, -4,2%).

Выявлено 3 факта организации преступного сообщества (7 за АППГ), 22 факта бандитизма (43 за АППГ, –48,8%). Раскрыто 387 преступлений, совершенных организованными преступными группами либо преступными сообществами (594 за АППГ; –34,8%).

Между тем достигнутые успехи не дают основания для благодушия, так как несмотря на понесенный значительный урон, главари бандформирований не прекращают попыток дестабилизировать обстановку в Чеченской Республике. Только за истекший период текущего года на территории республики зарегистрировано более 100 фактов боестолкновений, обстрелов, подрывов в отношении сотрудников и военнослужащих силовых структур, а также оказания вооруженного сопротивления участниками бандгрупп при их задержании. Поэтому борьба с терроризмом была и остается приоритетным направлением в деятельности Антитеррористической комиссии Чеченской Республики. А четкая организация и проведение на высоком уровне оперативно-профилактических и специальных мероприятий, направленных на пресечение возможных диверсионно-террористических актов, приобретает большую актуальность.

Для повышения эффективности борьбы с терроризмом и экстремизмом на современном этапе большое значение придается профилактическим мероприятиям, которые себя оправдали в непростых условиях укрепления порядка и общественной безопасности в Чеченской Республике. В этих мероприятиях важное место принадлежит систематической разъяснительной работе среди населения, и особенно, молодежи. Это, прежде всего, профилактические лекции и беседы с учащимися образовательных учреждений, студентами вузов и ссузов, родителями, подростками, состоящими на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних ГРОВД, о недопустимости противоправного поведения. Организована четкая продуманная работа по формированию у детей и подростков гражданского сознания и патриотизма, четких морально-нравственных ориентиров. Наряду с другими, в этом отношении большую роль играют и такие меры, как проводимые совместно с военными комиссариатами встречи молодежи с ветеранами ВОВ, боевых действий в Афганистане, участниками контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона России.

Широкий резонанс и поддержку получил в республике курс Президента Чеченской Республики, Героя России Р.А. Кадырова на духовно-нравственное возрождение народа, главная задача и цель которого — воспитание подрастающего поколения на лучших традициях чеченского народа, других народов многонациональной России.

В соответствии с задачами, поставленными перед правоохранительными органами и силовыми структурами Чеченской Республики ее руководством, определены и осуществляются конкретные практические меры. Они направлены на пресечение деятельности бандглаварей и эмиссаров экстремистских организаций, направленной на вовлечение молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность, и возвращение к мирной жизни жителей Чеченской Республики, вовлеченных в бандформирования и не совершивших тяжких преступлений. Для воздействия на указанных лиц

используются различные методы, в том числе влияние авторитета их родственников, духовенства и старейшин.

В данном направлении особое место отводится совместной деятельности УФСБ РФ по Чеченской Республике, МВД по ЧР и Министерства ЧР по внешним связям, национальной политике, печати и информации по профилактике терроризма и экстремизма, в основе которой целенаправленная информационная, разъяснительная и пропагандистская работа среди населения, с использованием печатных и электронных СМИ. При этом особый акцент делается на значительных достижениях в общественно-политическом и социально-экономическом отношениях, усилении порядка и обеспечении общественной безопасности в Чеченской Республике.

Так, еженедельно в эфире ГТРК «Вайнах» и «Грозный» выходят теле- и радиопередачи с участием представителей духовенства, старейшин и правоохранительных органов о недопустимости проникновения в мусульманское общество и пагубности идей вахабизма, с разъяснением населению канонов традиционного ислама, отрицающих насилие и призывающих людей к миру и согласию.

Целенаправленно и последовательно проводятся в республике агитационно-разъяснительные мероприятия, направленные на обеспечение сдачи населением на возмездной основе незаконно хранящихся предметов вооружения. В результате за истекший период жителями республики сдано 52 единицы огнестрельного оружия, 52 гранаты, свыше 5800 снарядов, 3 мины, более 3900 единиц различных боеприпасов, около 800 кг взрывчатых веществ.

Высокую результативность обеспечивают профилактические, оперативно-розыскные и специальные контртеррористические мероприятия по изъятию из незаконного оборота оружия и боеприпасов. За анализируемый период года таким путем изъято 193 единицы огнестрельного оружия, 35000 различных боеприпасов, более 2700 снарядов и мин, 2 самодельных взрывных устройств, более 820 кг взрывчатых веществ. Выявлены 284 преступления, связанные с незаконным сбытом, хранением или ношением оружия. Перечисленные и другие меры способствовали сокращению в текущем году почти наполовину преступлений, совершенных с применением оружия.

В целях недопущения проникновения (под прикрытием благотворительных фондов и религиозных исламских организаций) в республику представителей международных экстремистских структур, деятельность которых законодательно запрещена на территории России, осуществляется оперативноекрытие находящихся на территории Чеченской Республики религиозных учебных заведений. Совместно с духовенством налажен контроль за деятельностью лиц, осуществляющих отбор юношей и девушек для обучения в исламских учебных заведениях, в том числе зарубежных, а также прибывающих в Чеченскую Республику лиц с целями миссионерства, благотворительности и обучения исламу.

В центре внимания Комиссии были и остаются задачи по антитеррористической защите объектов, отнесенных к категориям критически важ-

ных, потенциально опасных, жизнеобеспечения, а также мест с массовым пребыванием граждан. Эти объекты охраняются сотрудниками горрайорганов внутренних дел, вневедомственной охраны, других правоохранительных и силовых структур. Кроме того, введены в практику регулярные совместные комплексные проверки указанных объектов, а также предприятий топливно-энергетического комплекса, нефтедобычи, транспорта и связи на предмет их антитеррористической защищённости.

В комплексе профилактических и антитеррористических мер особое место принадлежит обеспечению безопасности стадиона им. СТ. Билимханова в г. Грозном, на котором проводятся матчи чемпионата России по футболу и другие спортивно-массовые мероприятия, а также ФГУП Грозненский СК РБ «Радон», являющихся возможными источниками чрезвычайных ситуаций техногенного характера.

После ввода в эксплуатацию аэропорта «Грозный» в марте 2007 года, приняты меры по организации взаимодействия и разграничению объектов оперативного обслуживания между МВД по Чеченской Республике и Грозненским линейным управлением Северо-Кавказского УВДт МВД России в отношении аэропорта и прилегающей территории.

Совместно с Грозненским ЛУВДт, с использованием технических средств, на объектах железнодорожного и воздушного транспорта осуществляется тщательный досмотр ручной клади и багажа пассажиров с целью обнаружения и обезвреживания оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Антитеррористической комиссией Чеченской Республики повышенное внимание уделяется совершенствованию деятельности по выявлению и пресечению угроз совершения террористических актов в дошкольных и образовательных учреждениях. В настоящее время разрабатываются новые рекомендации и инструкции антитеррористического содержания для руководителей учреждений образования, культуры и медицины. Кроме того, в соответствии с поручением Правительства Чеченской Республики, министерством образования и науки республики подготовлен реестр наиболее уязвимых в диверсионно-террористическом плане образовательных объектов, регламентирован порядок пропускной системы, осуществлена паспортизация образовательных учреждений. Совместными усилиями подразделений Управления ФСБ России по Чеченской Республике, министерства образования и науки Чеченской Республики, районными и городскими отделами внутренних дел осуществляются проверки эффективности антитеррористической защиты объектов образования и дошкольного воспитания Чеченской Республики.

В рамках деятельности оперативных групп по проведению первоочередных мероприятий по пресечению террористических актов, ликвидации и минимизации последствий их совершения, в территориальных административных образованиях организована совместная работа органов исполнительной власти Чеченской Республики, правоохранительных органов, силовых структур и антитеррористических комиссий городов и районов Чеченской Республики по противодействию терроризму.

Руководителями оперативных групп разработаны и согласованы с взаимодействующими субъектами антитеррористической деятельности ситуационные планы реагирования на возникающие угрозы террористического характера и совершенные террористические акты, а также произведен расчет необходимых сил и средств, привлекаемых для проведения первоочередных мер по пресечению террористических актов, минимизации и ликвидации последствий их совершения.

Объединение сил и средств органов исполнительной власти и местного самоуправления под эгидой оперативных групп и антитеррористических комиссий призвано повысить оперативность и координацию их действий в случае угрозы возникновения чрезвычайной ситуации в административных образованиях республики.

В этих условиях для коренного изменения ситуации в плане создания условий, способствующих отказу бандподполья от своих устремлений и противоправной деятельности в целом, основные усилия субъектов антитеррористической деятельности необходимо сосредоточить на обеспечении дальнейшего развития и укрепления системы ситуационного реагирования на возникающие проявления террористического характера.

В рамках профилактики терроризма Антитеррористической комиссией Чеченской Республики во взаимодействии с территориальными подразделениями МВД по Чеченской Республике, УФСБ РФ по Чеченской Республике и ГУ МЧС России по Чеченской Республике, с использованием возможностей СМИ, проводит работу по информированию населения о действиях при угрозе совершения террористических актов в местах массового пребывания граждан. Систематический характер приобрели мероприятия по выявлению и перекрытию каналов финансирования бандформирований, в том числе и поступление денежных средств от экстремистских и террористических организаций ближнего и дальнего зарубежья (в основном через Азербайджан и Грузию).

Осуществляемый комплекс профилактических мероприятий дополняет повседневная работа по выявлению лиц, причастных к экстремистской деятельности, их связей, каналов финансирования и поступления оружия, ваххабитской литературы, аудио и видеоносителей, содержащих пропаганду идей национальной, религиозной вражды и нетерпимости. С использованием оперативных возможностей и во взаимодействии с органами безопасности проводится проверка иностранцев, прибывающих в республику, в том числе из государств с нестабильной обстановкой, с целью выявления среди них лиц, причастных к деятельности иностранных спецслужб, террористических и экстремистских организаций, а также к подготовке террористических и экстремистских акций.

Важное значение придается выявлению и пресечению противоправной деятельности организаций и отдельных лиц, осуществляющих пропаганду идей экстремизма, терроризма, социальной, расовой, национальной ненависти и вражды, призывающих к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации и Чеченской Республики. Отслеживается информация в электронных и печатных СМИ, а также во всемир-

ной информационной сети Интернет (в том числе на экстремистском сайте «Кавказ-Центр»).

Положительные изменения в оперативной обстановке и резкое снижение активности террористической деятельности, которые имеют место в республике в течение ряда последних лет, свидетельствуют об эффективности принимаемых комплексных мер по противодействию терроризму и экстремизму.

Антитеррористическая комиссия Чеченской Республики, в соответствии со своей компетенцией, будет и в дальнейшем наращивать усилия по противодействию терроризму, политическому, религиозному и национальному экстремизму, укреплению взаимодействия в борьбе с этими проявлениями со всеми субъектами контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона, органами государственной власти и управления, религиозными организациями и общественными объединениями.

Современный политический экстремизм: общее, особенное и единичное

А.-Н. З. Дибиров¹

Политический экстремизм как неизменный спутник современных обществ обладает всеобщими на глобальном уровне, особенными на российском уровне и единичными на дагестанском уровне свойствами, признаками и формами проявления.

К всеобщим признакам политического экстремизма можно отнести, прежде всего, его *внеправовой* характер. Как известно, политическая практика в своем легальном статусе регулируется, с одной стороны, международным правом, а с другой — внутренним правом отдельных стран. Субъекты политики, действующие в рамках правового поля, традиционно подразделяются политической теорией на консервативные, центристские и радикальные. Поле политики — это в высшей степени динамичное пространство, где постоянные процессы переоценки ценностей действующими субъектами политики перемежаются с непрерывным процессом появления новых субъектов с иным набором ценностей. Центризм может качнуться влево или вправо, консерватизм — перерасти в реакцию, радикализм — в экстремизм. Реакция и экстремизм же находятся за пределами правового поля политики. Соединение реакции и экстремизма в политической практике выливается неизбежно в терроризм.

Важным признаком политического экстремизма является то, что он превратился сегодня в *постоянного* спутника современных обществ. Это не означает, что экстремизма не было в прошлом. Политический экстремизм — ровесник политики, но в прошлых обществах, где грань между правом и произволом была сильно размыта, а международного права как всеобщего регулятора международных отношений практически не было, вычленение и идентифицирование политического экстремизма как особого общественного явления было делом достаточно проблематичным. Оно ведь и сейчас не простое. Активные формы современного политического экстремизма сегодня у всех на слуху, но в латентном состоянии он присутствует даже в самых благополучных современных обществах. Экстремизм как бы дремлет, поджидая удобного момента. Эрозия легитимности власти активизирует политический экстремизм, он как бы стережет момент наступления делегитимизации политической власти.

¹ Доктор политических наук, профессор Дагестанского государственного университета (г. Махачкала).

Еще один признак политического экстремизма — это его *международный* характер, многие экстремистские организации превратились в глобальные сетевые структуры. Очевидно, что разрушение биполярного мира и утверждение, по сути, однополярного мирового порядка под эгидой США не дали большей безопасности народам мира и не открыли перспектив лучшей жизни для них. Международные отношения стали более нестабильными и непредсказуемыми, сила во внешней политике государств стала играть гораздо большую роль, чем даже в худшие времена «холодной войны». В глазах подавляющего большинства народов мира современная система мироустройства выглядит несправедливой, по сути, она делегитимизирована. Интернационализация политического экстремизма — очевидное следствие нелегитимной международной практики основных политических игроков на мировой арене, прежде всего Запада. В условиях глобализации в управлении мировым политическим процессом все большую роль начинают играть наднациональные структуры и институты. Ключевая легитимная наднациональная структура в лице Организации Объединенных Наций, по сути, сегодня отстранена от принятия решений по важнейшим вопросам международной жизни, ее функции явочным порядком присвоили себе отдельные государства и региональные структуры, прежде всего США и НАТО. Кроме того резко усилилась роль нелегитимных наднациональных структур в управлении мировыми процессами, прежде всего, транснациональных компаний и медийных структур, ориентированных прежде всего, не на социальные интересы того или иного народа, национальные интересы той или иной страны, а на извлечение прибыли. Нелегитимные управляющие структуры хозяйничают сегодня в так называемых «безгосударственных обществах», образование которых прослеживается в некоторых странах Азии и Африки и связано с появлением «несостоявшихся государств». Происходит сращивание лидеров таких стран с международным капиталом, эксплуатирующим природные ресурсы. Это вызывает анархию как внутри, так и за пределами этих стран, питает международную преступность². В этих условиях неизбежна постановка вопроса о необходимости формирования мирового гражданского общества. Гражданское общество в национальных границах демократических государств изначально выступало и выступает сегодня, с одной стороны, как главный ограничитель своеволия и произвола со стороны государства — главной управляющей подструктуры общества, а с другой — как главный независимый от государства носитель легитимной идеи национальной государственности. В условиях обострившегося кризиса всей системы международных отношений сегодня особенно остро ощущается отсутствие мирового гражданского общества, носителя идеи справедливого мироустройства, независимого от управляющих наднациональных структур. Зримые зачатки будущего мирового гражданского общества в условиях несправедливого мироуправления принимают сегодня экстремистский характер. Как писал К.Маркс, со-

²См.: Переосмысливая современность. Материалы международной конференции (II) // Полис. 2003. № 3.

здатель учения, считавшегося долгое время экстремистским, новое всегда рождается как ересь, а умирает как предрассудок.

Современный политический экстремизм хорошо оснащен как *интеллектуально*, так и инструментально. Высокий интеллектуальный уровень как признак экстремизма не является чем-то новым, родившимся только в условиях Интернета и информационной глобализации. Отцами идеологии экстремизма всегда были неординарные, и даже выдающиеся люди. Можно вспомнить Прудона, Бакунина, Кропоткина, Троцкого, Муссолини, Мао, Че Гевара, Маркузе и т. д. Молодежные бунты шестидесятых годов XX века в западных странах прошли под знаком трех «М» — Маркс, Мао, Маркузе. Хотя разрыв между бедностью и богатством и сегодня является главной причиной социальных конфликтов, тем не менее, идеологическое позиционирование на социально-классовой основе сегодня отодвинуто на второй план. Именно в этом смысле можно говорить о правоте Ф.Фукуямы с его теорией «конца идеологии». Безусловно, главная причина этого в том, что во второй половине XX века была дискредитирована в глазах угнетенных и обездоленных людей и народов коммунистический вариант социалистической идеологии, олицетворявшей в глазах сотен миллионов людей на протяжении многих десятилетий перспективу более справедливого и более безопасного мира. Но идеология не умерла, да и никогда, наверное, не умрет. Идеи, а не знания сами по себе, лежат в основе всех достижений человечества. Цивилизация — это мир воплощенных идей. Идеи, а не знания, властвуют над нами. Мы не властны над идеями, идеи владеют нами, мы же владеем лишь знаниями, являющимися только средством реализации идей. Поэтому конец идеологии равнозначен концу развития. Кризис традиционных идеологий, создав на время определенный идеологический вакуум, который так и не смог заполнить торжествующий западный либерализм, тем не менее, не мог остановить извечный поиск проектов справедливого общественного устройства. Идеология возвращается, но возвращается уже на иной, культурно-ценностной и культурно-этнической, основе. По мнению многих политологов XXI век будет эпохой этнических и этноконфессиональных конфликтов. Не случайно, что целый ряд авторов характеризую нашу эпоху как «Новое Средневековье»³. В начале идеологического размежевания неизбежен определенный экстремизм, что мы сегодня и наблюдаем. Экстремизм проявляется в претензии той или иной идеологии на исключительность того или иного проекта общественно-политического устройства. Но практическое проведение идей исключительности той или иной религии, той или иной нации, того или иного социального слоя невозможно без насилия по отношению к носителям другой идентичности. Современный политический экстремизм во всех его разновидностях нацелен на формирование политического устройства общества, легитимированного исключительно ценностями одного порядка. Формой легитимации такого политического устройства выступает *политический режим, где террор в отношении инакомыслия возводится в ранг справедливости*. Сего-

³Мирский Г.И. Возврат в Средневековье? // Россия в глобальной политике. 2006. № 5.

дня можно выделить три идеологических течения, оказывающих огромное влияние на мировой политический процесс и вовлекающих в орбиту своего противостояния сотни миллионов людей, — *западный либерализм, исламский фундаментализм и национализм*. Для каждого из этих течений характерна определенная экстремистская политическая практика. *Исламский фундаментализм*, пришедший на смену арабскому национализму, разбежавшемуся еще в семидесятые годы по национальным квартирам, принял сегодня на вооружение практику религиозно-политического экстремизма. Ислам в глазах многих людей сегодня выступает как знамя борьбы против современного империализма, как идеология угнетенных, в силу того, прежде всего, что наиболее высокий потенциал социального протеста сегодня накоплен именно в мусульманском мире. Целый ряд исследователей ислама пытаются сравнивать салафистское движение в исламе с протестантизмом М. Лютера в христианстве. На мой же взгляд, салафизм с его идеями построения государства справедливости и честности возрождает коммунистическую утопию, но уже в новой религиозной упаковке. Показателен в этой связи тот факт, что знаменитый «красный» террорист Карлос Рамирес Санчес принял ислам, как новое идеологическое обоснование для своей террористической деятельности. Сегодня мир также столкнулся с совершенно новым видом политического экстремизма, сформировавшегося в недрах западного либерализма и выступающего под идеями демократии. Носителями его выступают страны традиционной либеральной демократии, прежде всего, США. В основе *демократического экстремизма* лежит все та же идея исключительности, исключительности ценностей либеральной демократии. Все так называемые «цветные» революции, проходившие под лозунгами демократизации, являются очевидным проявлением этого нового вида политического экстремизма, поскольку методы и формы, которые применялись при этом, несмотря на их относительно мирный характер, находятся в явном противоречии с действующим законодательством той или иной страны. Опасность этого вида политического экстремизма заключается не только в том, что происходит нивелировка такого ключевого понятия международной политики, как суверенитет, но и в том, что подвергается насилию идея национальной государственности, основанная на традициях и ценностях того или иного народа, происходит разрушение этой государственности, а народ — носитель этой идеи — перестраивается в соответствии с принципами, истинность которых, как уже очевидно, довольно сомнительна. Экстремистская практика современной *идеологии национализма* проистекает не только из исторической способности национализма легко скатываться в экстремизм, но и из глобализационных процессов, которые поставили перед каждым этносом вопрос об его идентичности, вопрос о его месте в быстро меняющемся мире. Двадцатый век по праву можно считать веком национального ренессанса, ведь никогда в прошлом столько народов не приобретало собственной государственности в столь сжатые сроки. «Идеология национализма постулирует . . . приоритет национальных ценностей перед личностными, приоритет государственности перед любыми иными формами социальной самооргани-

зации этноса . . . , приоритет мифологизируемого национального прошлого и желаемого будущего перед настоящим . . . »⁴, — пишут авторы «Нового философского словаря». Национализм — это идеология строительства национального государства и в этом своем качестве она будет востребована, пока существуют этносы, не обладающие своей собственной государственностью. Экстремистский характер национализм приобретает тогда, когда этнос стремится построить этнократическое государство, т. е. такое государство, в котором данный этнос доминирует политически, культурно и языково, в котором национальными интересами являются интересы данного этноса. Другими словами, этнический экстремизм борется за государственность не для заботы о других этносах, а за возможность их подавления. В современном мире этнический экстремизм взят на вооружение, прежде всего, молодыми государствами с неустоявшейся еще национальной государственностью. Самый свежий пример — политика Грузии в отношении Южной Осетии и Абхазии. Антироссийский и антирусский тренд многих постсоветских республик тоже имеет те же корни.

Несмотря на то, что в современном мире *традиционные формы* политического экстремизма, сформировавшиеся на социально-классовой основе, уступают свое место культурно-этническим формам, они, тем не менее, продолжают оказывать существенное влияние на общественно-политическое сознание современных обществ. Хотя общепринятое деление классического политического экстремизма на левый и правый сохраняется и сегодня, но формы проявления у них общие. Это и призывы к захвату власти, и осуществление террористических актов, и угрозы государственным и политическим деятелям, и блокирование административных зданий, и массовые беспорядки и многое другое. *Идеология экстремизма крайне левого толка* выступает против проводимой правительством политики в области социального обеспечения, экономических, военных и других реформ и находит отражение в деятельности групп анархистов (анархосиндикалистов), «новых левых», «пролетаристов», «экологистов», которые на практике прибегают к насильственным формам. *Идеология экстремизма крайне правого толка* — неонацизм, расизм, шовинизм — отличается агрессивностью своих положений, ее приверженцы призывают к полному уничтожению или запрету противостоящих сил, стремятся к установлению авторитаризма. Сегодня у большинства субъектов этого вида политического экстремизма нет еще какой-то целостной идейно-политической концепции. Пока в основе деятельности экстремистских организаций традиционного толка чаще всего лежит *порыв, кратковременное действие по поводу определенных общественных институтов или событий*. Но исторический опыт многих стран дает нам достаточно много убедительных примеров того, что за порывом постепенно следует и развернутое идеологическое обоснование. Если политическому экстремизму традиционного толка будет представлена возможность дальнейшего развития, особенно в условиях

⁴Грицанов А.А. Национализм. // Новый философский словарь. Минск, 1998. С. 478–479.

нарастания социально-экономических и политических противоречий в обществе, то последует не только создание идейной основы экстремизма, но и формирование его организационных структур.

Особенности политического экстремизма в России связаны с переходным характером современного российского общества. Политический экстремизм наиболее ярко обнаруживает себя именно в переходные периоды. Распространение идеологии и практики экстремизма в современных российских политических процессах является во многом реакцией на избранный самостоятельный путь развития в условиях слабости вновь создаваемых социально-политических институтов, не способных пока в полной мере обеспечить эффективное и устойчивое развитие общества. Наиболее активными и общественно опасными видами политического экстремизма в России являются *русский этнический национализм* и *радикальный религиозный фундаментализм* в национальных в основном мусульманских регионах страны.

Националистические настроения в русской этнической среде вызваны сегодня размыванием российской идентичности, отсутствием самоопределения русского народа в своих национальных целях. Обратной стороной такого положения дел и стал одновременный рост в среде русского населения доли лиц с ярко выраженным этническим самосознанием, по сути, идет его бурный рост. В целом ряде регионов доля таких лиц по различным данным приближается к 50%.⁵ По данным МВД РФ наблюдается резкий рост членов русских националистических организаций, прежде всего молодежи.⁶ На мой взгляд, рост этнического сознания народа, особенно такого крупного как русский народ, является положительным фактором. Русский народ — это государствообразующий народ России и восприятие этой государственности как своей собственной, безусловно, невозможно без развитого этнического сознания. Проблемы начинаются тогда, когда возбужденное массовое сознание начинает окрашивать в этнические тона любые общественные проблемы. А общая ситуация в крупных российских городах и во многих центральных регионах сегодня именно такая. Такое этническое самосознание не способствует и не будет способствовать рациональному самоопределению русского народа. В таком виде русский этнический национализм — это по своей сути попытка подмены культурной идентичности народов России русской этнической идентичностью. То есть, русская этническая идентичность возводится им в ранг национальной идентичности России, перечеркивая тем самым этническую идентичность других народов России.

Русская этническая идентичность и русская национальная идентичность — это вещи не вполне совпадающие. Носителями русской национальной идентичности в отличие от этнической русской идентичности являются не только этнические русские, но и все другие этносы России. При этом мы исходим из того, что наряду с традиционным упором при нациестро-

⁵ См.: Исследовательские проекты Л. Дробизевой.

⁶ Материалы Международной научно-практической конференции ВНИИ МВД России. 27 апреля 2004 года. М., 2004. С. 8.

ительстве на два вида национальной идентичности — гражданской (идентичность по стране) и этнической (идентичность по группе), необходимо делать особый упор на третьем виде национальной идентичности — идентичность по культуре. На этот третий вид идентичности не обращалось внимания по причине того, что в большинстве современных государств культурная идентичность совпадает с этнической. В России такого совпадения нет. Поэтому необходимо разобраться, каким же образом здесь этническая идентичность разных групп переводится в общую гражданскую идентичность этих групп. Полагаем, что этот перевод осуществляется, благодаря третьему виду идентичности — общей культурной идентичности, которой обладают представители всех этносов России. Общую культурную идентичность народов России мы определяем как *русскость*, которая реально и должна лежать в основе российской гражданской идентичности. Русскость это некий стандарт, связывающий воедино народы России. Русскость включает в себя не только тех, кто относит себя к этническим русским, но это и русский язык, которым владеет практически все население страны, это русская культура и культура народов России, во многом сформировавшаяся именно на основе русского языка. Русскость — это отражение двойственной природы этнической идентичности нерусского населения России. С одной стороны, они являются русскими как носители русского языка и культуры, а с другой — представителями отдельного народа как носители языка и культуры этого народа. Русскость — это форма, в которую облечена российская национальная культура, впитавшая в себя как собственно русскую культуру, так и культуру всех народов России в лице их наиболее ярких представителей. Русскость, на мой взгляд, это главный культурный фактор, препятствующий формированию в России так называемого андеркласса (носитель альтернативных культурных ценностей) из мигрантов из Ближнего зарубежья, наподобие того, который уже сформировался в западных обществах и превратился в один главных дестабилизирующих факторов для этих обществ.

Русский этнический национализм стремится через игнорирование культурного посредника в лице русскости утвердить гражданскую идентичность этносов России на основе русской этнической культуры. Такая гражданская идентичность ведет, безусловно, к превращению России в этнократическое государство, где неизбежен рост этнического национализма нерусских народов, крайним выражением которого станет политический сепаратизм. Попытки консолидации общества через повышение статуса православной церкви и религии в жизни российского общества в ущерб другим конфессиям также контрпродуктивны. Это имеет своим следствием также неизбежный рост этнического национализма нехристианских народов России на иной религиозной основе.

Одновременно с этим в мусульманских регионах страны резко возросло влияние *радикального исламского фундаментализма*, часто сращивающегося с идеологией этнического национализма, как это было в Чеченской республике. Сегодня в России много споров о том, какой фактор более существенен для национальной идентичности — этнический или религиоз-

ный. Процессы, происходящие в исламском мире, как бы выдвигают на передний план религиозный фактор. Действительно, можно быть получеченцем и полурусским, но полумусульманином и полукатоликом быть нельзя. Но если на этом пути на передний план не будут выдвигаться культурные факторы, культурные традиции, то лаврами себя никто не увенчает. Ведь, по сути, стремительный рост сегодня обращений к религии не является в большей части следствием духовных исканий личности. Это скорее акт самоидентификации в глобализационных процессах. Общая культурная идентификация, накладываясь на разную религиозную идентичность, вполне способна нивелировать межконфессиональные противоречия. Ведь религиозные различия сами по себе не являются конфликтогенными, но базой для конфликта идентичностей они могут стать и часто становятся, как это было в Югославии (Босния и Герцеговина, Косово) и в Чеченской Республике. Происходит это, если в многоконфессиональных обществах на передний план выдвигается в ущерб культурному религиозный фактор для упрощения через него гражданской (государственной) идентичности.

Радикальный религиозный фундаментализм это и есть попытка поставить на место культурной идентичности религиозную идентичность. Радикальный исламский фундаментализм, выдвигая на передний план религиозную идентичность, подменяя им культурного посредника между этнической и гражданской идентичностью, ведет к усилению этнического национализма мусульманских народов России, что, безусловно, также служит катализатором политического сепаратизма в России.

Республика Дагестан — это регион России, где политический экстремизм сегодня наиболее активен. Он обладает здесь рядом особенностей, как по своим целям, так и по формам и методам деятельности.

Во-первых, идеологией политического экстремизма в республике является радикальный исламский фундаментализм. Религиозный характер политического экстремизма проистекает из того, что национальная идентичность Дагестана находится сегодня в расколотом состоянии. С одной стороны, здесь традиционно сильны позиции ислама и влияние исламской цивилизации, с другой стороны — русско-европейская культура и связанный с ней образ жизни стали за годы советской власти органической частью духовного мира и быта дагестанцев. В постперестроечные годы в результате размыва идеологического ядра русско-европейская культура потеряла тот стержень, который интернационализировал по большому счету ее основные ценности. Этот идеологический вакуум в Дагестане быстро был заполнен религиозными ценностями. Столкновение двух ценностных миров не могло не привести к их поляризации, следствием чего и стал раскол национальной идентичности. Сегодня в дагестанском обществе, особенно среди молодежи, можно уже реально вычленить два слоя, чьи ценностные ориентации радикально отличаются. С одной стороны, это крайне исламизированный мир, где восприняты не только духовные ценности ислама, но и образ жизни, продиктованный нормами шариата. С другой стороны, мир крайней европеизации, где культивируются не только достоинства, но и худшие образцы западного образа жизни. Раскол идентичности неизбежно поля-

ризует и политическое пространство республики, обремененное ко всему прочему коррупцией и клановостью. Парадокс религиозно-политического экстремизма заключается в том, что религия, предназначенная по своей природе усмирять агрессивные начала в человеческой природе, становится знаменем агрессии и террора против других, только на том основании, что они другие. Очевидно, что это извращение гуманистической сущности религии не имеет ничего общего с ее действительной природой. Религиозная оболочка политического экстремизма, особенно когда он использует террористические методы, это не более чем мимикрия. Он может облачаться в любые идеологические одежды, если они позволяют легитимировать в какой-то степени в общественном мнении их деструктивные действия. В Дагестане он прикрывается авторитетом ислама, в других регионах могут быть другие формы мимикрии. Важно при этом подчеркнуть, что в республике нет экстремизма на этнической почве. На мой взгляд, этническая толерантность дагестанских народов — это следствие их этнокультурной компетентности, сформировавшейся в результате длительной межэтнической и межкультурной коммуникации. Такой компетентности нет в религиозных вопросах, не только в силу атеистического прошлого, не только в силу многочисленности новообращенных, далеких пока от понимания реальной сущности собственной веры, но и в силу глубокой политизированности современных конфессиональных отношений.

Во-вторых, практикой религиозно-политического экстремизма в республике является терроризм. Террористический характер политического экстремизма в республике обусловлен рядом причин. Бескомпромиссность идеологического противостояния, особенно характерная для конфликтов на религиозно-этнической почве, в условиях подмоченной в прошлом легитимности политической власти в республике принимает формы вооруженного противостояния различных группировок. Налицо и остаточный шлейф чеченских событий, способствовавших в свое время профессиональной подготовке и переподготовке многих террористических групп не только для Дагестана, но и Кавказа в целом. Укорененности террористической психологии в сознании противоборствующих сторон способствует и традиционно присущий восточному менталитету приоритет общинного, коллективного, группового в ущерб отдельной личности, индивиду. В том, что часть политической оппозиции в республике взяла на вооружение террористические методы борьбы, существенную роль сыграл и политический истеблишмент республики. Именно представители политической элиты в республике впервые прибегли к террору как средству устранения соперников или несогласных в начале девяностых годов. Именно они легализовали терроризм в республике. Многочисленные террористические акты в отношении политических деятелей, нераскрытые убийства, характер протекания конфликтных ситуаций между различными группировками в политической и экономической элите республики со всей очевидностью говорят о том, что между ними существует негласный сговор в том, чтобы не выносить суть конфликта на общественный суд, а наиболее строптивых просто уничтожать. Можно даже предположить, что некоторые группировки про-

сто содержат террористические организации и группы как резервную армию политического давления. Ведь не редки случаи, когда в террористических группах оказываются люди достаточно близкие к некоторым известным в республике фамилиям. Терроризм в Дагестане действует сегодня достаточно интенсивно и агрессивно. В этом можно усмотреть не только способ поддержания тонуса и дисциплины внутри террористических групп, но и наличие внутридагестанских источников финансирования. Не редки случаи, особенно со стороны представителей юридически-процессуальной системы, когда политический терроризм в республике путают с простой уголовщиной. Но природа политического терроризма и уголовного мира различается, и различается очень существенно. Уголовное насилие имеет целью материальную или другую личную выгоду. В уголовном терроре нет жертвенности, нет самоотверженности, нет готовности идти на любые потери, вплоть до собственной жизни и жизни близких. В уголовном терроре нет символики, которая присутствует в политическом терроризме как обязательный элемент. Уголовный террор больше инструментальный, т. е. воздействует непосредственно на те объекты, которые способны удовлетворять его интересы и поставленные цели. Политический терроризм же носит символический характер, для них акты террора — это символы возможностей и сигналы политическим структурам, которые только и могут удовлетворить цели террористов. Несмотря на то, что многие исследователи убеждены в нормальном психологическом состоянии подавляющего большинства террористов⁷, тем не менее, в терроризме дагестанском есть и некий иррациональный момент. Очень трудно рационально объяснить то, что террористы, выходцы из дагестанских семей, где традиционно сильны авторитет родителей, авторитет старших, с абсолютным пренебрежением относятся к их мнению, для них не существует не только авторитета религиозных духовных лидеров, но не существует и родительского авторитета.

В-третьих, объектами политического терроризма в республике оказались государственные, прежде всего, правоохранительные структуры. Обычно терроризм избирает в качестве объекта гражданское население. Ведь цель терроризма — напугать, деморализовать, внести хаос, сея тем самым сомнения в возможностях политической власти обеспечить их безопасность. Ситуация в республике в этом плане в последние годы радикально изменилась. По сути, идет война правоохранительных органов и террористического подполья. А гражданское население достаточно равнодушно наблюдает за этим. У него нет сочувствия к террористам, но нет сочувствия и к правоохранительным органам. Бесчеловечные акты против гражданского населения в Буйнакске и Каспийске окончательно сорвали в глазах населения маску борцов за справедливость с террористов. В то же время правоохранительные органы, служба в которых стала для многих особым видом частного бизнеса, не пользуются ни уважением, ни авторитетом. А авторитет силы и формы его использования формируют

⁷См.: Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 2005. № 6.

и не слишком лестное мнение о профессиональных качествах служителей охраны порядка. Указанная особенность политического терроризма в республике говорит о том, что он пытается легитимизировать свои действия в глазах населения, представляя их как действия повстанческих сил. Если объектами терроризма выступают гражданское население и гражданские объекты, то цель повстанческих сил — государство и государственные структуры. Мимикрирующие способности терроризма хорошо известны, но тенденция очень опасная. Ко всему прочему, она свидетельствует о росте интеллектуального потенциала терроризма в республике.

В-четвертых, важным признаком политического экстремизма и его террористического подполья в Дагестане является его молодежный характер. Свою роль играют здесь и обычный максимализм, присущий молодежной среде, и массовая маргинализация населения, являющаяся следствием резко усилившихся в последние десятилетия миграционных потоков с горных районов на равнину, в результате чего происходит не только конфликт ценностей, но и норм поведения, сформировавшихся в разных культурных средах, и отсутствие в обществе нормальной религиозной культуры, деформированной за десятилетия атеистического прошлого, и социальная безысходность, не позволяющая многим молодым людям, обладающим хорошими профессиональными знаниями, определиться со своим социальным статусом, и глубоко ущемленное чувство социальной справедливости. Все эти факторы усугубляются еще и тем, что доля молодежи в составе населения республики давно перешагнула двадцатипроцентный порог, обычно считающийся критичным даже для стабильных обществ. Сегодня мы еще не знаем, какое поколение родилось и выросло за последние пятнадцать лет. Им еще только предстоит вступить в активную жизнь. Но мы уже видим, насколько они подвержены экстремистским веяниям, насколько манипулируемо их сознание. Поведение этого поколения с позиций сегодняшнего дня непредсказуемо, как непредсказуема и та новая культурная реальность, которую они создадут.

В-пятых, характер политического экстремизма в Дагестане, определяется и тем, что у нас еще очень живучи догосударственные формы общественной жизни, которые выливаются, прежде всего, в неуважение к закону. Несмотря на то, что государственная идея была воспринята дагестанскими народами достаточно рано, догосударственные образцы, образ жизни и структуры в полной мере преодолены не были. Не случайно многие дагестанские историки подчеркивают тот факт, что после прекращения существования того или иного государственного образования в том или ином регионе Дагестана, многие сельские общины предпочитали вместо государственных образований формировать вольные общества, где регулирование общественной жизни осуществлялось уже не на основе силы, религии или закона, а на основе традиции, обычая, адата. Сохранение догосударственных форм общественной жизни вплоть до сегодняшнего дня также во многом определяют существующий социокультурный раскол национальной идентичности Дагестана. В современном дагестанском обществе догосударственные формы имеют самую различную конфигурацию и бы-

туют практически во всех сферах общественной жизни — экономике, социальной структуре, политике, духовности и нравственности. В экономике — формирование кадровой политики хозяйственных структур по принципам землячества, родства или национальности не только в частном, но и в государственном секторе, укоренившееся представление о государственной собственности и государственных экономических интересах как чуждых не только для отдельного человека, но и для многих представителей предпринимательского слоя общества, а также вытекающая отсюда массовая коррупционная психология, укоренившаяся как норма выживания в условиях государственности, выступающей как нечто внешнее, а не имманентно присущее.

В-шестых, политический экстремизм в республике во многом питаются характером политического режима, сформировавшегося в республике и мало в чем изменившегося за годы президентства. Современный политический режим Дагестана по своему содержанию являет собой образец управляемой плебисцитарной демократии или патронального президентства⁸, легитимированной поддержкой этнически окрашенной кланово-олигархической социальной структуры. Очевидно то, что правящая элита Дагестана дифференцирована по клановому признаку, где патриархально-семейные черты сочетаются с неким подобием современных политических организаций. В условиях развитого гражданского общества через развитие горизонтальных связей очень высока вероятность перерастания этих «подобий» в нормальные политические организации. При незрелом же гражданском обществе эти кланы и организации ориентированы не по горизонтали, а по вертикали, то есть на государственную власть. Патриархальный характер кланов и организаций приводит к тому, что основное население республики оказывается, по сути, отстранено от принятия политических решений и участия в общественно-политической жизни. В принятии решений и диалоге с властью участвуют лишь главы кланов и организаций в силу авторитарного характера этих фактически реанимированных догосударственных образований и структур. Каждый клан в республике опирается на определенную ресурсную базу, формируется вокруг достаточно мощных экономических центров и ресурсов. Такими центрами в республике, безусловно, являются такие города как Махачкала, Хасавюрт, Дербент и отчасти Кизляр, а ресурсами — нефть, газ, транспорт и субсидии федерального бюджета. При этом государственная власть используется как инструмент политической борьбы за контроль над этими ресурсами. В работах ряда дагестанских исследователей достаточно глубоко анализируется соотношение сил основных кланов республики, многие авторы подчеркивают, что здесь существует определенное равновесие, которое сохраняется во многом благодаря не только федеральному центру, но и тому, что ресурсы в республике доступны сегодня достаточно большой группе кланов. Кланов хорошо научились регулировать отношения между собой, прибегая к

⁸См.: Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // Pro et Contra. 2008. № 1.

власти как к арбитру, или применяя с взаимного согласия внеправовые методы решения возникающих проблем. Кланово-олигархическая социальная структура достаточно долго, успешно и эффективно может регулировать общественные процессы в патриархальных обществах. Но Дагестан вышел давно из патриархальности. Динамично развивающийся средний класс не будет долго терпеть такое положение. Нынешние протестные настроения являются во многом отражением именно этого процесса. Протестные настроения — это отражение того, что существующая политическая элита не воспринимается обществом как настоящая, а скорее как исполняющая обязанности (и.о.) элиты. Она неконкурентоспособна, больна, ее модернизационный потенциал сомнителен.

В-седьмых, важнейшим фактором роста протестных настроений в обществе является отсутствие обратной связи между обществом и властью. Отсутствие такого диалога приводит к тому, что социальный протест начинает принимать внеправовые формы. Диалог ни в коем случае не означает, что все должны прийти к какому-то единому мнению. Диалог есть следствие и отражение согласия всех сторон в том, что и власть и оппозиция должны играть на политическом поле по единым правилам. Всякие исключения из правил приводят к тому, что формируется внесистемная оппозиция со всеми вытекающими отсюда социально-политическими издержками. Диалог с обществом, о котором так часто любит говорить власть, носит в республике пока имитационный характер, на имитацию способности власти решать существующие огромные проблемы в дагестанском обществе нацелены и структуры, обязанные обеспечивать этот диалог, — от подконтрольных СМИ до государственных и полугосударственных структур. Переход от имитации диалога власти с обществом к реальному диалогу способен, в конечном итоге, сформировать в обществе целостную систему духовной безопасности, не восприимчивую к идеологии экстремизма. Духовность нашего общества сегодня реально исковеркана. Столкновение традиционалистского сознания, цепко держащегося за прошлое, и нового модернистского сознания рождает духовные катаклизмы, стимулирующие деструктивное поведение. Очевидно, что проблема духовной безопасности не может быть решена без реформирования существующих общественно-политических институтов и формирования культуры, открытой к бесконфликтному восприятию иных ценностей. Диалог о формировании системы духовной безопасности должен идти о характере институциональных реформ и их пределах, о культурно-ценностных основаниях духовной безопасности. Истиной никто не обладает, в том числе религиозное духовенство. Истин всегда несколько, и все они относительны. Лишь диалог носителей разных истин способен убедить каждого в относительности собственной истины. В процессе диалога рушится легитимационная легенда власти, власть начинает приобретать реальную легитимность, а общество — стабильность. Ведь в конечном итоге в существовании экстремизма виноваты не экстремисты, а общество, в котором этот экстремизм формируется, и власть, которая своим некомпетентным руководством дестабилизирует общество.

Очевидно, что полностью искоренить политический экстремизм из жизни современных обществ невозможно. Но стабильные общества давно научились противодействовать экстремистской практике и минимизировать его проявления. Главное на этом пути не только утверждение на практике принципов социальной справедливости через преодоление разрыва между бедностью и богатством, но и формирование легитимной политической системы, воспринимаемой как справедливой не только властью, но и населением.

В заключение, возвращаясь к проблеме формирования системы духовной безопасности, следует подчеркнуть, что она должна прийти на смену апокалипсического сознания, сознания ожидания постоянных катастроф, характерного в последние десятилетия для массового сознания. Терроризм питается массовыми страхами, они постоянно стимулируют его воспроизводство в различных формах. Ключевая роль в формировании системы духовной безопасности играют информационно-медийные структуры. Как рефлексивная публичность (Ю.Хабермас), свободные СМИ являются средством информационного отражения в обществе событийного пространства и тем самым эффективным средством воздействия на протеррористическое сознание.

Вузовский потенциал в решении проблем обеспечения общественной безопасности: социологические измерения, математическое моделирование, региональные прогнозы

М. Г. Дмитриев¹

Проблема борьбы с террористами не может быть решена традиционными силовыми средствами. Необходимо привлекать население, общественность, и в частности, молодежь к решению этой задачи. Кстати, на нашей конференции по общественной безопасности и контртерроризму (Москва, МГУ, 30–31 октября, 2008 г.), в одном из первых пленарных докладов, было обращено внимание на слабое присутствие, в этом направлении деятельности, молодежи.

Но без изменения отношения общества к такой постановке вопроса соответствующий процесс вовлечения всех слоев общества в такую деятельность будет крайне медленным.

Здесь хочется остановиться на одном из способов активизации этого процесса, о выведении его из тени узко специальных задач принятия решений и обратить внимание на потенциал вузов.

В кризисные 90-е годы в РФ стала быстро развиваться филиальная сеть вузов, чтобы сделать услуги высшей школы доступными населению в рыночных условиях. Наряду с основной функцией эти образовательные центры, расположенные и в отдаленных районных центрах, решали и социальные задачи занятости молодежи и повышения культурного уровня населения. Есть много примеров, когда такие филиалы или, самостоятельные учебные заведения, стали центрами научной и образовательной активности на своих территориях. Конечно, этот процесс имеет и недостатки, где главным является снижение качества высшего образования из-за отсутствия таких же показателей обеспеченности учебного процесса преподавателями, литературой и техникой, как в головном вузе, база которого

¹Заведующий кафедрой прикладной математики Российского государственного социального университета, доктор физико-математических наук, профессор, действительный член Российской Академии естественных наук и Академии нелинейных наук. E-mail: mdmitriev@mail.ru.

создавалась десятилетиями.

Но в целом такой процесс создания распределенной системы высшего образования является положительным и во многом способствует развитию страны и регионов. В качестве примера можно привести Университет города Переславля. Мы в 1993–95 гг. построили математическую модель города [1] и показали, что в условиях кризиса, региональные инвестиции в образование (конечно, в востребованные специальности, с углубленным изучением иностранных языков) приводят к траекториям сбалансированного экономического роста. Что время и подтвердило. Свои прикладные математики, экономисты, инженеры, экономисты и социологи предопределили приток внешних инвестиций в город и район. Если за интегрированный показатель качества жизни в регионе взять стоимость кв. метра жилой площади, то по этому показателю г. Переславль обогнал аналогичные районные центры Центральной России.

Мне пришлось ряд лет работать и в Университете г. Переславля и в ряде филиалов Российского государственного социального университета (в городах Руза, Клин, Электросталь и др.) и изнутри, в динамике, наблюдать их положительное влияние на территорию.

Созданная в стране филиальная сеть вузов обладает большим потенциалом для решения разнообразных задач развития страны. Т. к. вызовы перед обществом и страной новые, то это требует формирования и новой культуры принятия региональных решений. Здесь остановимся на некоторых аспектах использования потенциала вузов в плане решения проблем общественной безопасности.

Вузовский потенциал это филиальная сеть с соответствующими кадрами (экономисты, социологи, математики, специалисты по информатике), которые, таким образом, постоянно или регулярно присутствуют почти в каждом районном центре РФ. Учебные планы многих специальностей в филиалах вузов, как правило, содержат курсы по системному анализу, теории и принятия решений, методам прогнозирования, математическим методам в социологии и другим дисциплинам, содержащих соответствующие дидактические единицы. Т. к. при выполнении курсовых, дипломных работ и проведении практических занятий и лабораторных работ по этим курсам, нами и коллегами используются современное математическое и программное обеспечение, можно говорить о вовлечении студентов во время учебного процесса по этим дисциплинам в решении конкретных проблем территории, в частности, и проблем общественной безопасности. Также можно говорить о создании в вузах и их филиалах региональных учебно-методических центров мониторинга и прогнозирования состояния региона по критическим направлениям (экологическим, экономическим, террористических угроз). Эта система, с одной стороны, легко встраивается в учебный процесс вуза, а с другой — в процесс подготовки принятия региональных решений. Можно ставить задачу и шире — разработать учебно-методическое и программное обеспечение по ряду дисциплин Госстандарта, связанных с математическим и компьютерным моделированием, социологией, системным анализом и прогнозированием, входящих в учебные пла-

ны многих специальностей и направлений подготовки, с целью создания в регионах, на базе вузов и их филиалов, систем регионального мониторинга и прогнозирования критических процессов.

Далее, кратко укажем на некоторые задачи и методы, связанные с проблемой общественной безопасности, уже используемые нами в учебном процессе ряда гуманитарных и естественно научных специальностях РГСУ, в т. ч. и в филиалах Университета.

Очень популярной и полезной для формализации причинно-следственных связей является техника построения специальных орграфов. Рассмотрим орграф «Общественная безопасность — Общество — Регион». Здесь каждый критерий (показатель) может влиять на значение другого критерия и взаимный потенциал влияния каждого показателя на другой будем оценивать некоторым весом, с определенным знаком, имея в виду знак влияния — положительным, если это влияние увеличивает значение другого показателя и отрицательным, если — уменьшает. Построение коэффициентов взаимосвязей показателей есть процесс построения матрицы смежности для ориентированного знакового орграфа проблемы. Эти коэффициенты получаются в результате обработки социологических измерений по специальной анкете, разработанной нами, в процессе учебных занятий, вместе со студентами. Произвольный коэффициент матрицы смежности получается после оцифровки ответов анкет и будет означать изменение i -го показателя при изменении j -го показателя на единицу или вес влияния единицы j -го показателя на изменение i -го показателя.

В вершинах графа расположим значения т. н. парциальных индексов:

- 1 — уровень напряженности в регионе;
- 2 — степень коррумпированности администрации;
- 3 — негативные тенденции в деятельности СМИ;
- 4 — насколько регион представляет опасность в качестве очага межэтнических конфликтов (индекс — Степень МежЭтнических Конфликтов — СМЭК);
- 5 — степень опасности террористических актов в регионе (индекс СТУ-степень террористических угроз);
- 6 — степень опасности со стороны общественных организаций;
- 7 — состояние охраны важных объектов в регионе;
- 8 — степень личной готовности участвовать в контртеррористической деятельности (индекс СКТ — степень готовности к участию в контртеррористической деятельности).

Последний парциальный индекс пусть, например, результирующий. Его, а также четвертый и пятый парциальные индексы, можно выбирать, как функцию остальных. Схема исследования проблемы на основе орграфов

хорошо известна. Сначала находятся собственные числа матрицы смежности. Если среди них имеются собственные числа вне единичного круга, то угроза террористических угроз или СТУ неограниченно нарастает. В этом случае необходимо провести комплекс мероприятий изменяющих матрицу взаимовлияния, так чтобы ее ненулевые собственные числа были бы различными и не выходили бы за пределы единичного круга. Если это удастся, то СТУ будет ограниченной, т. к. взаимосвязи будут компенсирующими.

На графе можно проводить анализ обратных связей. Для стабильности ситуации в регионе необходимо наличие в орграфе отрицательных обратных связей. Просматриваем замкнутые контура в орграфе. Если нет отрицательных дуг, то вдоль контура происходит неограниченная «раскачка», если же в каждом замкнутом подконтуре есть нечетное число отрицательных дуг, то этот подконтур сбалансирован, он не «раскачивает» ситуацию. Такой анализ крайне полезен при планировании направлений деятельности администраций. Можно заметить активную роль индекса СКТ. Он во многих подконтурах играет стабилизирующую роль и часто это единственная, отрицательная связь.

А можно ли сегодня сказать, что органы управления территориями действительно работают в направлении активизации личной готовности граждан по участию в общественной безопасности?

Как уже сказано, матрица смежности графа строится на основе обработки социологических измерений, согласно специальной анкете, построенной нами на основе модели причинно-следственных связей. Структура анкеты имеет иерархический вид:

Главный критерий

- *Критерии — парциальные индексы*
- *Подкритерии — вопросы анкеты*

Отметим, что подробная модель связей порождает качественную анкету. Подкритерии — вопросы анкет, в частности, касаются оценки качества регионального управления и различных аспектов жизни региона (экономических, социальных, экологических). Анкеты и их обработка по данным измерений в городах Клин, Электросталь привели к орграфам, адекватно описывающим, как показали опросы экспертов, связи в регионах.

Очень хорошо в учебном процессе принимается аудиторией круг вопросов, связанных с техникой «кластеризации» наблюдений, в частности, связанных с т. н. SVD разложениями матриц наблюдений. Основная идея здесь состоит в том, что организованные террористические группы при подготовке теракта неизбежно оставляют следы в «информационном пространстве» в виде связей, корреляций, «кластеров», которые подозрительны тем, что выделяются из общей массы «нормальных» структур в ответах респондентов. Здесь информация представляется в виде матрицы размером $n \times m$ (n строк, m столбцов). Строки соответствуют объектам, столбцы — их характеристикам. Примеры:

- объекты — люди; характеристики — их личные данные и характеристики поведения;
- объекты — регионы; характеристики — их параметры;
- объекты — люди; характеристики — действия;
- объекты — банки; характеристики персонала и их действий; объекты — атаки хакеров, чреватых кибертерроризмом; характеристики — их действия и прогнозные результаты.
- объекты представляются как точки в m -мерном пространстве характеристик;
- строки матрицы представляют собой координаты этих точек.

Матрица представляет интерес с точки зрения анализа связей между объектами и поиска возможных кластеров.

Упорядоченность, «рейтинги» кластеров, с точки зрения того или иного запроса, определяются т. н. сингулярными числами прямоугольной матрицы наблюдений и эти числа являются обобщениями собственных чисел квадратных матриц.

И, наконец, вершиной учебного процесса в рассматриваемом направлении для студентов даже гуманитарных специальностей является их знакомство с методологией математического моделирования динамических процессов и многокритериальной теорией принятия решения, т. к. на этой основе и зиждется современное, профессиональное моделирование и прогнозирование.

Литература

- [1] Дмитриев М. Г. и др. Инвестиции в образование и устойчивое региональное развитие (на примере г. Переславля-Залесского). В сб. «Социально-экономические проблемы развития общества в переходный период». М.: Ин-т системного анализа РАН, № 1, 1995, с. 6–23.
- [2] Социальные и математические средства измерения потенциала общественной безопасности в субъектах Российской Федерации / Под ред. М. Г. Дмитриева, В. В. Лукова, А. П. Петрова. М.: ЛЕНАНД, 2006, 296 с.

Актуальные социально-педагогические проблемы противодействия идеологической составляющей терроризма

В. П. Журавель¹

Президент Российской Федерации Д.А.Медведев 9 мая 2008 г. в выступлении, посвященном 63-й годовщине победы в Великой Отечественной войне, обратил внимание на необходимость усиления борьбы против идеологии терроризма. И это не случайно. Идеология терроризма — это тот стержень, который не только сплачивает людей в организацию единомышленников, но и оправдывает террористическую деятельность.

Профилактика и нейтрализация идеологии терроризма нуждаются в повышении моральной планки относительно того, что допустимо в обществе, а что нет, когда речь заходит об этнической или религиозной принадлежности граждан. Террористическая идеология и практика должны осуждаться. Следует укреплять в сознании людей понимание того, что его потенциальными жертвами будут не отдельные индивиды и группы, а большинство граждан. Без одобряющего, поддерживающего отношения к террористам их социального окружения, населения, отдельных его групп, как подчеркивают ряд аналитиков, попросту немыслим ни националистический, ни религиозный терроризм.

Важно своевременное выявление и подавление центров идеологического обеспечения и поддержки террористических движений, общественная изоляция террористических групп, лишение их внутренней и внешней поддержки, проведение мероприятий по расслоению террористической среды. Именно противодействуя идеологии терроризма мы сможем уменьшить социальную базу террористов, показать опасность терроризма для мирового сообщества.

Деятельность по противодействию терроризму многогранна. Она постоянно совершенствуется и наполняется новым содержанием. На наш взгляд, наиболее актуальными, менее разработанными являются проблемы создания и внедрения в учебный процесс ВУЗов спецкурса по данной тематике; дальнейшая научная разработка идеологических вопросов противодействия терроризму; увековечивание памяти жертв терактов, усиление

¹Член Экспертного совета комитета Государственной Думы Российской Федерации по безопасности, ответственный секретарь журнала «Право и безопасность», кандидат педагогических наук, доцент.

деятельности и роли институтов гражданского общества в этом направлении.

Эти вопросы я хотел бы рассмотреть более детально.

О спецкурсе и актуальных научных проблемам борьбы и противодействия терроризму в учебном процессе ВУЗ

Изучение данной проблемы в ВУЗах Москвы, Санкт-Петербурга, Центрального, Приволжского и Уральского федеральных округов России, а также в ряде стран СНГ показывает, что это является важным направлением в противодействии терроризму, так как проводится целенаправленная, системная работа по разъяснению в первую очередь молодым людям целей, идеологии, практики терроризма. Настало время это сделать обязательным образовательным элементом. Тематика лекций, семинаров, количество учебного времени должна определяться с учетом специфики и территориальной принадлежности ВУЗа, пожеланий студентов.

Говоря о разработке идеологических проблем антитеррористической деятельности, хотел бы отметить, что на наш взгляд, проблемами, требующими дальнейшей научной разработки, являются:

- социальная база современного терроризма;
- причины и движущие силы терроризма;
- систематизация проблем международного терроризма;
- взаимосвязь терроризма и организованной преступности;
- вопросы противодействия угрозам технологического терроризма;
- идеологические концепции современного терроризма и противодействие их распространению;
- источники финансирования терроризма и борьба с ними;
- сущность и содержание антитеррористической деятельности государства;
- направления и формы международного сотрудничества в противодействии террористическим угрозам;
- национальные, региональные и международные антитеррористические структуры, направления и формы их взаимодействия;
- роль и место вооруженных сил в борьбе с терроризмом;
- использование институтов гражданского общества в противодействии терроризму;

- религиозный терроризм и организация противодействия ему и др.

Перечень этих тем говорит о том, что нужна эффективная система в изучении этих проблем. По данным Парламентской библиотеки, из более 100 защищенных в России тем диссертаций по проблемам терроризма и антитеррористической деятельности, только 5 из них имеют в той или иной степени отношение к проблемам идеологических основ терроризма, деятельности гражданского общества в противодействии терроризму.

Со второй половины 2006 года резко уменьшилось количество выпускаемой литературы по проблемам терроризма и антитеррора. Причин здесь несколько. То, что лежит на поверхности уже рассмотрено. В связи с этим, с большой натяжкой мы можем говорить о создании школы экспертов, аналитиков, которые на научной основе изучают терроризм, его особенности, специфику проявления и трансформации. На наш взгляд, настало время иметь не только локальные центры, секторы и т. д., но и кафедры в ведущих ВУЗах страны, где эта проблема будет не только изучаться, но и

преподаваться. А здесь без разработки науки по изучению терроризма террорологии не обойтись. Координатором такой работы мог бы выступить НАК, министерство образования и науки, а также ведущие академические учреждения, международные и национальные общественные организации, обладающие значительным научным потенциалом специалистов в данном направлении.

Мы глубоко убеждены, что в России, других странах СНГ, ОДКБ, ШОС должна быть и постоянно развиваться своя школа специалистов, которые высокопрофессионально, в режиме реального времени, будут изучать и разрабатывать проблемы борьбы и противодействия терроризму.

Увековечивание памяти жертв терактов как метод противодействия терроризму

Как показывает практика последних лет, увековечивание памяти жертв террора, а также военнослужащих и сотрудников погибших при проведении контртеррористических операций является важным направлением деятельности соответствующих структур и институтов государства, гражданского общества в противодействии терроризму.

Содержание данной деятельности связано с масштабами, временем и последствием терактов, возрастом, профессией, вероисповеданием, национальной принадлежностью потерпевших.

В разных государствах (Россия, Испания, США, Индонезия, Турция, Великобритания), подвергшимся террористическому нападению оно имеет свои национальные и культурные особенности, отличается размерами финансовых затрат. В мероприятиях федерального и регионального уровня по увековечиванию жертв терактов принимают участие лица различного должностного положения.

По своей форме увековечивание памяти, чаще всего, выражается в форме открытия памятников, мемориальных знаков, фотовыставок, создании кинофильмов, строительстве культовых зданий, проведении конференций и др. По своему содержанию эти мероприятия направлены не только на увековечивание памяти погибших, но являются протестом против идеологии и практики терроризма, публично призывают граждан поставить заслон терроризму.

Проведение этих мероприятий являются важным импульсом к развитию широкого антитеррористического движения, утверждению в обществе однозначного неприятия террористической идеологии и недопущения неправомерного нарушения прав человека.

Об участии гражданского общества в противодействии терроризму

После теракта 11 сентября 2001 года в США мировое сообщество начало приходить к пониманию того, что недостаточно в борьбе с терроризмом надеяться только на спецслужбы, к сожалению, не всегда они срабатывают.

Необходимо активное использование возможностей гражданского общества, в первую очередь, для понимания и уяснения содержания терроризма, его опасности. Это важно в связи с тем, что нет общепринятого его определения.

В стране, к сожалению, еще имеется значительное количество нарушений прав человека при ведении борьбы с терроризмом, особенно на территории Северного Кавказа. На это обращал внимание Президент России, Уполномоченный РФ по правам человека. Еще несовершенна судебная система, где рассматриваются преступления террористической направленности, при этом часто суды присяжных оправдывают террористов. Надо иметь в виду, что наряду с расследованием терактов, к примеру, на Дубровке, в Беслане, которые проводят МВД, ФСБ, Генеральная прокуратура, ведется параллельно расследование представителями общественности. Это, как правило, люди имеющие отношение к жертвам терактов. Результаты расследования по некоторым параметрам не совпадают, что вызывает соответствующие негативные реакции.

С позиций гражданского общества, особенно когда в России создан Национальный антитеррористический комитет, необходимо дальнейшее совершенствование системы информирования населения о террорологической обстановке в стране. Речь идет о том, чтобы налогоплательщики знали, к примеру, сколько у нас за соответствующий период времени предотвращено терактов, сколько раскрыто, сколько совершено преступлений по ст. 205 (террористический акт), ст. 126 (похищение человека), ст.206 (захват заложника) и т. д. эта информация должна быть широко доступной. Не плохо было бы, если бы Национальный антитеррористический комитет по итогам года готовил соответствующий отчет, который бы через Интер-

нет, печатные издания быш доступен широким слоям общественности. Это позволит устранить те или иные неточности в цифрах, которые, к сожалению, имели место ранее как на федеральном, региональном и особенно на ведомственном уровнях. Важную роль в повышении антитеррористической информированности граждан должен сыграть Интернет-сайт Национального антитеррористического комитета, который начал свою работу 12 марта 2008 г.

По проблеме жертв террора, их защиты нам надо быстрее совершенствовать наше российское законодательство, с учетом международного опыта и имеющихся у государства финансовых возможностей. С точки зрения защиты прав человека от терактов мы находимся на самой начальной стадии, это самая слабая сторона нашего антитеррористического законодательства. Федеральная власть должна на себя взять всю полноту ответственности за судьбы родителей, детей наших граждан, пострадавших от террористических актов.

Указом Президента РФ в перечне знаменательных, памятных дат значится День солидарности с пострадавшими от терактов. 3 сентября 2005 г. быш проведен День солидарности с пострадавшими от терактов, в 13 час. 5 минут по всей России была объявлена минута молчания. Через год это мероприятие частично «спустили на тормоза», оно не стало предметом активного отражения сми. Я думаю соответствующие государственные структуры, общественные организации должны не стоять в стороне от этого глубоко гуманистического и символического мероприятия. Надо к нему готовиться и проводить мероприятия, как на федеральном, так и региональном, городском уровнях.

В плане создания всемирного фронта противодействия терроризму целесообразно при ООН, ШОС, ОБСЕ и других региональных организациях иметь общественно-политические органы, состоящие из парламентариев, видных общественных деятелей, деятелей литературы и искусства, ученых (к примеру, Лауреатов Нобелевских премий) для поддержки усилий государств в борьбе с террористами.

Добиваться повышения роли и значения силовых структур в борьбе с терроризмом (ФСБ, Минобороны, Генпрокуратура, Службы внешней разведки, МВД). Каждое министерство и ведомство РФ, с учетом своей специфики деятельности, должно иметь свою программу по идеологическому противодействию терроризму, согласованную с Национальным антитеррористическим комитетом и утвержденную постановлением Правительства РФ.

В завершении позвольте высказать еще несколько предложений по идеологическому и информационному противодействию терроризму.

1. Поддерживаю предложение по скорейшему созданию Центра информационного противодействия (предупреждения) терроризма при Национальном антитеррористическом комитете, в состав которого должны войти руководители пресс-служб Президента России, Председателя Правительства РФ, ФСБ, МВД, МЧС, Мин оборо-

ны и других министерств, а также руководители государственных телевизионных и радиоканалов, телеграфных агентств.

2. Необходима активная деятельность соответствующих структур по реализации единой концепции информационно-пропагандистского обеспечения антитеррористической деятельности России и странах СНГ.
3. Добиваться на практике единой технологии в освещении проблем противодействия террористическим угрозам в средствах массовой информации, тщательной регламентации порядка освещения в СМИ ситуаций, связанных с актами терроризма. Анализ событий на Южном Кавказе показывает, что в государстве должна быть структура, ответственная за доведение до сведения всех граждан первичной информации о совершенных террористических актах, их последствиях и жертвах.

Все это в совокупности будет способствовать усилению противодействия идеологии терроризма и экстремизма.

Методологический анализ причин и условий, способствующих вовлечению в террористическую деятельность

Ю. П. Зинченко¹

Исследование понятия терроризма является одной из сложнейших проблем мировой науки и практики. В настоящее время существует около двухсот определений терроризма, и ни одно из них не является общепризнанным. Это говорит о многогранности, сложности и многоликости этого явления.

Актуальная задача изучения сложнейшего процесса вовлечения людей в террористическую деятельность состоит в разработке фундаментальной концептуальной базы, опираясь на которую исследователи получили бы возможность эффективно соотносить и координировать различные подходы к проблеме. Необходимо создавать все более адекватную теорию изучаемого явления. А в практическом плане следует предложить способы научной идентификации значимых моментов изучаемого процесса, что существенно способствовало бы совершенствованию всей системы контртеррористических мероприятий.

В проводимых исследованиях мы опираемся на определение терроризма, которое представлено в Федеральном законе РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, где терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Согласно статье 3, пункту 4 этого закона, противодействие терроризму представляет собой «деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по:

- а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);
- б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

¹ Декан факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, Президент Российского психологического общества, доктор психологических наук, профессор. E-mail: zinchenko@psy.msu.ru.

- в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма».

Для создания эффективной и обоснованной государственной системы предупреждения терроризма необходимо провести анализ и классификацию причин и условий, способствующих вовлечению российских граждан в террористическую деятельность, и разработать рекомендации по влиянию на эти причины и условия. Для конкретной реализации этой задачи необходимо:

- 1) построить классификацию причин и условий, установить ее структуру, иерархию и региональное распределение;
- 2) выявить причины и условия, требующие приоритетного воздействия;
- 3) разработать рекомендации по влиянию на эти причины и условия, указать возможные индикаторы эффективности воздействия.

Предлагаемая нами классификация причин и условий, способствующих вовлечению российских граждан в террористическую деятельность, ориентирована, прежде всего, на практическое построение научно обоснованной и действенной государственной системы противодействия терроризму.

Классификация причин и условий, способствующих вовлечению российских граждан в террористическую деятельность должна опираться на системный подход в понимании терроризма. Это значит, что терроризм рассматривается как определенное социальное явление, представляющее из себя сложнейшую систему из множества взаимодействующих между собой элементов и совокупности отношений и связей между этими элементами. Такой подход является самым эффективным из всех возможных, так как он позволяет не упустить ни один важный фактор и/или взаимодействие факторов в структуре терроризма как явления, и, в конечном итоге, создать адекватную (а значит, и практичную) модель соответствующих причин и условий.

Прежде всего, следует отметить, что создаваемая модель причин и условий является конкретно-историчной, т. е. описывает не причины и условия вовлечения граждан в террористическую деятельность вообще, а именно граждан современной России. В истории цивилизации терроризм возник и раньше, и в России, и в других странах, однако его сущность могла сильно отличаться от современного терроризма, который мы наблюдаем в России. Однако, понимая терроризм в конкретно-историческом аспекте, мы рассматриваем его и как часть современного общечеловеческого явления, от которого тяжело страдают и многие другие страны. Именно такое, вытекающее из системного подхода, сочетание конкретно-национального и общечеловеческого в изучении терроризма позволяет синтезировать опыт отечественных и иностранных социологов, политологов, философов психологов и других специалистов.

Еще одно предварительное замечание касается роли психологии для решения поставленной цели. Психология в настоящий момент является ведущей социальной наукой, она приобретает все большую и большую практическую силу и, что очень важно, создает научно обоснованную идеологию позитивного преобразования общества, конструирования новых социальных реальностей. В частности, именно психология во многом ответственна за разработку научной «контридеологии» к идеологии террористического насилия и создание социально-психологических технологий внедрения такой «контридеологии».

Важно проанализировать сущность, структуру, виды и формы терроризма. Основными отличительными чертами терроризма являются:

1. Высокая общественная опасность террористической деятельности.
2. Публичность осуществления террористической деятельности.
3. Преднамеренное создание обстановки страха, подавленности и напряженности как средства воздействия на лиц, принимающих решения и вынуждения их к действиям в интересах террористов.
4. Жертвы террористического акта являются средством для воздействия на общественное мнение и властные структуры.
5. Готовность террористов в процессе совершения террористического акта к самопожертвованию.
6. Неоднозначность оценки террористической деятельности с позиций разных социальных групп.

Зарубежные и отечественные философы, политологи, историки, юристы, социологи, психологи выдвигают различные критерии для классификации видов терроризма. Однако при всем многообразии и несовместимости подходов все-таки можно выделить пять общепризнанных форм терроризма: социальный, политический, идеологический, информационный, экономический. В юридической литературе также можно встретить понятие суицидный терроризм, который определяют как готовность пожертвовать своей жизнью в интересах достижения определенной политической цели. В последнее время выделяют и технологический терроризм, под которым понимают незаконное использование ядерного, химического, бактериологического (биологического) оружия или его компонентов для достижения политических, экономических и иных целей.

Классификацию причин и условий, способствующих вовлечению российских граждан в террористическую деятельность, возможно проводить по многим разным основаниям.

Большую часть важнейших причин и условий, способствующих вовлечению российских граждан в террористическую деятельность, предварительно можно разделить на несколько крупных таксономических групп с последующей детализацией.

Существуют объективные условия и субъективные причины, способствующие всплеску в обществе террористической деятельности. Базовым объективным условием роста террористической деятельности в нашей стране явились сложные процессы политического, экономического и социального порядка, связанные с преобразованием российского государства, с процессами глобализации и информационных противостояний в мире.

В результате проведенных исследований были выделены следующие причины и условия, способствующие вовлечению российских граждан в террористическую деятельность (первый уровень):

- 1) идеологические;
- 2) политические;
- 3) экономические;
- 4) социальные;
- 5) этнические;
- 6) конфессионально-религиозные;
- 7) административно-территориальные и региональные;
- 8) психологические;
- 9) ситуативно-критичные.

Внутри этих классов условий структурно выделяются иерархически подчиненные подклассы разного уровня. Для каждого из этих классов существует региональное распределение и специфичность/неспецифичность входящих в подклассы причин и условий, способствующих вовлечению российских граждан в террористическую деятельность.

Необходимо подчеркнуть, что указанный перечень является предварительным и в последующем будет доработан, уточнен и детализирован.

Важно отметить, что все эти условия в конечном итоге действуют на индивидуальное и групповое сознание граждан, и поэтому требуют тщательного психологического анализа.

Идеология понимается как набор важнейших ценностей (аксиология), важнейших смыслов (в том числе смысла жизни), декларируемых идеалов. Идеология насилия связана с субъективной ролью насилия как приемлемого, и, более того, необходимого инструмента достижения целей (в основном политически-сепаратистских и/или религиозно-фанатических), причем инструмент (насилие) часто приобретает самостоятельную ценность и мотивирующую силу. Формирование идеологии насилия (которая потом часто толкает человека на занятие террористической деятельностью) изучается психологией и не может быть понято в отрыве от других психологических процессов. Соответственно, для научного описания идеологии насилия в аспекте провоцирования терроризма следует рассматривать психологические факторы вовлечения в терроризм (а также и все другие, прежде всего

религиозные и этнические), и во взаимодействии с ними и анализировать механизмы такого идеологического вовлечения в терроризм.

Группа внешнеполитических условий связана с фактом финансирования российских террористов рядом зарубежных негосударственных организаций и фондов и недостаточной борьбой зарубежных спецслужб с этим явлением. Соответственно, эти деньги при поступлении их в Россию тратятся на пропаганду терроризма и вербовку новых членов. Перекрытие этих каналов является важным аспектом профилактики вовлечения граждан в террористическую деятельность. Вторая группа условий связана с внутрирегиональными политическими процессами, способствующими вовлечению граждан в террористическую деятельность. Одной из причин повышенной террористической активности являются внутриполитические процессы в определенных регионах, связанных не только с террористическим оппонированием федеральному центру, но и с внутренней борьбой локальных элит и кланов. Такого рода причины и условия очень активно способствуют вовлечению граждан в террористическую деятельность на одной из сторон. Третья группа факторов связана с проблемой коррупции и неудовлетворительного качества госуправления на региональном и муниципальных уровнях. Слабые и неэффективные институты власти не борются с терроризмом, попустительствуют ему. Террористы могут подкупать должностных лиц, подкупом доставать оружие, коррумпированные чиновники могут просто преступно бездействовать и не препятствовать пропаганде терроризма, что приводит к вовлечению российских граждан в террористическую деятельность.

Отношения между обществом, в т. ч. муниципальной, региональной и федеральной администрациями и терроризмом могут рассматриваться как коммуникативный акт, подчиняющийся законам человеческой коммуникации. В этом случае для более глубокого понимания психологической природы терроризма террористический акт может быть представлен в рамках модели коммуникативного акта, включающего ряд взаимосвязанных элементов.

В случае нарушения коммуникации между обществом и властью власть доводит до общества свои желания, а народ, в силу коррумпированности власти (особенно на самом низком, муниципальном уровне) не может довести до власти свои желания и нужды, т. е. обратная связь не работает. Под таким углом зрения теракт может рассматриваться как попытка определенных групп все-таки довести до власти свою точку зрения, пусть и таким противозаконным путем, т. е. теракт — это способ восстановить двустороннюю коммуникацию между чиновниками и населением и привлечь внимание к своим проблемам.

Следует отметить неспецифичность экономического фактора самого по себе, т. е. экономические проблемы приводят ко многим видам преступной деятельности и социальных напряжений, в том числе и терроризму. Террористическая группа — это определенный «работодатель», возможно, гораздо более привлекательный с точки зрения оплаты, чем легальный работодатель, если таковой вообще есть в данной местности. В ситуации эко-

номической депрессии и безработицы есть два незаконных выхода — или вступить в организованную преступную группу, или стать членом террористической ячейки. Вторую группу провоцирующих терроризм экономических факторов («структура промышленности, современность региональной экономики»), удобнее всего анализировать через региональное распределение. Рассматривая группу регионов Южного Федерального округа (ЮФО) с повышенной террористической активностью, можно увидеть, что в связи с резкой деиндустриализацией Чеченской республики в 1990-е годы и массовым исходом квалифицированной образованной рабочей силы из этого региона (а также из Ингушетии и Дагестана) резко снизился технологический уровень промышленности и, соответственно, уровень образованности населения, что, скорее всего, снизило иммунитет к пропаганде террористов. Экономика этих регионов стала архаичной, ее структура стала неблагоприятной и нетребовательной к уровню образованности, т. е. произошли массовые процессы обратного развития экономики.

Таким образом, современность региональной экономики и промышленности, связанная с образованной и квалифицированной рабочей силой, служит профилактическим заграждением от пропаганды терроризма и других экстремистских и радикальных идей, а архаичность региональной экономики и промышленности провоцирует население к занятию террористической деятельностью.

Наиболее важными демографическими характеристиками, связанными со вступлением в террористическую организацию, являются пол и возраст. Существует связь между этими факторами и людьми, приходящими в террористическую организацию. Большинство — это молодые люди; под молодыми в данном случае следует понимать тинэйджеров и тех, кому от 20 до 30 лет; большинство из них — мужчины.

Порождаемый терроризмом эффект распространяется с помощью механизмов психологического воздействия через СМИ. Главное средство терроризма — воздействие на чувства больших масс людей, устрашение населения, создание страха, утрата людьми таких базовых понятий, как «цель жизни», «смысл жизни», «жизненные ценности».

Образовательные факторы в их негативном варианте — в виде необразованности — очень важны в структуре провоцирующих терроризм причин и условий. Необразованный человек не получает культурно-образовательной прививки от пропаганды терроризма и становится к ней уязвим.

В ситуации получения подростками и молодежью меньшего внимания и худшего воспитания и со стороны родителей, и со стороны государства, происходит их дезориентировка в плане идеологии и духовных ценностей. Эти факторы влияют на уязвимость современной молодежи к пропаганде терроризма.

Терроризм произрастает в питательной маргинализованной экстремистской среде. Такие социальные проблемы, как алкоголизм и наркомания, маргинализируют человека, повышают его агрессивность и часто толкают его в эту криминальную и экстремистскую среду, откуда он может

быть рекрутирован в качестве террориста-исполнителя.

Сепаратистские силы представлены постоянно нарождающимися элитами полиэтнических государств и государственных образований в рамках федераций, ищущих доступ к самостоятельной политической власти и экономическим ресурсам. Активность этим силам придает стремление к материальному обогащению.

Конфессионально-религиозные причины и условия, способствующие вовлечению граждан в террористическую деятельность, являются одними из самых мощных и непосредственно действующих. Существует четкая тенденция усиления именно религиозного, а не национально-сепаратистского типа терроризма, причем число жертв гораздо больше при религиозно мотивированных терактах.

Административно-территориальные и региональные причины и условия, способствующие вовлечению российских граждан в террористическую деятельность, в основном рассматриваются нами как региональный аспект всех других типов нашей классификации. Коррупция, низкий уровень государственного администрирования и слабая обратная связь от населения к местным властям являются общероссийскими проблемами.

Кроме того, существует еще фактор пограничности регионов, связанный с тем, что наиболее проблемные в плане терроризма субъекты ЮФО находятся на южной границе РФ. Слабые госграницы способствуют проникновению в эти регионы агентов международного терроризма (а также смешанного криминально-террористического капитала), развертыванию ими соответствующей агитации и вовлечению российских граждан в террористическую деятельность.

Ключевым вопросом среди психологов, исследующих феномен терроризма, является вопрос о том, что приводит того или иного человека в террористическую организацию; почему некоторые предпочитают оставить карьеру и развитие в обычном обществе ради зачастую опасного для жизни членства в незаконной группировке, призывающей к насилию.

Главная предпосылка заключается в том, что терроризм лучше всего будет понят сквозь призму психологической интерпретации материальных условий и возможностей преодолеть кажущуюся несправедливость, особенно несправедливость в процессах принятия решений.

Исследователи, интересующиеся глубинной мотивацией террористов, указывают на большое значение положительной привлекательности ощущения принадлежности к тайной могущественной организации, способствующее успешному решению задачи самоидентификации при сохранении самого высокого уровня самооценки. При рассмотрении подобных глубинных мотивационных основ вовлечения в террор нередко используется понятие «соблазн». Именно соблазны следует рассматривать как основные источники субъективной привлекательности терроризма. Они могут быть многочисленными и в какой-то степени индивидуализированными, но имеют единую психологическую сущность — когнитивно простое, быстрое и эффективное решение обычно труднорешаемых жизненных задач.

Под ситуативно-критичными причинами и следствиями, способствующими

щими вовлечению российских граждан в террористическую деятельность, нами понимаются такие факторы, которые имеют не фундаментальную, постоянно действующую природу, а временную, связанную с каким-то важным, но преходящим событием в жизни региона или всей России. Одним из ключевых факторов такого рода стали военные действия на юге России. Военные действия, которые масштабно велись в Южном федеральном округе во время контртеррористических операций 90-х и начала 2000-х годов стали важным фактором, который сформировал определенный провоцирующий вовлечение в терроризм социальный фон.

Создание классификации причин и условий, способствующих вовлечению российских граждан в террористическую деятельность, позволит не только лучше понять само это явление, но и выработать систему рекомендаций по оказанию эффективного влияния на эти причины и условия.

Предложения по совершенствованию федерального и регионального законодательства с целью повышения эффективности работы по противодействию терроризму и экстремизму

А. Х. Кажаров

1. Предлагается, прежде всего, создать правовые основы для существования регионального законодательства в сфере противодействия терроризму. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (статья 1. Правовая основа противодействия терроризму) *не предусматривает в числе правовых основ противодействия терроризму региональное законодательство*. В этой связи предлагается внести поправку в статью 1 данного Федерального закона.

2. С учетом практики применения законодательства предлагается дать новое определение понятию «террористический акт».

Согласно действующей редакции Закона «О противодействии терроризму» преступные деяния террористической направленности в обязательном порядке увязываются *с целью* их совершения, а именно «воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях». Подобная норма усложняет процедуру привлечения к ответственности лиц, совершивших террористический акт. К примеру, боевики, напавшие на г. Нальчик в октябре 2005 г. в ходе совершения террористического акта не выдвигали каких либо публичных требований с целью воздействия на принятие каких либо решений органами власти. В этой связи понятию «террористический акт» предлагается дать новое *определение* (см. таблицу 1).

3. Предлагается усовершенствовать порядок организации и проведения массовых мероприятий, направленных на повышение общественной безопасности при их проведении, а также их проведение в период наличия террористических угроз.

Таблица 1:

действующая редакция Закона	предлагаемая редакция
«террористический акт — совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями , а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»	«террористический акт совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, воздействие путем применения насилия на принятие решения органами власти или международными организациями , а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

Опыт и практика применения Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» показывают крайнюю его неэффективность в условиях сложной общественно-политической и оперативной обстановки. Существенным недостатком данного Федерального закона является то, что он не предусматривает гарантий бесперебойного функционирования органов власти и управления, а также механизма недопущения проведения массовых мероприятий в условиях реально существующих террористических угроз. Кабардино-Балкарская Республика на практике сталкивалась с подобной ситуацией.

В целях устранения обозначенных недостатков *предлагается установить, что законом субъекта Российской Федерации определяются места проведения публичных мероприятий, маршруты шествий и демонстраций в разрезе каждого поселения, расположенного в границах субъекта Федерации.* Данное предложение не носит ограничительного либо запретительного характера, а лишь направлено на упорядочение проведения массовых мероприятий путем конкретизации мест и маршрутов проведения публичных мероприятий.

С учетом опыта и практики реализации Федерального закона в Кабардино-Балкарской Республике предлагается законодательно урегулировать механизм недопущения проведения публичных мероприятий в условиях реально существующих террористических угроз. А именно, предлагается законодательно установить, чтобы в условиях террористических угроз на основании решения Региональной антитеррористической комиссии субъекта Российской Федерации высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа го-

сударственной власти субъекта Российской Федерации) имело право вводить ограничения на проведение публичных мероприятий на территории субъекта Российской Федерации, на территориях отдельных районов, поселений, на отдельных участках местности.

Согласно действующей редакции пункта 3 части 2 статьи 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» к местам, где запрещены массовые мероприятия, относятся территории, непосредственно прилегающие к резиденциям Президента Российской Федерации, к зданиям, занимаемым судами, к территориям и зданиям учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. *В целях обеспечения бесперебойного функционирования органов власти и управления предлагается расширить перечень мест, в которых проведение публичных мероприятий запрещается, дополнив перечисленный его перечень зданиями, занимаемыми правоохранительными органами, высшими органами федеральных органов государственной власти и высшими органами государственной власти субъектов Российской Федерации.*

Решение вопроса возможно путем внесения поправок в Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»

4. В целях повышения эффективности профилактики терроризма предлагается усовершенствовать систему выявления признаков экстремизма в действиях граждан, общественных организаций (движений). Практика применения норм действующего законодательства в части привлечения к ответственности за экстремистскую деятельность показывает крайнюю его неэффективность. На практике экстремистские высказывания и призывы обычно не звучат открыто, а используются завуалированные способы призыва, направленные на ту или группу населения в зависимости от национальной либо религиозной принадлежности, той или иной социальной группы и т. д. В этих условиях затруднен процесс доказывания наличия признаков экстремизма в деятельности того или иного лица, организации, а при проведении экспертиз специалисты используют формальные методики, что не всегда эффективно.

В целях устранения указанных недостатков предлагается установить, что решением прокурора может запрашиваться заключение высшего законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации на предмет наличия признаков экстремизма в действиях отдельных граждан, деятельности общественных организаций (движений).

Решение вопроса возможно путем внесения поправок в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»

5. Предлагается ускорить принятие федерального закона «Об участии граждан Российской Федерации в охране общественного порядка».

В законе целесообразно предусмотреть и урегулировать следующие вопросы:

- формы участия граждан Российской Федерации в охране общественного порядка;
- разграничение компетенции органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;
- порядок создания народных дружин, их организационно-правовая форма, наличие удостоверений и внешних атрибутов народных дружинников;
- порядок и формы взаимодействия с правоохранительными органами;
- финансирование и материально-техническое обеспечение народных дружин;
- гарантии правовой и социальной защиты граждан, участвующих в охране общественного порядка, и членов их семей, меры их поощрения.

6. Опыт выработки и реализации национальной политики в республике (это характерно и для других субъектов федерации) выявил некоторые недостатки, которые имеются в Федеральном законе «Об общественных объединениях». Часто возникает ситуация, когда три-четыре гражданина (порой далеко не самых порядочных) по национальному признаку объединяются в общественное объединение, и, не имея на то никаких полномочий, не будучи делегированными наделяют себя мандатом выразителей интересов всего народа, говорят от его имени, начинают будоражить все население. Подобное положение дел в большей степени играет на руку националистам и экстремистам, а не отвечает истинным интересам народов. В связи с этим целесообразно упорядочить процедуру создания общественных объединений по национальному признаку, либо использования названия того или иного народа в наименовании организации.

В этой связи целесообразно внести поправки в Федеральный закон «Об общественных объединениях» в части упорядочения создания общественных организаций по национальному признаку.

Опыт внедрения в Саратовской области долгосрочной областной целевой программы «Профилактика терроризма и экстремизма в Саратовской области на 2008–2010 годы»

Т. В. Корнаухова¹

В соответствии с поручением Национального антитеррористического комитета от 5 июня 2007 года субъектам Российской Федерации было поручено разработать региональные программы профилактики терроризма и экстремизма.

В указанной программе было предложено предусмотреть меры, направленные на поддержку традиционных религиозных конфессий, развитие национальных культур, активизацию информационно-пропагандистской работы через региональные и муниципальные СМИ.

При необходимости предложено сформировать общественные консультативные советы (или комитеты по делам религий) с участием представителей органов исполнительной власти, национальных и религиозных общин, науки и культуры, в функции которых входила бы выработка согласованных предложений, нацеленных на совершенствование региональной политики в области этноконфессиональных отношений.

При разработке проекта Программы управлением регионального мониторинга, прогнозирования и организации противодействия терроризму Правительства области был проведён анализ мероприятий, осуществляемых органами исполнительной власти области по профилактике экстремизма, региональной политики в сфере информационно-пропагандистского противодействия терроризму.

Не был оставлен без внимания и тот факт, что приграничное положение Саратовской области определяет для нас особый статус на центрально-азиатском направлении, принося в жизнь региона значительные перспективы, но и не меньшие проблемы (общая граница Саратовской области с Республикой Казахстан составляет 565 км).

С точки зрения напряженности национальных отношений область се-

¹Заместитель начальника Управления регионального мониторинга, прогнозирования и организации противодействия терроризму Саратовской области.

годня относится к числу благополучных субъектов Российской Федерации. Благодаря конструктивной совместной деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, правоохранительных органов и национальных общественных объединений удается избежать серьезных потрясений и конфликтных ситуаций на этнической основе.

За последнее десятилетие в Саратовской области, как и в России в целом, активизировался рост национального самосознания граждан, что в свою очередь обусловило актуализацию их этнокультурных потребностей по сохранению самобытности, развитию языка, образования, национальной культуры, традиций и обычаев. Наличие мест компактного проживания представителей этнических общностей создает необходимые условия для функционирования устойчивых структур национальных общественных объединений. В последние годы сохраняется тенденция увеличения числа районных отделений национальных общественных объединений области в районах с компактным проживанием различных этнических групп населения. Национальные объединения становятся активными и деятельными субъектами в общественно-политической жизни: все большее внимание они уделяют проводимым на территории области избирательным кампаниям, участвуют в работе различных консультативных органов, созданных при органах власти.

С 2005 года при Губернаторе Саратовской области осуществляет свою деятельность Совет по взаимодействию с религиозными объединениями, который изучает проблемы, связанные с поддержанием межконфессионального диалога, достижением взаимной терпимости и уважения в отношениях между представителями различных вероисповеданий. По результатам анализа существующих в нашем обществе религиозных вопросов Совет представляет Губернатору области аналитические материалы и доклады.

Основной из задач Совета по взаимодействию с национальными объединениями при Губернаторе Саратовской области (организован в 2006 году) является содействие укреплению межнационального согласия, достижению взаимопонимания и взаимного уважения в вопросах межэтнического и межкультурного сотрудничества. Совет также представляет свои аналитические материалы и доклады Губернатору области. В рамках деятельности Совета проходят выездные заседания «круглых столов» в муниципальных районах области с целью профилактики проявлений этноконфессиональной нетерпимости, лидеры национально-культурных объединений области проводят в школах и ВУЗах уроки межнационального мира.

В Саратовской области действует целый ряд областных целевых программ, прямо или косвенно затрагивающих вопросы профилактики терроризма и экстремизма.

Областная целевая программа «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» на 2008–2010 годы разрабатывалась при активном участии национально-культурных объединений и традиционных конфессий региона. Программа, подготовленная на основе анализа состояния межнационального общения в области, отражает современные подходы к данной сфере и предполагает комплексное взаимодействие всех социальных

институтов в решении указанных проблем. Новизной программы является предоставление на конкурсной основе субсидий национально-культурным объединениям для реализации предлагаемых ими проектов, направленных на повышение уровня доверия между народами, развитие межнационального сотрудничества, поддержку образовательных национальных программ. Кроме того, в рамках Программы предусмотрено проведение мероприятий, направленных на поддержку и развитие традиционных духовных ценностей народов России, пропаганду идей толерантности и межнационального согласия, а также создание ресурсного центра национально-культурных объединений.

На территории области реализуется комплексная программа профилактики правонарушений в Саратовской области на 2008–2010 годы, которая содержит раздел «Профилактика правонарушений в сфере экстремизма, подготовки и совершения террористических актов», целью которого является устранение экстремистских проявлений среди населения, активная пропаганда законопослушного образа жизни. Программа предусматривает другие различные мероприятия, которые, по своей сути, направлены также и на профилактику терроризма и экстремизма.

Областная целевая программа «Усиление борьбы с преступностью в Саратовской области на 2008–2010 годы» содержит мероприятия, которые направлены на:

- повышение уровня межведомственного взаимодействия в борьбе с терроризмом и экстремизмом;
- недопущение проявлений экстремизма, в т. ч. в молодёжной среде;
- снижение риска совершения террористических актов на объектах повышенной опасности;
- обеспечение повышения эффективности системы внутреннего контроля банковской системы в области противодействия легализации преступных доходов и финансирования терроризма;
- недопущение совершения диверсионно-террористических акций.

Значительная часть программных мероприятий в сфере антитеррористической деятельности преследует цель повышения уровня материально-технического обеспечения деятельности правоохранительных органов, направленных на борьбу с терроризмом.

Таким образом, большая часть рекомендаций Национального антитеррористического комитета по содержанию проекта программы профилактики терроризма и экстремизма уже фактически осуществляется исполнительными органами власти Саратовской области.

Учитывая тот факт, что террористические акции характеризуются нанесением точечных ударов по самым жизненно важным объектам (в том числе и с моральной точки зрения), Губернатором области было принято

решение обеспечить антитеррористическую защищённость объектов социальной сферы: учебные заведения, больницы, спортивные сооружения, культурно-зрелищные учреждения. Террористические акты на таких объектах вызывают опасные последствия из-за того, что влекут за собой многочисленные жертвы и создают у людей атмосферу страха, паники, неизвестности и неуверенности в своей безопасности и безопасности своих близких.

Материально-техническое оснащение учреждений образования, культуры и здравоохранения характеризуется достаточно высокой степенью изношенности основных фондов (зданий, сооружений, оборудования и инженерных коммуникаций). Наиболее проблемными являются вопросы, связанные с выполнением мероприятий, направленных на обеспечение безопасности, требующих вложения значительных финансовых средств.

Характерными недостатками по обеспечению безопасности на ряде объектов социальной сферы, образования, здравоохранения, культуры являются: отсутствие тревожной кнопки, систем оповещения, видеонаблюдения и экстренного вызова, металлических дверей и надежного ограждения. Ряд музеев, библиотек, спортивных сооружений, большое количество учреждений здравоохранения, социальной поддержки населения не имеют турникетов, металлодетекторов, автоматических шлагбаумов, наличие которых требуется для укрепления входа и въезда на территории указанных объектов. Имеют место недостаточные знания и отсутствие навыков обучающихся, посетителей и работников правилам поведения в чрезвычайных ситуациях, вызванных проявлениями терроризма и экстремизма. Всё это может привести к снижению уровня антитеррористической защиты населения Саратовской области.

Межнациональные и межконфессиональные отношения — это та сфера общественных отношений, которая в настоящее время очень часто находится в поле зрения сил, которых не устраивает начавшийся устойчивый процесс укрепления и усиления влияния России в мировом сообществе и именно в этой, наиболее политически подвижной сфере, и отмечаются попытки по созданию раскола в обществе.

Результатом выполнения работы по реализации на территории области государственной политики в сфере противодействия терроризму явилось принятие 27 февраля 2008 года Закона Саратовской области № 37-ЗСО «О долгосрочной областной целевой программе «Профилактика терроризма и экстремизма в Саратовской области» на 2008–2010 годы».

Программа включает мероприятия по приоритетным направлениям в сфере профилактики терроризма и экстремизма:

1. *Информационно-пропагандистское противодействие терроризму и экстремизму:*

- циклы «круглых столов» на различные тематики, лекции, семинары, научно-практические конференции, общественные слушания и прочие общественные мероприятия по вопросам профилактики проявлений терроризма и экстремизма, укрепления

нравственного здоровья в обществе, межнациональных отношений;

- организация цикла тематических материалов на телевидении по информированию населения о безопасном поведении в экстремальных ситуациях, выпуск телепроектов, нацеленных на развитие межнациональных отношений, активное участие населения в противодействии терроризму и экстремизму;
- реализация молодежных программ, направленных на профилактику насильственного поведения молодежи, встречи с молодежью с участием представителей религиозных конфессий и общественных национальных объединений;
- ассамблея молодежных и детских общественных организаций и объединений по развитию толерантности среди молодежи.

Хотя программа «Профилактика терроризма и экстремизма в Саратовской области» на 2008–2010 годы» и была разработана и принята до утверждения Президентом Российской Федерации «Комплексного плана информационного противодействия терроризму в Российской Федерации на 2008–2012 годы» целый ряд мероприятий Комплексного плана уже нашёл отражение в областной Программе.

2. Организационно-технические мероприятия:

- разработка планов мероприятий по предотвращению террористических актов в учреждениях социальной поддержки; проведение учебных тренировок с персоналом учреждений здравоохранения и стационарных учреждений социальной защиты населения по вопросам террористических актов и правилам поведения при их возникновении; проведение антитеррористических учений, проверок состояния антитеррористической защищенности особо важных и стратегических объектов, предприятий критической инфраструктуры, мест массового пребывания граждан;
- проведение комплексных обследований объектов жизнеобеспечения, потенциально опасных объектов на предмет проверки режимно-охранных мер, режима хранения взрывчатых, радиоактивных, отравляющих и других веществ повышенной опасности, оценки состояния и степени оснащенности средствами, определения потребностей в создании и замене запасов средств индивидуальной и коллективной защиты населения от воздействия последствий аварий техногенного, природного характера и террористических актов в случае применения преступниками химически-, биологически- и радиационно-опасных веществ;

- приобретение автотранспорта для подразделений по делам несовершеннолетних управлений (отделов) внутренних дел области.

3. *Усиление антитеррористической защищенности объектов социальной сферы:*

- приобретение и установка системы контроля и управления доступом с металлодетекторами, установка рамочных детекторов металла для ряда музеев; установка турникетов, камер видеонаблюдения, стационарных рамочных детекторов металла для ряда областных центров, библиотек;
- установка ограждений территорий образовательных учреждений, учреждений социальной помощи семье и детям;
- оснащение спортивных сооружений, предназначенных для проведения массовых спортивно-зрелищных мероприятий международного и всероссийского уровня, средствами технической защиты от террористических и экстремистских проявлений;
- установка автоматических шлагбаумов при въезде на территорию лечебно-профилактических учреждений области, укрепление защитными устройствами входов на чердаки и в подвалы лечебно-профилактических учреждений области;
- установка металлических дверей на входе в помещения учреждений здравоохранения, социальной поддержки населения, установка кнопок тревожной сигнализации, установка распашных металлических решеток на окнах;
- установка систем наружного видеонаблюдения на территориях стационарных учреждений социального обслуживания пожилых граждан и инвалидов, реабилитационных учреждений области и детских домов-интернатов для умственно отсталых детей; установка звуковой сигнализации на отдельно стоящих объектах (стационарных учреждениях социального обслуживания пожилых граждан и инвалидов, реабилитационных учреждениях области, социально-реабилитационных отделениях центров социального обслуживания области).

Для реализации мероприятий Программы предусмотрено в течение 2008–2010 годов использование финансовых затрат в объеме 55 млн. 940 тыс. рублей.

В рамках осуществления органами местного самоуправления функций по профилактике терроризма и экстремизма, а также минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма (предусмотренных Федеральным законом № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»), антитеррористическими комиссиями муниципальных образований Саратовской области раз-

работаны и приняты муниципальные программы профилактики терроризма и экстремизма.

За основу муниципальными АТК была взята областная программа и по состоянию на 1 ноября 2008 года муниципальные программы профилактики терроризма и экстремизма приняты и реализуются в 20 муниципальных районах области. В оставшихся 22 районах данная программа находится либо в стадии разработки и согласования, либо антитеррористические мероприятия проводятся в процессе реализации муниципальных программ «Профилактика правонарушений».

За 9 месяцев т. г. в рамках реализации областной программы «Профилактика терроризма и экстремизма в Саратовской области» на 2008–2010 годы» были осуществлены многие мероприятия. К наиболее интересным проектам можно отнести проведение обучающего семинара для муниципальных служащих органов местного самоуправления на тему: «Профилактика терроризма и экстремизма», «Религиозная ситуация в Саратовской области и тенденции ее развития», который проходил в рамках Конгресса Ассамблеи народов Саратовской области. Министерством по развитию спорта, физической культуры и туризма области разработан и утверждён перечень спортивных сооружений области с разбивкой по категориям в зависимости от уровня проводимых спортивно-массовых мероприятий с целью усиления их антитеррористической и антиэкстремистской защищённости.

Безусловно, говорить сегодня о каких-либо положительных результатах реализации Программы на территории Саратовской области рано, но прогнозируется, что к 2011 году количество объектов социальной сферы, требующих принятия дополнительных материально-технических мер по повышению уровня антитеррористической защищённости снизится до 42,7 процента.

Управление регионального мониторинга, прогнозирования и организации противодействия терроризму Правительства Саратовской области.

Сотрудничество правоохранительных органов с институтами гражданского общества в сфере противодействия радикализации населения, формирования молодежных группировок экстремистской направленности

В. Б. Коробов¹

Развитие конструктивного сотрудничества правоохранительных органов с общественными формированиями в сфере обеспечения правопорядка и общественной безопасности рассматривается сегодня в качестве стратегической задачи в укреплении российской государственности, от решения которой во многом зависит и ускорение процесса формирования самих гражданско-правовых институтов.²

Общественность является важнейшим ресурсом, позволяющим обеспечить последовательное и заинтересованное противодействие организованной преступности и коррупции. С активизацией деятельности общественных объединений в сфере правопорядка связывается решение задач по укреплению духовно-нравственных ценностей и правовой культуры, созданию атмосферы непримиримости граждан к преступности, предупреждению распространения преступной идеологии среди граждан.³

¹ Начальник кафедры Академии управления МВД России.

² См.: *Нургалиев Р.Г.* Развитие сотрудничества МВД России с общественными формированиями в сфере обеспечения правопорядка и общественной безопасности — стратегическая задача в укреплении российской государственности // Проблемы взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями по охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности. — М.: Академия управления МВД России, 2006, с. 5.

³ В Академии управления МВД России по результатам исследований проблемы взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями в сфере укрепления правопорядка и борьбы с преступностью в последние годы изданы следующие работы: *Гражданский контроль за органами внутренних дел: проблемы теории, методологии, практики. Сборник статей.* — М.: Академия управления МВД России, 2004; *Молодежная политика и правоохранительные органы. Сборник статей.* — М.: Академия управления МВД России, 2005; *Гражданское общество и органы внутренних дел: проблемы, противоречия, формы взаимодействия.* — М.: Академия управления МВД России, 2007.

Одной из важных сфер сотрудничества правоохранительных органов с общественными объединениями, безусловно, является противодействие распространению в стране экстремизма.

Экстремизм, как известно, означает приверженность крайним взглядам и мерам, склонность к решению возникших проблем социального, политического, правового, экономического, экологического, национального характера не принятыми в обществе способами, средствами и методами.⁴ Объектом агрессивных нападок экстремистов становятся практически все современные социально-политические, экономические институты, властные структуры, представляющиеся несовершенными, так как именно они, по мнению идеологов экстремизма, являются главным препятствием на пути установления основ нового порядка. Экстремизм представляет реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации, посягает на национальные интересы России, угрожает самим основам российского федерализма.

В тоже время следует понимать сложность самого феномена экстремизма. Так, например, движущие силы современного экстремизма представлены различными социальными группами и слоями — студенты, рабочие, мелкие торговцы, инженеры, врачи, военные и т. д. В этом смысле недопустимо упрощение социального состава экстремистских движений.

В частности, специальный анализ проблемы показывает, что экстремизм в России «молодеет». Именно молодежь чаще совершает преступления агрессивного характера. Молодежи свойственна психология максимализма и подражания, что в условиях острого социального кризиса является почвой для агрессивности. Развитие молодежного экстремизма представляет особую опасность, потому что это связано с недостаточной социальной адаптацией и развитием асоциальных установок в групповом сознании молодого поколения, что влияет на ценности, предпочтительные образцы поведения, оценки социального взаимодействия.

Кроме того, современный экстремизм разнообразен и по своим видам — политический экстремизм, криминальный политический экстремизм, национальный экстремизм, религиозный экстремизм.

В развитии современного экстремизма в Российской Федерации отечественные ученые выделяют ряд тенденций, к которым можно отнести:

- формирование устойчивых социальных групп, поддерживающих идеологию экстремизма;
- формирование в обществе убеждения о допустимости использования насилия для разрешения любых конфликтов;
- рост числа «национальных» религиозных групп, деятельность которых сопряжена с посягательствами на личность и права человека и гражданина;

⁴См.: Залужный А.Г. Правовые проблемы государственно-конфессиональных отношений в современной России. — М., 2004, с. 197.

- повышение уровня организованности экстремистских групп; создание своеобразной системы преемственности и «подготовки» кадров;
- слияние экстремистских объединений с транснациональной, общеуголовной и экономической организованной преступностью;
- институционализация, легализация экстремистских организаций, их лидеров, проникновение таких организаций и их лидеров в политическую элиту;
- глобализация экстремизма;
- использование конституционных прав и свобод, в частности, права на свободу слова, для пропаганды идей экстремизма;
- использование традиционных религиозных институтов для распространения радикальных идей.⁵

Экстремизм порождается самыми разными факторами: социально-экономическими причинами, деформацией политических институтов, стремлением социальных или политических групп ускорить и силовыми методами осуществить выдвигаемые задачи и т. д. Его причины лежат в социальной дезориентации части граждан, их недостаточном образовании, кризисном состоянии общества, слабых институтах общественного контроля и неэффективной правовой системе. Некоторые формы экстремизма имеют исторические корни.⁶ То есть, экстремизм не детерминирован какой-либо единичной причиной. Напротив, он представляет собой результат системной комбинации различных факторов — исторических, политических, социально-культурных, идеологических, религиозных, экономических и психологических.

Учитывая масштаб угроз, связанных с распространением экстремизма, государством осуществляются меры как законодательного, так и правоприменительного характера. Разработка и принятие Государственной Думой Российской Федерации 27 июня 2002 г. Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» стала первым нормативно-правовым действием, позволившим вычлнить и классифицировать правонарушения, совершаемые на почве экстремизма.

В целях защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности Российской Федерации, данным законом определены правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности. Принятие закона повлекло за собой внесение соответствующих изменений и дополнений в отраслевые

⁵См.: Бурковская В.А. Состояние и тенденции развития криминального экстремизма в России // Современный экстремизм в Российской Федерации: особенности проявления и средства противодействия. — М.: Академия управления МВД России, 2006, с. 54.

⁶См.: Сюкияйнен Л.Р. Правовые, идейные и политические аспекты противодействия исламскому экстремизму. — М.: Академия управления МВД России, 2006, с. 44.

законодательные акты. В частности, Уголовный кодекс Российской Федерации, наряду с изменениями, внесенными в ст. 280 (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), был дополнен новыми нормами — ст. 282¹ (Организация экстремистского сообщества) и ст. 282² (Организация деятельности экстремистской организации). В соответствии с диспозицией ст. 282¹ УК РФ в структуре преступности появились преступления новой группы, официально именуемые преступлениями экстремистской направленности.

Многие ученые, специалисты-практики правоохранительных органов считают нормативно-правовую базу противодействия экстремизму в Российской Федерации достаточной для осуществления соответствующей правоприменительной деятельности. Однако это не совсем так. Так, публикации российских СМИ, данные социологических исследований, материалы судебно-следственной практики являются серьезным основанием для утверждения о том, что соответствующие нормы УК, призванные наказывать виновных в экстремизме, работают неважно. И дело не только в отсутствии на то желания правоприменителя, но и в том, что сами эти нормы, включая их санкции, нуждаются в существенной корректировке.

Кроме того, опасения вызывают подчас не только действия, но и бездействие правоохранительных и судебных органов в отношении экстремистов. Еще более опасно то, что значительная часть населения заражена вирусом ксенофобии. Например, в российских образовательных учреждениях до сих пор отсутствует какая-либо серьезная работа по воспитанию толерантности.

То есть, противодействие экстремизму требует сегодня от органов государственной власти всех уровней принятия решительных, эффективных мер и согласованных действий, направленных на профилактику, предупреждение и пресечение его проявлений в любых формах. Однако сама эта работа может претендовать на успех лишь в том случае, если будет опираться на общественные инициативы. Это, в свою очередь, требует выведения взаимодействия органов государственной власти с общественными объединениями в сфере профилактики экстремизма на принципиально новый системный уровень организации. Данная установка предполагает в частности, что само взаимодействие должно быть переведено из области простого диалога в область выработки, принятия и реализации конкретных управленческих решений по противодействию экстремизму на федеральном и региональном уровнях организации государственной власти, а также на уровне местного самоуправления.

Основными формами взаимодействия в рассматриваемой сфере могут считаться:

- оперативный обмен положительным опытом в сфере противодействия экстремизму;
- привлечение общественности к подготовке аналитических обзоров, информационных писем, приказов, указаний, инструкций и распоряжений руководителей правоохранительных органов;

- совместное обобщение практики по отдельным направлениям правоохранительной деятельности в сфере противодействия экстремизму;
- совместная разработка и выполнение комплексных федеральных и региональных программ противодействия экстремизму;
- совместное участие в совершенствовании государственной антиэкстремистской политики;
- сотрудничество при проведении мероприятий федерального, регионального и местного значения, ориентированных на поддержку правоохранительных инициатив;
- координация усилий при выполнении программ по защите прав и свобод различных категорий граждан;
- сбор информации о фактах нарушения прав и свобод, различных форм дискриминации и насилия в отношении граждан;
- содействие правоохранительным органам в сборе статистических данных, проведении исследований по проблемам соблюдения прав человека; содействие повышению юридической грамотности населения;
- создание специализированных социальных служб (кризисные центры, многопрофильные центры, телефоны доверия);
- организация научных исследований, мониторинга проблем экстремизма;
- совместная подготовка и внесение в установленном порядке предложений по совершенствованию федерального законодательства в сфере правопорядка и обеспечения социально-правовой защиты граждан;
- участие общественности в разработке и экспертизе проектов законодательных и других актов с точки зрения обеспечения интересов и охраны прав граждан, а также их соответствия международным правовым актам, ратифицированным Российской Федерацией.

Кроме того, представляется целесообразным внести и ряд предложений по совершенствованию *организационных основ* противодействия экстремизму.

1. Учитывая то, что вопросы противодействия экстремизму и терроризму находятся в ведении различных правоохранительных органов, а также специально сформированных структур, среди которых — Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию политическому экстремизму, Национальный антитеррористический комитет, Межведомственный оперативный штаб, видимо целесообразно создать единый координирующий орган по вопросам противодействия политическому и религиозному экстремизму и терроризму при Президенте Российской Федерации,

либо в структуре Совета Безопасности России. На данную структуру в свою очередь следует возложить функции по определению основных направлений сотрудничества между названными и другими органами, включая общественные объединения, в вопросах координации их деятельности по противодействию политическому, национальному и религиозному экстремизму и его террористическим проявлениям.

2. Также необходимо разработать долговременную научно обоснованную комплексную целевую программу федерального значения, направленную на профилактику экстремизма в Российской Федерации. Такая программа должна основываться на объемном всестороннем видении существа указанной проблемы, представлять собой комплекс идей, взглядов и положений об основных принципах, целях и задачах системы профилактики, а также содержании, направлениях и формах такой деятельности. Программа должна включать политический, социальный, экономический, правовой, идеологический, специальный и другие аспекты, ориентироваться на интеграцию, взаимодействие и координацию всех здоровых сил общества, заинтересованных в решении проблемы. Кроме того, программа должна включать в себя четыре основных уровня: докриминальный, предкриминальный, криминальный, посткриминальный.

3. Важной мерой является и создание системы мониторинга экстремистских проявлений в российском обществе, ориентированной на раннее выявление организационно-политических противоречий между органами власти и управления (в центре и на местах) и другими социальными институтами.

4. В комплексе предлагаемых мер важным представляется создание Всероссийской комиссии по нравственной и правовой оценке зарубежной кино- и видеопродукции, печатных изданий, а также подготовка предложений о законодательной регламентации деятельности этой комиссии.

5. В качестве эффективной стратегии противодействия экстремизму следует признать просвещение граждан по части культурного и конфессионального многообразия и единства жителей страны, истории религиозной нетерпимости, геноцида и других преступлений, порожденных экстремизмом. При этом следует обращать внимание на то, что поиск культурной уникальности, конфессиональной исключительности, «исторических несправедливостей», как правило, приводит к ужесточению разделительных линий между гражданами одного государства. Так, по мнению Л.Р. Сюкияйнена, народы России имеют гораздо больше общих культурных и исторических ценностей и социальных норм, чем различий, обусловленных этнической принадлежностью.⁷ Образование не только молодежи, но и взрослых, должно включать точную информацию об истории геноцидов

⁷См.: Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право и борьба с терроризмом // Борьба с терроризмом. — М., 2004, с. 81.

и репрессий в мировой истории, но при этом оно не должно позволять превращать прошлую коллективную травму в предмет сакрального значения и питать идеи реванша и «исправления прошлого» за счет новых несправедливостей.⁸

6. Важное направление борьбы может быть представлено общественным мониторингом экстремизма, его профилактикой и нейтрализацией на массовом, низовом уровне. Общество само должно мобилизовать свои ресурсы на противодействие экстремизму, понимая, что его жертвами будут не отдельные группы, а все граждане. Профилактика и нейтрализация экстремизма нуждаются в повышении моральной планки относительно того, что допустимо в обществе и что нет, когда речь заходит об этнической или религиозной принадлежности граждан и отправлении ими обрядов. При этом следует учесть, что любые попытки просто «загнать экстремистов в подполье» малопродуктивны. Экстремистами не рождаются, ими становятся. Поэтому нельзя исключать необходимость конструктивного и аргументированного диалога с ними.

7. В интересах скорейшей реализации потенциальных возможностей, заложенных в Федеральных законах «О противодействии экстремистской деятельности» и «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», необходимо предпринять необходимые усилия к скорейшей активизации функционирования в системе государственных экспертных учреждений института судебной экспертизы по вопросам, связанным с экстремистскими проявлениями.

8. В интересах профилактики молодежного экстремизма представляется необходимым:

- разработать проект нормативного акта, запрещающего передачу в аренду коммерческим структурам помещений, предназначенных для использования или используемых в работе с детьми и подростками;
- создать во всех регионах России специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной профилактике и реабилитации: реабилитационные центры для несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей;
- разработать предложения о мерах обеспечения несовершеннолетних рабочими местами путем установления и контроля квот для несовершеннолетних в государственных, коммерческих предприятиях и учреждениях;

⁸См. там же, с. 89.

- ввести в практику организацию и проведение в молодежной среде проектов культурного обмена, когда у групп молодых людей возникает возможность не просто абстрактно говорить и дискутировать о национальных меньшинствах, но и пообщаться в межнациональной среде, включиться в нее, обменяться культурными идеями, что способствует снижению страхов, фобий, информационного дефицита в молодежной среде.

9. Противодействие экстремизму, безусловно, подразумевает и совершенствование деятельности самих правоохранительных органов по выявлению, предупреждению и пресечению его криминальных проявлений. Особое внимание следует обратить на реализацию комплекса мер, предусматривающих проведение мероприятий по выявлению и нейтрализации общественных объединений и структур, религиозных центров, отдельных лиц, декларирующих идеи экстремизма, религиозного фанатизма, ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости. Также необходимо разработать и внедрить методы и организационные механизмы мониторинга и прогнозирования экстремистских настроений среди населения, оценки рисков и последствий деструктивных процессов. В этих процессах поддержка легальной общественности также безусловно необходима.

Представляется возможным внести и ряд предложений по совершенствованию *правовых основ* противодействия экстремизму.

1. Учитывая то, что в законодательстве Российской Федерации не закреплены такие понятия, как «экстремист», «экстремистская акция», «международный экстремизм», отсутствуют нормы, препятствующие созданию под другим наименованием партий и объединений, деятельность которых была запрещена в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности, нет запрета на проведение публичных мероприятий, финансируемых организациями экстремистской направленности, необходимо внести соответствующие изменения в ряд базовых законов, в том числе в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» и в Федеральный закон «О собраниях, митингах, шествиях и пикетированиях».

2. Принимая во внимание то, что, несмотря на высокую общественную опасность экстремистских проявлений, в Уголовном кодексе эти преступления отнесены к категории средней тяжести,⁹ а также в целях усиления профилактической функции законодательства, необходимо рассмотреть вопрос о повышении верхнего предела уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»,

⁹ Данное обстоятельство в значительной мере ограничивает возможность проведения полного комплекса оперативно-розыскных мероприятий, необходимого для получения доказательств о причастности отдельных граждан к экстремистской деятельности.

282¹ «Организация экстремистского сообщества», 282² «Организация деятельности экстремистской организации» Уголовного кодекса Российской Федерации. Необходимо снизить и возраст уголовной ответственности за участие (членство) в экстремистском сообществе (в деятельности экстремистской организации) с 16 до 14 лет.

3. Желателен в создавшейся ситуации перенос преступлений, предусмотренных ст. 282, 282¹ и 282² УК РФ, в главу 34 «Преступления против мира и безопасности человечества».

4. Необходимо принять закон о дополнении в соответствии с положениями Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в редакции закона от 27 июля этого года статей 212 «Массовые беспорядки» и 243 «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры» Уголовного кодекса Российской Федерации нормами об ответственности за совершение данных преступлений по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Следует также ввести уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за вовлечение в экстремистские организации и сообщества.

5. В целях усиления профилактики экстремизма нести в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» норму об обязательном опубликовании в официальных периодических изданиях списка организаций, в отношении которых судом принято решение о ликвидации или запрете их деятельности.

6. Следует ужесточить штрафные санкции административного законодательства за участие в проведении несанкционированных митингов.¹⁰

7. Необходимо дополнить п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», включив в понятие экстремистской деятельности (экстремизма) в качестве одной из ее составляющих распространение заведомо ложной информации, осуществление различными организациями, юридическими и физическими лицами мероприятий по дезинформации о деятельности государственных органов, должностных лиц по обеспечению безопасности личности, общества, государства, защите основ конституционного строя Российской Федерации.

8. В зависимости от целей деятельности, а также исходя из степени опасности для существования конституционного строя Российской Федерации, различные организации (группировки) экстремистского толка следует подразделить их на два основных вида: неподрывные и подрывные.

¹⁰Малозначительность административного наказания приводит сегодня только к росту агрессии со стороны представителей экстремистских организаций.

Характерной особенностью последних, представляющих значительно большую общественную опасность, является то, что для них насилие — не самоцель, а лишь средство захвата государственной власти. Такая классификация позволит четче определить способы борьбы с экстремистскими организациями различных видов.

9. Необходимо усовершенствовать нормативно-правовую базу противодействия политическому и религиозному экстремизму. Особенно важным в этой связи представляется скорректировать отдельные положения Федеральных законов «О противодействии экстремистской деятельности» и «О противодействии терроризму» в целях формирования реального механизма противодействия экстремизму и терроризму как его крайнего проявления.

10. Необходимо дополнить пакет законов, направленных на противодействие политическому, национальному и религиозному экстремизму, Федеральным законом «Об ответственности за геноцид», поскольку такой законодательный акт позволил бы дать правовую оценку указанному общественно-опасному явлению и определить правовые основы борьбы с ним.

Трансформация идеологии терроризма

О. В. Кудрявцев

В настоящее время уже не вызывает сомнения тезис, что одними силовыми методами победить терроризм невозможно. Сложившаяся в настоящее время в Российской Федерации общегосударственная система противодействия терроризму ориентирована, в первую очередь, на приоритет мер предупреждения террористических проявлений, что нашло отражение в Федеральном законе Российской Федерации «О противодействии терроризму» и в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации¹. На взгляд автора, проблема противодействия идеологии терроризма² в последнее десятилетие приобретает первостепенное значение.

Несомненно, что для успешного решения этой задачи необходимо ответить на два вопроса: «Почему идеология терроризма находит благодатную почву?» и «Что можно ей противопоставить?».

Понимая, что ни одна страна мира не способна защитить себя исключительно военными средствами, лидеры международного терроризма все большее значение придают идеологической подоплеке своих действий, выражающейся, прежде всего, в религиозной риторике. Фактически они пытаются скрыть под красивой оберткой неприглядную сущность терроризма. Кроме романтизации образа террориста, конечно, преследуются и вполне практические цели: пополнение своих рядов за счет рекрутинга новых членов, привлечение на свою сторону колеблющихся и сочувствующих, увеличение объемов финансирования террористической деятельности.

Успехи стран антитеррористической коалиции в последнее время нанесли ощутимый урон международному терроризму. Восполняя кадровые и финансовые потери, международные террористические организации стараются привлечь новых сторонников. Их лидеры понимают, что сделать это можно только при наличии действенной идеологии, учитывающей особен-

¹ФЗ от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (собрание законодательства РФ, 13.03.2006, № 11, ст. 1146).

²Под идеологией терроризма понимается система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых утверждается необходимость проведения терроризма. Идеология терроризма выражает интересы и формулирует основные цели террористов. Разрабатывается теоретиками и идеологами терроризма на основе накопленного опыта, материала и исходя из сложившейся ситуации. В Федеральном законе РФ «О противодействии терроризму» терроризм, в первую очередь, определяется как «идеология насилия». См. *Журавель В.П., Шевченко В.Г.* О терроризме, террологии и антитеррористической деятельности (Энциклопедический словарь) М.: Издательство «Том», 2007. С. 144.

ности потенциальной аудитории, постоянно адаптируемой к требованиям современности, т. е. работающей в условиях активного противодействия специальных служб и правоохранительных органов государств антитеррористической коалиции.

Меняющийся мир обуславливает трансформацию террористической идеологии, которая прошла длинный эволюционный путь:

- малый джихад, заключающийся в оборонительной борьбе с захватчиками («неверными»);
- идеология Салафи — создание исламского государства согласно предписаниям спутников пророка;
- Дава (призыв в ислам): мирный прозелитизм в 1920-е годы;
- салафийский джихад, т. е. насильственное свержение вероотступнического «мусульманского» правителя («ближнего врага») в 1960-е–1970-е годы;
- мировой салафийский джихад, преследующий цель нанесения удара по Западу («дальному врагу»), поддерживающему «ближнего врага» в середине 1990-х годов³.

Сегодня, стремясь расширить свою «аудиторию», охватить как можно большее число потенциальных сторонников, террористами используется идеология «глобального джихада». Она объясняет ход мировых событий якобы существованием заговора против исламской цивилизации и преподносит терроризм как средство защиты мусульманских ценностей. К пропаганде этих идей привлекаются различные неправительственные организации и благотворительные фонды, авторитетные теологические центры, локальные религиозные кружки.

В последнее десятилетие претерпели значительные изменения тактика террористов и методы ведения пропагандистской работы. В эпоху информационной глобализации все больше внимания уделяется использованию сети Интернет для популяризации террористической идеологии. Сейчас террористы проводят громкие акции не только для того, чтобы достичь максимального количества жертв, а скорее — для демонстрации неэффективности контртеррористической деятельности мирового сообщества.

Лидеры «Аль-Каиды» регулярно выступают с аудио и видеообращениями, используя для этого средства массовой информации, в первую очередь, Интернет. Анализ аудиообращений У. Бен-Ладена от 19 и 20 марта и А. Аль-Завахири от 24 марта 2008 года показывает, что они пытались извлечь выгоду из эскалации напряженности в Ираке, израильско-палестинского конфликта, а также из противоречий вокруг публикаций в Дании карикатур на пророка Мухаммеда и планов показа в Нидерландах антиисламского фильма голландского политика Г. Вильдерса.

³См. Эволюция идеологии терроризма. <http://www.inop.ru/files/Sageman%20PPP%20rus.ppt#291,2>.

Например, публикация в феврале 2006 года в небольшой датской газете «Jyllands-Posten» (Юландс Постен), тираж которой всего 150 тыс. экземпляров, карикатур на пророка Мухаммеда спровоцировала глобальные экстремистские последствия во всем мире: массовые выступления в десятках государств, погромы дипломатических миссий ряда европейских стран и США, бойкот западных товаров, напряжение в международных отношениях.

В феврале 2008 года датская полиция арестовала двух тунисцев и одного гражданина Дании, выходца из Марокко, по подозрению в заговоре в целях убийства одного из авторов карикатур. 17 датских газет в знак солидарности с художником вновь поместили эти карикатуры на своих страницах, что вызвало очередную волну протестов со стороны мусульманских общин в различных странах мира.

20 марта 2008 года У. Бен Ладен в своем радиообращении к правительствам западных государств заявил, что, «если у вас нет ограничений на свободу слова, то вы должны быть готовы к свободе наших действий». Кроме того, он подчеркнул, что, если власти Дании не извинятся за «оскорбление пророка», они должны быть готовы к «возмездию».

Позже на нескольких исламских web-сайтах появилось высказывание, приписываемое М. Абу аль-Язиду, одному из руководителей организации «Аль-Каиды» в Афганистане, в котором он объявил о своей ответственности за организацию теракта у посольства Дании в Исламабаде 2 июня 2008 года, когда в результате взрыва погибли 6 человек⁴. По его словам, данное террористическое нападение является ответом на публикацию датскими газетами карикатур на пророка Мухаммеда и предупреждением другим странам.

Усиливается тенденция использования террористами средств массовой информации в информационно-пропагандистской работе. Так, в последнее время экспертами отмечается некоторое «соперничество» между афганскими и иракскими экстремистами. Если в прошлом лидеры талибов отличались неприязнью к СМИ, то сегодня они стремятся максимально «осветить» в них действия подконтрольных им отрядов, конкурируя в этой сфере с иракскими боевиками. Используя события типа «случаи истязания заключенных в Ираке» террористические организации спекулируют на религиозных чувствах мусульман, настраивая их против Запада и получая поддержку среди местного населения.

С конца 2006 года представители международного терроризма активизировали использование электронных средств массовой информации, в особенности Интернет-сайтов, ориентированных на аудиторию стран мусульманского мира, США и Западной Европы. В сети Интернет, не затрачивая больших финансовых средств, террористические группировки имеют возможность не только для обмена оперативной информацией, теоретической подготовки своих сторонников, рекрутинга новых членов, но и для пропаганды своих идей.

⁴http://www.news.bbc.co.uk/1/russian/international/newsid_7430000/7430742.stm.

Таким образом, используя электронные средства массовой информации лидеры международного терроризма, по сути, развязали информационную войну, навязывая свои идеи и оценки ситуации, активно втягивая в террористическую деятельность молодежь, увеличивая количество своих сторонников.

Отмечается значительное усиление экстремистской пропаганды среди заключенных, а также в среде эмигрантов из мусульманских стран. Это объясняется тем, что лица с криминальным прошлым, с одной стороны, чувствуют себя «обиженными» на государство, а с другой — сравнительно легко готовы пойти на нарушение закона. Социальное и правовое неравенство и худшее материальное положение мусульманских иммигрантов, по сравнению с коренными гражданами европейских стран является благодатной почвой для экстремистских идей.

Другим направлением деятельности по распространению идей исламского фундаментализма и «глобального джихада» является организация сети нелегальных медресе, лицеев-интернатов по типу религиозных сект, которые используются для распространения исламизма в мире посредством системы образования. К финансированию сети нередко привлекаются зарубежные источники, преподавание ведется с привлечением международных специалистов, учащиеся подвергаются психологической обработке. В результате обучение и подготовка молодежи формирует ресурсную базу организаций экстремистской и террористической направленности, а в конечном счете направлена на изменение светского государственного строя.

Известный идеолог всемирного радикального ислама Абу Мусаб ас-Сури в январе 2005 года опубликовал трактат под названием «Призыв к всемирному исламскому сопротивлению», в котором приводит собственное стратегическое видение вселенской борьбы⁵. В трактате ас-Сури призывает к дальнейшей децентрализации движения джихада и настаивает на упразднении организационного аспекта, провозглашая принцип «система, но не организация» (Низам! Ля танзим!). Он вводит метод «индивидуализации джихада», который обеспечит гибкость при проведении террористических акций. Ас-Сури также говорит, что применение ядерного, химического или биологического оружия остается сложной, но выполнимой задачей. По его мнению, «муджахеды должны получить это оружие любым путем, сотрудничая с кем угодно, у кого оно уже есть».

Усилия идеологов международного терроризма не остаются напрасными, напротив, они находят живой отклик среди определенной части мусульман. По мнению исследователей и политиков причин этому много — от всеобщей глобализации в мире до социального и правового неравенства мусульманских иммигрантов в Европе. Озлобление и протест мусульманского населения усиливается из-за участия ряда европейских государств в совместных с США военных операциях в Ираке, Афганистане и отдельных странах Африки. Так, лидер иракской группировки, тесно связанной

⁵См. Д.А. Нечитайло. Террористы-одиночки или эволюция вселенской борьбы. <http://mnenia.zahav.ru/ArticlePage.aspx?articleID=1686>.

с «Аль-Каидой», Абу Омар аль-Багдади в апреле 2007 года заявил, что если Афганистан был «школой террора», то Ирак стал «университетом, где проходит обучение наибольшее число воинов джихада за всю историю»⁶.

По мнению автора, для эффективного противодействия идеологии международных террористических организаций следует усилить контрпропагандистскую работу, вплоть до организации информационной войны с террористами и создания специализированных подразделений в антитеррористических структурах государств. Необходимо активизировать международное антитеррористическое сотрудничество, направленное на введение законодательных запретов на распространение информации экстремистского и террористического характера.

В ходе информационной войны следует использовать термин «терроризм» без привязки к религиозным, национальным либо культурным аспектам. Нельзя давать экстремистам возможность использовать религиозные идеи для оправдания своих насильственных действий. Следует шире привлекать к проводимым мероприятиям специалистов, хорошо разбирающихся в идеологии религиозного экстремизма, авторитетных представителей умеренного ислама с целью нейтрализации аргументов апологетов радикальной идеологии.

Необходимо уделять больше внимания противодействию идеологии терроризма, привлекая для этого потенциал творческих и научных кругов, национальных диаспор, официально действующих религиозных объединений всех конфессий, в полной мере использовать ресурс средств массовой информации в антитеррористической пропаганде. В то же время, нужно выработать четкие правила поведения представителей СМИ в случае совершения террористических актов, так как телерепортажи с откровенными сценами последствий терактов могут быть на руку террористам. В связи с этим особое значение приобретает согласование единой политики в отношении электронных средств массовой информации, в частности в сфере лицензирования и контроля за их деятельностью.

⁶См. В.П. Юрченко. Военно-политическая обстановка в Ираке (апрель 2007 года). <http://www.iimes.ru>.

Организационно-правовые аспекты информационного противодействия терроризму

Н. Ю. Лопаткин¹

В результате последовательных действий сил правопорядка в России удалось снизить остроту террористических угроз. Теперь можно говорить о том, что бандподполье освобождено от одиозных личностей и не способно на масштабные акции. Принятые решения о формировании принципиально новой системы противодействия терроризму во главе с Национальным антитеррористическим комитетом (НАК, Комитет) дают свои плоды [1]. Но общий фон террористической активности в России остается еще на достаточно высоком уровне и всячески поддерживается силами международного терроризма.

Зарубежный и отечественный опыт противодействия терроризму свидетельствуют о том, что силовые методы могут лишь на время устранить угрозу совершения террористического акта, но эта угроза будет сохраняться, пока существует система воспроизводства инфраструктуры терроризма. Ключевыми звеньями этой системы являются идеология терроризма и экстремизма, ее вдохновители и носители, а также каналы ее распространения [2].

Поэтому одной из главных угроз, и это признают все наши партнеры по антитеррору, является идеология терроризма, распространяемая через Интернет, через проповеди духовенства под прикрытием ислама фундаментального толка, через неофициальные сектантские учебные заведения, лагеря подготовки террористов. Все это говорит о том, что идет напряженное информационное противоборство России с пропагандой терроризма, в рамках которого террористы путем активного воздействия на информационную сферу нашего государства стремятся решить свои преступные задачи, регенерировать свою инфраструктуру и вовлечь в свои ряды новых сторонников.

Руководство страны всегда уделяло серьезное внимание проблеме информационного противодействия терроризму в Российской Федерации. Так, 19 февраля 2005 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был утвержден «План мероприятий по информационно-пропагандистскому сопровождению борьбы с терроризмом и обеспечению общественной безопасности». 7 апреля 2005 года в Комитете по культуре Государствен-

¹Кандидат юридических наук, доцент.

ной Думы Федерального Собрания Российской Федерации были проведены парламентские слушания «Культура против терроризма. Законодательное обеспечение мобилизации культурного потенциала общества на борьбу с терроризмом». 6 июня 2006 г. состоялось совещание у Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведева «О взаимодействии с мусульманскими религиозными организациями».

В июне 2007 г. на заседании НАК был рассмотрен вопрос «О состоянии и мерах по повышению эффективности противодействия идеологии терроризма», создана Межведомственная рабочая группа по противодействию идеологии терроризма (далее МРГ) и предложен комплекс системных мер организационного, правового и методологического характера по противодействию идеологии терроризма и экстремизма. Организована целенаправленная комплексная информационно-пропагандистская деятельность федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по противодействию терроризму.

Целью деятельности является снижение до минимума уровня радикализации населения и создание условий для устранения предпосылок распространения террористической и экстремистской идеологии в нашей стране. Ее основные задачи:

- формирование механизмов защиты информационного пространства и населения Российской Федерации от пропаганды терроризма и экстремизма;
- совершенствование системы информационного противодействия терроризму, предусматривающей мобилизацию органов государственной власти, общественных организаций, научных, деловых и творческих кругов для реализации антитеррористических мер;
- формирование социально-политических, правовых и иных основ для эффективного противодействия идеологии терроризма и экстремизма.

Деятельность НАК по противодействию пропаганде терроризма, «радикализации» и рекрутированию носит общий, универсальный характер. Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации с учетом особенностей обстановки в каждом регионе осуществляют разработку собственных планов (программ), в которых, в частности, предусматривается противодействие пропаганде терроризма по следующим основным направлениям.

Информационно-пропагандистское обеспечение населения в сфере предупреждения и пресечения терроризма ориентировано на повышение бдительности российских граждан, воспитание у них отношения заинтересованности и сопричастности к деятельности государства по противодействию указанным угрозам, побуждении граждан к сообщению федеральным органам исполнительной власти о ставших известными им сведениях

о террористической деятельности и о любых других обстоятельствах, которые могут способствовать предупреждению террористической деятельности, ликвидации или минимизации их последствий, что является гражданским долгом каждого [3].

Большое значение уделяется привлечению к информационно-пропагандистскому противодействию терроризму общественных объединений, научно-исследовательских центров и других институтов гражданского общества.

Сама идея участия каждого гражданина в противодействии терроризму способствует сплочению нации перед лицом реальной террористической угрозы. Государство помогает гражданину в выборе нравственных ориентиров, непреходящих ценностей — уважения к человеку, его правам, семье, отчому дому, Родине. И здесь используется весь имеющийся в распоряжении Российского государства арсенал агитации и пропаганды!

В условиях глобализации информационного пространства большое внимание уделяется *информационно-пропагандистскому обеспечению противодействия терроризму в Российской Федерации во взаимодействии со средствами массовой информации* [4].

При совершении террористического акта вслед за первой физической волной террористического взрыва — поражает вторая, еще более мощная — информационная, которая несет нравственный ущерб миллиардам читателей, радиослушателей и телезрителей! Российским государством и журналистским сообществом неоднократно предпринимались попытки установить морально-этические нормы для журналистов, освещающих террористические акты и контртеррористические операции. Так, 11 апреля 2003 г. в Интернете на сайте МИД России была размещена «Антитеррористическая конвенция (правила поведения СМИ в случаях террористического акта и контртеррористической операции)». Седьмым съездом Союза журналистов России 16 мая 2003 года были одобрены «Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции».

С принятием Федерального закона «О противодействии терроризму» государство сделало еще один важный шаг навстречу журналистскому сообществу. В частности, Национальным антитеррористическим комитетом определен порядок взаимодействия со СМИ оперативных штабов в субъектах Российской Федерации в ходе проведения КТО. Это дает возможность обеспечивать население достоверной информацией на регулярной основе и гарантирует от предвзятости и целенаправленного искажения информации при формальных обстоятельствах.

В целях создания достаточных рычагов влияния на качество информационной продукции и страховых гарантий от ее ангажированности в условиях повседневного идеологического противоборства с терроризмом и экстремизмом государственными органами, представителями гражданского общества, прежде всего сферы искусства, телевидения и кинематографии, ведется кропотливая работа по разработке «Этического кодекса журналиста». Этому вопросу уделяется самое пристальное внимание.

Активно привлекаются Российским государством деятели кино и бизнес-структур к партнерству по созданию образцов высокого искусства, воспитывающего нравственно полноценное поколение. Российский зритель устал от насилия на экране [5], отмечается востребованность с его стороны в нравственном позитиве кино- и теле-продукции. В рамках этой деятельности идет плодотворный обмен информацией, идеями, ставятся цели по ограждению общедоступного информационного пространства от пропаганды терроризма, «радикализации» и рекрутирования, которые затем достигаются совместными усилиями.

Эффективно используются в антитеррористических целях интернет-порталы федеральных органов исполнительной власти, где размещаются материалы контрпропагандистского характера, изобличающие истинные цели и намерения идеологов терроризма, лидеров бандформирований, а также зарубежных структур, использующих Интернет для пропаганды террора и насилия.

Особое место уделяется *противодействию распространению идеологии терроризма через Интернет и другие телекоммуникационные сети* [6].

Работающие на международные террористические группировки специалисты в области информационных технологий прибегают к использованию шифрации, различных условностей, кодов и приемов. Все активнее международными террористическими группировками используется Интернет-телефония, например система «Скайп», телефонные разговоры через которую трудно отследить.

Для пресечения террористической и экстремистской пропаганды в сети Интернет необходимо международное сотрудничество государств, прежде всего, создание необходимой договорной правовой базы, а также выработка механизма реализации такого взаимодействия в соответствии с положениями пункта 12 Глобальной контртеррористической стратегии ООН [7]. Введение только национальных запретительных правовых норм малоэффективно из-за того, что сайты террористической направленности создаются, как правило, в доменной зоне на территориях других стран.

В настоящее время одним из главных направлений совершенствования предупреждения терроризма является *информационное противодействие распространению идеологии религиозного и этнонационального экстремизма*.

В последнее время, когда затрагивается тема религиозного экстремизма, мы стремимся к тому, чтобы не акцентировать внимание на исламском факторе. Конечно, экстремизм не имеет никакого отношения к сути общепризнанных, имеющих вековые традиции, религий. Но комплекс причин исторического, социально-экономического и политического характера привел к тому, что международный терроризм обосновался именно в Исламе. Он фактически приватизировал эту уважаемую религию, оправдывая любые жертвы достижением высших ценностей чистого Ислама. Масштабы распространения в мире экстремизма, паразитирующего на исламской религии, и уровень его геополитических притязаний огромны!

Ислам в России исповедуют более 14 млн. человек, что составляет около

10% всех жителей страны. Зарегистрировано 55 самостоятельных исламских духовных управлений (муфтиятов), действует более 6 тыс. мечетей и моельных домов. Особую угрозу безопасности Российской Федерации представляет исламистские организации, умело использующие проблемные аспекты ситуаций на Северном Кавказе и Центральной Азии для распространения террористической идеологии, приобретения новых источников финансирования, радикализации исламской молодежи и рекрутирования ее в свои ряды. Преследуя собственные интересы в отношении России, религиозно-политические круги ряда зарубежных стран стремятся использовать студенческий канал и молодежь для пополнения рядов международных террористов.

В связи с этим Национальным антитеррористическим комитетом используются продуманные, взвешенные, выверенные тактика и стратегия противодействия пропаганде терроризма и экстремизма, учитывающие многонациональный и поликонфессиональный характер Российского государства и различный уровень социально-экономического развития регионов [8]. Мобилизуются все имеющиеся ресурсы государства и общества на противодействие пропаганде терроризма, «радикализации» и рекрутирования исламской молодежи в террористические организации, привлекаются к этому процессу служители традиционного исламского культа, ученые, деятели культуры и сферы образования, уделяется особое внимание мерам, направленным на искоренение глубинных причин идеологии терроризма, ведется эффективная просветительская работа, направленная на поддержание толерантности в обществе, активно подключаются к этому средства массовой информации.

Вместе с тем, победить терроризм в борьбе за умы и сердца наших сограждан, возможно только преодолев разобщенность и объединив усилия всех заинтересованных государств мира, поэтому, на наш взгляд, на международном уровне необходимо обсудить и выработать:

- международно-правовые механизмы защиты информационного пространства от распространения террористической идеологии, пропаганды насилия, терроризма, «радикализации» и рекрутирования;
- систему международно-правовых мер по защите граждан от негатива информационного пространства, и в первую очередь молодежи, которая является будущим любого государства и наиболее уязвима перед пропагандой террора и насилия;
- международно-правовые критерии определения «вредности» информации, отнесения ее к террористической идеологии. Необходимо найти ответ на этот непростой вопрос, который находится где-то на стыке между свободой слова и целенаправленным деструктивным воздействием на сознание людей.

Литература

- [1] Федеральный закон от 6 марта 2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146; Указ Президента России от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 8. Ст. 897. П. 2.
- [2] *В.П. Журавель*. Актуальные проблемы противодействия терроризму. М.: Право и безопасность. № 2 (27) С. 71–79.
- [3] *Н.П. Патрушев*. Национальный антитеррористический комитет в системе обеспечения безопасности Российской Федерации. М.: Федеральный справочник: политика, экономика, управление. № 11. 2007. 14 с.
- [4] *Синцов Н.В.* СМИ в противодействии терроризму. Материалы 3-й международной конференции «Терроризм и электронные СМИ». Кипр. 2007 г. <http://www.nak.fsb.ru>. 9 с.
- [5] *Андреев В. Л., Пюкке С. М.* О некоторых аспектах информационного воздействия на этнические образования // Сб. науч. тр. «Інформаційні технології та безпека». Вып. 3. К.: Інститут проблем реєстрації інформації НАН України, 2003. С. 134–141.
- [6] *Н.П. Патрушев*. О некоторых особенностях современных вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации. М.: Российское право. № 7. 2007. 18 с.
- [7] *Ильин Е.П.* Национальный антитеррористический комитет: организация борьбы с терроризмом в Российской Федерации // Сборник материалов научно-деловой программы международного форума средств обеспечения безопасности государства «Интерполитех»: Антитеррор: комплексный подход. АТЦ СНГ. М.: 2007. С. 176–185.
- [8] *В.И. Булавин*. О мерах по дальнейшему совершенствованию общегосударственной системы мер противодействия терроризму. М.: Родина. № 12. 2007. 18 с.

Философское обоснование антитеррора

В. В. Миронов¹

1. С философской позиции, важно исследовать проблему террора не только со стороны выявления его социальных корней и причин, не только в плане изучения тех экономических, политических, религиозно-конфессиональных, этнических факторов, которые угрожают превратить терроризм в главную и наиболее опасную форму ведения мировой войны, поскольку террор не знает линии фронта и правил, но и задуматься о философских основаниях террора. Гегель отмечал когда-то, что «сущность — является, а явление — существенно». Мы живем в мире явлений и сущность сокрыта от нас, но эффективно противостоять какому-то явлению, мы сможем лишь познав сущность происходящих процессов. А это требует особого философского взгляда на мир, на бытие в целом. В этом смысле сущность террора в человеческой культуре далеко выходит за рамки его нынешнего проявления и глубоко связана с теми общими процессами, которые происходят в мире. Соответственно и борьба с террором должна быть не только борьбой с конкретными проявлениями террора, которые видимы и непосредственно затрагивают каждого из нас, а потому представляются наиболее опасными, но и с его сущностными компонентами, то есть его причинами в обществе в целом.

Остановлюсь для иллюстрации данного тезиса лишь на о дном примере. В настоящее время, в мире происходит становление единой мировой системы во всех областях человеческой жизни — политике, экономике, культуре и т. д., который часто обозначают термином глобализация. Если подходить системно, то глобализация, нравится нам или нет, усиливает роль транснациональных взаимодействий в мире, расширяет масштабы коммуникации, делая нашу цивилизационную часть жизни более удобной. Это провоцирует многих авторов, опираясь на объективный характер данного процесса, делать вывод, что он представляет собой только нечто позитивное. Но новое возникающее явление не всегда обязательно и позитивно, как кажется на уровне обыденного сознания, успокаивающего себя тем, что все плохое осталось позади.

В любом развитии всегда присутствует противоположные стороны, тенденции, борьба между которыми обеспечивает ход и механизмы протекания развития и его реальную направленность. Если одной стороной глоба-

¹Член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

лизации выступают интеграционные процессы, то оборотной стороной — напротив, процессы дезинтеграции. В этом смысле феномен террора является реализацией дезинтеграционного потенциала деформированного глобализацией развития культуры на современном этапе, её перехода от стадии системы локальных национальных культур, к стадии, когда культура становится частью глобального коммуникационного пространства. На современном этапе, терроризм — это лишь один из ответов (пусть и не приемлемых нами) на безудержную глобализацию. Именно это часто и затрудняет борьбу с ним на уровне идеологической контрпропаганды, так как лозунги и идеологические установки террора, часто используют и интерпретируют близкие каждому человеку религиозные, этнические, национальные, исторические и иные компоненты культуры, которые сегодня действительно подвергаются разрушению и деформации, вплоть до угрозы идентичности человека по отношению к собственной культуре. Таким образом, процесс глобализации, ведущей тенденцией которого является интеграция мирового сообщества в единое целое, включил, если можно так сказать, механизмы сопротивления традиционных локальных культур, против достаточно серьёзной вероятности этнической, национальной, индивидуальной и других типов культурной дезинтеграции, распада и даже исчезновения.

Не случайно в центре этих процессов часто оказывается религия (или религиозные ценности), ибо она тысячелетиями эти нравственные ценности отбирала, формировала и хранила, на этих ценностях строилась культура и общество, базировались государственные устои. Протест против разрушения культуры, часто оформляется, как попытка защитить свою религию, свой этнос. А учитывая, что религиозные ценности основаны на вере и любая религия содержит в себе элементы безудержной преданности вере, граничащей или являющейся прямым фанатизмом, которые были в истории любой религии, особенно в периоды её становления, они в снятом, выражаясь по гегелевски, всегда в ней присутствуют, и их всегда можно разбудить. Соответственно, под влиянием тех или иных социокультурных обстоятельств, система религиозных ценностей может резко радикализироваться и стать удобным идеологическим вместилищем террористических идей.

2. Второй тезис связан с философско-психологическими компонентами понимания сущности террора, его интерпретации через страх и ужас, как это было представлено уже в античности. В античной мифологии бог Фобос является сыном бога войны Ареса. Страх, фобос по-гречески — это чувство, которое испытывает зритель античной трагедии и посредством которого в сочетании с состраданием он должен исцелиться от страстей. Ганс-Георг Гадамер в работе «Истина и метод» писал: «Представление воздействует через сострадание и страх (элеос и фобос). У Аристотеля речь идет не о сострадании и тем более не о его менявшейся в ходе столетий оценке; в столь же малой степени страх у него следует понимать как внутреннее душевное состояние. И то и другое скорее процессы, наступающие

людей и захватывающие их Фобос — это не только душевное состояние, но и, как говорит Аристотель, озноб того рода, который замораживает кровь в жилах охваченного ужасом, . . . боязливый и тревожный трепет, наступающий того, кто видит, как кто-то, за кого он тревожится, спешит навстречу гибели». Уже греки знали, что страх — не только психологический феномен, это особое состояние, которое можно сравнить с коллективным оцепенением, параличом, потерей воли к социальному действию. Именно такого результата и стремятся достичь террористы, посеяв в обществе замешательство, смятение и страх, заставив людей отказаться от привычного уклада жизни, от достижения намеченных целей, от выработки сколько-нибудь устойчивых планов на будущее. Несвобода порождается Страхом, паническим бессилием к социальному действию, неспособностью к творческому изменению мира и своего статуса в нем.

Таким образом, отсюда следует некоторый практический вывод. Обоснование антитеррора — это защита права человека на свободу и победа над страхом. Общество не может противостоять террору, если оно разобщено и погружено в бури социальных конфликтов. Эффективные методы вооруженного противостояния террору и превентивные мероприятия по предупреждению террористических действий должны дополняться разработкой системы идеологических мер, направленных на создание в обществе такого нравственного климата, в котором всеобщая бдительность должна сочетаться с бесстрашием. Террорист, взрывающий школы и детские сады, выводит себя за рамки, в которых мыслится человеческое существо, наподобие тигра, вырвавшегося из клетки. Существование с террористом невозможно, как и невозможны любые переговоры с ним и уступки террору (трагические ошибки такого плана были в нашей истории 90-х годов и стоили сотен человеческих жизней, которые прибавились к скорбному мартирологу жертв террора). Технология бесстрашия — нетривиальный элемент практической философии, прежде всего, прикладной этики, которая становится все более и более востребованной областью философского знания. Здесь следовало бы вспомнить и о духовных упражнениях стоиков, которые легли в основу кодекса воинской чести, и основанные на религии представления о том, что достоинство человеческой жизни не измеряется только лишь ее земными рамками. Однако тот факт, что террорист переживает свое религиозное спасение как уже свершившийся факт, заставляет традиционные конфессии продумать и акцентировать в своей проповеднической и пастырской работе целую стратегию по обоснованию ценности земной жизни. Эта ценность может быть основана на том, что жизнь — это дар Божий, что мир прекрасен как замысел Творца . . . Так, гностицизм, брезгливость по отношению к миру представляет собою не норму и не магистраль христианской веры, но еретическое отклонение от нее. Права и свободы человека, на которых строится современное правовое сознание и в поправлении которых можно в первую очередь обвинить терроризм, должны быть соотнесены с традиционным учением религиозных конфессий, возможность чего демонстрируется принятием «Основ учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» на Архи-

ерейском соборе РПЦ 2008 года. Это показывает, что светский и религиозный подходы не только могут находить точки соприкосновения, но и что базовые ценности цивилизованного общества являются идентичными для светской и религиозной культур.

3. С вышесказанным связан третий, выдвигаемый мною тезис о том, что сущность террора связана с его угрозой основной ценности существования Человечества — человеческой жизни. Философы достаточно давно обратили внимание на данную проблему. Один из величайших немецких мыслителей Иммануил Кант рассматривает философию как особую науку о последних целях человеческого разума, которая придает ценность, всем другим видам знания, выявляя их значение для человека. Именно в этом плане она выступает как философская мудрость. Философ, стремящийся к такой мудрости, должен постигать то, насколько знание может способствовать достижению высших целей Человека и Человечества. «Если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу» — писал Кант — «а именно, подобающим образом занять указанное человеку место в мире — и из которой можно научиться тому, каким быть, чтобы быть человеком»². Иначе говоря, знания, добываемые людьми, разумом не должны быть направлены против человека, а напротив, их ценность определяется тем, насколько они работают на человека. Отсюда, следовал ещё один вывод философа, который так часто нарушается в жизни, человек никогда не может выступать как средство чего-либо, но всегда должен быть целью. Предпосылка террористической деятельности прямо противоположная. Здесь данная ценность отменяется и ценность человека полностью нивелируется. Происходит обесценивание жизни, причем симметричное — и террориста, и заложника. Террор вызывает чувство обреченности, безысходности с обеих сторон. (Учитывать это крайне важно при подготовке антитеррористических мероприятий. Следует признать, что когда при освобождении заложников Норд-Оста на 50 убитых террористов погибло 130 заложников, то цинично и оскорбительно для памяти погибших называть такую операцию успешной). Действия террориста могут быть описаны знаменитой формулой анархиста Михаила Бакунина — «страсть к разрушению — творческая страсть». Но Бакунин здесь лукавит, ибо творческая страсть находится внутри культура, а не за её рамками. А разрушение, да ещё сознательное, превращает такую страсть в конкретное культурное явление, которое является оппозицией не другому культурному явлению (внутри культуры), а культуре как таковой. Поэтому, мы имеем дело не с творчеством, а с превращением космоса в хаос, с нарушением самого космического порядка бытия.

4. И ещё один вывод, который стал предметом нашего вчерашнего обсуждения, недопустима романтизация террориста как некоего героя, страдающего за идеи. Герой, как и вообще героическое, явление культурное, он находится внутри культуры, а террор, как мы показали — есть явление

²Кант И. Соч. в 6-и томах. Т. 2. М., 1964, с. 206.

принципиально антикультурное, потому что он основан на уничтожении всякой ценности, всякого порядка, даже ложного и извращенного. Даже у войны есть свой этический кодекс, есть принципы отношения к пленникам, к раненым, которые сформулированы в международном законодательстве, есть соответствующие институты — Красного Креста и Красного Полумесяца, которые призваны смягчить по мере возможности ужасы войны и ее последствия. У террора нет правил и нет милосердия. Романтизация террориста, как человека «без рода и без племени», решившего пойти на крайние меры ради высоких целей, представляет собой крайне опасный феномен. Вспомним, что всплеск террора в дореволюционной России приходился на 60–80 годы XIX века. Члены террористических групп «Народная расправа», «Черный передел», «Земля и воля» в определенном смысле могут быть представлены как ипостаси той философской идеи, которую выразил в своем сверхчеловеке Фридрих Ницше. А Ницше пишет своего «Заратустру» то самое время, когда был казнен Александр Ульянов за неудачное покушение на Александра III. Превращение человека в террориста можно сравнить с библейским грехопадением. Нравственное существо человека испытывает своего рода священный ужас перед тем, на что покушается террорист — святость человеческой жизни, материнства, детства, родины, национальной и религиозной традиции, в том числе и той, к которой он сам принадлежит по рождению. «Если Бога нет, то все позволено», — говорил Ф.М. Достоевский. Константин Леонтьев полагал идеалом религиозной личности «трансцендентный эгоизм» — весь мир безразличен для моего религиозного спасения. «Трансцендентному эгоизму» террориста мы должны противопоставить альтруистический идеал современного гражданского общества, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. Однако, на наш взгляд, гуманизация общества уже невозможна как возвращение к традиционной возрожденческой и просвещенческой парадигме гуманизма, точно как религиозность постсекулярной культуры невозможна как банальное возвращение к традиционным формам жизни и исповедания веры. Индивидуалистический гуманизм уже не является эффективным средством для предупреждения таких тотальных угроз современной цивилизации, как терроризм. Противостоять терроризму может лишь сплоченное общество.

5. XX век дает новую постановку вопроса о Другом в различных его направлениях — в социальном дискурсе, в онтологии, в теории познания. Установка новоевропейского сознания для целого периода эпохи Нового времени на универсальность структуры субъектов оказывается пагубной не только с точки зрения социальной философии, но и с точки зрения проблематики онтологии и гносеологии. Поиск Другого характерен для философии крупнейших мыслителей XX века — Мартина Хайдеггера, Жана-Поля Сартра, Эммануэля Левинаса, Юргена Хабермаса. Заметим, что Сартр, ставя эту проблему в работе «Бытие и ничто», выявляет аспект мазохизма и садизма в отношении в Другому, который связан с абсолютностью свободы другого. Наверное, здесь можно было бы проводить интерес-

ные параллели, отнюдь не только психологические, например, рассматривая и комплексно анализируя «синдром заложника», который в определенный момент часто становится на сторону террориста, входит в его «шкуру», начиная поддерживать его требования. В связи с этим, следует заметить, что философское обоснование антитеррора связано с проблемой обоснования иного типа субъектности по сравнению с тем классических представлением о субъекте, который сложился в философии гуманизма, начиная с эпохи Возрождения. Перед нами стоит проблема возможности обоснования различий в типах человеческого существования, такого обоснования, которое не было бы по своей природе этническим, религиозным, политическим эксклюзивизмом, давало бы пространство для принятия другого. Идейный акт террора (речь здесь идет не столько о зомбированной шахидке или снайпере, сколько о идеологических вдохновителях и конструкторах террористических актов) представляет собой стремление выпятить свою другость, которая с точки зрения террористов не воспринимается в общей массе. Поэтому одним аспектов обоснования антитеррора является легитимация Другого, предоставление возможности получить Другому праксеологический, онтологический, гносеологический статус. И здесь важен религиозный аспект, в том числе и аспект межконфессионального, экуменического диалога. Переключка с религиозной философией очень важна. В религии, помысленной с философской точки зрения, мы видим попытку поиска Другого, но уже как субъекта абсолютного, нечеловекосоразмерного.

6. Таким образом, подводя итог, необходимо отметить, что философия (философское мышление) — это особое понимание мира посредством его познания и переживания, когда познанные объективные закономерности, преломляются сквозь призму интересов Человека, а субъективное ценностно-эмоциональное восприятие мира подвергается рациональному — критическому и систематическому — осмыслению. Иначе говоря — это выявление предельных (метафизических) оснований существования мира и Человека. В центре философских размышлений, несмотря на её абстрактность и глубокую рефлексивность, всегда стоит Человек и как высшая ценность и как конкретная личность, индивидуальность. Результатом такой предельной проблемной рефлексии над бытием и самим собой, становится то, что человек вырабатывает в себе определенную культуру мышления, особого рода метафизическое отношение к миру и к любому исследуемому объекту.

Таким образом, философское обоснование антитеррора — это обоснование и оправдание культуры в мире и особого места Человека в нем. Как показывает анализ, в практику террора в большинстве своем вовлекаются люди, которые не получили возможности приобщиться к ценностям культуры через образование. Поэтому в системе антитеррора существенное место должны занять Университеты как носители культурной традиции, система образования в целом и доступность образования для различных социальных слоёв. Об этом как-то забывают наши реформаторы, которые, напротив, делают образование всё более недоступным для многих людей,

дифференцируя его качество по финансовым возможностям. Необходимо понимать — что это также может стать источником стимулирующим протестные настроения, а значит, пусть и косвенно, представлять новые возможности и людские резервы для реализации этого недовольства, под сами разными флагами.

Организация системы антитеррористической безопасности Пензенской области

В. Н. Нозиков¹, А. В. Печерский

Субъект Российской Федерации способен противостоять дестабилизирующему воздействию внешних и внутренних угроз, когда вопросы безопасности решаются комплексно совместными усилиями федеральных, региональных и местных структур.

При этом одной из актуальных проблем обеспечения антитеррористической безопасности регионов становится выбор эффективных подходов или моделей вне зависимости от того, какие технологии используются для реализации практической деятельности в той или иной сфере. Достижение положительного результата управления здесь зависит от множества обстоятельств и условий и часто становится связанным с нетрадиционными подходами. Это же относится и к ответственности, и к принятию решений по управлению рисками антитеррористической безопасности.

Основными направлениями комплексного обеспечения безопасности субъекта РФ являются: организация и проведение экспертизы объектов; нормирование негативных воздействий на инфраструктуру региона при проведении специальных работ на объектах, которые можно отнести к категориям особо опасных работ; комплексный анализ обстановки; оценка влияния объектов и их деятельности; организация и обеспечение государственного контроля за соблюдением законодательства при проведении опасных работ; организация и осуществление восстановительных и других природоохранных мероприятий; организация и проведение мониторинга среды и воздействующих на нее факторов, мониторинга уязвимых объектов; организация и координация по аспектам деятельности в сфере обеспечения безопасности.

Направление научных исследований в области региональной антитеррористической безопасности охватывает такие специфические сферы деятельности, как сбор информации о террористических угрозах, условиях и предпосылках их возникновения, особые виды мониторинга среды, силовые методы проведения контртеррористических мероприятий и др.

Имеющаяся в Российской академии наук статистика применения системного анализа сложных систем с учетом опыта, накопленного в специализированных научных учреждениях, в НИИ и ВУЗах региона, позволяет с

¹Руководитель аппарата Антитеррористической комиссии Пензенской области.

новых позиций рассматривать проблему антитеррористической безопасности региона и сформулировать общие характеристики периодов развития теории и практики подходов в организации антитеррористического противодействия.

Если в качестве основного критерия периодизации принять определяющий для каждого конкретного этапа методологический подход к антитеррористической защите, то можно выделить три периода. Они названы авторами следующим образом: *эмпирический*, *концептуально-эмпирический* и *теоретико-концептуальный*. Классификация возможных подходов приведена на рис. 1.

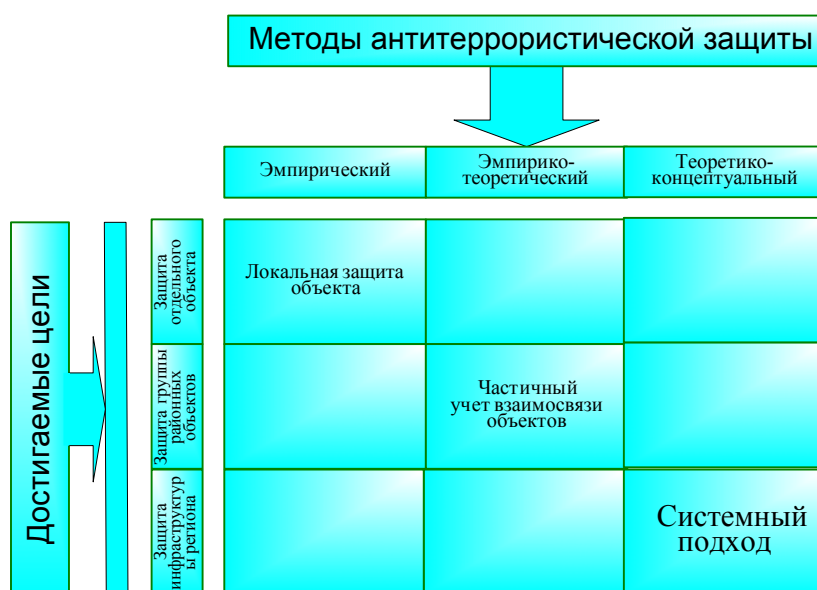

Рис. 1: Классификация подходов

Наиболее характерная особенность *эмпирического подхода* к организации регионального антитеррористического противодействия заключается в том, что на основе анализа ранее проявлявшихся угроз террористического свойства и накопленного опыта антитеррористической защиты террористически уязвимых объектов в регионе, разрабатывались и внедрялись необходимые механизмы защиты объектов, проводилась необходимая профилактическая антитеррористическая работа, организаторами которой в соответствии со своей компетенцией до изменения антитеррористического законодательства являлись соответствующие подразделения Управления ФСБ и УВД без привлечения органов исполнительной власти области и органов местного самоуправления.

Сущность и содержание *концептуально-эмпирического* подхода к организации антитеррористической защиты региона, который начал реализо-

вываться с 2001 года (создана Антитеррористическая комиссия Пензенской области), заключается в том, что на основе накопленного опыта, полученного на стадии эмпирического подхода, сформировалась концепция организации региональной системы антитеррористической защиты

На рис. 2 приведена информационно-логическая модель эмпирического подхода.

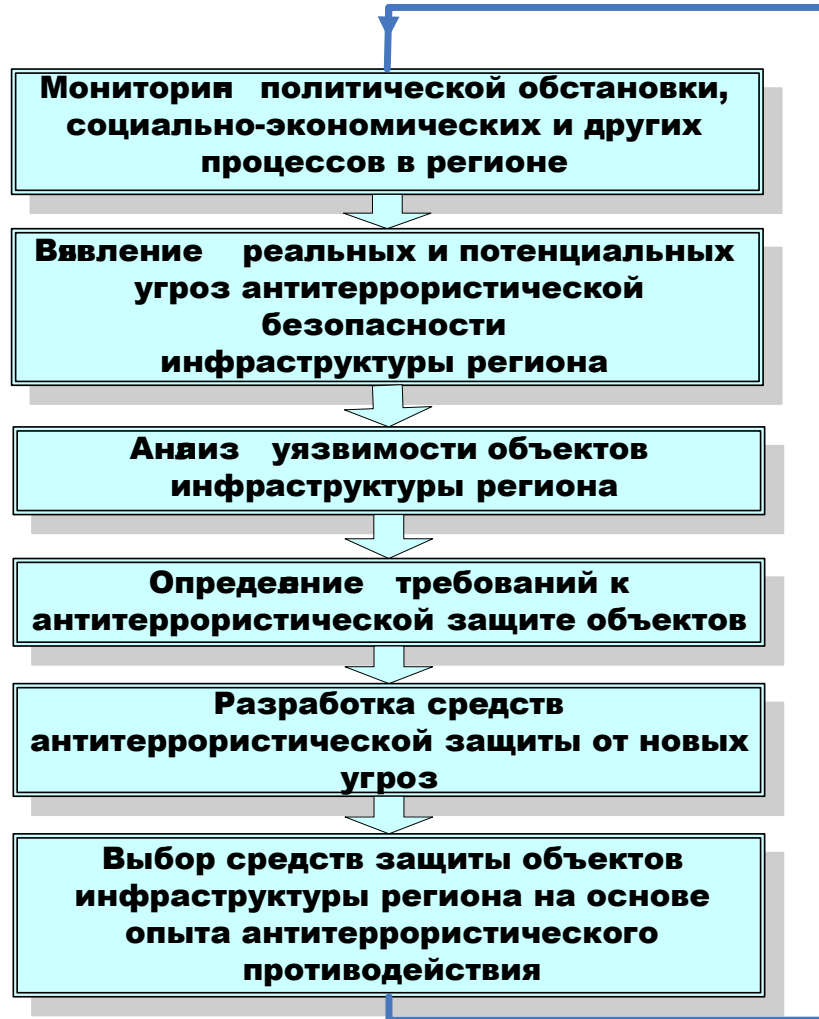

Рис. 2: Информационно-логическая модель эмпирического подхода к организации региональной антитеррористической противодействия

При этом была выстроена чёткая вертикаль структуры административного управления антитеррористической безопасностью страны и ее отдельных регионов. Ответственность за организацию профилактической работы

была возложена на их руководителей.

Созданная в регионе Антитеррористическая комиссия (АТК) взяла на себя фактически всю полноту организаторской работы по профилактике возможных проявлений терроризма на его территории. С этого времени начинает аккумулироваться научный опыт по системному анализу региональных структур, привлекаются к антитеррористической деятельности НИИ и научный потенциал ВУЗов области.

Отличительная особенность *теоретико-концептуального подхода* к организации антитеррористической защиты региона состоит в том, что на основе достижений отечественной науки в сфере противодействия терроризму и системного анализа проблемы разрабатывается целостная теория антитеррористической защиты, которая основана на комплексном учёте всех факторов, воздействующих на процессы, происходящие в социально-экономической, политической среде, в структурах энергетического, информационного и др. комплексов региона.

На рис. 3 приведена информационно-логическая модель концептуально-эмпирического подхода.

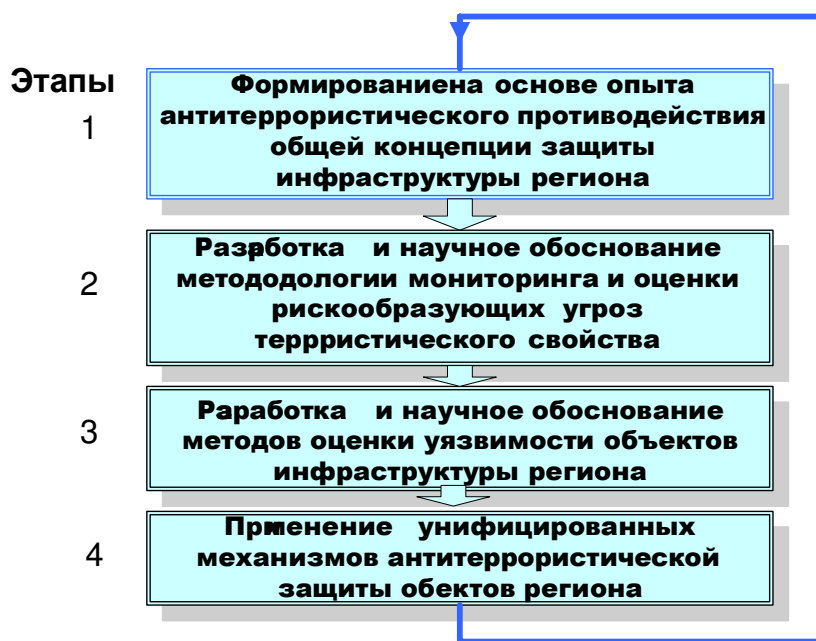

Рис. 3: Концептуально-эмпирический подход в организации антитеррористического противодействия в регионе

Основное назначение теории антитеррористической безопасности региона здесь заключается в том, чтобы дать полное и адекватное представление о сущности и содержании проблемы, а также обеспечить эффективное решение всех задач антитеррористической защиты на основе научно-

методологической базы с использованием всего регионального ресурса.

Информационно-логическая модель *теоретико-концептуального подхода* приведена на рис. 4.

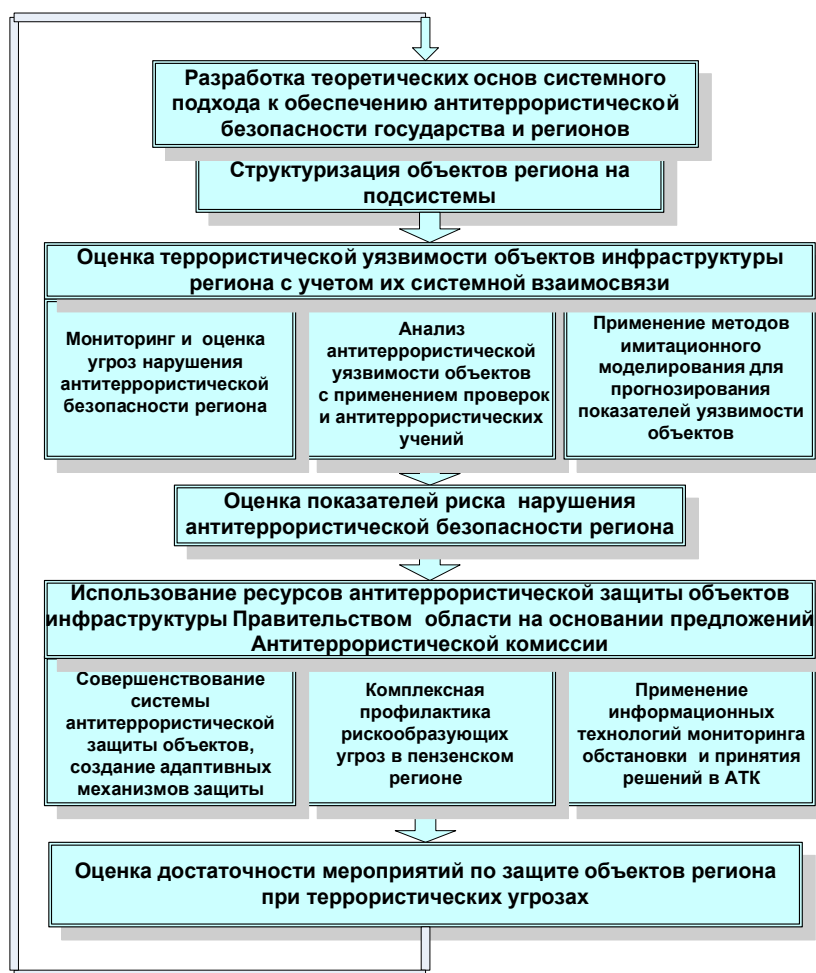

Рис. 4: Теоретико-концептуальный подход

Обобщая опыт антитеррористической деятельности, отраженный в специальной литературе, можно сформулировать основную совокупность организационных и научных направлений третьего подхода для региональных структур:

- интегральное представление понятия комплексности антитеррористической защиты региона в целевом и ресурсном планах;
- расширение масштабов антитеррористической защиты отдельных

объектов инфраструктуры региона до антитеррористической защиты всего региона и государства в целом;

- комплексное организационное построение системы антитеррористической безопасности региона;
- антитеррористическая совместимость объектов региона при анализе их критических состояний в системной зависимости;
- приоритетное использование стратегии профилактики терроризма, (упреждения) критических состояний на объектах региона;
- визуализация антитеррористической обстановки в регионе;
- обеспечение условий для эффективного использования современных информационных технологий мониторинга, анализа, ситуационного моделирования, упреждающее развитие теории и практики в анализе безопасности регионов от возможных угроз расширения сетевых технологий общественных коммуникаций.

Интегральное представление понятия комплексности антитеррористической защиты региона в целевом и ресурсном планах предусматривает, прежде всего, системный подход к управлению антитеррористической безопасностью, поскольку сумма даже самых эффективных независимых способов организации антитеррористической защиты объектов региона и накопленного в правоохранительных органах опыта по профилактике и противодействию терроризму не гарантируют эффективной защиты в целом.

Расширение масштабов антитеррористической защиты.

Особое значение приобретает предупреждение возникновения условий, благоприятствующих порождению рискообразующих угроз террористического свойства. Таким образом, при профилактике терроризма особое внимание сосредотачивается на *системных вопросах защиты*, а именно:

- формирование и обоснование общей региональной стратегии антитеррористической безопасности;
- разработка системы антитеррористической безопасности (САТБ) региона, методология ее построения и направления эффективного использования всех имеющихся ресурсов, базирующихся на принципах системного подхода, согласования функций различных элементов системы, непрерывного развития системы, комплексности задач и рабочих программ, единства информационной базы, модульности построения структуры управления САТБ региона.

Предлагаемая информационно-логическая модель обеспечения антитеррористической безопасности явилась основой для разработки и реализации соответствующей целевой комплексной программы в пензенском регионе.

Целями программы являются создание, внедрение и развитие системы антитеррористической безопасности (САТБ).

Задачи программы — объединение усилий различных министерств, ведомств, организаций, учреждений, других институтов гражданского общества области, независимо от уровня подчиненности и форм собственности, для достижения целей программы.

Программа представляет целостную совокупность подпрограмм, взаимосвязанных между собой по ресурсам, исполнителям и срокам выполнения.

В свою очередь, подпрограммы включают:

- разработку комплекса местных законодательных, нормативно-правовых и руководящих документов;
- выполнение комплекса научно-исследовательских и опытно-конструкторских, а также производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других специальных мероприятий, обеспечивающих эффективное решение задач в области обеспечения антитеррористической безопасности.

Интеграция всех существующих систем безопасности способствовала созданию надежной антитеррористической защиты инфраструктуры (прежде всего критически важных и потенциально опасных объектов) и населения области от возможных внешних и внутренних террористических угроз.

Основными исследуемыми элементами в реализации задач по созданию надежной системы безопасности региона являются:

- объекты критической инфраструктуры региона, потенциально опасные объекты, объекты обеспечения жизнедеятельности населения, объекты с массовым пребыванием граждан как объекты антитеррористической безопасности;
- субъекты опасностей и угроз, их характеристики, особенности возникновения, наносимый ущерб и др.;
- системы защищенности объектов, силы и средства, функции, организация и управление.

В рамках системного подхода любой объект САТБ рассматривается на уровне сложной системы с большим количеством связей, как внутренних, так и внешних. Любая система одновременно является элементом (компонентом) системы более высокого уровня.

Исследование связей в больших системах, а тем более в системах с противодействующими факторами типа «угроза — защита», является наиболее сложной задачей. Процесс функционирования таких систем представляет собой не просто взаимное воздействие с точки зрения нанесения ущерба или защиты от него, в него входят также процессы управления такими факторами и процессы обеспечения компонентов САТБ необходимыми ресурсами.

На рис. 5 представлено примерное взаимодействие диверсионно-террористически уязвимых (ДТУ) объектов инфраструктуры региона с САТБ.

Рис. 5: Системное взаимодействие «Объекты — САТБ»

В методологии научного анализа системы антитеррористической безопасности региона принципиальное значение имеет пункт 4 Статьи 3 «Основные понятия», где подчеркивается, что противодействие терроризму — это деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по следующим направлениям:

- а) по предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);
- б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);
- в) по минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

В исследовании системной антитеррористической безопасности региона принципиальным является тот факт, что элементы инфраструктуры исследуемого региона, уязвимые для угроз террористического свойства, находятся в системной связи с другими элементами инфраструктуры региона. При этом сама инфраструктура при определенных условиях может стать источником опасности для других её элементов. Это обстоятельство свидетельствует о том, что комплексный подход к анализу критических процессов в инфраструктуре региона, включая и террористические акции,

должен предусматривать рассмотрение всех видов событий на объектах региона (элементах инфраструктуры), которые приводят к нарушению нормального функционирования объектов и выходу их основных параметров за пределы установленных норм.

На рис. 6 приведена карта Пензенской области с условным расположением отдельных объектов критической инфраструктуры, находящихся под управлением АТК.

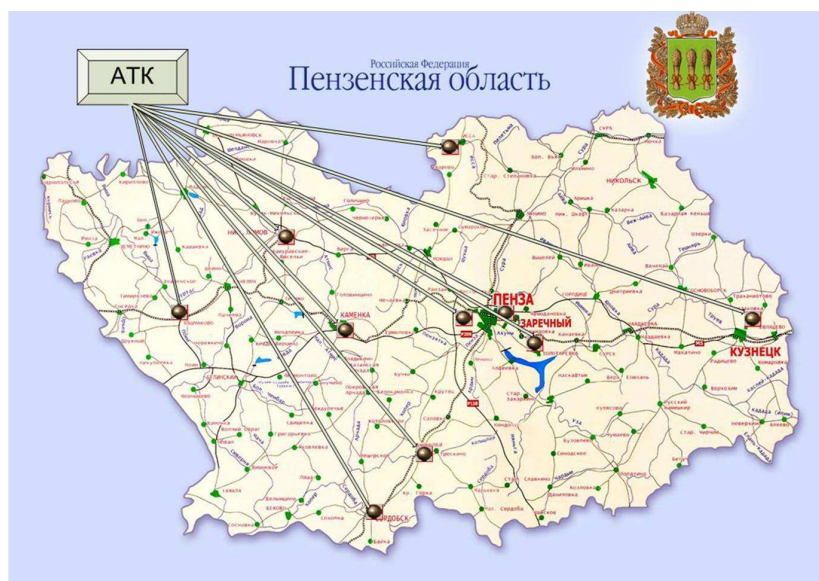

Рис. 6: Условное расположение отдельных объектов критической инфраструктуры, находящихся под управлением АТК

Обобщенная структура системы антитеррористической безопасности пензенского региона приведена на рис. 7.

В соответствии с приведенной схемой взаимодействия компонентов системы антитеррористической безопасности региона, его инфраструктура представлена подсистемами объектов, которые объединяются по аспектам и системообразующим признакам, которые учитываются при прогнозе риска террористических угроз (см. рис. 8).

На рис. 9 приведен условный пример визуализации взаимосвязанных уязвимых объектов для одного из районов Пензенской области.

Количественная оценка вероятных террористических угроз для диверсионно-террористически уязвимых объектов, например, пассажирского автомобильного транспорта пензенского региона, проведенная по предложенной экспертами АТК методике, позволила выявить спектр наиболее вероятных рискообразующих угроз. Выводы экспертной группы АТК, сделанные по результатам их (прогнозируемых угроз) анализа, позволили предпринять эффективные профилактические меры по недопущению

Рис. 7: Структура системы антитеррористической безопасности Пензенской области

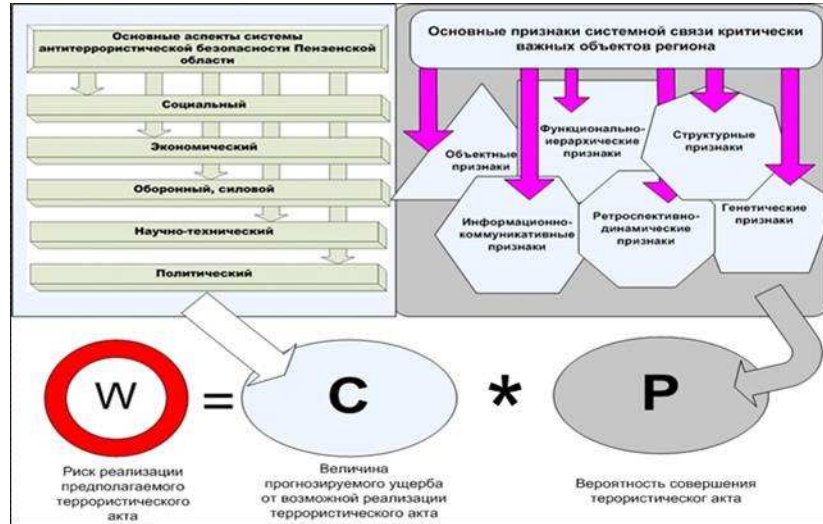

Рис. 8: Системный риск террористических угроз

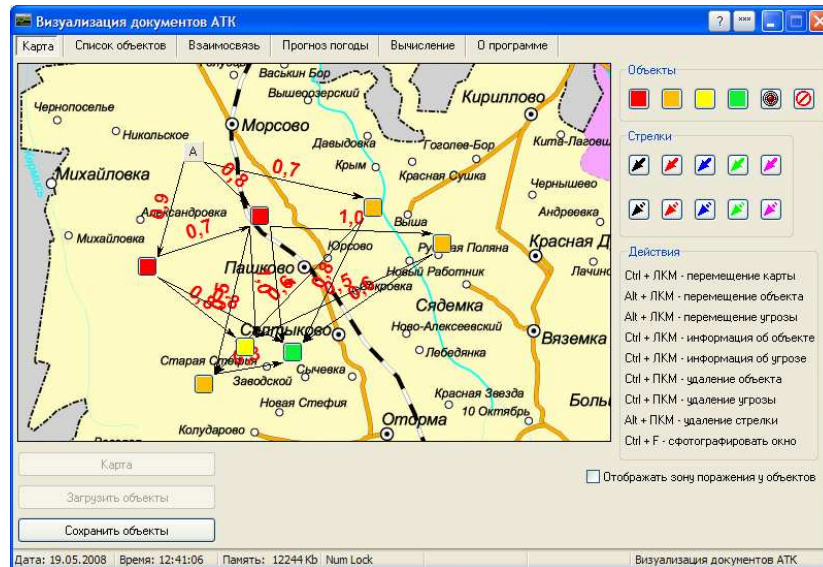

Рис. 9: Визуализация взаимосвязанных объектов области

нию использования данного вида транспорта для проникновения в г. Пензу диверсионно-террористических групп и провоза средств совершения террористических актов, в значительной степени снизить вероятность совершения террористических актов в автобусах междугороднего сообщения.

На основе структурирования объектов с учётом аспектов и системных связей диверсионно-террористически уязвимых объектов инфраструктуры региона выявлены совокупности (подсистемы) потенциально опасных объектов, на которых возникновение чрезвычайных ситуаций террористического свойства может провоцировать подобные ситуации на других связанных с ними объектах. Это позволило применить аппарат теории графов и матричного исчисления для анализа тяжести вероятных последствий от ситуаций террористического свойства на связанных в подсистемах потенциально опасных объектах.

Разработана методика количественной оценки вероятных террористических угроз для уязвимых объектов инфраструктуры региона с учетом системных связей между ними, которая предложена к применению в практической деятельности аппарата АТК.

Межнациональные и межконфессиональные противоречия и конфликты как фактор, способствующий формированию и развитию экстремистских и террористических проявлений в Российской Федерации

В. В. Попов¹

Анализ динамики роста террористических проявлений в России и в мире с конца 80-х–начала 90-х годов прошедшего столетия позволяет сделать вывод о том, что одним из основных факторов, способствующих распространению этой наиболее социально опасной формы экстремизма, являются социальные противоречия и конфликты в обществе, прежде всего в этнической и конфессиональной сфере.

Как идеология и практика принуждения и насилия терроризм возникает и развивается, получает поддержку и находит сторонников, прежде всего, в условиях кризиса, ухудшения материального положения и расслоения на почве непримиримых противоречий (идеологических, материальных и др.) населения или отдельных его групп; деформации и разрушения традиционной системы ценностей и морально-нравственных ориентиров.

Нестабильность в обществе снижает действенность и авторитет существующих нормативных правовых механизмов и способов разрешения социальных противоречий. Негативные изменения в уровне жизни, социальном статусе людей и отсутствие позитивных перспектив ведет к формированию у них чувств безысходности и отчаяния, обиды и несправедливости, сближает и объединяет отдельные группы и слои населения на почве протестных настроений и негативного восприятия происходящего.

В таких условиях неизбежно появляется соблазн поиска и реализации «простых и справедливых», радикальных и быстрых путей выхода из сложившейся ситуации, прежде всего со стороны тех, кто считает себя ущемленными и обманутыми. Не правовые, в том числе насильственные способы защиты и восстановления порядка получают у них моральное оправдание.

Такой ситуацией обычно пытаются воспользоваться радикальные поли-

¹Кандидат педагогических наук.

тические силы, практикующие экстремистские формы и методы борьбы за достижение своих целей, а также структуры международного терроризма, с целью расширения ресурсной базы своих сторонников, пропаганды и продвижения своих идей.

Наиболее жесткой формой разрешения социальных противоречий являются социальные конфликты, среди которых чаще всего наибольшую остроту приобретают межнациональные (в более широком смысле межэтнические) и межконфессиональные конфликты. Это происходит, во-первых, благодаря эмоциональному потенциалу этнического и религиозного самосознания, во-вторых, благодаря легкости консолидации людей по этническому и конфессиональному признаку, а также потому, что чувства этно-конфессиональной общности, национальной гордости и патриотизма — наиболее глубокие и стойкие психические чувства человека, передающиеся из поколения в поколение на протяжении многих столетий истории формирования и развития этноса, его религиозного сознания.

Межнациональные и религиозные противоречия нередко проявляются латентно (скрытно, в завуалированной форме) и поэтому в условиях этно-конфессиональной напряженности практически любая конфликтная ситуация с разнонациональным или разноконфессиональным составом участников может стать поводом для вспышки и быстрого развития этно-конфессионального противоборства. Именно так начинались осетино-ингушский конфликт, межэтническое противостояние в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии; по такому сценарию развивались события в Кондопоге, в Ставрополе и т. д.

В связи с этим крайне опасно пытаться представить истинные причины перечисленных и им подобных событий упрощенно, пытаясь в погоне за политкорректностью отнести произошедшее к обычным бытовым ссорам и криминальным проявлениям, что, к сожалению, нередко имеет место как в силу недостаточного профессионализма представителей правоохранительных органов, так и в результате некавалифицированного вмешательства представителей СМИ, различных так называемых «правозащитников» и лидеров этно-конфессиональных диаспор.

Ключевое значение в процессе зарождения и развития этно-конфессиональных конфликтов является поляризация противоборствующих сил по этно-конфессиональному признаку. Источник, первопричина таких конфликтов вовсе не обязательно связаны с собственно межэтническими различиями или нетерпимостью к инакомыслию. Эти факторы приобретают решающее значение по мере усиления непримиримости противоречий и трансформации их в противостояние.

Механизм зарождения и развития противоречий в этно-конфессиональной сфере сложен и противоречив, не спасает от них и экономическое благополучие. Подтверждение тому — многочисленные примеры, как в нашей стране, так и за рубежом (Квебек в Канаде, Северная Ирландия в Великобритании, Бельгия и др.). Несмотря на очевидные успехи в социально-экономическом развитии России в текущем десятилетии, достигнутой политической стабильности, в ряде ее регионов

наблюдаются рост скрытой межнациональной и межконфессиональной напряженности, проявления экстремизма на национальной и религиозной почве. Указанная проблема становится угрожающей для безопасности государства.

В этой связи показательны результаты проведенного в прошедшем году Службой специальной связи и информации ФСО России года по инициативе Национального антитеррористического комитета социологического опроса «Терроризм в общественном сознании населения России» с целью изучения мнения россиян по вопросам, связанным с террористическими угрозами. Опросом были охвачены 3209 человек, проживающих в 12 субъектах Южного федерального округа, 14 субъектах Приволжского федерального округа, гг. Москве и Санкт-Петербурге.

Согласно полученным результатам, 62% респондентов негативно оценили действия местных властей в межнациональной и межконфессиональной сфере и лишь 12% дали им положительную оценку. 60% опрошенных высказали недоверие действиям властей по расследованию конфликтов в этой сфере и сочли целесообразным проведение независимых расследований (вместе с тем 80% опрошенных считают, что граждане должны помогать спецслужбам в борьбе с терроризмом).

При этом была выявлена высокая степень согласованности мнений респондентов вне зависимости от региона их проживания.

Ряд отечественных политологов и конфликтологов выделяют в настоящее время на территории Российской Федерации и в приграничных регионах «ближнего зарубежья» более 100 потенциальных и действующих этноконфессиональных конфликтов. В ходе вышеупомянутого социологического опроса около 25% респондентов указали на возможность в их регионе межнациональных конфликтов. При этом наиболее тревожные ожидания выявлены в Москве — более 50% опрошенных, а также в Санкт-Петербурге и в ЮФО — около 30%. 15% респондентов отметили, что поддерживают участников межнационального конфликта политическими средствами (митинги, демонстрации, забастовки и т. п.), 6,5% заявили, что поддерживают конфликтующих с оружием в руках, а около 20% — затруднились с ответом (потенциальная база роста тревожных ожиданий).

В качестве основных причин межнациональных противоречий и конфликтов в современной России чаще всего отмечают:

1. Груз наследия исторического прошлого, стереотипы застарелых комплексов и «исторических обид» в национальном самосознании и недостаточные информационно-пропагандистские усилия государства, структур гражданского общества по их преодолению.
2. Низкая эффективность государственной национальной политики:
 - недостаточная роль федерального центра в решении этноконфессиональных проблем регионов;
 - клановый принцип формирования региональной власти в национальных республиках.

3. Негативные процессы и явления в социально-экономической и этноконфессиональной сфере ряда национальных регионов:

- сохраняющийся и даже укрепившийся в последние годы общинный (фактически дофеодальный в своей основе) характер устройства различных сфер общественной жизни;
- сформировавшиеся еще в советский период на уровне общественного мнения иждивенческие настроения, комплекс национальной исключительности и превосходства, националистические амбиции и стремление к историческому реваншу;
- сохраняющаяся бедность и депрессивность большинства национальных регионов юга России, на фоне продолжающегося в них демографического взрыва и преимущественно сельскохозяйственной направленности хозяйственного уклада жизни;
- традиционно высокий уровень коррупционности чиновничества, сотрудников органов внутренних дел, низкая правовая культура и высокая степень криминализации населения;
- ослабление у части населения (особенно у молодежи), навыков и мотивов систематического интенсивного производительного труда, тенденция к возрождению в новом качестве так называемой «набеговой системы» похищения и добывания необходимых ресурсов в соседних регионах.

4. Усиление миграционных потоков из стран ближнего и дальнего зарубежья:

- транзитная миграция (на пути следования в страны Евросоюза и Северной Америки) — сосредоточение в различных регионах страны больших групп представителей значительно отличающейся этно-культурной в том числе языковой и хозяйственно-бытовой среды, являющихся одновременно и социально уязвимыми в качестве объекта потенциальных криминальных устремлений и социально опасными, в силу отсутствия определенного легального источника доходов и средств к существованию;
- внутренняя трудовая миграция как следствие неравномерности экономического развития и демографических процессов в российских регионах (ее негативные последствия, прежде всего в анклавном сосредоточении организованных групп людей, в основе своей не мотивированных на социально-политическую и культурно-бытовую натурализацию, ориентированных преимущественно на максимально возможное и интенсивное зарабатывание денег, не связанных различными нормами социальной ответственности со средой пребывания, потенциально предрасположенных как к роли объекта, так и субъекта криминальных проявлений);

- миграция как следствие различных этно-политических конфликтов и «этнических» чисток, прежде всего на юге России, в сопредельном зарубежье.

5. Этнизация криминала — в настоящее время в значительной части регионов России ведущее место в криминальной организации преступности занимают этнические преступные сообщества.

Подтверждают эти выводы и результаты вышеуказанного социологического опроса ССИ ФСО России. Отвечая на вопрос о причинах межнациональных конфликтов, опрошенные указали следующее: безработица — 37%; этнобизнесмонополизация отдельных сфер хозяйственной деятельности и общественно-политической жизни — 37%; вызывающее поведение представителей отдельных национальностей — 36%; дифференциация криминала по этническому признаку и деятельность этнопреступных группировок — 20,3%; деятельность национал-экстремистов и сепаратистов — 15%; безответственность СМИ — 13,6%; предубеждения по отношению к приезжим — 13,6%; межконфессиональные противоречия — 8,1%.

Среди противоречий, порождающих межконфессиональную напряженность в Российской Федерации, можно выделить следующие:

1. Противоречия, связанные с процессом роста авторитета и влияния церкви в обществе:

- противоречивость процесса изменений в общественном и индивидуальном сознании граждан в условиях смены мировоззренческих принципов и приоритетов (по результатам вышеуказанного социологического опроса около 89% респондентов назвали себя верующими, из них православные христиане составили более 62%, представители других направлений христианства — около 2%; мусульмане — около 12%; представители других религиозных культов и «просто верующие» — 12%);
- попытки использования роста авторитета и влияния церкви в политической борьбе.

2. Опасность нарушения межрелигиозного мира и согласия в процессе естественной конкуренции в ходе усиления активной деятельности конфессий (в последние годы отмечены активные попытки создания новых и расширения сети действующих ячеек исламских общин в том числе и экстремистских («Хизб-ут-Тахрир-аль-Ислами», «Братья мусульмане», «Нурджулар» и др.) на традиционно православной канонической территории — Свердловская, Нижегородская, Тюменская, Саратовская области, Пермский край и др.); аналогичную деятельность ведут и представители католической церкви, а также многочисленных деструктивных сект и псевдорелигиозных объединений);

3. Противоречия процесса внутреннего развития и распространения ислама в России:

- бурный рост численности мусульман в России в силу особенностей демографической ситуации в регионах традиционного распространения ислама, а также роста миграционных потоков из ряда преимущественно мусульманских по вероисповеданию стран бывшего СССР;
- рост популярности фундаменталистских исламских идей в условиях длительной социально-экономической депрессивности и политической нестабильности в регионах традиционного ислама на Северном Кавказе (более 25% участников социологического опроса в ЮФО заявили, что в местах их проживания имеются приверженцы радикальных направлений ислама);
- продолжающийся раскол и разобщение мусульманских объединений и организаций по территориальному и этническому признаку (в настоящее время в России существует 55 самостоятельных Духовных управлений мусульман, в сравнении с 3 — в Советском Союзе).

4. Агрессивная активность нетрадиционных для России конфессий.

В последние годы в развитии ислама в Российской Федерации как и во всем мире происходят сложные и противоречивые процессы, превращающие его в серьезный политический фактор общественного развития. Вместе с тем это сопровождается широким распространением экстремизма — нетерпимости и агрессивности в методах и способах достижения целей.

Типичная для России ханафитская направленность ислама (ханафизм — богословско-правовая школа суннизма) в значительной степени отличается от направлений, исповедуемых в большинстве других исламских государств. Это обстоятельство активно используется исламскими фундаменталистами в пропаганде радикальных идей так называемого «чистого», «истинного» ислама.

К сожалению, в противостоянии с исламскими радикалами усилия представителей традиционного в нашей стране умеренного ислама не всегда эффективны, в силу целого ряда причин:

- недостаток образованных и независимых, патриотически настроенных религиозных исламских деятелей, ученых-богословов, способных вести просветительскую работу среди широких слоев населения на основе глубоких научных знаний (значительная часть богословов-традиционалистов — лица преклонного возраста и самоучки, не готовые к открытой полемике с приверженцами идей исламского фундаментализма и экстремизма, тогда как их оппоненты — напротив, достаточно грамотны в вопросах ислама, имеют высшее теологическое образование, ведут активную пропагандистскую деятельность, как

правило обладают ораторскими способностями, хорошо знают арабский язык, владеют навыками психоанализа, могут наизусть цитировать выдержки из Корана и трактовать его каноны в свою пользу);

- разобщенность исламских объединений по национальному и территориальному признаку (примечательно, что большинство мусульман осознает негативные последствия такой ситуации — так более 40% опрошенных из их числа в ходе социологического опроса высказались за необходимость объединения всех муфтиятов в России; против высказались лишь 20%);
- в религиозной жизни мусульман участвуют многочисленные иностранные исламские организации и отдельные миссионеры, оказывающие существенное влияние на формирование религиозного сознания, получающие существенную финансовую помощь из зарубежных фундаменталистских исламских центров (за последние 10 лет в Российской Федерации количество реакционных исламских организаций и объединений, деятельность которых иницируется из-за рубежа, возросло с 20 до 69);
- отечественная система подготовки мусульман-священнослужителей слаба и не имеет развитой научной базы для подготовки квалифицированных проповедников в регионах, в силу чего растет количество молодых религиозных деятелей, получающих образование за рубежом (в настоящее время в России в мечетях и молельных домах ведут проповеди около 2 тысяч имамов, получивших религиозное образование за рубежом (в большинстве своем граждане Российской Федерации); более 70% из них исповедуют экстремистские направления ислама, только в Северо-Кавказском регионе в настоящее время действуют более 4 тысяч мусульманских проповедников, которые ведут пропагандистскую работу вне рамок официальных мечетей, объединяясь в джихадистские джамааты; из 250 действующих мусульманских учебных заведений официально зарегистрированы и имеют лицензию только 75; около 1,5 тыс. преподавателей исламских университетов и медресе являются иностранцами, что составляет 2/3 всего преподавательского состава; около 3 тысяч российских граждан обучаются в настоящее время в зарубежных исламских учебных заведениях, из них только 200 по официальным направлениям муфтиятов);
- низкие финансовые возможности исламских духовных управлений (муфтиятов) и рост масштабов материальной помощи, идеологического влияния на них со стороны зарубежных исламских фундаменталистских центров (значительная часть муфтиятов фактически находится на содержании зарубежных фундаменталистских центров, в результате чего в более чем 20% мусульманских общинах (мечетях) России открыто проповедуются экстремистские идеи).

Немало проблем во взаимоотношениях представителей различных религиозных учений в России связано с деятельностью деструктивных религиозных объединений. В нашей стране, по данным специалистов, сегодня насчитывается от 3 до 5 млн. последователей религиозных сект, из которых около 500–900 тыс. являются представителями объединений, опасных для общества (доктрины которых прямо призывают к насилию над людьми, а деятельность идет вразрез со светскими законами и принципами общечеловеческой морали).

Деятельность указанных организаций опасна неразборчивостью средств для достижения своих узкокорпоративных целей, цинизмом и открытым надругательством над традиционными вероисповеданиями, тесной связью с криминальными структурами, враждебностью светским государственным институтам. Большинству религиозных культов и сект такие понятия как патриотизм, гражданственность, общечеловеческие ценности, моральные нормы и нравственные принципы — неведомы и чужды. Более того, они активно их разрушают в сознании своих адептов. Замкнутость и отчужденность от социальной действительности, тоталитарное подавление воли и сознания последователей, лживость, коварство, экстремизм и крайняя агрессивность в борьбе за влияние в обществе — типичные черты деятельности этих религиозных объединений.

Таким образом, межэтнические и межконфессиональные конфликты, как правило, являются следствием целого комплекса глубоких и разноплановых социальных противоречий. Они являются серьезным дестабилизирующим угрожающим фактором в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Деятельность по их предотвращению, пресечению и минимизации негативных последствий требует постоянных комплексных усилий со стороны органов власти и правоохранительных органов как местного, так и федерального уровня в тесном взаимодействии с общественными организациями и объединениями, представителями интеллигенции и профессиональными лидерами.

Рост значимости этно-конфессиональной составляющей общественного сознания, динамичные и противоречивые процессы внутреннего развития религиозных конфессий и этносов России, взаимоотношений между ними должны быть в центре постоянного внимания правоохранительных органов, структур гражданского общества, так как конструктивное решение проблем в указанной сфере в значительной степени определяет стабильность общества и государства, дает возможность своевременно пресекать попытки экстремистских и террористических сил использовать в своих преступных целях деструктивный потенциал этно-конфессиональных конфликтов.

Практика контроля за исполнением законодательства в сфере межнациональных отношений и свободы совести

А. Т. Рагимов¹

Одним из основных нормативно-правовых актов, регулирующих сферу межнациональных отношений в Российской Федерации, является Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ в 1996 году. Но до её принятия в 1993 году в Дагестане была разработана и реализована Комплексная программа решения национальных проблем в Республике Дагестан, рассчитанная на 4 года. Ход исполнения данной Комплексной программы ежегодно рассматривался на сессиях парламента нашей республики. В 1997 году на сессии Народного Собрания РД, когда рассматривались итоги её реализации, с учетом того, что на российском уровне велась работа над проектом Основных направлений государственной национальной политики на Северном Кавказе, она не была пролонгирована. В этой связи контроль в сфере межнациональных отношений проводился в рамках концепции государственной национальной политики РФ и программ, принятых по тем или иным вопросам в этой сфере (программа переселения лакского населения на новое место жительства и восстановление Ауховского района, Программа «Север», направленная на приостановку оттока русского населения из Дагестана. Программа «Горы», направленная на создание инфраструктуры в горах с целью приостановки миграции с гор на равнину и т. д.).

Выполняя Концепцию в части решения проблем национальных отношений, органами государственной власти в области государственно-правового устройства республики проделана определенная работа.

Остановлюсь на некоторых моментах, которые представляют для нас особый интерес.

Так, говоря о самоопределении, отмечу, что в Дагестане самоопределение осуществляется в двух аспектах: общedaгестанское самоопределение в составе России и культурное самоопределение народов Дагестана, реализуемое через государственные институты с национальными кадрами (парламент, местные органы самоуправления, телевидение, школы, печать, радио, издательства и т. д.).

¹Министр юстиции Республики Дагестан.

Реализация культурной автономии имеет несколько аспектов. Первый: сочетание ее с местным самоуправлением, созданием условий для проявления инициативы и самостоятельности всех групп населения. В особенности, такое преломление должно иметь место в работе всех городских самоуправлений и равнинных районов республики, где проживают группы всех национальностей.

Второй аспект — заключение двусторонних договоров между субъектами федерации по предоставлению гарантий национального равноправия и удовлетворения культурно-образовательных потребностей наших граждан. Эта практика уже реализуется нами. Договоры и соглашения заключены со многими республиками и областями. Важно ее продолжить, так как факты дискриминации по этническому признаку, нарушения конституционных прав граждан не исчерпаны, а порой имеют тенденцию к периодическим реанимациям.

Третий аспект, заключение договоров и целевых программ по оказанию материальной и культурной помощи соотечественникам, проживающим в СНГ. Актуальность этой работы вытекает из того, что такие народы Дагестана как лезгины, аварцы, цахуры разделены госграницей с Азербайджаном и Грузией. Кстати, мы имеем опыт реализации культурной автономии для соотечественников. В трех селах Грузии с нашей помощью для каварских аварцев создана дагестанская национальная школа.

В Концепции государственной национальной политики РФ отмечается, что отсутствие эффективных программ национальной политики, а также необходимых правовых актов, призванных регулировать различные стороны федеративных и национальных отношений, в реальной жизни дают о себе знать.

Действительно, без целой серии программ в поддержку тех, кто занимает невыгодное положение, невозможно добиться равного доступа и участия всех дагестанцев в экономике, социальной сфере, культурной и политической жизни. Учитывая это, в разрабатываемые нами программы закладывались традиционные формы хозяйствования и трудовой деятельности. В частности, в программы по сотрудничеству с соседними странами в разрешении проблем наших соотечественников, компактно проживающих в приграничных районах, включая особое регулирование пограничного режима.

Для многонационального Дагестана особой актуальностью представляет языковая проблема. В данном случае хотелось бы подчеркнуть значение русского языка. Русский язык у нас — государственный язык. Он изучается нашими народами не только как язык общения. Но и как язык, на котором народы Дагестана овладевают русской и мировой культурой, да и своей культурой и историей. Этот аспект имеет огромное значение. Важно, чтобы мы не снижали внимания к качеству преподавания русского языка. В Дагестане в 2008 году принят Закон РД «Об утверждении Программы развития русского языка в РД»

В Концепции акцентируется внимание на проблемах подготовки кадров для работы в национальной сфере, а также обеспечение реализации в системах дошкольного воспитания, среднего и высшего образования, повышения

квалификации кадров, программ и курсов по вопросам воспитания культуры межнационального общения, ознакомлению детей, молодежи, населения с духовными богатствами народов России.

Следует сказать, что в ДГПУ решением Министерства образования РФ создан научный центр по формированию культуры межнационального общения. Сам этот факт примечателен и обязывает нас оказывать помощь в обеспечении преподавания этого курса во всех наших образовательных учреждениях.

Хочу особо отметить, что все народы Дагестана единодушны в отношении вхождения республики в состав Российской Федерации в качестве полноправного ее субъекта. Это отвечает социально-экономическим и политическим реалиям и нашему историческому опыту. Поэтому наша цель развивать и углублять свои отношения с федерацией. Свои интересы и специфику во взаимоотношениях с федеральным Центром республика должна обеспечить через систему согласительных процедур в части создания единого правового поля, договоров и соглашений по разграничению полномочий и предметов ведения.

Через систему соглашений с Центром республика проводит свои внешние интересы. Реализовывая этот курс посредством заключения торгово-экономических договоров с зарубежными партнерами и субъектами Российской Федерации, а так же созданием в них дагестанских представительств.

Важнейшим инструментом социально-экономического развития являются региональные программы. Исключительное значение они имеют в условиях Дагестана. Во-первых, у нас имеет место резкое различие природно-географических зон — равнины, предгорья и гор. Во-вторых, горы и равнины находятся в тесной хозяйственной связи. В третьих, у нас необходим компромисс между народами в силу их смешанного проживания на равнине. В четвертых, эти программы должны быть федерально-го значения в силу следующих причин: Дагестан — регион депрессивный, трудоизбыточный, длительное время был окружен горячими конфликтами, которые подорвали нашу экономику, занимает особое геополитическое положение.

Следует заметить, что Концепция учитывает современные национальные приоритеты народов республики — это стремление к самоопределению. Поскольку при существующей в республике демографической ситуации исключается самоопределение в форме отделения или автономизации, в чем едины все народы, удовлетворение приоритетов национального самоопределения осуществляется посредством защиты и сохранения национальной самобытности, развития национальной культуры и политического представительства в органах власти и местного самоуправления. В этом плане у нас сложилась практика представления народов в органах власти, сочетая принципы равенства и пропорционального представительства. Есть лишь определенные претензии к формам и механизмам представительства. Над их совершенствованием мы постоянно работаем, учитываем мнение населения.

Для обеспечения культурной самобытности народов, сохранения и развития языков и расширения сферы употребления национальных языков в республике создана соответствующая система государственных институтов (обучение на родных языках, национальные театры, средства массовой информации на национальных языках, издательские отделы, национальное радиовещание и т. д.). В этой сфере слабым местом остается недостаточная инициативность национальных общностей, слабое стремление с их стороны к сотрудничеству с госорганами в решении национально-культурных проблем.

Усилению вклада национальных общностей в развитие национальных культур в полной мере способствует Федеральный закон «О национально-культурной автономии». Главное, что предусмотрено в этом законе — это усиление участия национальных общностей в развитии своей культуры и всемерная поддержка их рациональных инициатив со стороны государственных органов. Допускается создание национальных учреждений культуры на собственные и государственные средства, работающие под эгидой национально-культурных автономий. В республике функционирует региональная национально-культурная автономия ногайского народа, которая в культурном аспекте объединяет ногайское население, проживающее в Дагестане, Ставропольском крае, Карачаево-Черкессии, Чеченской Республике, Астраханской области.

Средства массовой информации слишком мощный фактор в жизни общества, чтобы обойти их роль в решении национальных проблем.

Дагестан это многонациональная республика. У нас нет титульных наций, каждая нация, а их 14, является республикообразующей. Есть национальности большой численности и национальности малой численности. Для Дагестана национальный фактор всегда был приоритетным, требовавшим и от государственной власти, и от общественно-политических сил страны постоянного внимания к состоянию межнациональных отношений, умения вовремя найти нужные механизмы их урегулирования.

Этническое вещание у нас обычное явление повседневного быта. В этой сфере мы исходим с позиций таких же цивилизованных отношений как в экономике и политике. У нас созданы радио программы на 14 языках народов Дагестана.

В части, касающейся вопросов развития средств массовой информации, в целях более полного удовлетворения национальных, в том числе информационных, запросов населения, проводится работа по совершенствованию структуры национальной печати. Сегодня Дагестан относят к числу регионов с довольно развитой сферой массовой информации. Основной чертой нашей печати является существование крупного газетного сектора на национальных языках. Так, в республике на 14 языках издаются 144 газеты и 31 журнал, более 70 из них с государственным участием.

Кроме того, принятие Федерального закона «О национально-культурной автономии» предоставило ряду этническим групп право на освещение деятельности их национально-культурных автономий в СМИ. Согласно Закону им предоставляется эфирное время. Перио-

дичность, продолжительность передач и языка, на котором ведутся передачи, определяются договорами с учредителями и редакциями теле-радиопрограмм.

В феврале 2008 года принят Закон РД «Об утверждении Программы развития национальных отношений в Республике Дагестан на 2008–2010 годы». В целях контроля её реализации предусмотрено проведение мониторинга по вопросам эффективности механизмов реализации Программы, разработка и принятие решений по корректировке хода выполнения мероприятий Программы; осуществление комплексных проверок деятельности органов исполнительной власти, участвующих в реализации Программы, обобщение и распространение положительного опыта реализации Программы, освещение хода реализации Программы в средствах массовой информации.

В целях предотвращения конфликтов на межэтнической основе и стабилизации межнациональных отношений:

1. Необходимо принимать своевременные меры по социально-экономическому развитию территорий, где имеются очевидные очаги напряжения в межнациональных отношениях.
2. Нужны последовательные и постоянные шаги по развитию сотрудничества с приграничными государствами, где проживают разделенные народы.
3. Совместно с политическими партиями и другими институтами гражданского общества следует продолжить более активный диалог в вопросах национального представительства при проведении выборных кампаний и в других ситуациях, когда возникает национальная проблематика.
4. Нужна целенаправленная работа правоохранительных органов по выявлению и пресечению правонарушений, совершаемых на национальной почве.

Изменение уголовного законодательства Российской Федерации о взрывчатых веществах и взрывных устройствах в аспекте предупреждения терроризма

Р. В. Романов

Терроризм относится к числу самых опасных криминальных явлений современности, которое приобретает все более разнообразные и изощренные формы.

Терроризм является серьезным дестабилизирующим фактором в социально-политической жизни российского общества. Террористические акты, захваты заложников, угоны воздушных и иных транспортных средств, посягательства на жизнь государственных и общественных деятелей и другие преступления террористической направленности становятся практикой решения политических, экономических, социальных, территориальных, этнических и религиозных конфликтов и споров. В результате криминальных взрывов, поджогов и иных общественно опасных посягательств причиняется огромный ущерб политической системе и общественной безопасности Российской Федерации, гибнут люди, нарушается нормальная деятельность органов государственной власти и управления, причиняется существенный имущественный ущерб гражданам.

Поиск эффективных форм международно-правовой борьбы с терроризмом позволяет считать наиболее приемлемыми следующие: унификацию законодательства по борьбе с терроризмом и борьбу с международным терроризмом при помощи конвенционного механизма. Унификация законодательства по борьбе с международным терроризмом означает необходимость создания типовых международно-правовых норм, в соответствии с которыми должно строиться национальное законодательство по данному вопросу. Одним из наиболее рациональных методов борьбы с любыми проявлениями международного терроризма является использование конвенционного механизма, то есть заключение отдельных конвенций, имеющих своей целью борьбу с каждым отдельно взятым видом террористической деятельности. Данный метод позволяет более полно и точно сформулировать и законодательно оформить каждый отдельный вид этой преступной деятельности, а также налагает на государства обязанность совершать определенные действия или воздерживаться от каких-либо действий в целях

пресечения актов международного терроризма.

Современное международное право выработало целый ряд международных конвенций универсального и регионального характера, которые на основе четких критериев устанавливают в качестве предмета своего правового регулирования взаимное сотрудничество государств в борьбе с международным терроризмом¹.

Не остаются в стороне от выработки международно-правовых документов в сфере борьбы с терроризмом и государства — члены Содружества Независимых Государств (СНГ). В сложившихся условиях Межпарламентская ассамблея СНГ выразила серьезную озабоченность угрозой действий международных террористических формирований безопасности государств — участников Содружества. Она призвала парламенты и правительства государств СНГ совместными усилиями противодействовать организованной преступности, международному терроризму, агрессивному сепаратизму и защитить своих граждан от посягательств террористов. Решением Совета глав государств СНГ от 26 августа 2005 года была утверждена Концепция сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма.

¹К актам универсального характера относятся: 1) Конвенция ООН «О преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов», подписанная в Токио 14 сентября 1963 года; 2) Конвенция ООН «О борьбе с незаконным захватом воздушных судов» от 16.12.1970 г.; 3) Конвенция ООН «О борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации», подписанная в Монреале 23 сентября 1971 года; 4) Протокол «О борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию», дополняющий Конвенцию ООН «О борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации», принятую в Монреале 23 сентября 1971 года (подписан в Монреале 24 февраля 1998 года); 5) Конвенция ООН «О предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов», от 14 декабря 1973 года; 6) Международная конвенция «О борьбе с захватом заложников» (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г.); 7) Конвенция ООН «О физической защите ядерного материала» от 3 марта 1980 г.; 8) Конвенция ООН «О борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства» (Рим, 10 марта 1988 г.); 9) Протокол «О борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе», 1988 г.; 10) Конвенция ООН «О маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения», принятая в Монреале на дипломатической конференции, проведенной ИКАО 12 февраля–1 марта 1990 года; 11) Декларация ООН «О мерах по ликвидации международного терроризма» от 9 декабря 1994 г.; 12) Декларация ООН, дополняющая Декларацию ООН «О мерах по ликвидации международного терроризма» 1994 года (17 декабря 1996 года); 13) Международная конвенция «О борьбе с бомбовым терроризмом» от 16 декабря 1997 года; 14) Международная конвенция «О борьбе с финансированием терроризма» от 9 декабря 1999 года.

К региональным актам такого рода можно отнести: 1) Вашингтонскую конвенцию от 2 февраля 1971 г. «О предотвращении и наказании терроризма, принимающего форму международно-значимых преступлений против личности, и связанного с этим вымогательства»; 2) Европейскую конвенцию «О борьбе с терроризмом» 1977 года; 3) Дублинское соглашение 1979 г. по применению Европейской конвенции «О борьбе с терроризмом»; 4) Токийское соглашение «О международном терроризме» от 5 мая 1986 г.; 5) Конвенция стран СНГ «О борьбе с терроризмом», 1996 г.; 6) двусторонние международные договоры.

Правовую основу борьбы с терроризмом в России составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»², другие федеральные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации³, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, а также принимаемые в соответствии с ними иные нормативно-правовые акты федеральных органов государственной власти.

Особая роль в сфере правового обеспечения борьбы с терроризмом принадлежит Федеральному закону от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁴. Как сказано в преамбуле к указанному закону, он устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовую и организационную основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовую и организационную основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом. В нем приведен порядок проведения контртеррористических операций, предусмотрены положения возмещения вреда, причиненного в результате террористического акта, и социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, уделено внимание правовой и социальной защите лиц, участвовавших в борьбе с терроризмом, выделяется ответственность организаций за причастность к терроризму. Хотя в Федеральном законе «О противодействии терроризму» отсутствует перечень преступлений террористического характера, законодатель в статье 24, определяя террористическую организацию, перечисляет совершаемые и подготавливаемые ею преступления. К ним относятся деяния, предусмотренные статьями 205 УК РФ («Террористический акт»), 205.1 УК РФ («Содействие террористической деятельности»), 205.2 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма»), 206 УК РФ («Захват заложника»), 208 УК РФ («Организация незаконного вооруженного формирования и участие в нем»), 211 УК РФ («Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава»), 277 УК РФ («Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»), 278 УК РФ («Насильственный захват власти или насильственное удержание власти»), 279 УК РФ («Вооруженный мятеж»), 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской дея-

²Российская газета, № 48 от 10 марта 2006 г. Аналогичные специальные законы имеются в зарубежных странах. Например, в Великобритании — «О предупреждении терроризма» (1974 г.), в Германии — «О борьбе с терроризмом» (1986 г.), во Франции «О борьбе с терроризмом и посягательствами на государственную безопасность» (1986 г.), в США — «О борьбе с терроризмом и применении смертной казни» (1996 г.). Акт патриота (2001 г.) / См.: Трунов И. Правовые основы борьбы с терроризмом // Уголовное право. 2004. № 4. С. 92.

³Россия подписала 11 из 12 универсальных антитеррористических конвенций по борьбе с различными проявлениями терроризма.

⁴Собрание законодательства РФ, 13.03.2006, № 11, ст. 1146.

тельности»), 282.1 УК РФ («Организация экстремистского сообщества»), 282.2 УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации»), 360 УК РФ («Нападения на лиц и учреждения, которые пользуются международной защитой»). Таким образом, можно говорить о том, что в указанном нормативно-правовом акте преступления террористического характера перечисляются.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» впервые разграничил антитеррористическую деятельность государства на профилактику (предупреждение) терроризма и борьбу с ним, а также на минимизацию и (или) ликвидацию последствий его проявления. В связи с чем, необходимо остановиться на некоторых моментах, связанных с определением данных понятий.

Общим собирательным понятием по отношению к предупреждению терроризма, борьбе с ним и минимизации и (или) ликвидации его последствий выступает противодействие терроризму (ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму» — далее закон). При этом закон разграничивает предупреждение на: профилактику терроризма и его предупреждение в процессе активной деятельности органов государственной власти специально уполномоченных на реализацию мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом).

Предупреждение террористического акта в рамках деятельности спецслужб, органов предварительного расследования, прокуратуры и суда во многом зависит от слаженности работы правоохранительных органов. Более успешной реализации данного направления противодействия терроризму будет способствовать Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму»⁵, в соответствии с которым был образован Национальный антитеррористический комитет.

Целью образования Комитета является координация деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по профилактике терроризма, а также по минимизации и ликвидации его последствий, посредством создания антитеррористических комиссий в субъектах Российской Федерации.

Важнейшим правовым средством борьбы с терроризмом является уголовное законодательство. В Российской Федерации уголовная ответственность за терроризм впервые введена Федеральным законом от 1 июля 1994 года (ст. 213³ УК РСФСР). Уголовный кодекс Российской Федерации, введенный в действие с 1 января 1997 года, в ст. 205 не только сохранил ответственность за терроризм, но и конкретизировал его признаки. Появились новые преступления террористического характера, закрепленные ст. 205.1 УК РФ и ст. 205.2 УК РФ.

Предупреждение террористической преступности средствами, которые предоставляет уголовное законодательство, должно протекать в сфере кри-

⁵См.: Российская газета, № 34 от 17 февраля 2006 г.

минализации и декриминализации (речь идет о деятельности, связанной с криминологической обоснованностью процесса криминализации и декриминализации деяний)⁶.

Как указано борьба с терроризмом включает помимо вышеперечисленного также деятельность по предупреждению террористических актов. Указанное преступление в большинстве случаев совершаются именно с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств. Уголовная ответственность за деяния с такими предметами предусмотрена в статье 222 Уголовного кодекса Российской Федерации. Именно норма, предусмотренная в данной статье, имеет ключевое значение для предупреждения преступлений, совершаемых с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств, в частности, таких как террористический акт.

Следует обратить внимание на сложившуюся на сегодняшний день судебную практику, связанную с вынесением достаточно либеральных приговоров в отношении лиц, которые осуществляют незаконные деяния с взрывчатыми веществами и взрывными устройствами. Например, «... гражданин З., приобретя у неустановленного лица гранату «Ф-1», около месяца хранил и носил ее при себе, однажды вечером принес гранату в кафе и стал показывать своему знакомому, но при этом был задержан сотрудниками милиции. Осужден к 2 годам условно. Гр-н Ц. за незаконное хранение трех 200-граммовых тротильных шашек и средств взрывания — трех капсулей-детонаторов и двух отрезков огнепроводного шнура — осужден к 4 годам условно»⁷.

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы.

1. Взрывчатые вещества и взрывные устройства являются основным орудием лиц, совершающих террористические акты, которые приводят к большому числу жертв и причиняют крупный ущерб личности, обществу, государству⁸.
2. Незаконные деяния с взрывчатыми веществами и взрывными устройствами обычно свидетельствуют о приготовлении к иным преступлениям (террористический акт, диверсия и другие).
3. Достаточно «мягкая» судебная практика по таким уголовным делам не вполне соответствует положению Уголовного кодекса Рос-

⁶См.: *Прокументов Л.М., Шеслер А.В.* Криминология. Учебное пособие. Красноярск, 1997. С. 15.

⁷*Корецкий Д.А.* Указ. соч. С. 210.

⁸При взрывах жилых домов на улице Гурьянова и Каширском шоссе (8 и 13 сентября 1999 г., Москва) погибло 228 человек. В результате взрыва в Волгодонске (16 сентября 1999 г.) произошло обрушение части секции дома № 35 (подъезды № 3 и 4). В лечебные учреждения за медицинской помощью обратились более 1300 человек, госпитализировано в Центральную государственную больницу 89 человек, из них 16 детей, 8 — в тяжелом состоянии. В ходе разбора завалов извлечено и доставлено в морг 18 погибших, из них двое детей, еще один пострадавший умер в больнице. Были повреждены 37 близлежащих домов, из них — 25 серьезно. См.: *Терроризм. Правовые аспекты противодействия: нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи* / Под ред. Трунова И.Л., Горбунова Ю.С. М. Эксмо, 2007. С. 21.

сийской Федерации (ст. 2) о предупреждении преступлений. То есть в данном случае норма, предусмотренная, в статье 222 УК РФ не достаточно выполняет свою превентивную функцию, связанную с предупреждением других преступлений.

Указанные выводы позволяют сформулировать следующее предложение по совершенствованию уголовного законодательства в сфере незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Целесообразно предусмотреть уголовную ответственность за незаконные деяния с взрывчатыми веществами и взрывными устройствами в отдельной статье УК России. При этом установить более жесткую ответственность с указанными предметами по сравнению с огнестрельным оружием с учетом их высокой общественной опасности. Так как именно указанные предметы используются при совершении такого особо тяжкого преступления как террористический акт.

Результаты опроса следственных и оперативных работников, в ходе которого было предложено сопоставить степень общественной опасности незаконных действий с взрывчатыми веществами, взрывными устройствами и незаконных деяний с огнестрельным оружием, показали, что большая часть 69% (122 человека) оценивают оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств как наиболее опасный по сравнению с незаконными действиями по отношению к огнестрельному оружию.

По мнению автора не нуждается в доказывании повышенная общественная опасность незаконных приобретения, перевозки, передачи, сбыта, хранения или ношения взрывчатых веществ и взрывных устройств, а потому обоснованность и необходимость ужесточения санкций за указанные деяния с такими предметами.

Дискурс толерантности в межкультурной коммуникации

А. П. Садохин

Процесс глобализации знаменует собой формирование качественно новых социальных связей и общественных взаимоотношений. Но это происходит в условиях неравных возможностей субъектов, общего культурного многообразия человечества, фундаментальных различий в образе жизни народов и т. д. Здесь результаты глобализации все более зависят от согласия взаимодействующих народов, их уважительного отношения друг к другу, образу мыслей, действиям и поступкам. Терпимое отношение к партнерам по взаимодействию представляет собой ту культурную норму, которая умножает и улучшает результаты процесса глобализации. Здесь также неременным условием достижения позитивных результатов становится выработка межкультурной компетентности, которая позволяет преодолеть негативные явления в межкультурном общении, избежать этноцентризма, неуважительного отношения к чужим традициям, обычаям, укладам жизни и т. д. В этих обстоятельствах главным фактором обретения мира и согласия народов становится толерантность, которая обнаруживается как всеобщее стремление согласовать человеческие интересы и потребности.

Вместе с тем глобализация создает предпосылки, затрудняющие утверждение принципов демократии, плюрализма и толерантности. К такого рода предпосылкам относятся нарастающее многообразие мира, растущая социальная поляризация в мире, рост религиозного фундаментализма и воинствующего национализма, неспособность существующих социальных институтов защитить любую этническую культуру в новых условиях. Здесь возникает потребность в консенсусе, который предполагает понимание того, что удовлетворение собственных интересов возможно при учете интересов другого.

Динамика отмеченных противоположных процессов зачастую зависит от того, каким образом культурные достижения различных сообществ людей включатся в общий процесс движения человечества к своему единству и целостности. В настоящее время во взаимодействии народов и культур пока очевидно доминирование локальных интересов отдельных народов над общими. Иными словами подавляющая часть этнических групп отстаивает местные интересы, которые признаются приоритетными по отношению ко всем другим. В этой ситуации крайняя терпимость по отношению к членам своей группы сочетается с нетерпимостью ко всем остальным. Но при таком направлении развития авторитарное подчинение, грубая сила, утилитаризм и прагматизм оказываются в итоге малопродуктивными.

Сегодня все более становится очевидным, что необходимым условием выживания народов в современном мире является только интеграция, признание суверенности и ценности каждого народа и его культуры. Это означает, что взаимодействие народов и культур должно развиваться на основе принципа толерантности, выражающегося в стремлении достичь взаимного понимания и согласованности не прибегая к насилию, к отношениям господства и подчинения, к подавлению человеческого достоинства, а путем диалога и сотрудничества отдельных индивидов, социальных групп и этнических культур.

Человеческий мир — это непрекращающееся общение и взаимодействие людей с друг другом. В этом общении большинство людей в своем видении мира, отношении к другим людям, поведении, образе жизни закономерно руководствуются ценностями и нормами своей собственной культуры. При этом чаще всего они не осознают себя в качестве продукта этой культуры и редко задумываются о том, что поведение представителей других культур определяется иными ценностями и нормами. Воспринимая и оценивая чужую культуру по привычным для себя стандартам и критериям собственной культуры, человек тем самым становится на позиции культурного центризма, суть которого заключается в убеждении, что чужая культура непременно хуже, чем собственная. Естественно, что такая точка зрения препятствует успешному взаимодействию, поскольку не ведет к эффективному общению коммуникантов.

Дело в том, что каждая культура отражает лишь часть опыта, накопленного человечеством. При общении с представителями других культур необходимо иметь адекватное представление об их традиционных особенностях. В этом контексте одно из основополагающих условий взаимодействия народов и культур состоит в том, что не следует спешить с умозаключениями и оценками, когда другие люди делают что-то странное, а постараться понять их культуру. Иными словами в таких ситуациях необходимо избавиться от культурного центризма в оценке поведения людей, что возможно только через формирование межкультурной толерантности, в которой переплетаются готовность к активному общению с людьми другой культуры, открытость, свобода от предубеждений, терпимость, способность позволять другому существовать рядом со своим.

Таким образом, современные тенденции общественного развития делают проблему толерантности актуальной как в теоретическом, так и в практическом отношении, что в свою очередь обуславливает необходимость изучения толерантности как элемента межкультурной компетентности, позволяющей регулировать отношения людей на самых разных уровнях.

В истории мировой культуры представления о толерантности имеют богатую историю. Они связаны с процессами выделения родового человека из системы традиционных норм и установок в сферу социальных отношений, и, прежде всего, с процессом возникновения и распространения религиозных вероисповеданий. Тогда формирующиеся догматы веры требовали смирения и терпения в практике вероисповедания, что противостояло природной конфликтности человеческого сознания. Именно тогда появилась

необходимость в таких действиях и типах поведения, которые благоприятствовали бы разного рода человеческим контактам и помогали бы достигать согласованности в достижении определенных целей.

Современные представления о толерантности были во многом подготовлены деятельностью философов XVI–XVIII вв., и, прежде всего, Вольтером — последовательным критиком фанатизма и защитником толерантности. Общественное признание толерантности всеобщей человеческой ценностью и основополагающим компонентом мира и согласия между религиями, народами и различными социокультурными группами произошло в 1789 г., когда Учредительное собрание Франции приняло Декларацию прав и свобод человека и гражданина. Эта декларация стала предвестницей современных деклараций о правах человека, итогом которых стало появление в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека. Впервые в истории в ней были изложены основные принципы мира, ненасилия и демократии и было отмечено, что насилие, войны являются следствием подавления демократии и результатом проявления нетерпимости.

Понятие «толерантность» восходит к латинскому глаголу *tolerantia* — «нести», «держать», «терпеть». Этот термин первоначально применялся в тех случаях, когда было необходимо «нести», «держать» в руках какую-либо вещь. При этом подразумевалось, что для держания и переноса этой вещи человек должен прилагать определенные усилия, страдать и терпеть. В широкий научный оборот термин «толерантность» был введен в 1953 г. английским ученым П. Мевадаром для обозначения «терпимости» иммунной системы живого организма к пересаженным инородным тканям. Позднее это значение было дополнено в других науках иными толкованиями этого понятия.

В процессе историко-культурного развития категория «толерантность» приобрела новые смысловые значения и интерпретации. Это является естественным явлением, поскольку происходят постоянные изменения в обществе и в человеческих взаимоотношениях актуальными и жизненно важными становятся те или иные идеи и потребности. В результате этого к концу XIX в. глагол «толерантность» насчитывал около 26 лексем и выражал его различные значения: выносить, страдать, крепиться, допускать, выжидать чего-то и т. д.

Соответственно в той или иной его интерпретации это понятие вошло в словарные и энциклопедические издания. Так, в «толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова категория «толерантность» полностью отождествляется с категорией «терпимость».¹ В «Словаре иностранных слов и выражений» термин толерантность определяется как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению, снисходительность к чему-либо или кому-либо».² В этом же словаре появляются еще два определения, связанные с биосоциальным аспектом его понимания: «полное или частичное отсутствие иммунологической реактивности организма»; и «спо-

¹Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка». М.

²«Словаре иностранных слов и выражений». М.: «Русский язык», 1998. — с.498.

способность организма переносить неблагоприятные влияния того или иного фактора среды».

В современном понимании толерантность есть способность человека, сообщества людей принимать и уважать мнение других. В международной практике сейчас широко используется определение, сформулированное в Декларации принципов толерантности, принятой Генеральной Конференции ЮНЕСКО в 1995 г.: «Толерантность — это то, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира». Ближким по смыслу к данному пониманию является известное определение толерантности, предлагаемое американским словарем *American Heritage Dictionary*: «Толерантность — способность к признанию или практическое признание и уважение убеждений и действий других людей». Кембриджский словарь трактует толерантность как «готовность и способность без протеста воспринимать личность или вещь».³ Во французском языке толерантность означает «уважение свободы другого, его образа мысли, поведения, политических и религиозных взглядов». В китайском языке быть толерантным значит «позволять, допускать, проявлять великодушие в отношении других». В арабском языке толерантность предполагает «прощение, снисхождение, мягкость, сострадание, благосклонность, терпение к другим». Таким образом, категория «толерантность» в современном понимании имеет широкий спектр трактовок и интерпретаций. Ее понимание не однозначно в разных культурах.

В отечественной науке термин «толерантность» широкое распространение получил в его английской интерпретации («tolerance»), где наряду с терпимостью он означает также «допускать». Поэтому в русском языке существует два термина со сходным значением: толерантность и терпимость. Толерантность обычно используется в медицине и гуманитарных науках, а терпимость употребляется в обыденной речи и обозначает способность мириться с чужим мнением, быть снисходительным к поступкам других людей. В таком понимании «толерантность» не является синонимом терпения или терпеливости. Как отмечает В.А. Тишков, «если терпение выражает чаще всего чувство или действие со стороны испытывающего боль, насилие или другие формы негативного воздействия, то терпимость включает в себе уважение или признание равенства других и отказ от доминирования или насилия»⁴.

При таком подходе основу толерантности составляет психологический механизм, обеспечивающий терпимость личности при ее взаимодействии с окружающей средой. Содержание терпимости составляют определенные установки личности, совокупность ее отношений к действительности, к другим людям, к их поведению, к себе, к воздействию других людей на себя.

По нашему мнению, рассмотрение вопроса о сущности толерантности следует начать с того очевидного факта, что взаимное признание субъек-

³Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University Press. 1995. P. 223.

⁴Тишков В.А. Толерантность и согласие в трансформирующихся обществах // Толерантность и культурная традиция. — М., 2002. С. 12.

тами общения и взаимодействия в качестве равноправных участников процесса коммуникации основывается на осознании ими взаимной полезности, предполагающей взаимную заинтересованность, обоюдном уважении и учете интересов, на способности жертвовать частью собственных интересов ради максимализации общего блага. Этот фактор заложен как в практической сфере жизнедеятельности, так и в сфере всех форм коммуникации.

Дело в том, что неизбежный процесс адаптации (приспособления) человека к окружающему миру имеет решающее значение в выборе форм поведения и взаимодействия с другими людьми. Он сопровождается формированием у него чувств личной самоопределенности и открытости к восприятию чужих мировоззрений. Результатом этого сочетания становится стремление к достижению золотой середины между собственными ценностями и ценностями окружающих людей. Данная устремленность основывается на активной жизненной позиции человека, где ответственность за свои действия сочетается с осознанием его долга перед другими людьми.

Отсюда терпимость (толерантность) возникает в результате взаимного компромисса между индивидуальным «Я» и окружающим миром. По этой же причине она имеет две стороны: объективную и субъективную. Объективная сторона связана с поиском согласованности человека с окружающим миром, с терпеливым отношением к реальным обстоятельствам и условиям его жизни. Субъективная же сторона связана с нетерпимостью как проявлению неуравновешенности поведения, вызванной естественными инстинктами организма, не подвергнутых культурной обработке. Сочетание указанных объективной и субъективной сторон в жизнедеятельности человека нашло свое выражение в известной житейской мудрости, согласно которой не следует пытаться менять других людей и делать их такими, какими они тебе понравятся. Либо принимай их такими, какие они есть, либо не люби их совсем, тебя никто не заставляет. Любить или не любить — это твоя проблема и твой выбор, в котором не следует пытаться облегчить свою жизнь за счет другого.

Говоря об ответственности человека перед самим собой и другими людьми на основе принципа терпимости, следует учитывать тот факт, что процесс адаптации требует одновременно как сохранения индивидуального своеобразия человека, так и достижения его групповой солидарности с другими людьми. Решающим обстоятельством здесь выступает признание взаимодействующими сторонами друг друга в качестве равноправных участников общественных отношений, которые должны строиться на принципах доверия, уважения, доброжелательности, равенства и свободы выбора. При этом реализация ими своих интересов и целей предполагает также невмешательство в дела друг друга и сохранение самостоятельности.

Таким образом, в основе толерантности лежит механизм, обеспечивающий терпимость личности во взаимодействии со средой. Готовность к терпимой реакции на среду проявляется на когнитивном, аффективном и поведенческом уровнях. За такой терпимостью стоят определенные установки личности, определяющие ее отношение к действительности в целом, к другим людям, к их поведению, к воздействию других людей на себя, к

жизни вообще.

Понимание толерантности не однозначно в разных культурах, прежде всего оно зависит от исторического опыта соответствующего народа. Однако, сегодня большинство научных направлений рассматривают «толерантность» как уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм поведения, отказ от сведения этого многообразия к единообразию и преобладанию какой-либо одной точки зрения над другими. Это означает, что толерантность предполагает готовность принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия. Она не должна сводиться к индифферентности, конформизму, ущемлению собственных интересов. В первую очередь она предполагает взаимную и активную позицию всех заинтересованных сторон.

Основой толерантного отношения к окружающему миру является позитивная этническая идентичность, в структуре которой позитивный образ собственной этнической группы сосуществует с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам. Позитивную социокультурную идентичность можно рассматривать, с одной стороны, как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы, а с другой, — как необходимое условие межкультурного взаимодействия в полиэтническом и мультикультурном мире. Ее формирование предполагает понимание культурного и этнического многообразия мира, понимание непохожести и единства как двух сторон одного и того же процесса.

Иными словами толерантность допускает признание прав другого человека, восприятие этого другого как равного себе, претендующего на понимание и сочувствие, готовность принять представителей других народов и культур такими, какие они есть, взаимодействовать с ними на основе согласия и уважения. Она является необходимым компонентом жизненной позиции зрелой личности, имеющей свои ценности и интересы, готовой их защищать, но при этом с уважением относиться к ценностям других людей. Исходя из сказанного, можно рассматривать *толерантность как чувство терпимости и уважительного отношения к культуре и мнениям других людей, не совпадающих с собственными*. Толерантность допускает право представителя любой культуры на свободное выражение своих взглядов и реальное поведение в практической жизни при одновременном благожелательном отношении к культуре, поведению и мнениям других людей.

Таким образом, толерантность предоставляет возможность для человека делать то, что он хочет, но не во вред другим людям. Свобода одного человека начинается там, где заканчивается свобода другого. Каждый индивид свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими индивидами. Это означает признание того факта, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, языку, поведению и ценностям и обладают правом сохранять свою индивидуальность. Это означает также, что взгляды одного человека не могут быть принудительно навязаны другим людям.

Вероятно, практическим примером толерантного отношения к окружа-

ющим людям могут служить правила поведения, разработанные на заводах американской фирмы «Дженерал Электрик» и включающие такие советы: «Будь внимателен к чужому мнению, даже если оно неверно. Имей бесконечное терпение. Будь вежлив, никогда не раздражайся. Будь справедлив, особенно с подчиненными. Не делай им замечаний в присутствии третьего лица. Всегда благодари подчиненного за хорошую работу. Никогда не делай сам того, что могут сделать твои подчиненные, за исключением случаев, когда это связано с опасностью для жизни. Если то, что делают твои сотрудники, в корне не расходится с твоим мнением, давай им максимальную свободу деятельности. Не бойся, если они способнее тебя, а гордись этим. Не спорь по мелочам, мелочи только затрудняют общую работу. Никогда не используй своей власти до тех пор, пока все остальные средства не использованы, но и в этом случае применяй ее в минимально возможной степени. Если твои распоряжения оказались ошибочными, признавай ошибку»⁵.

В повседневной жизни практически любой человек способен интуитивно отличать доброе поведение от дурного, но это качество не является врожденным для человека, оно формируется в процессе практического общения людей и выражает их исторический опыт коллективных и индивидуальных представлений, чувств и установок. В связи с этим формирование толерантности происходит в процессе межкультурного общения, в котором происходит воспитание чувства уважения к другим народам, их традициям, ценностям и достижениям, осознание непохожести и принятие всего этнического и культурного многообразия мира. Моделью толерантных отношений в таком контексте является такое общество, в котором господствуют свобода и терпимость к любому мнению, поскольку толерантность — «... это взаимная свобода, которую люди используют, чтобы верить и говорить то, что им кажется истиной, таким образом, что выражение каждым своих верований и мнений не несет никакого насилия ...»⁶.

Толерантность как императив взаимодействия народов и культур основывается на существовании различий в человеческих сообществах и уважении этих различий. Но, как было отмечено ранее, различия носят самый разный характер — культурные, этнические, расовые, социальные и др. Культура толерантности предполагает безусловное признание и уважение большей части таких различий, поскольку они являются результатом естественно-исторического развития. Однако при этом культура толерантности не предполагает безусловной терпимости к социальному неравенству в его крайних проявлениях. Как отмечает М. Уолцер, там, где групповая принадлежность совпадает с классовой (т. е. с социальным неравенством), «терпимость определено исключена»⁷. По его мнению, когда различия культурного порядка совпадают с классовыми различиями (с со-

⁵Цитирую по: Лысенко А.И. Культурология. Учебное пособие для студентов всех специальностей очной и заочной форм обучения. Новосибирск, 1997, с. 73.

⁶Conche M. La tolerance francaise et sa signifikation universalle // Dokument de travail pour le 19 Congres mondial de philosophic. — Moskou 22–28 August. 1993. P. 77.

⁷Уолцер М. О терпимости. — М., 2000. С. 73.

циальным неравенством), нетерпимость приобретает «особенно ожесточенный характер»⁸.

Толерантность в межкультурной коммуникации означает, что те или иные культурные особенности индивида или группы признаются лишь одними из многих и не могут подчинить себе все остальные. Он выступает как условие сохранения отличий, как право на отличность, непохожесть, инаковость. При таком подходе восприятие чужой культуры происходит на основе сравнения прежнего опыта и нового, сравнения с аналогичными элементами собственной культуры одновременно на рациональной и чувственно-эмоциональной основе. Чувства человека стимулируют понимание или препятствуют ему, устанавливают его границы. В ходе этого сравнения происходит вживание в мир чужой культуры.

В межкультурной коммуникации толерантность выступает как необходимое условие оптимизации межкультурных отношений, как формы разрешения межкультурных противоречий. Она, как универсальный нравственный принцип, предполагает разумную уступчивость, постоянную готовность к диалогу, равенство взаимодействующих сторон, признание другого мнения, уникальности и ценности другой личности. Именно на этой основе создается атмосфера доверия, равенства и терпимости, обеспечивающая эффективную межкультурную коммуникацию. Толерантность как принцип межкультурной коммуникации понимается как отсутствие негативного отношения к иной культуре, наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной культуры.

Проявления толерантности в межкультурной коммуникации носят относительный характер. Например, американцам никак не могут понять, почему русские терпят бытовую неустроенность, нарушение прав потребителей, невыполнение законов со стороны должностных лиц, бытовой вандализм, списывание, нарушение прав человека. Русские, в свою очередь недоумевают, почему американцы, проявляющие высокую степень толерантности к сексуальным меньшинствам или некоторым проявлениям религиозной розни, не допускают альтернативной точки зрения по вопросам прав женщин, политики, роли США в мире и т. д.

Различные проявления толерантности выражаются также и в том, что американцы в процессе взаимодействия намного больше, чем русские, стремятся к компромиссу и сглаживанию противоречий, в то время как русские больше склонны к эмоциям и крайностям. С другой стороны, американцы обычно ждут быстрых решений и действий, а русские имеют тенденцию выжидать, проверяя надежность своих партнеров и устанавливая с ними более доверительные отношения.

Исследование природы толерантности позволяет нам сделать вывод, что человеческий индивид обладает естественными предпосылками для формирования данного типа отношений к окружающему миру. Однако это качество не является врожденным, оно зарождается и развивается в процессе социализации и инкультурации личности и поэтому может целенаправленно

⁸Там же. С. 71.

формироваться, стимулироваться и корректироваться в процессе воспитания.

Вероятно, не требует доказательства утверждение, что двигателем социальной истории человечества, общественного развития людей и их культуры является необходимость вступать в контакты друг с другом. В ходе разнообразных контактов складываются различные типы взаимоотношений, одним из которых является толерантный тип. Таким образом, по самой своей природе толерантность невозможна без взаимодействия и общения людей, т. е. без межличностной, групповой, этнической, профессиональной и др. коммуникации. И здесь очень часто случается так, что индивид оказывается совершенно беспомощным относительно стоящих перед ним целей, задач, интересов и т. д. На практике это означает, что для успешного и эффективного общения с другими людьми индивид не обладает достаточным количеством знаний и навыков для адекватного взаимодействия со своими партнерами, поскольку для этого необходимо владение соответствующими знаниями по теме общения, культурными нормами и образцами поведения. Формирование и развитие всех этих качеств происходит в процессе целенаправленного воспитания толерантности.

В целом процесс воспитания толерантности носит многоплановый характер и включает в себя глубокое владение собственной культурой, положительное отношение к культурному разнообразию мира и к культурным различиям, практические навыки и умения для эффективного взаимодействия с представителями других культур, обладать чувством терпимости к незнакомым и неизвестным явлениям. Исходя из этих задач воспитание толерантности, по нашему мнению, должно основываться на культивировании рациональных начал, т. е. на получении как теоретических, так и практических знаний и навыков о данном феномене.

В методологическом плане данная установка может быть реализована с помощью методов моделирования и реконструкции. Моделирование представляет собой воспроизведение в учебных занятиях различных сторон быта, особенностей культуры, правил поведения, принятых в культурах разных народов. Метод реконструкции предполагает воссоздание какого-то периода прошлого в письменной форме, устных рассказах или театрализованных сценках на основе археологических находок, фольклорных произведений, исследований ученых и т. п.

Эффективность данных методов обусловлена их высокой информативностью об истории, культуре, этническом своеобразии как своего, так и чужих народов. При их использовании акцент необходимо делать на изучении конкретных народов, на постоянном взаимодействии, взаимозависимости и взаимовлиянии их культур, на идее их общей судьбы.

Наши исследования данного процесса показывают, что характер и тип толерантности человека может определяться самыми различными причинами и поэтому в каждой культуре и в каждой социокультурной группе уровень толерантности может весьма существенно варьироваться.⁹

⁹ Исследование на тему: «Толерантность как основа социальной безопасности» было

По плану исследования выяснялось мнение выпускников средних школ по вопросам межнациональных браков, отношения к представителям других этносов и культур, нравственным и безнравственным способам получения доходов и др. В результате исследования удалось установить, что около 20% старшеклассников полностью или скорее одобряет национально-смешанные браки, а 61,2% считают, что нет принципиальной разницы между этнически однородными и этнически гетерогенными браками. Однако масштабы и уровни толерантности в этом вопросе коренным образом меняются, когда акцент смещается от общей оценки к своей личной практике и собственному опыту. Терпимое отношение к своему личному браку с человеком другой национальности выявил всего лишь каждый второй (47,9%). Разрыв между «теоретическими» и «прикладными» представлениями о национально-смешанных браках составил в среднем — 34,9%, в том числе в Брянске — 32,7%, в Москве — 33,3%, в Рязани — 40,1%, а в Казани — 28,6%.

Таким образом, в Казани с ее полиэтническим составом населения обнаружен наименьший разрыв между идеологией и практикой, между абстрактными представлениями, манифестирующими толерантное сознание, и представлениями о потенциальной толерантности в своей реальной жизненной практике.

Было также установлено, что в зависимости от степени и характера проявления толерантное сознание бывает активным и пассивным, условным и безусловным. Так, например, среди 47,9% толерантно относящихся школьников к национально-смешанным бракам, 9,4% выявили условную толерантность, суть которой заключается в положительном отношении к брачному партнеру при условии, что представитель иной национальности принимает обычаи того народа, к которому относит себя респондент. Носителями, безусловно, толерантного сознания оказались 38,5% школьников, согласно представлениям которых «национальность в браке не имеет значения».

Проведенное исследование позволяет прояснить и конкретизировать особенности представлений школьников относительно двух типов толерантности. Одну из них условно можно назвать «философской» (далее без кавычек), другую — прикладной толерантностью. В первом случае речь идет об абстрактном позитивном отношении к национально-смешанным бракам, независимо от сильной или слабой степени их одобрения. Во втором — об условном (когда партнер принимает обычаи и религию моего народа) или безусловном позитивном отношении «к своему браку с человеком другой национальности». Принципиальное значение выделения двух типов толерантности — философской и прикладной — состоит в том, что каждая из них, вероятно, нуждается в разных формирующих их технологиях и по-разному поддается воспитанию. В одних случаях необходимо утверждать позитивные установки, в других — убеждать в полезности.

проведено с участием автора в 2004 г. среди школьников старших классов Брянска Казани, Москвы и Рязани в соответствии с программой «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе».

В соответствии с заложенной в программу исследования гипотезой мы предполагали, что в школах, в которых велась целенаправленная работа по воспитанию толерантности ее уровень, как в философском, так и в прикладном типах, должен быть выше, чем в школах, где такая работа не проводилась. Однако полученные результаты не подтвердили это ожидание.

Наоборот, во всех городах масштабы позитивного отношения школьников к национально-смешанным бракам в нормальных школах оказались шире, чем в экспериментальных, в том числе в среднем — на 10,4%, по Брянску на 15,0%, по Москве — на 3,4%, по Рязани — на 12,0%. Если только принимать во внимание данные результаты, то можно было бы подумать, что воспитание толерантного сознания в экспериментальных школах приносит прямо противоположный эффект. Однако более внимательный анализ полученных данных дает веские основания для иного вывода. Выявленные в ходе опроса ножницы между двумя типами толерантности — позитивным отношением к национально-смешанным бракам вообще и к своему, в частности, позволяет предположить о существовании некоего лукавого противоречия в представлениях школьников об этом институте, как сферы, в которой проявляются межэтнические отношения.

Дело в том, что атмосфера толерантности и солидарности имеет исключительно важное значение для внутрисемейных отношений, поскольку в современный период, когда общество переходит из одного состояния в другое, ценность семьи и ее устойчивое состояние становится приоритетной ценностью для государства, если оно заинтересовано в сохранении своей внутренней стабильности. В этом случае интегральное состояние внутрисемейных взаимоотношений является высокозначимым социальным индикатором, характеризующим не только безболезненную смену поколений, но и в известной мере показатель общего положения в стране, в том числе в различных сферах жизнедеятельности.

Современной семье приходится решать множество проблем: от этнических до политических и религиозных, не говоря уже о неисчислимом количестве бытовых проблем. По каждой из этих проблем повзрослевшие дети, завершающее среднее образование, но еще не создавшие своих семей, имеют более или менее устойчивые взгляды, не всегда сформированные в рамках семьи.

Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что менее всего недопонимание между детьми и родителями возникает в связи с обсуждением вопросов об отношении к религии и этничности. Удельный вес школьников, у которых никогда не возникало недопонимания с родителями по вопросам, связанным с их отношением к религии, составил в среднем — 74,9%, в том числе 76,4% — в Брянске, 72,9% — в Москве и 75,4% — в Рязани, а в Казани — 79,0%. Эти данные позволяют сделать важный вывод о том, что в отличие от сферы государственных отношений, где этничность и религия оказались в первом постсоветском десятилетии сильно политизированы, семья избежала этой напасти. Но это также не означает полную деполитизацию семьи и формирующихся в ее недрах отношений, и не ис-

ключает дебаты и споры по политическим вопросам.

В отличие от сферы семейных отношений, в которой более или менее однозначны представления молодежи о добре и зле, о ценностях и стимулах жизненного успеха и т. д. более или менее однозначны, две другие сферы — этническая и конфессиональная, находящиеся за пределами внутрисемейных отношений, полны противоречий. В этих сферах толерантное сознание школьников складывается из неоднозначных, порой взаимоисключающих представлений, в зависимости от конкретного явления, события, факта, человека. Так, например, каждые трое из четверых школьников убеждены в том, что люди должны быть терпимы к представителям других национальностей. При этом не обнаружено каких-либо принципиальных расхождений в убеждениях между школьниками Брянска, Москвы и Рязани: соответствующие показатели близки между собой и составляют — 77,6, 71,4, 78,5%.

Высокая степень этнической толерантности к людям иных национальностей кроется в понимании того, что люди одних национальностей от природы не хуже других национальностей. Ничего общего с биологическим расизмом не имеют полученные результаты опроса, согласно которым 72,3% школьников полностью или скорее согласны с тем, что люди одних национальностей от природы не хуже других национальностей.

В преимущественно моноэтнических городах плотность этнических контактов, понятно, гораздо слабее и меньше, чем в городах с полиэтничным составом. Вероятно, отсутствием богатого опыта межэтнических коммуникаций можно объяснить сравнительно низкий уровень толерантности, обнаруженный среди школьников по поводу преимуществ полиэтничного общества по сравнению с моноэтническим. Всего лишь 40,1% школьников, в том числе 43,3% в Брянске, 39,0% в Москве и 36,7% в Рязани согласны с тем, что общество богаче и культурнее, когда люди различных национальностей живут рядом и, вероятно, обмениваются своими достижениями. Доля школьников, придерживающихся этой точки зрения, как показал опрос, почти в два раза меньше доли тех, кто понимал необходимость быть терпимым к людям других национальностей, как долг, так и обязанность.

Характерна в этом отношении существенная разница в масштабах межэтнических контактов среди школьников моноэтнических городов и школьников полиэтничной Казани. Удельный вес казанских старшеклассников, убежденных в преимуществе совместного проживания людей разных национальностей в 1,7 раза больше, чем доля лиц с аналогичными взглядами сверстников в Брянске, Москве и Рязани. В известном смысле данные проведенного опроса несут в себе изрядный заряд сенсационности.

Пользователи российских СМИ — слушатели, зрители, читатели едва ли не привыкли к тому, что в республиках РФ, прежде всего, надо искать анклавы интолерантного сознания и источники ксенофобий. Данные этносоциологии при всей необычности выявленной картины, все же дают основание для того, чтобы более внимательно приглядеться к соотношению толерантности — интолерантности там, где об этом молчат СМИ.

Конечно, приведенных здесь индикаторов недостаточно для основатель-

ной диагностики масштабов и уровня толерантного и интолерантного отношения молодежи к межэтническим и межкультурным взаимодействиям. Еще одно внутренне противоречивое свойство толерантного сознания проявляется в зависимости от степени персонификации объекта, на который обращено терпимое или нетерпимое отношение человека. Если с советских времен советским людям, в том числе родителям опрошенных нами школьников, были сделаны надежные прививки от биологического расизма и воинственного национализма, то в нынешнее переходное время многое из позитивных убеждений было утрачено. И сегодня, в пору разгула этнических конфликтов и полной свободы слова, вряд ли надо удивляться еще одной парадоксальной ситуации, обнаруженной в ходе опроса. Совершенно неожиданно было установлено, что только один школьник из четырех согласиться с точкой зрения, что нет национальностей, представители которых вызывают у них неприятие, в том числе, 19,3% в Брянске, 29,7% в Москве и 30,2% в Рязани.

Также неожиданным стал факт, что в Казани, известной своей самостоятельной позицией и неуступчивостью идеологов и лидеров этнической мобилизации федеральным властям, уровень этнической толерантности у старшеклассников окажется выше, чем их ровесников из других обследованных городов. Между тем, как выявлено в ходе опроса, удельный вес тех казанских школьников, у которых не оказалось представителей других национальностей, вызывающих чувство неприятия, оказалось в 1,7 раза выше, чем среди школьников указанных 3-х городов, в том числе в 2,2 раза больше, чем у школьников г. Брянска, не замеченного ранее среди городов с конфликтными проблемами в сфере межэтнических отношений (см. таблицу 1).

Обнаруженное таким образом несовпадение в представлениях школьников относительно общих жизненных установок, в том числе о чувстве долга быть толерантным к лицам других национальностей, и неприятием представителя какой-либо конкретной национальности, позволяет сделать и более фундаментальный вывод о стратегии и тактике воспитания толерантности и о принципах реализации национальной политики.

Вместе с тем, опросы школьников вскрыли внутреннюю противоречивость на примере толерантного отношения молодежи к религии. Среди значительной части молодежи выявились широко распространенные убеждения в том, что нынешние люди должны быть терпимыми к людям другого вероисповедания. Такой точки зрения, присущей носителям толерантного отношения к религии, придерживались 79,55% школьников, в том числе 80,2% в Брянске, 81,3% в Москве и 76,8% в Рязани. Наиболее высокий показатель толерантного отношения к лицам другого вероисповедания (91,0%) был обнаружен среди школьников Казани.

Среди неверующей части школьников терпимое отношение оказалось присущим менее, чем для трети опрошенных школьников, в том числе, для 33,9% учащихся Брянска, 33,4% — Москвы и 22,7% — Рязани. Это главным образом та молодежь, которая не поддавалась модным течениям «быть верующим», но достаточно свободная от конформизма, т. к. подтвердила

Таблица 1: Индикаторы толерантности в этнической и религиозной сфере (в % по итогам опроса) школьников

	Всего	в т. ч. в городах			
		Брянск	Москва	Рязань	Казань
Мы должны быть терпимыми к людям другого вероисповедания	79,5	80,0	81,3	76,8	91,0
Мы должны быть терпимы к людям других национальностей	75,9	77,6	71,4	78,5	
Люди одних национальностей от природы не хуже других национальностей	72,3	67,3	75,0	76,7	74,5
Когда люди различных национальностей живут рядом, общество богаче и культурнее	40,1	43,3	39,0	36,7	66,9
Нет таких национальностей, представители которых вызывают неприязнь	30,6	33,9	33,4	22,7	17,1
Терпимое отношение к религии неверующих, в т. ч. уважение чувств тех, кто верует	25,6	19,3	29,7	30,2	42,6

свое уважение к чувствам тех, кто верит, хотя сама себя отнесла к числу тех, кто не верит.

Исследование представлений старшеклассников позволило нам также сделать вывод о том, что их взгляды о необходимости быть толерантным в сфере экономики и морали представляют собой скорее умозрительные истины о должном, чем адекватное отражение системы реальных жизненных отношений, скорее декларируемые ценности, чем реальными побудительными мотивами их поведения.

В отличие от родителей у молодёжи 17–18-летнего возраста широкое распространение получила толерантность к тем современникам, кто в ходе данной приватизации сумел «прихватизировать» весомую часть общенародного пирога. Каждые четверо из пятерых опрошенных старшеклассников уверены в том, что сегодня мы не должны плохо относиться к тем, кто стал богатым. При этом наш опрос с одной стороны выявил поразительное сходство представлений по этому поводу во всех четырёх обследованных городах, а с другой стороны — совместимость несовместимого. Толерантность к богатым оказалась совместимой с противоположной установкой на то, чтобы государство имело рычаги для ограничения доходов богатых граждан, иными словами, едва ли не каждый третий старшеклассник подержал точку зрения о допустимости санкций со стороны государства в отношении доходов и сверхдоходов богатых граждан.

Более того, политические и моральные воззрения молодёжи характеризует не столько оригинальность и принципиальность позиции, сколько непоследовательность и эклектизм. Так, например, каждые четверо из пятерых старшеклассников согласились с тем, что одни люди должны быть терпимы к другим людям с иными моральными ценностями. При этом не обнаружилось принципиальных различий по этому вопросу между школьниками разных городов, за исключением того, что в Москве 84,4%, а в Брянске лишь 77,5% поддержали эту точку зрения (см. таблицу 2).

Полученные данные позволяют судить о том, что терпимость к иной морали может уживаться в представлениях молодёжи с крайними формами «свободы» и моральной вседозволенности. Так, около 42% старшеклассников Брянска, Москвы и Рязани и 21% в Казани считают для себя возможным и даже нормальным добывать деньги хитростью или обманом, 27% — в трех городах и 33% в Казани готовы вступить в брак по расчёту, ещё соответственно 17% и 18% не имеют иммунитета против элементарного воровства, как способа добычи денег, и, наконец, 13% и 12% в городах Центра и 12% и 14% в Казани практически готовы к разбою, т. е. к тому, чтобы не честно зарабатывать, а «взять деньги силой» или же проституцией, «вступив в физическую близость за плату» (см. таблицу 3).

В то же время, указанные 3 наиболее самые допустимые способы, которые и являются «нормой» по самооценкам старшеклассников, не лишены внутренней рассогласованности и противоречивости. Если «устроиться на работу» безоговорочно заслуживает высокой положительной оценки и выступает фундаментом моральных устоев сформировавшейся к 17–18 годам личности, то вряд ли можно согласиться, что рядом с ней в ряду

Таблица 2: Индикаторы толерантности в сфере морали, экономики и политики (в % по итогам опроса)

	Всего	в т. ч. в городах			
		Брянск	Москва	Рязань	Казань
Должны быть терпимы к людям с иными моральными ценностями	80,0	77,5	84,4	78,5	Нет данных
Не должны плохо относиться к тем, кто стал богатым	79,3	78,4	80,2	79,6	80,7
Должны быть терпимы к людям с иными политическими взглядами	73,8	74,0	72,9	74,4	Нет данных

Таблица 3: Толерантное отношение старшеклассников к различным способам добывания денег (в % по итогам опроса)

	Всего	в т. ч. в городах			
		Брянск	Москва	Рязань	Казань
Устроиться работать или подрабатывать	80,2	81,5	79,2	79,7	87,4
Попросить у родителей	63,8	63,8	59,9	68,0	74,4
Заняться перепродажей	53,4	53,6	55,2	51,2	54,3
Добыть хитростью или обманом	41,8	39,7	46,4	39,5	21,3
Вступить в брак по расчёту	26,8	29,1	26,1	24,4	33,3
Взять, что плохо лежит	16,9	15,4	20,3	15,1	17,7
Взять силой	13,4	15,3	17,2	6,4	11,7
Вступить в физическую близость за плату	11,0	10,6	10,9	11,7	13,7

базовых ценностей личности вправе находиться такой способ добывания денег как «постоянно просить у родителей». Это крайне противоречивое рядоположение двух способов в общей иерархии ценностей выразительно свидетельствует о незавершённости и маргинальности молодёжного сознания накануне вступления во взрослую жизнь в переходный период истории России. Ориентация на работу или на подрабатывание является вполне осознанным, рациональным ответом на вызовы капитализации экономики и демократизации общественного сознания, в то время как затянувшееся иждивенчество («попросить у родителей») выступает проявлением инерционного инфантилизма, доставшегося в наследство от родителей и от патерналистских традиций прошлого, в том числе от иждивенческих наслоений, накопленных в менталитете советских граждан.

Завершает три основных способа добывания денег «спекуляция», некогда презируемая и преследуемая деятельность по добыче денег, а теперь переименованная в «перепродажу», занимает — почётное 3-е престижное место в шкале позитивно воспринимаемых форм деятельности. 30,9% старшеклассников назвали её положительной нормой поведения.

Доля старшеклассников, указавших хитрость и брак по расчёту в качестве постоянного и нормального способа денег, составила соответственно 15,4% и 10,8%. Эти ответы заняли место в середине иерархической пирамиды. И, наконец, три наиболее криминогенные и безнравственные способы добычи денег — воровство, разбой и проституция разместились на нижних строках таблицы 4. Во всех городах эти 3 способа добывания денег признали нормой соответственно 6,5; 4,2 и 5,7% старшеклассников.

Устройство на работу, иждивенчество и спекуляцию как способы ненормальной добычи денег признали для себя приемлемыми соответственно 3,9; 6,8 и 9,2% старшеклассников.

Два других способа в средней части пирамиды — добыча денег хитростью и вступлением в брак по расчёту — сочли совершенно недопустимыми для себя 22,8% и 36,7% старшеклассников. Вряд ли можно признать нормальной нынешнюю ситуацию среди молодёжи, когда всего лишь только 55,2% старшеклассников признают недопустимыми при любых обстоятельствах добывание денег воровством, и далее соответственно 61,8% — разбоем, и 62,8% — проституцией (см. таблицу 4).

Подводя итоги исследования отметим, что специфика моноэтничных городов, или городов со сравнительно невысокой долей лиц иной, кроме самой многочисленной, национальности, состоит в разном понимании жителями этих городов императивного долга и реальности в сфере межэтнических отношений. Как уже упоминалось, трое из четверых старшеклассников согласились с тем, что мы должны быть терпимы к людям других национальностей, что послужило основанием признать их толерантность по данному индикатору. Остальные 17,7%, не поддерживавшие эту точку зрения, понятно, попали в разряд интолерантных.

Одним из серьёзных достижений реализации нашего проекта можно считать совпадение показаний по шкале толерантность — интолерантность двух разных индикаторов. С помощью одного из них фиксировалось чув-

Таблица 4: Отношение к способам добывания денег (в % по итогам опроса)

	допустимо			недо- пус- тимо	допустимо			недо- пус- тимо
	Все- го	в т. ч.			Все- го	в т. ч.		
		всегда	иногда			всегда	иногда	
работа	90,2	68,9	21,3	3,9	95,5	76,6	18,9	2,4
иждивен- чество	89,9	34,8	55,1	6,8	95,7	48,6	47,1	3,6
спекуля- ция	82,4	30,9	51,5	9,2	80,1	27,3	52,8	9,3
хитрость	71,4	15,4	56,0	22,8	44,4	6,0	38,4	52,0
брак по расчёту	56,1	10,8	45,3	36,7	60,0	15,3	44,7	32,4
воров- ство	36,6	6,5	30,1	55,2	34,8	6,3	28,5	57,1
разбой	30,9	4,2	26,7	61,8	26,7	3,6	23,1	68,2
прости- туция	29,1	5,7	23,4	62,8	26,4	6,0	20,4	66,1

ство императивного долга «быть терпимым» к людям других национальностей, с помощью другого — регистрировалось незрелость сознания молодёжи, допускающей такое разделение людей по национальному признаку, когда люди одной национальности от природы якобы лучше людей других национальностей.

В первом случае «надо быть терпимым» соотношение толерантных и интолерантных составило 75,9 : 17,7, во втором случае («одни всё же лучше других») — 72,3 и 16,8%. Среди сторонников едва ли не расистской убеждённости в превосходстве одних над другими удельный вес опрошенных, допускающих воровство как способ добывания денег, составил в экспериментальных школах 18,2%, т. е. в 2 раза больше, чем среди толерантных, т. е. тех, кто «скорее» или «категорически» не согласился с высказыванием о том, что «одни национальности лучше других».

Таким образом, изучение толерантности школьников выявило два канала формирования представлений о характере межэтнических отношений. Одни установки на более общие (более абстрактные) оценки этого характера привнесены в сознание молодёжи как бы сверху (СМИ, школа, литература, идеологическая риторика и официальная государственная политика), другие — наработаны или приобретены личными практиками. В процессах формирования терпимости в сфере межэтнических отношений наибольших успехов достигается формирование позитивной догматики, там, где речь идёт чаще всего о внешних по отношению к человеку вещах, явлениях, событиях. Однако ценность этой догматики, как показывает её анализ в сопоставлении с девиантными мотивами девиантного поведения, не слишком высока. Другая часть представлений молодёжи «идущих от живота», т. е. затрагивающих личные интересы каждого менее масштабны, но бо-

лее устойчивы. Следовательно, при разработке стратегии и технологий по воспитанию толерантного сознания, вряд ли целесообразно ограничивать сферой риторики и догматики за счёт сферы практического опыта.

Антитеррор: научные и образовательные измерения

А. В. Сурин¹

Угроза терроризма, с которой столкнулось современное человечество, заставляет нас пересмотреть многие сложившиеся, казавшиеся естественными идеологические установки, культурные демаркации, экономические и политические приоритеты. Заставляет посмотреть на мир не с точки зрения глобального диктата и конфронтации, а с точки зрения глобального сотрудничества. В связи с этим основной задачей, стоящей перед мировым сообществом является превращение «борьбы с терроризмом» из модной, в зависимости от политической конъюнктуры, темы в реальный международный проект. Этот проект должен основываться на фундаментальных научных разработках, исследующих проблему терроризма в разных измерениях. Реализация подобного проекта должна быть возложена на профессиональных управленцев, сочетающих знание проблемы и ответственность за принимаемые решения и действия. Пока же практически не существует ни науки, изучающей терроризм как целостное явление, ни специализации и квалификации по борьбе с терроризмом.

Однако для того, чтобы разработать меры по борьбе с терроризмом, необходимо поставить ряд теоретических вопросов, без решения которых невозможны антитеррористические действия. Это, прежде всего, проблема определения терроризма, проблема, решение которой связано с рядом теоретических, ценностных и практических трудностей. В силу этого дефиниции терроризма предстают и как теоретическая проблема, предмет научного исследования, и как практическая задача, определяющая важнейшие управленческие решения. Хотя проявления терроризма широко известны, особенно сейчас, в эпоху информационной революции, тем не менее, не существует общепринятого определения терроризма. Здесь уместно вспомнить замечание Гегеля, утверждавшего, что известное — не означает познанное. Некоторые исследователи насчитывают более ста определений, подсчеты других достигают пятисот дефиниций.

Трудности исследования терроризма определяются рядом *объективных причин*.

1. Это, прежде, всего подмена теоретического исследования объективных причин существования и распространения терроризма в современных

¹ Декан факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент.

условиях ценностными суждениями. Такое положение становится обоснованием политики «двойных стандартов» и, соответственно, определяет различное и даже противоположное отношение разных стран к одним и тем же актам террора.

2. Кроме того, многообразие характеристик конкретных актов террора скрывает общие сущностные характеристики этого явления, затрудняет разработку научного метода (подхода) к его исследованию. В связи с этим встают непростые вопросы: «Какие науки или комплекс каких наук должны изучать терроризм? Какая методология может претендовать на статус эффективной исследовательской программы?». Очевидно, что выбор методологии определяется пониманием терроризма, предварительными установками, в которых в явном или неявном виде содержатся ценностные измерения терроризма. Возникает своеобразный герменевтический круг: чтобы выработать объективное, свободное от ценностей определение, необходимо определенное понимание терроризма, которое отражает определенную ценностную позицию, ценностно-мировоззренческую ориентацию и задает направление исследований. Как представляется, выйти из этого круга позволяет междисциплинарный подход, сетевая исследовательская программа, объединяющая усилия комплекса наук и нацеленная на решение проектной задачи. Координирующим центром данной программы могла бы стать современная управленческая наука, специализирующаяся на управлении в кризисных ситуациях: «Антикризисный менеджмент».

В технологиях антикризисного управления синтезированы передовые научные разработки и практические меры с ответственностью лиц, принимающих решения.

3. Следовательно результативность и эффективность реальной антитеррористической практики во многом определяется как уровнем научных исследований, так и профессионализмом лиц, осуществляющих борьбу с терроризмом. Таким образом, мы выходим на необходимость решения чрезвычайно важной задачи: подготовки профессионалов высокого класса, способных не просто осуществлять антитеррористические акции, а проводить комплексную, целенаправленную антитеррористическую политику на разных уровнях. В этом плане актуализируется проблема подготовки соответствующих кадров, а, следовательно, и задача организации высших учебных заведений, способных решить эту задачу.

Предлагаемые решения

Терроризм как предмет научного исследования. В качестве рабочего определения можно терроризм рассматривать как практику достижения моральных, религиозных, политических, экономических или социальных целей посредством внушения *страха*. Наиболее применяемой технологией террора является *насилие*. Таким образом, ключевыми терминами концептуализации террора являются «страх» и «насилие», смысл которых может весь-

ма различаться в зависимости от контекста. Поэтому террористические методы следует рассматривать не абстрактно, а в соотношении с целью теракта. Но в этом случае цель теракта должна раскрыть смысл данного явления, а не стать аргументом его оправдания. Иначе вполне закономерной становится его коннотация как «оружия слабых» и тем самым признание возможности применения террора как метода решения социальных проблем. Противоположная оценка террора основывается на своеобразной демонизации террористов, на их оценке как «сил зла». Однако из истории известно, что в террористической деятельности могут принимать участие различные люди, принадлежащие к разным социальным слоям, конфессиям, к правящим или оппозиционным политическим партиям. Методы террора могут использоваться не только террористами, но и государством для решения как внутригосударственных, так и международных задач. Кроме того, террористические методы используются как в мирное, так и в военное время и оккупантами, и борцами за свободу.

Таким образом, многообразие форм террористической деятельности приводит к выводу о сложности, многоаспектности феномена терроризма, и, следовательно, о необходимости его комплексного исследования. Пока же терроризм, в основном, рассматривается в разных науках, исследующие его специфические проявления, фиксируемые методами данной науки. Полученные частные результаты, даже весьма значимые, в силу разобщенности наук не могут эффективно применяться в антитеррористической политике. Поэтому встает задача создания комплексной, целостной науки, основой которой должен стать междисциплинарный подход исследования терроризма, сочетающий исторический, культурологический, политический, экономический аспекты. В таком случае можно надеяться на получение практически значимых результатов. В рамках комплексного подхода терроризм проявится как целостное, причинно обусловленное социальное явление, а не действия отдельных фанатиков или террористических групп. Действительно эффективное противостояние терроризму, в ситуации, когда он распространился по всему миру, состоит в понимании породивших его причин, и воздействии на причины, а не только на его последствия. А для этого нужна комплексная антитеррористическая программа, проект ответа на террористический вызов. Одними методами подавления, насильственного противостояния справиться с терроризмом вряд ли удастся. Становится очевидным, что ответное насилие не приведет к искоренению терроризма, поскольку само является его главной причиной.

В комплексном исследовании терроризм предстает как проявление социального кризиса, и соответственно, как уже отмечалось, может стать предметом науки управления, а именно, ее подраздела «Антикризисное управление». Антитеррористический аспект антикризисного менеджмента может разрабатываться в рамках университета на факультетах управления. Почему именно университет, учреждение, казалось бы, далекое от подобной тематики, занимающееся фундаментальными научными проблемами, может и должно взять на себя исследование сугубо практической темы?

Хочу привести, по крайней мере, два соображения, две идеи, которые

могут стать основанием для создания антитеррористического проекта. Во-первых, каким образом и в какой степени терроризм может стать предметом научного и именно университетского исследования? И, во-вторых, каким образом с антитеррором может быть связано образование? Очевидно, что эти две проблемы в пространстве университета могут быть взаимосвязаны и взаимообусловлены, поскольку именно университет являет социальным институтом, в котором удовлетворяются две важнейших социальных потребности: в фундаментальных научных исследованиях и в подготовке профессионально высоко образованных специалистов.

Поскольку терроризм широко распространенное многоаспектное социальное явление, то практически каждая наука в своем аспекте может его изучать и изучает, так как данная тема и актуальна и даже, в какой-то степени модна. Так, например, в рамках психологии создается психологический портрет террориста, исследуются психологические характеристики его личности, комплексы, неврозы. На этой основе разрабатываются психологические методы работы с террористами. (Но на этой же научной основе могут разрабатываться и технологии вовлечения в террористические организации, вербоваться исполнители терактов). Если использовать методы психологии для научного, всестороннего исследования психики террористов, и применить результаты подобного исследования в качестве элемента комплексного антитеррористического проекта, то их познавательный потенциал и практическая результативность возрастут.

Аналогичным образом можно оценить значимость исследования терроризма в философии и социологии, в правовых и политических науках, в географии, физике и даже в математике. Поскольку университетская наука занимается фундаментальными исследованиями, то уровень изучения любой частью для них проблемы, в том числе и терроризма, будет достаточно высоким. Однако сейчас для большинства фундаментальных наук проблема терроризма носит даже не столько частный, прикладной, а скорее, иллюстративный характер, и не является собственным предметом исследования. Кроме того, все попытки синтеза результатов исследования также не выходят за границы частных задач. Механическое же объединение полученных в различных науках результатов не выстраивается в целостную систему, основой которой должен стать внутритеоретический синтез.

Для выхода из сложившейся ситуации следует определиться с фундаментальной наукой, для которой терроризм может стать основным предметом исследования. В качестве такой науки можно предложить антикризисное управление. Но тем самым дефиниция терроризма получает определенность и рассматривается как кризисное состояние общества, имеющее свои причины, и, следовательно, к нему применимы (анти)кризисные управленческие технологии. Но таким образом терроризм вписывается в социоэкономическую систему, и рассматривается как ее элемент и особое состояние. Важнейшими задачами антикризисного управления в таком случае становится, *во-первых*, выяснение социально-экономических причин и оснований существования и проявления терроризма, разработка мер по *упреждению* актов террора, проведение социальной политики, результатом которой ста-

ло бы общество без террористической угрозы. *Второй*, не менее значимой задачей, является разработка стратегии и тактики действий в ситуации неизбежности террористических атак. Какие управленческие технологии позволят наиболее эффективным по результатам и наименее травматичным по последствиям способом действовать в критической ситуации. И *третья* задача. Необходимо определиться, какими способами следует преодолевать последствия терроризма, чтобы эти действия не стали нормой, парадигмой для следующего террористического кризиса.

Таким образом, антикризисное управление не только может, но и должно разрабатывать антикризисный проект как научно-практическую задачу. Антикризисный менеджмент основывается на общей теории кризиса социально-экономических систем, которая применяется в качестве методологии профилактики и разрешения террористического кризиса, преодоления последствий терроризма. Представляется, что основные усилия следует сосредоточить на профилактике кризиса. А для этого необходима всесторонняя экспертиза «зон риска», возможных объектов террористической угрозы. Прогнозирование и профилактика терроризма в значительной мере может снизить потери от террористических действий, понизить уровень страха в стране и в мире, повысить результативность управленческих решений и уровень доверия к государственным институтам.

Концептуальные основания антикризисного управленческого проекта

Эффективным методом глобальной антитеррористической политики может стать организационная перестройка. Сутью и содержанием организационной перестройки является переход от управленческой пирамиды к сетевым управленческим технологиям. При иерархическом управлении закономерно возникают центры, открытые для взлома и террористического внедрения. В этих центрах сосредоточены ценная информация, важнейшие учреждения, инфраструктура, ответственные чиновники, политики и т. п., которые и могут стать главными объектами террористической атаки с катастрофическими последствиями. Например, если овладеть важной, стратегической информацией, то возникает возможность шантажа любого государства террористическими организациями. Если в одном месте собраны запасы питания, из единого центра осуществляется управление водоснабжением, энергетикой, то страна может оказаться практически незащищенной от террористических угроз. Поэтому переход от иерархической структуры к сетевой может стать реальным и успешным антитеррористическим проектом.

Поскольку терроризм рассматривается как кризисное состояние общества, то необходимо выявить его социо-экономические и социополитические причины. Очевидно, что такими причинами является неравномерность распределения богатства и власти в мире. Таким образом, ан-

титеррористический проект выходит на глобальный уровень, на уровень международной политики. Меры, принимаемые на этом уровне, должны воздействовать именно на причины, а не ограничиваться международным сотрудничеством спецслужб в борьбе с терроризмом.

Кроме того, следует учесть культурно-психологические факторы. Не секрет, что общество потребления с идеологией консьюмизма, существенно сужает пространство самореализации личности. Участие в террористической деятельности с должным идеологическим обоснованием часто становится ценностной ориентацией в выборе жизненного пути, смысла жизни. Террористические организации предлагают социальные роли героя, мученика, спасателя. Таким образом создается особая субкультура, социокультурное движение со своей организацией и предводителями, статусами, социальными ролями, идеологией, мировоззрением и мотивацией. Противостоять такой организации можно только, объединив усилия в разных сферах общественной жизни. Способом объединения и может стать сетевой антитеррористический управленческий проект с международным координационным центром. Реализация сетевого проекта возлагается на региональные, государственно-национальные, местные управленческие проекты. В этом случае антитеррористическая деятельность может достичь реальных результатов.

Таким образом, в антитеррористическом проекте обозначены направления борьбы с террором. Но встает не менее значимый вопрос, а кто должен осуществить реализацию этого проекта? И кто сможет его реализовать? Мы переходим к проблеме подготовки профессиональных кадров. В каких учебных заведениях такие кадры готовятся или могут быть подготовлены? Представляется, что подобные кадры должны быть управленцами высокого уровня. И, следовательно, как минимум выпускниками факультетов управления по специальности «Антитеррор». Пока же такой специальности ни на одном факультете нет. А поскольку в нашей стране, как и в других странах, начинают создаваться структуры, задачей которых является комплексная антитеррористическая деятельность, потребность в таких кадрах будет только возрастать. В нашей стране такой организацией является Национальный антитеррористический комитет. Его первоочередной задачей и должна стать профилактика терроризма. Выполнять работу в антитеррористических структурах в центре и в регионах должны профессионалы, получившие образование по специальности «Государственное управление». Проект «Антитеррор» — это прежде всего организационно управленческая задача. И решать ее должны люди, хорошо представляющие как использовать возможности различных организаций в комплексной борьбе с терроризмом. Сотрудники антитеррористических организаций должны хорошо ориентироваться в компетенциях антитеррористических структур различного уровня. И соответственно понимать, какие задачи могут быть решены на местном и областном уровнях, на уровне страны или на международном уровне.

На нашем факультете, факультете государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова создан

образовательный проект, объединяющий цикл образовательных программ, для подготовки специалистов, способных работать в области антитеррористической деятельности. В рамках этого проекта разрабатывается стратегия (концепция) подготовки специалистов подобного рода. Факультет выходит с предложением в ВАК о введении новой профессиональной научной квалификации — государственное управление, специализация «Антикризисное управление». Именно в рамках подобной квалификации и можно готовить специалистов по борьбе с терроризмом. Хотя у нас существуют профессиональные государственные управленцы, специальности «Государственное управление» — нет. Складывается парадоксальная ситуация: есть университетский факультет государственного управления, который уже в течение 15 лет на высоком теоретическом уровне, с применением передовых технологий готовит профессиональных управленцев, а ВАКовская специализация — отсутствует. Хотя на факультете существует и магистратура и аспирантура, и предлагаются различные программы переподготовки и повышения квалификации профессиональных управленцев. Успешно действует программа второго образования, по которой различные специалисты приобретают дополнительное образование в сфере управления. Все эти программы достаточно популярны. Функционирующие на факультете формы образования могут быть эффективно использованы для создания специализации «Антитеррор».

Работа по созданию учебно-методического комплекса по антитерроризму объединила усилия научно-педагогических коллективов различных факультетов, координирующим центром проекта стал наш факультет. В рамках междисциплинарного исследования проявились особенности современного терроризма, его фундаментальные причины и факторы. Современный терроризм рассматривается как вызов однополярному миру, его методологии силы, как проявление организационно-структурного кризиса. Организационный проект «Антитеррор» позволяет синтезировать частные проявления террористической деятельности, рассмотреть терроризм как целостный феномен, как социокультурный кризис и разработать адекватные антикризисные управленческие технологии. Однако и термин «кризис» в этом контексте требует прояснения смысла.

Его этимология восходит к греческому слову *krisis*, означавшему суд, разбирательство, вынесение приговора, решения. Исходя из этого значения термина, кризис следует понимать как социальную ситуацию, требующую разбирательства и решения по неотложному и важному делу, как нарушение стабильности, равновесия и как способ перехода к новому равновесному состоянию общества, как угрозу существованию системы, а преодоление кризиса — как устранение угрозы и сохранение системы. Таким образом, цель антикризисного управления — повысить безопасность системы. Традиционно в политике безопасность рассматривалась как область деятельности государства, укрепляющего собственную безопасность силовым давлением и угрозами безопасности других государств. В современных условиях подобная политика теряет смысл и более того сама становится фактором риска, провоцирующим акты терроризма. Становится очевидным, что бе-

зопасность отдельной страны достижима только в пределах и масштабах коллективной безопасности и стабильности, достижение которой возможно путем диалога, сотрудничества. Основным содержанием антитеррористического управленческого проекта становится профилактика конфликтов, а теоретической основой управленческих технологий — концепция безопасности на основе сотрудничества.

Масштаб террористической угрозы не сводится к конкретным действиям террористов, а является вызовом самому демократическому порядку, либеральным ценностям, государственному устройству современного общества, его основным достижениям. Угроза терроризма повышает напряженность в обществе, снижает уровень доверия, провоцирует тоталитаристские методы управления, затрудняет диалог общества и государства. В силу этого развитие гражданского общества, создание условий для самостоятельного решения гражданами многих социальных и экономических вопросов, четкое осознание перспектив и чувство уверенности в будущем — существенно снизят социальную напряженность и террористическую угрозу.

Опыт внедрения в Свердловской области программы профилактики терроризма и экстремизма

П. М. Сюкасов¹

Выполняя решение Национального антитеррористического комитета, в декабре 2007 года в Свердловской области была принята региональная программа профилактики терроризма и экстремизма.

В программу включены мероприятия по совершенствованию антитеррористической защищенности потенциально опасных объектов, объектов жизнеобеспечения, расположенных на территории Свердловской области, по обеспечению общественного порядка и профилактики правонарушений экстремистского характера, мероприятия направленные на поддержку традиционных религиозных конфессий, развитие национальных культур, активизацию информационно-пропагандистской работы.

Главной целью программы является координация всех сил и средств по профилактике терроризма и экстремизма в целях обеспечения безопасности граждан, концентрация усилий органов государственной власти, органов местного самоуправления, правоохранительных и других структур на решение задач усиления законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Свердловской области.

Реализация программы профилактики терроризма и экстремизма на территории Свердловской области призвана:

- обеспечить создание единой комплексной системы социальной профилактики терроризма и экстремизма в области;
- создать необходимых условий для снижения общего уровня преступности и минимизации последствий ее проявлений;
- повысить уровень антитеррористической защищенности населения и объектов на территории Свердловской области;
- повысить доверие общества к правоохранительным органам;
- привлечь государственные институты и общественные организации к решению проблем противодействия терроризму и экстремизму;

¹Заместитель директора департамента административных органов Губернатора Свердловской области — начальник управления по обеспечению деятельности антитеррористической комиссии в Свердловской области.

- повысить правовую культуру населения и должностных лиц;
- создать более эффективные условия для деятельности правоохранительных органов по противодействию терроризму и экстремизму.

Неотъемлемой частью комплекса мероприятий по профилактике терроризма и экстремизма являются меры по антитеррористической защищенности потенциально опасных объектов, объектов жизнеобеспечения и мест массового скопления людей.

Ведущая роль по координации деятельности на территории Свердловской области территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов государственной власти Свердловской области и органов местного самоуправления по профилактике терроризма, повышению уровня защищенности инфраструктуры и населения Свердловской области от террористических проявлений возложена на антитеррористическую комиссию в Свердловской области.

Комиссия изучила состояние антитеррористической и противодиверсионной защищенности ядерно-опасных объектов, провело комплексные обследования объектов данной категории, расположенных на территории пяти муниципальных образований Свердловской области.

Решением комиссии поставлены задачи по устранению выявленных недостатков и направлены обращения по вопросам совершенствования антитеррористической и противодиверсионной защищенности данных объектов в соответствующие федеральные органы.

Во исполнение решения антитеррористической комиссии Министерством промышленности и науки Свердловской области организованы комиссионные проверки объектов хранения и использования взрывчатых материалов. На всех объектах были проверены условия хранения и использования взрывчатых веществ, а также оценена работа, проводимая на предприятиях по предотвращению использования взрывчатых веществ в криминальных и террористических целях.

Антитеррористической комиссией области приняты дополнительные профилактические меры по повышению антитеррористической защищенности, обеспечения безопасности персонала и посетителей на объектах торговли и питания с массовым пребыванием людей.

Комиссией организован мониторинг политических, социально-экономических и иных процессов на территории Свердловской области, оказывающих влияние на ситуацию в сфере противодействия терроризму.

Особое внимание комиссией уделяется состоянию антитеррористической защищенности объектов социально-культурной сферы. По ее решению проведены комплексные обследования объектов образования, расположенных на территории Свердловской области. По всем выявленным нарушениям принимаются действенные меры.

Работа антитеррористической комиссии организована и проводится в тесном взаимодействии с Оперативным штабом в Свердловской области.

Свердловская область — регион со стабильной обстановкой в сфере этноконфессиональных отношений. В области проживают представители более 130 национальностей.

По данным Главного управления Федеральной регистрационной службы по Свердловской области зарегистрировано 618 религиозных организаций, 31 региональное объединение политических партий, 48 этнических общественных объединений и 33 национально-культурные автономии.

Среди общественных объединений, действующих на территории Свердловской области, организаций экстремистской направленности (признанных таковыми судом) не выявлено.

Между тем преступления экстремистского характера фиксируются на территории Свердловской области с 2004 года. Если в 2004 году было зарегистрировано 2 преступления экстремистского характера, то в 2007 году — уже 15.

Сложившееся положение потребовало от органов всех ветвей государственной власти Свердловской области, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в Свердловской области принятия решительных эффективных мер и обеспечения согласованных действий по профилактике экстремизма.

Управлением ФСБ России по Свердловской области во взаимодействии с Главным управлением внутренних дел по Свердловской области в постоянном режиме проводятся мероприятия по выявлению лиц, распространяющих печатную продукцию, аудио-видеоматериалы, направленные на пропаганду фашизма, возбуждение социальной, расовой и религиозной розни, проводятся целенаправленные оперативно-розыскные мероприятия по выявлению, предупреждению, пресечению и расследованию экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций и физических лиц. В целях получения оперативной информации в отношении деятельности экстремистских организаций налажены контакты с лидерами этнических диаспор и общественных организаций. Выработан механизм получения упреждающей информации от данных структур по лицам, склонным к совершению терактов.

Постоянно проводятся мероприятия по установлению лидеров и участников неформальных молодежных объединений. Данная работа проводится с привлечением органов местного самоуправления, Министерства общего и профессионального образования Свердловской области и Департамента по делам молодежи Свердловской области.

Для согласования работы по профилактике экстремизма в Свердловской области создана отдельная комиссия, в которую входят представители территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов государственной власти Свердловской области, представители общественных организаций, средств массовой информации и религиозных конфессий.

В ходе реализации мероприятий программы субъектами противодействия экстремизму создана и регулярно обновляется информационная база этнических общественных объединений Свердловской области, осущес-

ствляется информационный обмен с руководящими органами этих объединений. Разработана и утверждена Концепция региональной национальной политики Свердловской области. Регулярно осуществляется мониторинг реализации Концепции национальной политики Российской Федерации и основных направлений национальной политики Свердловской области.

В постоянном режиме ведется сбор и мониторинг видеоматериалов с проводимых на территории области общественно-политических и культурно-массовых мероприятий; формируется фотомассив лиц, из числа лидеров и активных участников неформальных молодежных объединений, попавших в поле зрения правоохранительных органов; осуществляется мониторинг Интернет-сайтов, используемых лидерами и активистами неформальных молодежных объединений политической направленности и оппозиционными движениями, где размещается информация о намерениях проведения массовых протестных акций. Результаты используются правоохранительными органами Свердловской области для проведения упреждающих и профилактических мероприятий.

Учитывая, что согласно Конституции Российской Федерации и Закону Российской Федерации «О безопасности» субъектами обеспечения общественной безопасности являются как государственные, так и негосударственные органы и организации, руководством Свердловской области в профилактике терроризма и экстремизма задействованы не только возможности органов государственной власти, участвующих в рамках своей компетенции в предупреждении экстремистской и террористической деятельности, но также и негосударственные структуры.

В феврале 2008 года начал свою работу, созданный по предложению Губернатора Свердловской области Э.Э.Россея, областной Межрелигиозный совет, объединивший руководителей традиционных российских религий Среднего Урала. Деятельность Совета позволит повысить эффективность взаимодействия религиозных организаций и власти.

В области работает общественный Совет по толерантности, объединяющий представителей национальных и религиозных организаций, органов государственной и муниципальной власти, ученых.

Кроме воспитательной и разъяснительной работы большим потенциалом антиэкстремистской пропаганды обладает обнародование основных результатов деятельности в сфере профилактики экстремизму.

На областном телевидении выходит программа «Национальное измерение», информирующая общественность о результатах деятельности Консультативного совета, о реализации основных положений национальной политики Свердловской области.

Создан и регулярно обновляется информационно-аналитический портал по проблемам этнополитической ситуации и миграции в Свердловской области.

Поддерживается взаимодействие органов государственной власти с представителями религиозных конфессий и организаций. Заключен ряд соглашений о сотрудничестве между религиозными организациями Российской православной церкви с министерствами социального блока Свердлов-

ской области — образования, здравоохранения, социальной защиты.

В Свердловской области издан сборник документов в помощь государственным и муниципальным служащим «Государство и религия». Среди документов и материалов, относящихся к сфере свободы совести и вероисповедания, а также государственно-церковных отношений, имеется раздел, посвящённый борьбе с экстремизмом. Он содержит федеральное законодательство по противодействию экстремизму, список организаций, признанных Верховным Судом РФ террористическими и запрещённых на территории России, а также федеральный список экстремистских материалов.

Большое внимание в программе уделено нравственному воспитанию молодежи, как эффективному средству профилактики терроризма и экстремизма. В сфере образования введен курс нравственно-этического воспитания для детей, учителей и родителей.

С целью предупреждения проявлений национализма и экстремизма в образовательных учреждениях области проводятся:

- круглые столы по обсуждению проблем экстремизма с приглашением сотрудников милиции;
- научно-практические конференции, единые дни профилактики с привлечением сотрудников милиции общественной безопасности, управлений, отделов внутренних дел.

Для руководителей органов местного самоуправления, преподавателей общеобразовательных учреждений и национально-культурных объединений проведена серия семинаров по проблеме толерантности, взаимодействия с национальными объединениями и профилактики экстремизма.

Для предупреждения попадания детей под влияние экстремистских организаций осуществляется индивидуальное сопровождение выпускников детских домов при поступлении их в учреждения профессионального образования.

В области создана и ведет работу Ассоциация молодежных этнокультурных объединений Свердловской области.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что комплекс мероприятий, предусмотренных региональной программой, способствовал созданию выстроенной системы мер по предупреждению экстремизма и терроризма на территории Свердловской области направленной на:

- своевременное выявление причин и условий, способствующих формированию социальной базы терроризма и экстремизма;
- взаимодействие с общественными объединениями, религиозными организациями, средствами массовой информации и гражданами по вопросам противодействия терроризму и экстремизму;
- оказание информационного и воспитательного влияния на население и отдельные его группы в целях привития иммунитета к идеям терроризма и экстремизма;

- строгий контроль за соблюдением антитеррористической защищенности на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения населения.

Совместная работа государственных и общественных структур, традиционно высокий уровень гражданского мира и согласия обеспечивают отсутствие явных проявлений терроризма и экстремизма в Свердловской области.

Однако нельзя не упомянуть о проблемных вопросах, с которыми сталкиваются все субъекты противодействия терроризму и экстремизму.

По ряду из этих вопросов необходимо принятие решения на федеральном уровне. Антитеррористической комиссией в Свердловской области направлены предложения по совершенствованию федерального законодательства:

1. По вопросам нормативного регулирования организации охраны ряда категорий объектов от противоправных посягательств, и установления государственных стандартов антитеррористической защищенности объектов.
2. По вопросам совершенствования взаимодействия и государственного регулирования в сфере предотвращения использования авиации общего назначения в террористических целях.
3. По организации взаимодействия субъектов антитеррористической деятельности на территориях закрытых административно-территориальных образований.
4. По вопросам повышения антитеррористической и противодиверсионной защищенности объектов изготовления оружия, взрывчатых веществ, мест их хранения.

К вопросу формирования комплексной системы мер профилактики терроризма в странах СНГ

А. З. Уразбаев¹

Как показывает мировая практика, наиболее эффективными мерами предотвращения распространения терроризма и экстремизма являются комплексные профилактические мероприятия с участием государственных органов, общественности, представителей СМИ и религиозных авторитетов.

В то же время участие государственных органов следует понимать не как систему силовых мер со стороны правоохранительных органов и спецслужб, а предупредительно-профилактическую, пропагандистскую работу всех государственных структур по раскрытию сущности всяких форм экстремизма среди населения, ибо «самое сложное . . . — это кропотливая и долговременная работа по ликвидации основ терроризма: радикализма и экстремизма»².

Эта работа заключается прежде всего в выявлении, устранении, нейтрализации, локализации и минимизации воздействия тех факторов, которые либо порождают терроризм и экстремизм, либо ему благоприятствуют. Вне сомнений, что профилактика терроризма должна осуществляться на допреступных стадиях развития негативных процессов, то есть на этапах, когда формируется мотивация противоправного поведения.

При этом общегосударственная система мер профилактики терроризма в странах СНГ должна основываться прежде всего на учете местной специфики, ментальности населения, юридических традициях, прошлого положительного опыта в сфере профилактики преступности.

В данном контексте представляет интерес трехуровневая конструкция общегосударственной системы мер профилактики, предложенная одним из ведущих ученых Российской Федерации в области борьбы с терроризмом, доктором юридических наук В.Е.Петрищевым.³ «Самый масштабный

¹Представитель Республики Казахстан в Антитеррористическом центре СНГ, кандидат юридических наук.

²Жовтис Е.А. Чему должен быть однозначно поставлен заслон — это попыткам использовать терроризм в качестве способа достижения политических целей // Саясат, № 9, сентябрь 2001г., с. 16.

³Проблема создания общегосударственной системы мер профилактики терроризма. В кн.: Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — с. 265–266.

и мощный уровень системы мер профилактики должен быть нацелен на выявление и устранение основных, базисных причин и условий воспроизводства терроризма в стране, к которым относятся достигшие в процессе своего обострения уровня конфликта противоречия в сфере экономики, политики, международных (и межконфессиональных — прим. У.А.З.) отношений, столкновения интересов власти и народа . . .

Важным элементом следующего уровня системы мер профилактики терроризма является организация и осуществление разъяснительной и воспитательной работы с населением, включающей в себя правовой, идеологический, интернациональный, патриотический аспекты». Успех этой работы, отмечает автор, будет зависеть и от уровня эффективности использования в комплексе всех имеющихся возможностей (системы образовательных учреждений, юридического всеобуча, средств массовой информации, духовенства и т. д.), и от степени соответствия идеологии проводимых мероприятий ментальности народа и общественным ожиданиям, и от готовности руководителей страны самим следовать в жизни тем лозунгам, которые декларируются ими для рядового обывателя.

На индивидуальном уровне общегосударственной системы мер профилактики терроризма последние «должны быть предельно адресны и прицельны, так как весьма локальна и сама «мишень» профилактического воздействия». Кроме того, требование особой точности и деликатности при реализации профилактических мер на индивидуальном уровне диктуется еще и тем обстоятельством, что они вступают здесь в непосредственный контакт с правами и свободами личности, которые в демократическом обществе не могут быть нарушены без достаточных на то законных оснований.

В рамках изложенной схемы, на наш взгляд, большую роль в профилактике терроризма могут играть специализированные аналитические структуры. При этом необходимо исходить из того, что терроризм, это не просто конкретная экстремистская группа или коалиция групп, которые нужно уничтожать, а явление, требующее тщательного изучения.

В применении к складывающейся обстановке в Казахстане, в качестве одной из сфер приложения усилий аналитиков следует привести проблемную ситуацию, назревающую в межконфессиональных взаимоотношениях. При этом необходимо отметить, что основным дестабилизирующим фактором в изложенном контексте, является относительная прозрачность границ Казахстана со странами, где имеют место религиозные радикальные движения исламской направленности, что создает реальную угрозу национальной безопасности нашего государства. Усугубляет ситуацию интенсивное прибытие в регион проповедников т. н. идеи «чистого ислама» и коллизиями законодательной базы регулирования этого вопроса.

Кроме того, как отмечают специалисты по исламу, возникшая в религиозной сфере ситуация может привести к размежеванию мусульманских общин по социо- и этнокультурным признакам вследствие региональных и этнических особенностей религиозной ситуации в Казахстане и широкого многообразия религиозной сферы. На современном этапе даже официаль-

ная позиция Духовного управления мусульман Казахстана недостаточно определена. В то же время сама проблема единства и вместе с тем многообразия ислама как социо- и этнокультурной традиции ставит первоочередной задачей определение этнокультурного статуса религии, единой системы и стратегии развития религиозных систем и создание духовной основы общества.

Как показывает практика использования силовых структур центральноазиатских государств, жесткие меры пресечения экстремистских проявлений путем привлечения к уголовной ответственности лиц, причастных к религиозно-экстремистской деятельности, зачастую несут обратный эффект, создавая им имидж мучеников.

Так, на примере наиболее известной и относительно многочисленной из радикальных исламистских группировок на территории Центральной Азии и России — религиозной партии «Хизб-ут-Тахрир», следует отметить, что после признания в Казахстане экстремистской, ее деятельность приобрела конспиративный характер. Функционеры организации, наряду с продолжением пропагандистской работы в южных областях Казахстана, все более проявляют интерес к северным и центральным регионам республики. И, как результат, время от времени в СМИ появляются материалы о задержаниях членов этой партии в Павлодаре, Кокшетау, Караганде, Петропавловске. На нынешнем этапе сторонниками казахстанских ячеек «Хизб-ут-Тахрир» рассматриваются возможные перспективы экспансии в Казахстан исламского образа жизни в случае установления теократической формы правления в какой-либо из стран Центрально-Азиатского региона.

Примечательно, что в отношении данной партии имеет место и следующая точка зрения. Исследователи считают, что на основе глубокого изучения программных и идеологических установок «Хизб-ут-Тахрир» и конкретных примеров ее деятельности напрашивается вывод, что в создании партии активное участие принимали антиисламские круги. Так, видные религиозные деятели исламского мира, как Мухаммад Кутб, Шейх Бин Баз — верховный муфтий Саудовской Аравии, доктор Юсуф Карзави, декан шариатского факультета Омманского национального университета доктор Абдуазиз Хайят, муфтий Мухаммад Содик Мухаммад Юсуф, Х.А.Тураджонзода единодушно утверждают, что «Хизб-ут-Тахрир» создан именно с целью искажения и очернения ислама.

Так, «Партия «Хизб-ут-Тахрир» возникла в 50-е годы XX века, когда в мире началось активное возрождение исламского сознания, а в ряде мусульманских стран (Египет, Ливия, Алжир, Сирия, Пакистан, Ливан, Иордания и др.) именно новые исламские движения возглавили антиколониальную национально-освободительную борьбу. В противовес этому на Западе за короткий период были созданы десятки крупных т. н. «исследовательских центров по изучению ислама», которые в основном предназначались для разработки методов и программ, препятствующих процессу исламского возрождения. «Изучение учредительных документов и агитационной литературы «Хизб-ут-Тахрир» и сравнение их содержания с учением ислама показывают, что тахрировцы преподносят людям новую интерпретацию

ислама. Эта интерпретация далека от истинных исламских источников — Корана и Хадисов Пророка, а также известных тафсиров (комментариев) Корана»⁴.

По мнению Х.А.Тураджонзода, одного из основателей Исламской партии возрождения, бывшего первого вице-премьера правительства Республики Таджикистан — «эта структура должна была одурманивать умы мусульман, не давая им возможности использовать современные достижения цивилизации, а также создать образ ислама, в котором каждый представитель другой религии чувствовал бы реальную угрозу своему жизненному укладу. В ее задачи также входила борьба с независимыми правительствами и умеренными движениями исламского мира. Такой силой, которая соответствует целям врагов ислама, стала «Хизб ут-Тахрир». На сегодняшний день она успешно справляется со своей миссией».

Данные выводы можно было бы активно использовать при проведении контрпропагандистской работы по разложению идеологии экстремистской партии, плюс грамотно проведенная PR-кампания с использованием СМИ, на наш взгляд, серьезно подорвала бы авторитет адептов этой партии.

Резюмируя изложенное следует констатировать, что аксиомой всей предупредительно-профилактической работы является создание комплексной системы мер профилактики терроризма, которая должна удовлетворять требованию универсальности с точки зрения способности адекватно выявлять и реагировать на предпосылки возникновения террористических угроз любой природы, масштаба и динамики. В полной мере оправдывая тезис, озвученный Группой высокого уровня ООН — «Раннее предупреждение эффективно только тогда, когда оно ведет к своевременным превентивным мерам».

⁴Х.А.Тураджонзода «Духовное невежество населения способствует росту экстремизма в республиках Средней Азии», <http://www.ferghana.ru/article.php?id=3059>.

О некоторых исторических аспектах борьбы с терроризмом в современной России

В. С. Шукшин¹

Терроризм давно сопровождает развитие человеческой цивилизации. Однако на рубеже XX–XXI веков в мире произошло наибольшее число террористических актов и от их последствий пострадало наибольшее число людей. Это обстоятельство заставило многие государства всерьез задуматься над выработкой эффективных мер противодействия терроризму. Наиболее высокой и реальной террористической угрозой в различных странах мира подвергаются их столицы и крупные города. Так все мы помним террористический акт 11 сентября 2000 года в Нью-Йорке, который заставил, наконец, объединить усилия мирового сообщества в борьбе с террором.

К сожалению, и у Москвы есть собственный печальный опыт. Нашему городу пришлось пережить ряд трагедий, причиной которых были террористические акты. За последние 12 лет в Москве произошло 14 террористических актов, в результате которых погибло 454 человека, более 700 получили ранения.

В списке кровавых дел террористов числятся взрывы жилых домов на Каширском шоссе и на улице Гурьянова в 1999 году, захват заложников в театральном центре на Дубровке в 2002 году, взрывы в метро и у гостиницы «Националь» в 2003–2004 годах.

Возникает закономерный вопрос, почему Москва, как и другие столицы, является привлекательным объектом для нападения террористов?

Во-первых, Москва является центром финансовой, политической активности и культурной жизни страны. Она испытывает колоссальные миграционные нагрузки, имеет тесные межрегиональные и международные связи. В нашем городе проживает более 6,5% населения государства и сосредоточено свыше 2500 промышленных предприятий, большое количество финансово-кредитных учреждений, около 4 тыс. образовательных учреждений, свыше 3000 объектов культуры.

Во-вторых, обладая статусом столицы Российской Федерации, Москва выполняет специфические функции. На ее территории расположены федеральные органы государственной власти России, нормальную деятельность которых обеспечивает город. В Москве располагаются представительства,

¹Заместитель руководителя аппарата Мэра и Правительства г. Москвы, руководитель аппарата АТК, доктор политических наук.

в том числе посольства, всех государств, с которыми у Российской Федерации существуют дипломатические отношения.

В городе проводятся мероприятия общероссийского и международного уровней, осуществляется прием иностранных делегаций. Москва является символом и визитной карточкой Российской Федерации.

Анализ показывает, что именно эти обстоятельства являлись для террористов решающими при выборе Москвы как объекта нападения.

В этом смысле большинство существующих террористических угроз для Москвы имеет внешние источники.

Исследование характера и времени совершения террористических актов в России и в столице позволяет достаточно четко установить их связь с событиями в Северо-Кавказском регионе.

Практически все террористические акции в столице состоялись именно тогда, когда их организаторы терпели поражение и в силу этого утрачивали политическую самостоятельность, внутрикавказское и международное влияние.

Наиболее крупные террористические акты были непосредственно связаны с поражениями чеченских сепаратистов и созданием для них безвыходного положения, как в первую, так и во вторую кампанию по их ликвидации.

Так, террористический акт, связанный с захватом Буденновска боевиками Ш.Басаева произошел в то время, когда федеральные силы успешно завершали операцию «Багульник», связанную с уничтожением боевиков в предгорной части республики и локализацией наиболее крупных банд в горной её части.

Причины взрывов, которые были совершены в этот период в Москве, можно добавить в ту же логическую цепь.

Начало силовой фазы разрешения конфликта, а потом успехи в ходе операции федеральных сил по уничтожению бандитов в горной части Чеченской Республики во многом совпадают по времени с перечисленными акциями устрашения.

Террористические акты конца 1999, начала 2000 годов непосредственно связаны с крахом сепаратистских устремлений одиозных лидеров Чечни, их экстремистских замыслов в Дагестане. Так террористы осуществили взрывы в торговом комплексе «Охотный ряд», домов на улице Гурьянова и Каширском шоссе, в подземном переходе на Пушкинской площади, а также в Волгодонске и Буйнакске.

Особый почерк взрывов жилых домов в этот период в России имеет непосредственную связь с появлением в рядах ваххабитов арабских наемников Амира Хаттаба и Абу Умара, за плечами которых был кровавый опыт терактов в американских посольствах в Кении и Танзании в 1998 году.

Способ применения бандитами «живых бомб» в Москве в многолюдных местах, метрополитене, авиалайнерах становится закономерным с появлением в их рядах еще одного арабского наемника Абу Аль Валида, не раз осуществившего подобные попытки устрашения людей в других странах.

Во многих террористических актах наблюдается один и тот же почерк «Аль-Каиды», что несомненно свидетельствует о тесных связях российских террористов с международными террористическими организациями.

Не вызывает сомнения, что большинство террористических актов в столице связаны и именами А.Масхадова, Шамиля и Ширвани Басаевых и некоторых других, менее известных полевых командиров. В тот период, когда боевикам грозил полный разгром, а за ним — прекращение финансирования зарубежными спонсорами, они прибегали именно к способу террора.

Исторический опыт показывает, что за любыми террористическими актами всегда стоят вполне конкретные лица, пытающиеся добиться не менее конкретных целей. Это не только современные события. Достаточно вспомнить по нашей послереволюционной истории «белый террор», «красный террор». Аналогичный вывод напрашивается и по другим террористическим актам в стране.

Изучение проблем борьбы с терроризмом совершенно неожиданно привело к выводу о том, что даже после всего, что произошло в постсоветской России, мы знаем далеко не все о событиях прошлого, которые имеют неожиданное продолжение в современности. Поэтому курс Президента России на восстановление объективной истории страны, освобождение от фальсификаций далеко не случаен.

Так в 2007 году специалистам удалось обнаружить в документах Центрального архива внутренних войск МВД России планы подготовки города Грозного к обороне в 1942 году городским комитетом обороны. Объем их велик и впечатляющ: от проектно-сметной документации, протоколов заседания городского комитета обороны до отчетов о готовности, фотографий готовых оборонительных сооружений.

Удивляет то, что информация о Грозненском особом оборонительном районе, а он назывался именно так, отсутствует во всей послевоенной отечественной библиографии до настоящего времени. И это несмотря на то, что город, имевший в те тяжелые для страны дни стратегическое значение, готовился к отражению противника по всем правилам военного искусства. На всех возможных направлениях появления противника система обороны создавалась с учетом местности и условий: внешний и внутренний оборонительные рубежи, система огневого поражения. Документы исполнялись в 4–5 экземплярах. Один из них, возможно даже первый, должен был остаться в Грозненском городском или республиканском архиве, как в месте его исполнения.

Внимательно изучив найденный план обороны Грозного и наложив его на планы обороны города, составленные в 1994–1995 годах под руководством тогдашнего лидера чеченских сепаратистов Д. Дудаева, военные эксперты пришли к заключению о поразительном их совпадении по всем главным направлениям.

Вывод о том, что боевики воспользовались планами обороны периода Великой Отечественной войны, подтверждается мнением офицеров, участников штурма Грозного: в штабе А.Масхадова на площади Минутка в феврале 1995 года были обнаружены фрагменты документов 1942 года. О пра-

вомерности такого вывода свидетельствуют и космические снимки местности, расположенной вдоль железнодорожного полотна у реки Сунжа. Следовательно, огневой мешок, который в 1942 году готовился для гитлеровцев, был воспроизведен дудаевцами, и в нем оказалась 131 Майкопская бригада.

По каким причинам могло случиться, что боевики воспользовались прошлым опытом, а мы о нем совершенно не знали до 2007 года?

Проведенные исследования показали, что подготовку обороны Кавказа в годы Великой Отечественной войны курировал член Государственного комитета обороны Лаврентий Берия.

После ухода с политической арены и расстрела его имя и большинство исторической информации, связанной с ним, было изъято из архивов, книг и энциклопедий.

Обратите внимание, даже в современном перечне дней Воинской славы почему-то отсутствует Битва за Кавказ. Искажение нашего прошлого учеными, в том числе и обществоведами, имеет далеко идущие последствия.

К сожалению, это далеко не единичный случай в событиях прошлого на Кавказе, которые имеют самое непосредственное отношение к формированию толерантности.

Сейчас можно утверждать, что некоторые решения современных политиков сыграли определенную подстрекательскую роль в обострении отношений между народами. Именно таким выглядит извинение Президента России Ельцина Б.Н. перед чеченским и ингушским народами в пятидесятью годовщину депортации, переданное по каналам центрального телевидения. При этом были искажены причины и военная необходимость депортации некоторых народов Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны. Было совершенно забыто, что это происходило в военное время.

Очень часто политики, журналисты и аналитики предъявляют претензии к деятельности спецслужб по противодействию террористическим актам. Не отказываясь признать допущенные силами безопасности ошибки, скажу следующее.

К обычным, уже традиционным ответам на эту тему следует добавить также несколько малоизвестных штрихов, которые, возможно, стали определяющими.

Во-первых, следует учитывать, что далеко не всегда имеющаяся информация спецслужб реализуется на практике. В конечном счете решение остается за политическим руководством, которое вправе принимать или не принимать предложения спецслужб.

Во-вторых, с началом «хрущевской оттепели», введением партийного контроля за деятельностью КГБ, МВД, усилением кадров указанных структур за счет партийной номенклатуры, со временем, произошло качественное изменение в руководящем аппарате.

Все чаще на руководящей работе в органах КГБ, МВД оказывались люди с хорошим стажем партийной работы, так называемые «аппаратчики». Все это в конечном итоге приводило к тому, что руководящие кадры МВД, КГБ не могли в кризисных ситуациях быть старшими оперативными

начальниками. Они не были готовы управлять в экстремальной ситуации значительным количеством специфических сил и средств.

Также в 90-е годы по причине низкой заработной платы, задержке выплат, значительное количество лучших сотрудников покинуло ряды чекистов. Не случайно пик террористических актов в стране приходился на девяностые годы — период становления этих структур в новом качестве.

В заключении, используя трибуну этого высокого научного форума, хотелось бы акцентировать внимание ученых на одной важнейшей проблеме в борьбе с терроризмом — разрушении его идеологической основы. Всего того, что оправдывает в глазах некоторых наших сограждан тягчайшее преступление, коим является террор.

У меня в руках находится несколько листовок, которые боевики активно использовали и продолжают использовать для формирования общественного мнения в кавказских республиках и привлечения сторонников.

Позвольте зачитать абзац из листовки-обращения к ногайскому народу боевиков-ваххабитов в 2001 году из Аргунского ущелья: «Как пример мы хотим привести прошлую славную историю Ногайского народа. Когда у него была обширная территория, которая простиралась от Азова до Урала, границы которой проходили на подступах Киевских, Московских княжеств.

Когда существовало государство под названием «Малая орда». Когда нашим предкам в течении 300 лет Московские и другие русские княжества платили джизью в униженном виде /джизья — это подушный налог, дань, который берется с тех народов, которые отказались принять Ислам.

В униженном виде имеется виду то, что русские князья платили джизью наклонившись и низко опустив голову, в другом виде джизья не принималась. Вспомните то далекое время, когда Москва два раза в униженном виде на своих улицах принимала Ногайцев, как воинов Аллаха за то, что Московские князья нарушили договор».

Эта выдержка наглядно свидетельствует о том, на каких исторических и религиозных ценностях воспитывалось население, прежде всего молодежь, некоторых районов нашей страны, которое в руках амбициозных лидеров превращалось в послушные «живые бомбы», без тени сомнения брало в заложники сотни человек на Дубровке и в Беслане.

Без победы в борьбе за умы и души россиян с терроризмом мы не справимся.